ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИ ЖУРНАЛ

№ 1-2

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1931

СОДЕРЖАНИЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

Пролетарии всех стран, соединяйт

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ | № 1—2 | 19

СОДЕРЖАНИЕ.

К вопросу о диалектике нэпа.

I.

Практика социалистического строительства в стране диктатуры про. тариата делает ни с чем не сравнимые по своему масштабу, об'ему, хара теру и значению успехи. Мы переживаем исключительную по своей динами ности эпоху. На протяжении небольших исторических периодов, в чрезв чайно краткие сроки, буквально на протяжении месяцев у нас происход сдвиги, имеющие всемирно-историческое значение. С невиданной быстрот меняется лицо нашей страны, одной шестой земного шара. Мы с кажд днем превращаемся во все более мощную индустриализированную страну самой передовой техникой. Материальный фундамент социализма развивает и растет с каждым днем. Днепропетровский комбинат, Урало-Кузбасск комбинат, ангаро-енисейская энергетическая база, самые крупные и сам передовые в мире формы машинизированного сельского хозяйства в виде н ших совхозов-гигантов, подход к организованному планированию науки научного исследования,—все это показатели растущего социалистическо общества.

Идет несравнимый ни с чем процесс перехода широкой лавиной сторону социализма мелкого товаропроизводителя, бедняцкого и середняцк го крестьянства. Жизненность, стойкость и хозяйственные преимущест

колхозного пути ежечасно, ежедневно, в повседневной жизни убеждают самое отсталое крестьянство в необходимости порвать со старым и вступить на путь социалистического развития. Миллионы крестьян под руководством коммунистической партии, авангарда героического пролетариата нашей страны, вступают в колхозы. Ленин говорит о том, что действительная политика начинается там, где речь идет о миллионах. Действительная политика великой социалистической стройки находит свое лучшее выражение в этом миллионном движении масс к бесклассовому обществу, к коммунизму. Ломка старых устоев, громадная по своим масштабам переделка миллионных масс крестьянства отнюдь не является мирным, безболезненным процессом. Ожесточенная классовая борьба, борьба не на жизнь, а на смерть, развертывается вокруг каждого шага вперед социалистического строительства как в городе, так и особенно в деревне. Ликвидируемое как класс на базе развития сплошной коллективизации кулачество оказывает неимоверное сопротивление, выявляя исключительную изворотливость, применяя самые тонкие формы сопротивления и удержания под своим влиянием крестьянских масс, сочетая дикие, средневековые, озверелые азиатские формы борьбы против социализма с самыми утонченными формами приспособления.

В меру и в соответствии с этими успехами социализма по стране происходит мощная культурная революция, уничтожающая в обстановке обостренной классовой борьбы вековую отсталость, невежество, забитость миллионных масс. Самым характерным в этом процессе борьбы за культуру является то, что это стало повседневным делом самих трудящихся масс. Культпоходы, культэстафеты, широчайшая работа по ликвидации неграмотности в массовом масштабе, поход за овладение техникой и т. д. и т. п.,— все это развертывается как массовые процессы, как встречные друг другу движения и сверху и снизу, при чем практика массового движения находит наилучшие формы их реализации.

Одним из наиболее ярких показателей того, что мы «протащили социализм в повседневную жизнь» является исключительное р а з в и т и е к о м м у н и с т и ч е с к и х ф о р м т р у д а. Социалистическое соревнование, ударничество, встречный промфинплан, общественный буксир и т. д. — это несомненно процессы, имеющие с точки зрения классовой борьбы, борьбы за коммунизм, мировое значение. Эти процессы, совершенно недостаточно осмысливаемые, изучаемые и освещаемые в нашей печати, выражают в наиболее яркой форме процесс нашего движения к социализму.

Великие противоположности капиталистического способа производства, противоречия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, непосредственно начали сейчас изживаться и уничтожаться. В крайне своеобразных формах наметились эти процессы, но в том, что они происходят сейчас и происходят довольно быстрым темпом, не может быть никаких сомнений.

Резолюция декабрьского (1930 г.) пленума Центрального комитета нашей партии дает следующую концентрированную характеристику современного этапа развития пролетарской революции: «Наша страна

где социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве, вступила в период социализма. Наступающий 1931 г. будет годом новых достижений, новых крупнейших успехов социализма в его борьбе с капитализмом. Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистических элементов над индивидуальным сектором в деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР. Это будет победа всемирно-исторического значения».

Эта сжатая характеристика современного этапа, говорящая больше, чем десятки томов, представляет собой исключительное применение метода диалектического материализма. Эта характеристика дает наилучший анализ своеобразия, специфичности данной обстановки, данных условий, анализ развития классовых отношений и сдвигов, как они происходят на данном отрезке времени, и вместе с тем анализ перспектив, форм нашего движения вперед, к бесклассовому обществу, к коммунизму. Насыщенность этой характеристики отражает всю сложность современного этапа развития, всю многогранность его сторон и отношений, отражает гигантские успехи социалистического строительства, бурные темпы движения, трудности этого развития, обостренную классовую борьбу и необходимость максимальной мобилизации творческих сил рабочего класса на преодоление этих трудностей. Эта характеристика современного этапа включает в себя точную директиву, ясный лозунг, четкую задачу — построение фундамента социалистической экономики к концу третьего, решающего года пятилетки,—не могущую не вызвать новой мощной волны творческого энтузиазма пролетариата и трудящихся. Выполнение хозяйственных задач текущего года будет означать выполнение важнейших и решающих элементов «грандиозного плана работ по строительству социализма — пятилетнего плана».

Эти успехи и перспективы представляют собой лучший практический критерий правильности генеральной линии партии и лучший окончательный исторический приговор над троцкизмом, скатившимся в болото контрреволюционного меньшевизма, и над правым оппортунизмом, представляющим собой агентуру кулацкой идеологии, агентуру ликвидируемого как класс кулачества. Эти успехи, достигнутые нашей партией под знаменем марксизма-ленинизма, представляют собой прекрасное доказательство мощности нашего теоретического оружия, превращающего политику в науку, дающего нам возможность «изменять мир» с полной уверенностью в победе.

II.

Наше вступление в период социализма совпадает примерно с X годовщиной нэпа. Новая экономическая политика, или в сокращенном виде нэп, представляет собой чрезвычайно важный момент для понимания стратегии и тактики большевизма в эпоху диктатуры пролетариата. На основе нэпа нашей партией проделан исключительно большой, исключительно сложный путь развития. В условиях нэпа партия проделала путь восстановления раз-

рушенного империалистической и гражданской войной народного хозяйства, теперь проделывает путь социалистической реконструкции хозяйства, находится в полосе развернутого наступления социализма по всему фронту. Можно сказать, что все партийные оппозиции за истекшее 10-летие, их развитие, переход троцкизма в контрреволюционный лагерь,— все они связаны в известном смысле с непониманием природы нэпа, с извращением ленинской его трактовки. Развитие, проделанное страной пролетарской диктатуры в условиях нэпа,— большой сложный диалектический процесс. Нэп на определенных этапах своего развития менял и меняет свое содержание, нэп диалектически развивался и развивается. При введении нэпа Ленин в своем докладе на X с'езде партии подчеркивал, что в стране, где громадное большинство населения — мелкие земледельцы-производители, требуется ряд особых п е р е х о д н ы х м е р, которые могли бы обеспечить победу социализма. Переход от продразверстки к продналогу, переход к новой экономической политике означал переход от военного союза с основными массами крестьянства к экономическому союзу с ними, переход от попыток «штурмовым», т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным способом перейти к социалистическим основам производства и распределения, к «осаде», связанной с очень трудными и неприятными задачами, связанной с целым рядом отступлений.

Ленин писал: «Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства, в условиях неслыханно-трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: н е н е п о с р е д с т в е н н о е с о ц и а л и с т и ч е с к о е с т р о и т е л ь с т в о, а о т с т у п л е н и е... ... не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма».

Итак, нэп, по словам Ильича, на первых порах означал известное отступление от непосредственного строительства социализма, переход к другим методам работы для подготовки дальнейшего продвижения вперед. Чрезвычайно интересен в этом отношении план доклада Ленина о замене продразверстки продналогом, опубликованный в «Правде» от 21 марта. В своем плане Ленин ставит вопрос: чем можно э к о н о м и ч е с к и удовлетворить среднее крестьянство, мелкого товаропроизводителя?

И отвечает: «а) свобода о б о р о т а, свобода торговли (=свобода капитализма);

б) достать т о в а р ы для этого».

Ленин ставит далее перед собой вопрос, непосредственно вытекающий из решения первого, а именно: что это — «назад к капитализму»? И Ленин в своем плане отвечает, что никакого возвращения к капитализму нет и не должно быть, и далее идет исключительно глубокое об'яснение смысла, характера отступления. Он пишет: «слишком поспешный, прямолинейный, не-

подготовленный «коммунизм» наш вызывался войной и невозможностью ни достать товаров, ни пустить фабрики». Означает ли это вообще крах коммунизма и возврат к капитализму? Значит ли, что форма военного коммунизма вообще есть единственная форма возможного перехода к социализму? Конечно нет. «Есть еще, — пишет Ленин, — целый ряд возможных переходов».

Это последнее место чрезвычайно интересно. При всех «возможных переходах» надо, по Ленину, нашей партии сохранить последовательное проведение партийной линии, борьбы за коммунизм, за переход к бесклассовому обществу. Основная задача при постановке вопроса об отступлении, по Ленину, состоит в том, чтобы не разорвать цепь развития, не порвать последовательного развития в сторону социализма.

Нэп означал отступление в указанном выше смысле слова, перегруппировку сил и переход в наступление, и затем в развернутое наступление социализма по всему фронту. Тот, кто стал бы рассматривать нэп, как некую застывшую форму с неким неизмененным содержанием, тот очень глубоко ошибся бы. Содержание нэпа изменялось, развивалось. Возможность и необходимость его развития, и притом развития в определенном направлении, были обусловлены той самой основной установкой Ленина, которая рассмотрена выше, которая сводится к тому, чтоб не разорвать цепь, «веревку», линию нашего движения к коммунизму. Нэп, как отступление, диалектически перешел в нэп, как наступление. Нэп, как переход от штурма к осаде, от непосредственного строительства социализма к целому ряду переходных мероприятий превратился теперь в нэп как непосредственное строительство социализма, как развернутое наступление социализма по всему фронту.

Вот этой диалектически противоречивой природы нэпа, вот этой основы наших стратегических маневров, заключавшихся в том, чтобы «отступить для того, чтобы сильнее прыгнуть», в том, чтоб экономически удовлетворить среднее крестьянство для того, чтоб подвести его к повороту в сторону социализма, допустить известную свободу капитализма и рост капиталистических элементов для того, чтоб еще сильнее вырос социалистический сектор народного хозяйства, использовать капитализм для того, чтоб нам самим накопить силы для его уничтожения, — вот этой природы нэпа не поняли ни троцкисты, ни зиновьевско-троцкистская оппозиция, ни правый оппортунизм.

Ленин в своей статье «Разногласия в европейском рабочем движении» писал: «прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания, его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, об'являющие взаимоисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции, подобно как жизнь и развитие в природе включает в себя медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности».

рушенного империалистической и гражданской войной народного хозяйства, теперь проделывает путь социалистической реконструкции хозяйства, находится в полосе развернутого наступления социализма по всему фронту. Можно сказать, что все партийные оппозиции за истекшее 10-летие, их развитие, переход троцкизма в контрреволюционный лагерь,— все они связаны в известном смысле с непониманием природы нэпа, с извращением ленинской его трактовки. Развитие, проделанное страной пролетарской диктатуры в условиях нэпа,— большой сложный диалектический процесс. Нэп на определенных этапах своего развития менял и меняет свое содержание, нэп диалектически развивался и развивается. При введении нэпа Ленин в своем докладе на X с'езде партии подчеркивал, что в стране, где громадное большинство населения — мелкие земледельцы-производители, требуется ряд особых переходных мер, которые могли бы обеспечить победу социализма. Переход от продразверстки к продналогу, переход к новой экономической политике означал переход от военного союза с основными массами крестьянства к экономическому союзу с ними, переход от попыток «штурмовым», т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным способом перейти к социалистическим основам производства и распределения, к «осаде», связанной с очень трудными и неприятными задачами, связанной с целым рядом отступлений.

Ленин писал: «Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства, в условиях неслыханно-трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление... ... не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма».

Итак, нэп, по словам Ильича, на первых порах означал известное отступление от непосредственного строительства социализма, переход к другим методам работы для подготовки дальнейшего продвижения вперед. Чрезвычайно интересен в этом отношении план доклада Ленина о замене продразверстки продналогом, опубликованный в «Правде» от 21 марта. В своем плане Ленин ставит вопрос: чем можно экономически удовлетворить среднее крестьянство, мелкого товаропроизводителя?

И отвечает: «а) свобода оборота, свобода торговли (=свобода капитализма);

б) достать товары для этого».

Ленин ставит далее перед собой вопрос, непосредственно вытекающий из решения первого, а именно: что это — «назад к капитализму»? И Ленин в своем плане отвечает, что никакого возвращения к капитализму нет и не должно быть, и далее идет исключительно глубокое об'яснение смысла, характера отступления. Он пишет: «слишком поспешный, прямолинейный, не-

подготовленный «коммунизм» наш вызывался войной и невозможностью ни достать товаров, ни пустить фабрики». Означает ли это вообще крах коммунизма и возврат к капитализму? Значит ли, что форма военного коммунизма вообще есть единственная форма возможного перехода к социализму? Конечно нет. «Есть еще, — пишет Ленин, — целый ряд возможных переходов».

Это последнее место чрезвычайно интересно. При всех «возможных переходах» надо, по Ленину, нашей партии сохранить последовательное проведение партийной линии, борьбы за коммунизм, за переход к бесклассовому обществу. Основная задача при постановке вопроса об отступлении, по Ленину, состоит в том, чтобы не разорвать цепь развития, не порвать последовательного развития в сторону социализма.

Нэп означал отступление в указанном выше смысле слова, перегруппировку сил и переход в наступление, и затем в развернутое наступление социализма по всему фронту. Тот, кто стал бы рассматривать нэп, как некую застывшую форму с неким неизмененным содержанием, тот очень глубоко ошибся бы. Содержание нэпа изменялось, развивалось. Возможность и необходимость его развития, и притом развития в определенном направлении, были обусловлены той самой основной установкой Ленина, которая рассмотрена выше, которая сводится к тому, чтоб не разорвать цепь, «веревку», линию нашего движения к коммунизму. Нэп, как отступление, диалектически перешел в нэп, как наступление. Нэп, как переход от штурма к осаде, от непосредственного строительства социализма к целому ряду переходных мероприятий превратился теперь в нэп как непосредственное строительство социализма, как развернутое наступление социализма по всему фронту.

Вот этой диалектически противоречивой природы нэпа, вот этой основы наших стратегических маневров, заключавшихся в том, чтобы «отступить для того, чтобы сильнее прыгнуть», в том, чтоб экономически удовлетворить среднее крестьянство для того, чтоб подвести его к повороту в сторону социализма, допустить известную свободу капитализма и рост капиталистических элементов для того, чтоб еще сильнее вырос социалистический сектор народного хозяйства, использовать капитализм для того, чтоб нам самим накопить силы для его уничтожения, — вот этой природы нэпа не поняли ни троцкисты, ни зиновьевско-троцкистская оппозиция, ни правый оппортунизм.

Ленин в своей статье «Разногласия в европейском рабочем движении» писал: «прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания, его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, об'являющие взаимоисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции, подобно как жизнь и развитие в природе включает в себя медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности».

Троцкистско-зиновьевская оппозиция схватилась за одну сторону первоначального периода нэпа, одну черту, составляющую особенность определенного периода, одну сторону, заключавшую в себе элементы отступления, — и увековечила эту сторону, расписавшись в полном непонимании, в извращении материалистической диалектики. Она стала рассматривать нэп только как отступление.

Правый оппортунизм увековечивает другую сторону нэпа, свободу торговли, свободу капитализма. Он не рассматривает нэп как отступление, но он и не понимает того обстоятельства, что нэп превращается в развернутое наступление по всему фронту. Он исходит из того, что чем дальше, тем больше развитие пойдет по линии притупления классовой борьбы, мирного врастания кулака в социализм и т. д. и т. п.

В отношении к философским проблемам Ленин давал очень глубокую и интересную постановку вопросов. Он говорил: «Познание человека не есть (не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)».

Политическое и экономическое развитие также не идет по прямой линии. Это очень сложный, многогранный процесс, представляющий собой чрезвычайно многообразные сочетания различных черт, сторон, моментов и т. д. Для людей, не владеющих марксистско-ленинской диалектикой, свойственно хвататься за отдельный обрывок, кусочек этой линии, односторонне превращать его в самостоятельное целое, создавать на этом основании целую концепцию, которую уже неизбежно в политике использует и закрепит наш классовый враг.

Вот что писал тов. Сталин о бухаринской не диалектической, метафизической односторонности в вопросе о нэпе: «Ошибка тов. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двухсторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Эту сторону дела тов. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но тов. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа».

Тов. Бухарин превратил односторонне один из признаков нэпа во всесторонний, исказил действительное противоречивое развитие. Такое понимание нэпа привело его к совершенно неправильному ревизионистскому при-

ставлению о пути нашего движения к социализму, о взаимоотношении классов в переходный период.

Для понимания внутренней диалектики нашего развития на основе нэпа имеет исключительно важное значение изучение того теоретического богатства, которое имеется по этому вопросу у т. Сталина. Вот одно из важнейших мест, в котором он характеризует внутреннюю диалектику нэпа: «Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономии». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что благодаря диалектике нашего развития функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка т. Сокольникова состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов».

Диалектика нашего развития состояла и состоит в том, что в условиях нэпа мы прибегаем к «методам и оружию буржуазии» в деле хозяйственного управления, руководства и т. д., однако эти методы и это оружие, поскольку обеспечена руководящая роль пролетариата, поскольку обеспечена генеральная линия партии в ее борьбе за социализм, поскольку эти методы и это оружие употребляются в условиях диктатуры пролетариата и самой диктатурой пролетариата — постольку они превращаются в методы и оружие против буржуазии.

Только оружие материалистической диалектики дает возможность правильно понимать путь нашего развития в условиях нэпа, внутренне-противоречивый характер этого развития. Именно диалектика марксизма-ленинизма, которой так владеет т. Сталин, дала возможность нашей партии выделить, выпятить руководящую основу противоречивого развития в условиях нэпа, за внешней поверхностью событий, за их нэповской «кажимостью»—видеть подлинный рост социализма, дающий возможность превратить «Россию нэповскую в Россию социалистическую».

В своей статье «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке т. Троцкого» (т. XVIII, ч. 1-я) Ленин, характеризуя противоречивость развития в условиях диктатуры пролетариата, ставит очень интересный с точки зрения понимания диалектики, с точки зрения понимания активной, руководящей роли партии в историческом развитии вопрос. Он пишет: «Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное в нашей революции за три

и три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности».

Ленин писал это во время профсоюзной дискуссии до введения нэпа. Введение и политика нэпа — один из величайших образцов такого практического соединения противоположностей в политике на основе марксистской теории, такого соединения капитализма и социализма, которое обеспечивает победу одной из противоположностей,—победу социализма. Наша партия под руководством т. Сталина, вооруженная марксистско-ленинской диалектикой, практически в условиях нэпа сочетала противоположности таким образом, что мы добились крупнейших успехов в пользу социализма и достраиваем фундамент социалистической экономики. В этой же статье Ленин писал: «Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония». Партия наша в условиях нэпа так сочетала известное развитие капитализма с ростом социализма, что получилась богатейшая симфония социалистического строительства.

Для всякого рода метафизиков, для суб'ективиста, волюнтариста и механиста Троцкого, для эклектика и «цитатмахера» т. Зиновьева, для эклектика-механиста т. Бухарина и т. д. эта «хитрая» диалектика нэпа оказалась не под силу. Необходимость практически «соединить противоположности», да соединить их таким образом, чтоб обеспечить победу социализма, для антидиалектических методологических установок недостижима. Одни стали рассматривать нэп как капитализм, другие — только как отступление, третьи — только как свободу торговли и как свободу капитализма, и т. д.

Наиболее последовательное в духе ленинизма понимание нэпа было дано в работах т. Сталина. Если проследить все формулировки, все основные положения т. Сталина о нэпе, начиная с 1924 г. после смерти Ильича,—то мы увидим исключительно богатое содержание, исключительно глубокое применение материалистической диалектики к оценке различных этапов в развитии нэпа. Ни механического перенесения задач из одного этапа нэпа в другой, ни «логических» прыжков через неизжитые ступени в его продвижении, исключительное умение ставить задачи, выдвигать лозунги, как раз соответствующие данным специфическим этапам в развитии нэпа, смелое и решительное выдвижение новых вопросов и проблем, когда данный этап изжит и надо переходить к новому этапу,— вот это теоретическое богатство, данное в важнейшем вопросе пролетарской революции.

Вот классическая, исчерпывающая постановка вопроса, бьющая по всякой рассмотренной выше односторонности, берущая вопрос в его многосторонности, но кладущая в основу определяющее развитие в направлении к коммунизму, данная т. Сталиным: «Нэп»,— писал он,— есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не

понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма».

Кто не понимает того, что в этой формулировке тов. Сталина дана глубокая, материалистическо-диалектическая трактовка нэпа, тот ничего не понимает. На этих образцах применения материалистической диалектики надо учиться, на них мы должны изучать, как политика благодаря применению диалектики становится **наукой**. В этой сжатой формулировке тов. Сталин вскрывает внутренние противоречия нэпа, его двойственную переходную природу. Однако мы не имеем простого «об'ективного» констатирования двойственности, противоречивости нэпа. Нет. Мы имеем здесь **выделение** в этой двойственности, в этих внутренних противоречиях **основы, ведущей и определяющей**. Мы имеем как раз сохранение и развитие той **основной цели**, «веревки», о которой писал Ленин, цели развития к социализму. Мы не имеем здесь об'ективизма в смысле полагания на стихийность развития, на самотек. Нет — тов. Сталин подчеркивает **активную** роль и сторону руководящей силы — пролетариата и его партии. Нэп — это **рассчитанная** политика, **рассчитанная** как на допущение капиталистических элементов, так и рассчитанная на победу социализма.

III.

В своем заключительном слове на XVI с'езде партии тов. Сталин дал следующую характеристику современного этапа пролетарской революции. Он говорил: «Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Такая постановка вопроса, представляющая собой генеральную характеристику современного этапа нашей революции, берется в штыки как со стороны правых оппортунистов, так и со стороны «левых». Особенно неприемлемой эта характеристика оказалась для представителей право-«левацкого» блока Сырцова — Ломинадзе. Этот вопрос является боевым политическим вопросом, вокруг которого в той или иной степени заостряется борьба с генеральной линией партии. В основе такого двоякого вида непонимания или отрицания этой характеристики лежит, если говорить о методологической стороне вопроса, совершенно метафизическое, антидиалектическое представление о характере нашего движения к бесклассовому обществу. Сущность такой метафизики заключается в том, что представляют себе, будто социализм выходит на свет совсем чистеньким и готовеньким, будто нэп и социализм отграничены друг от друга китайской стеной, будто развитие пойдет или должно пойти таким образом, что сегодня кончается нэп, а завтра начинается готовенькое социалистическое общество. Действительность бесконечно «хитрее» такой схематической, антидиалекти-

ческой постановки вопроса. Ленин всегда очень зло издевался над так шаблонным представлением о ходе борьбы за социализм. Он говорил: «Пре ставлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут на т релочке в готовеньком платьице, нельзя,—этого не будет». Действительн ход классовой борьбы, действительный путь развития дает переливы, пе реходы, чрезвычайно сложное, многообразное и своеобразное сочета условий. Чистых явлений,—подчеркивал Владимир Ильич,—в действительн развитии общества и природы не бывает. Своеобразие нашей обстанов с точки зрения соотношения классов и классовой борьбы, с точки зрения со отношения социализма и капитализма, плана и стихии и т. д. и т. п. состо в том, что мы находимся в последнем этапе нэпа, что нэп еще не окончен что одновременно с этим мы уже вступили в период социализма. Для люде не понимающих действительного диалектического развития, это может пок заться совершенно непереносимым противоречием,— как это так, нэп период социализма? Между тем для того, кто вдумается,— как Ленин подх дил к таким вопросам, станет ясно, насколько правильна, точна характер стика тов. Сталина, насколько глубоко тов. Сталин владеет материалист ческой диалектикой. Ленин неоднократно подчеркивал в своих работах, ч надо основательно изучать, как рождается новое общество из стар какие своеобразные переходные формы существуют и будут существова при переходе от капитализма к коммунизму. Ленин ставит вопрос о необ димости «учиться» у массового опыта пролетарского движения, у «опыт великой классовой борьбы пролетариата. Ленин клеймит всякий абстракт книжный подход с готовой схемой пути развития социализма, в котор педанты от марксизма пытаются уложить многообразие и сложность д ствительности.

Нельзя таким образом смешивать период социализма, в который вступили, с построением полного социалистического общества. Из так смешения, из такого «перепрыгивания» через ряд ступеней развит вытекают часто «загибы» такого порядка, когда предлагается немедленно п реходить к прямому социалистическому продуктообмену, когда начина отрицание всякой роли и значения денег, хозрасчета, кредита и т. д. на дан этапе развития, когда начинается в той или иной степени отрицание рол значения пролетарской диктатуры. Такая точка зрения по существу исход из того, что нэп окончен, что всякие элементы его уничтожены, что поэт надо немедленно распрощаться со всякими «аксессуарами» нэпа, торгов деньгами и т. д. Тов. Сталин, говоря о вступлении в период социализ подчеркивал вместе с тем, что до построения социалистического общес и уничтожения классовых различий еще далеко. Было бы, од крайне ошибочным из того обстоятельства, что на данном этапе разв имеют такое большое значение, можно сказать исключительное знач для хода выполнения промфинплана решающего года пятилетки, хозрас кредит, проверка работы рублем, необходимость упорядочивать и налаж нашу торговлю и т. д., из того обстоятельства, что на данном этапе раз приобретает такое значение, особенно в социалистическом секторе сельс

хозяйства, сдельщина, премиальные формы оплаты труда и т. д., из того положения, что деньги и их роль при хозрасчете возрастают, из того обстоятельства, что перед нами стоит задача всемерного укрепления органов пролетарской диктатуры, и т. п.,— делать из всего этого вывод, что нэп ныне находится «во всей своей красе», что до социализма еще далеко, что ни о каком периоде социализма не может быть и речи.

В том-то и вся штука, что указанные противоречия являются как раз в наших условиях развития движущей силой, движущими противоречиями. В том-то и все дело, что абсолютный перевес социалистического сектора во всем народном хозяйстве, колоссальное укрепление социалистической индустрии, прямое и развернутое социалистическое строительство по всему фронту (ведь это и есть период социализма с марксистской, научной точки зрения)—и дает возможность использовать с наибольшим эффектом на помощь социализму против капитализма ряд форм хозяйствования, характерных для условий нэпа. Период социализма, в который мы вступили, является переходной ступенью рождения нового общества, общества бесклассового, коммунистического. Завершение построения фундамента социалистической экономики, построение экономической базы социализма — это ступеньки построения полного социалистического общества и полного уничтожения классов. Нэп еще не закончен, но с каждым шагом вперед социалистического строительства он изживается, заменяясь подлинно социалистическими формами развития. Мы живем в эпоху крайнего динамического развития. Происходят исключительные по своей силе социально-классовые сдвиги, сдвиги в области культуры масс, в идеологических надстройках. Ход исторического развития настолько убыстрился, что на протяжении месяцев у нас происходят сдвиги, на которые требуются десятилетия «мирного» развития. Крот истории роет хорошо. Партия пролетариата играет исключительную роль в нашем невиданном движении к социализму. Вооруженная самой передовой революционной теорией, теорией марксизма-ленинизма, вооруженная материалистической диалектикой, наша партия ведет борьбу с уверенностью в окончательной победе коммунизма.

Ленин и кризис естествознания эпохи империализма.

А. Максимов.

Ленин, как в области учения об империализме, как новейшем этапе капитализма, так и в области учения о пролетарской революции, теории и тактики диктатуры пролетариата и т. д., продолжал и развивал то, что было сделано Марксом и Энгельсом, и внес во всех этих областях нечто новое; так, им дано нечто новое, являющееся дальнейшим шагом в развитии марксизма и в области философии и естествознания. И здесь, как во всех прочих областях знания и борьбы рабочего класса за коммунизм, Ленин вскрыл основные противоречия и движущие силы развития применительно к эпохе империализма и пролетарских революций и определил тактику пролетариата по вопросам естествознания.

Дальнейшие строки являются попыткой оценки того, что нового дал Ленин в отношении естествознания в переживаемую нами эпоху. В настоящей статье внимание будет сосредоточено лишь на одном вопросе: противоречиях в развитии естествознания эпохи империализма и пролетарских революций.

I.

Ленин и в области естествознания продолжал дело Маркса и Энгельса. Каковы общие итоги того, что сделали Маркс и Энгельс в области естествознания?

Маркс и Энгельс прежде всего вскрыли те условия, при которых развивалось естествознание в период с XVI века по XVIII век. Они проанализировали развитие производительных сил и производственных отношений за этот период и влияние этих факторов на развитие естествознания. Рост техники в связи с ростом горного дела, мореплавания, применения водной энергии и гидротехнических сооружений, в связи с развитием ремесел и мануфактуры и т. д.,—все это сказалось на естествознании и вызвало тот быстрый рост его, который начинается с эпохи великих открытий.

Состояние производительных сил в эпоху торгового капитала, ремесла и мануфактуры, в эпоху, когда политическое господство сохраняется еще за классом феодалов, обусловило состояние развития естествознания и тот метод, который характерен для этого периода. Необходимость разобраться в росте эмпирических данных, главным образом из области механики, астрономии и основанной на механике техники, при неполноте и отрывочности этих данных, при односторонности методов исследования, сводившихся главным образом к применению механики и математики, с одной стороны, систематизации, классификации и т. д.,—с другой,—все это обусловило черты естественно-научного метода, который был назван Марксом и Энгельсом

метафизическим методом[1]). Этот метод сводился в основном к ан лизу, к расчленению явлений, к фиксированию различий, как неподвижны абсолютных.

Марксом и особенно Энгельсом доказывается, что этот метафизич ский метод при наличном развитии производительных сил был историчес необходим и явился орудием открытий, начиная с Галилея, Кеплера, Гарве Бойля, Декарта и т. д., и кончая Кювье, Ньютоном и пр., т.-е. открытиям которыми к концу XVIII и началу XIX веков завершается метафизическ период развития естествознания. Без развития и применения метафизическо метода, основанного на анализе, на индукции и формально-логической деду ции, невозможно было бы дальнейшее развитие естествознания. Основоп ложниками марксизма исследуется теснейшая связь метода метафизическо периода в развитии естествознания с формальной логикой и философски школами этого периода.

Будучи исторически необходимым, метафизический метод был огран ченным методом. Сочетаясь с гипотезами, отражавшими естественно-нау ное мировоззрение того времени, он в своем одностороннем применении пр вел к целому ряду представлений, которые в дальнейшем сделались тормоз в развитии естествознания (разрыв различных явлений природы, фиксиров ние граней между этими явлениями, как абсолютных, абстрактное рассм трение материи, движения, пространства, времени, силы и т. д. и отрыв друг от друга, учения о флогистоне, теплороде, световом веществе, си инерции, жизненной силе и т. п.). Естественно-научное мировоззрение это периода в различных его проявлениях является в то же время моментом кла совой борьбы. Основоположники марксизма дали в этом отношении оче много для понимания связи борьбы за те или иные естественно-научные гип тезы с общей борьбой различных классов тогдашнего общества, за их кла совые интересы.

В общем еще глубоко сидевшее в оковах теологии естествознание ра сматриваемого периода претерпевает глубокую ломку как в области мир воззрения, так и метода с переходом к эпохе промышленного капитализм

Бурное развитие производительных сил на основе крупной машинн индустрии революционизировало все общественные отношения и привел с одной стороны, к бурному росту естественно-научных эмпирических зн ний (при чем развиваются и ранее слабо развивавшиеся физика, хими биология), а с другой —к перевороту в области метода и мировоззрения.

Этот переворот, разрушивший метафизические представления естеств испытателей предшествующего периода и сделавший аналитический мет лишь подчиненным моментом более глубокого метода, охватывает послед вательно одну отрасль естествознания за другой и падает в основном н период конца XVIII века—первая половина XIX века. Кант и Лаплас дак гипотезу образования солнечной вселенной. Вместо прежних вечных зак нов движения планет и первого божественного толчка Ньютона космогон основывается на учении о развитии, материя рассматривается как нечто с моразвивающееся, и устраняется последнее убежище для теологии в облас об'яснения происхождения вселенной. Ляйелль прилагает учение о развити к геологии и ополчается против метафизики Кювье. Ламарк, Гёте и, зате Дарвин учение о развитии прилагают к области животного и растительно мира. Дарвинизм в его последовательном развитии изгоняет окончательн теологию из учения о происхождении человека. Открытие Шлейденом Шванном клетки обусловливает соответствующий переворот в области эм

---

[1]) О характеристике метафизического метода см. подробнее: А. Макс мов — «Метафизич. период в развитии ест-ния». «Бюллетень заочно-конс. от. ИКП», 1930 г., № 5—6.

бриологии и сравнительной анатомии. Учение о клетке вместе с успехами химии (открытие Вёлера и т. д.) и физики (закон сохранения и превращения энергии) создают новую основу для физиологии. Наконец, атомистика Дальтона и закон сохранения и превращения энергии Майера, Грове, Гельмгольца и др. вместо прежних метафизических сил и метафизики в химии периода флогистона и эпохи Лавуазье выдвигают на первый план всего естественно-научного мировоззрения учение о смене форм вещества и форм движения материи.

На основе этих открытий происходит полная перестройка естествознания. Естествознание делается, по утверждению Энгельса, «системой материалистического познания природы». В то же время вместо прежних метафизических категорий естествознание начинает оперировать «текучими» категориями, категориями, переходящими одна в другую, что отражает те переходы и связь явлений природы, которые сделались основным предметом изучения естествознания XIX века после указанных выше открытий.

Если в метафизический период рост естествознания и его методологическое обоснование идут рука об руку, и мы в лице Галилея, Декарта и др. имеем как крупнейших естествоиспытателей, так и философов, обосновывающих новый метод естествознания, то в конце XVIII и начале XIX веков мы не находим такого синтеза философии и естествознания. Если Кант был еще не только крупным философом, но и выдающимся естествоиспытателем, то уже Гегель в области собственно естествознания не является творцом новых теорий, гипотез и тем менее открывателем новых фактов. Возникновение и рост новой методологии в естествознании пошло в XIX веке стихийным путем без необходимого философского обоснования.

Историческая заслуга Маркса и, особенно, Энгельса, так как последний при существовавшем у основоположников марксизма разделении труда специально сосредоточил свое внимание на естествознании, заключается именно в том, что они, и единственно они, поняли в полном об'еме историческое значение переворота, происшедшего в естествознании конца XVIII и начала XIX веков. Они, и единственно они, поняли, что Гегель, непосредственно не давший эмпирическому естествознанию ничего, как раз и был тем, кто дал, правда в извращенной форме, обоснование того метода, который стихийно лежал в открытиях Канта, Лапласа, Ляйелля, Дарвина и др. Маркс и Энгельс спасли рациональное зерно гегелевского метода и, переработав его материалистически, превратили в метод диалектического материализма.

Энгельс в своих работах, трактующих проблемы естествознания, центр тяжести этих работ посвящает разбору и оценке естествознания XIX века. Критика метафизического периода в развитии естествознания служит для него лишь необходимой ступенью к тому, чтобы показать, куда растет естествознание, возникшее на работах Канта, Лапласа, Ляйелля, Дарвина и др. Он доказывает, что переворот, произведенный указанными открытиями, с исторической необходимостью ведет к обоснованию диалектико-материалистического метода, что этот последний не есть измышление праздной головы, а продукт всего предшествующего развития философии и естествознания. В то же время Энгельс доказывает, что стихийный характер развития естествознания полон противоречий и что эта стихийность является его тормозом, что разрешение этих противоречий заключается в сознательном усвоении естествоиспытателями метода диалектического материализма.

Доказав, что только метод диалектического материализма разрешает все противоречия, в которые впадает естествознание XIX века, что только этот метод обеспечивает действительное развитие естествознания и открывает ему еще невиданные перспективы, Энгельс на многие годы сам усаживается за изучение естествознания с целью переработки его на основе этого

единственно научного метода. Подвергая критике все существующие ест: ственно-научные теории, производя коренной переворот во всем теоретич: ском естествознании, Энгельс берется за дело, аналогичное тому, котор: совершил Маркс в области политической экономии своим «Капиталом» «Теориями прибавочной стоимости».

Энгельсу не удалось довести своего дела до конца, и его «Диалектик природы» осталась незаконченной. Тем не менее и в опубликованных п: его жизни работах, и в особенности в «Анти-Дюринге», мы имеем общи итог того, что было сделано им к концу семидесятых годов прошлого стол тия. Однако «Диалектика природы» ставила перед собой задачи, несравненн более широкие и глубокие, чем те, какие стояли пред «Анти-Дюрингом Колоссальная работа, проделанная Энгельсом в его «Диалектике природы: не превзойдена и до сих пор, и на ней долго будут воспитываться новые поко ления марксистов-естественников.

Работая над положительной разработкой диалектики природы, Энгел ополчается не только против стихийности в развитии естествознания, проти беззаботности естествоиспытателей в отношении философии, но борется пр тив враждебных марксизму философских течений.

Эта борьба идет прежде всего по линии борьбы с идеализмом. Подвер нув критике все предыдущее развитие философии, Маркс и Энгельс подвергл уничтожающей критике идеализм, показали его классовые корни. Вмест с тем Энгельс подвергает критике идеалистические течения в естествознани и особенно в математике, и показывает, что те противоречия, к которы приводит в проблемах учения о природе идеализм, правильно решаютс только с точки зрения диалектического материализма.

Наряду с критикой идеализма Маркс и Энгельс подвергают критик материалистическое течение половины XIX века, теснейшим образом связа ное с естествознанием и представленное естествоиспытателями Фогтом Бюхнером и Молешоттом.

Энгельс доказал, что естествознание половины XIX века уже доросл до того, что стало одной из основ для диалектического метода, что диалек тический метод был единственно законным методом естествознания. Мате риализм же Бюхнера, Фогта и К° не только не был диалектическим, о вообще был по отношению к естествознанию реакционным, так как ни в че не шел далее метафизического материализма XVIII века, не имея революцио ных заслуг последнего.

«Люди, взявшие на себя в пятидесятых годах в Германии,—писал Э гельс в «Л. Фейербахе»,—роль разносчиков дешевого материализма, ни н шаг не пошли дальше своих учителей. Все новые успехи естественных нау служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенно Да они и не имели никакого призвания к дальнейшей разработке теори Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно ист щилась и который был смертельно ранен революцией 1848 года, имел п крайней мере то утешение, что материализм пал еще ниже».

Критикуя этот плоский материализм, Маркс и Энгельс прекрасно знали что поверхностность и трусливость этого материализма соответствовали то политической роли, которую играли «разносчики дешевого материализма как идеологи буржуазии [1]). В сочинениях Маркса и Энгельса мы находи

[1]) В «Диалектике природы» мы читаем следующую краткую характеристик позиции «либерального филистерства после революции 1848 года»: «Либеральны немецкий филистер 1848 года очутился внезапно и неожиданно в 1849 г. проти своей воли пред вопросом: либо возвращение к старой реакции в более свирепо форме, либо продолжение революции до республики, может быть, даже нераздел ной республики, на социалистическом фоне. Он недолго раздумывал и приложи свою руку к созданию мантейфелевской реакции, как цвета немецкого либерализм

блестящие страницы, бичующие предательскую роль Фогта и К°. Меринг так в кратких строках характеризует роль материализма половины XIX века. «Послемартовский материализм был модной игрушкой буржуазии, которая могла ее во всякое время сломать и действительно сломала, как только оказалось, что ханжество прибыльнее вольнодумства» [1]). Таким образом как политическая роль буржуазии и ее идеологов в революции 1848 из революционной, не успев расцвести, быстро превратилась в контрреволюционную, так и половинчатый, пошлый материализм Бюхнеров и К° не только не решил противоречий, в которых находилось естествознание XIX века, но выродился в дальнейшем в позитивизм и должен был уступить философской контрреволюции махизма, неокантианизма и прагматизма.

Если материализмом Бюхнера и К° была представлена одна из форм идеологии буржуазии, то разновидность непоследовательного материализма в лице Дюринга была представительницей идеологии той части мелкой буржуазии, которая нашла себе поддержку в известной неустойчивой части рабочего движения.

Дюринг не только был членом социал-демократии, но имел в ней многочисленных сторонников из числа «вождей», а также пользовался известным влиянием и на рабочих. Поэтому выступление Дюринга против марксизма как в области политической экономии, социализма, так и философии приобрело определенное значение. Характер учений Дюринга обнаруживал себя не только в сущности его писаний, но и в том, что его учениками и сторонниками сделались такие социал-демократы, как Э. Бернштейн и подобные ему. Оппортунистическое, по существу мелкобуржуазное, учение Дюринга нашло сторонников далеко за пределами немецких социал-демократов и прежде всего среди народнических течений в России.

Поэтому понятно, что Маркс и Энгельс, борясь за чистоту революционной теории и за последовательное проведение ее на практике, не могли обойти своим вниманием Дюринга. Дюринг был крупнейшим представителем оппортунизма в революционном движении, выступавшим и в области философии, после Прудона. Этим об'ясняется появление «Анти-Дюринга» Энгельса.

Для нас здесь важно подчеркнуть, что «Анти-Дюринг» Энгельса является самым последовательным и образцовым произведением марксизма в борьбе против оппортунизма не только в области политэкономии и социализма, но и в области естествознания. Этот труд является образцовым и потому, что Энгельс в нем дал не только критику Дюринга, но и положительное изложение своих взглядов по всей сумме вопросов, какие стояли в связи с литературными выступлениями Дюринга.

Оппортунизм Дюринга в области вопросов естествознания заключался в том, что он делал уступки идеализму и тем оставлял лазейки для фидеизма, хотя сам он и был противником религии. Но и там, где Дюринг говорил от лица материализма, он представлял собой уже пройденную ступень материализма механического, метафизического [2]). Поэтому Дюринг не только не вел

Точно так же французский буржуа оказался в 1851 г. пред несомненно неожиданной для него дилеммой: либо карикатура на империю, преторианство и эксплоатация Франции шайкой мошенников, либо социал-демократическая республика—и он склонился пред шайкой мошенников, чтобы продолжать под ее защитой эксплоатировать рабочих» («Архив», т. II, стр. 63).

[1]) Меринг: «История германской социал-демократии», т. II, стр. 212, изд. 1922 г.

[2]) Методологическая программа Дюринга может быть характеризована его собственными словами из его «Logik und Wissenschaftstheorie» (1878 г.). Там он пишет: «...Механическая стадия (науки—А. М.), если себе представить ее законченной, является в то же время и последней, какая вообще может быть достигнута для об'яснений природы». И если это механическое об'яснение в области жизненных явлений наталкивается на затруднения, то это ничуть не уменьшает принципиальной возможности сведения всех явлений к механике (стр. 297—298).

естествознание вперед, не только не играл роль авангарда в решении теор тических проблем современного ему естествознания, но тянул естествознани назад, к уже пройденной им ступени.

«Анти-Дюрингом», «Л. Фейербахом», «Развитием социализма от ут пии к науке» и лишь в наше время появившейся «Диалектикой природы» перепиской Маркса и Энгельса исчерпываются опубликованные [1]) труды Эн гельса, трактующие проблемы естествознания. В них подведены итоги ег борьбы за марксизм в области естествознания в эпоху промышленного кап тализма. К сожалению мы до сих пор еще не разработали этой истори борьбы Энгельса за марксизм в естествознании и не научились понимат того, что именно на этой истории мы можем и должны воспитывать тепе решнее поколение марксистов-естественников, впервые в СССР получивши возможность на деле осуществить возможность завоевания естествознани марксизмом.

После смерти Маркса Энгельс должен был все время уделять непосре ственному руководству борьбой пролетариата и руководству строительство пролетарских партий и в то же время издавать литературное наследств Маркса. Последнее десятилетие своей жизни Энгельс уже не имел возмож ности вплотную работать над естественно-научными проблемами. Это был тем более печально, что Дюринг был лишь одним из крупнейших представи телей оппортунизма в области философии и естествознания. После него по явилось сонмище других, более мелких и еще более пошлых. Они наводня своими статьями социал-демократические и социалистические журналы, из дают монографии, в особенности по вопросам дарвинизма [2]), и, ничего не да естествознанию, выступая от лица партии пролетариата, образуют перио полного господства оппортунизма в трактовке проблем теоретического есте ствознания, период, отделяющий выступления Энгельса от выступлений Ле нина в защиту революционной теории в трактовке проблем естествознания Этот период господства оппортунизма закрывает подлинному марксизм доступ к естествознанию и является исторически шагом назад по сравнени с тем, что было достигнуто во времена Энгельса.

Вот краткий итог того, что было сделано марксизмом в области есте ствознания до Ленина.

Энгельс доказал, что естествознание созрело для обработки с точк зрения диалектического материализма, и сам дал гениальнейшую попытку такой обработки. Однако диалектический материализм остался неизвестным для масс естествоиспытателей, и в этом вина лежит в значительной мере на отмеченном выше оппортунизме, который закрыл путь марксизму в област естественно-научных проблем. Метафизика и идеализм не оказались преодо ленными в естествознании. В старом предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс так оценивал состояние естествознания второй половины XIX века: «Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т. е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений; благодаря этому естествоиспытатели снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики стали с тех пор иметь успех, с одной стороны, приноровленные к духовному уровню

---

[1]) Многие рукописи Маркса (математические, по геологии и др.) еще до сих пор не опубликованы. Вероятно, кое-что новое мы узнаем по части естествознания и из неопубликованного литературного наследства Энгельса.

[2]) Краткая библиография этой оппортунистической литературы опубликована в сборнике «Исторический материализм», составленном С. Семковским, и в сборнике «Дарвинизм и марксизм», под редакцией Равич-Черкасского. Часть монографической литературы также была издана по-русски. См., напр., Вольтманн — «Теория Дарвина и социализм», книги Унтерманна и др.

блестящие страницы, бичующие предательскую роль Фогта и К°. Меринг так в кратких строках характеризует роль материализма половины XIX века. «Послемартовский материализм был модной игрушкой буржуазии, которая могла ее во всякое время сломать и действительно сломала, как только оказалось, что ханжество прибыльнее вольнодумства» [1]). Таким образом как политическая роль буржуазии и ее идеологов в революции 1848 из революционной, не успев расцвести, быстро превратилась в контрреволюционную, так и половинчатый, пошлый материализм Бюхнеров и К° не только не решил противоречий, в которых находилось естествознание XIX века, но выродился в дальнейшем в позитивизм и должен был уступить философской контрреволюции махизма, неокантианизма и прагматизма.

Если материализмом Бюхнера и К° была представлена одна из форм идеологии буржуазии, то разновидность непоследовательного материализма в лице Дюринга была представительницей идеологии той части мелкой буржуазии, которая нашла себе поддержку в известной неустойчивой части рабочего движения.

Дюринг не только был членом социал-демократии, но имел в ней многочисленных сторонников из числа «вождей», а также пользовался известным влиянием и на рабочих. Поэтому выступление Дюринга против марксизма как в области политической экономии, социализма, так и философии приобрело определенное значение. Характер учений Дюринга обнаруживал себя не только в сущности его писаний, но и в том, что его учениками и сторонниками сделались такие социал-демократы, как Э. Бернштейн и подобные ему. Оппортунистическое, по существу мелкобуржуазное, учение Дюринга нашло сторонников далеко за пределами немецких социал-демократов и прежде всего среди народнических течений в России.

Поэтому понятно, что Маркс и Энгельс, борясь за чистоту революционной теории и за последовательное проведение ее на практике, не могли обойти своим вниманием Дюринга. Дюринг был крупнейшим представителем оппортунизма в революционном движении, выступавшим и в области философии, после Прудона. Этим об'ясняется появление «Анти-Дюринга» Энгельса.

Для нас здесь важно подчеркнуть, что «Анти-Дюринг» Энгельса является самым последовательным и образцовым произведением марксизма в борьбе против оппортунизма не только в области политэкономии и социализма, но и в области естествознания. Этот труд является образцовым и потому, что Энгельс в нем дал не только критику Дюринга, но и положительное изложение своих взглядов по всей сумме вопросов, какие стояли в связи с литературными выступлениями Дюринга.

Оппортунизм Дюринга в области вопросов естествознания заключался в том, что он делал уступки идеализму и тем оставлял лазейки для фидеизма, хотя сам он и был противником религии. Но и там, где Дюринг говорил от лица материализма, он представлял собой уже пройденную ступень материализма механического, метафизического [2]). Поэтому Дюринг не только не вел

Точно так же французский буржуа оказался в 1851 г. пред несомненно неожиданной для него дилеммой: либо карикатура на империю, преторианство и эксплоатация Франции шайкой мошенников, либо социал-демократическая республика — и он склонился пред шайкой мошенников, чтобы продолжать под ее защитой эксплоатировать рабочих» («Архив», т. II, стр. 63).

[1]) Меринг: «История германской социал-демократии», т. II, стр. 212, изд. 1922 г.

[2]) Методологическая программа Дюринга может быть характеризована его собственными словами из его «Logik und Wissenschaftstheorie» (1878 г.). Там он пишет: «...Механическая стадия (науки—А. М.), если себе представить ее законченной, является в то же время и последней, какая вообще может быть достигнута для об'яснений природы». И если это механическое об'яснение в области жизненных явлений наталкивается на затруднения, то это ничуть не уменьшает принципиальной возможности сведения всех явлений к механике (стр. 297—298).

естествознание вперед, не только не играл роль авангарда в решении теоретических проблем современного ему естествознания, но тянул естествознание назад, к уже пройденной им ступени.

«Анти-Дюрингом», «Л. Фейербахом», «Развитием социализма от утопии к науке» и лишь в наше время появившейся «Диалектикой природы» и перепиской Маркса и Энгельса исчерпываются опубликованные [1]) труды Энгельса, трактующие проблемы естествознания. В них подведены итоги его борьбы за марксизм в области естествознания в эпоху промышленного капитализма. К сожалению мы до сих пор еще не разработали этой истории борьбы Энгельса за марксизм в естествознании и не научились понимать того, что именно на этой истории мы можем и должны воспитывать теперешнее поколение марксистов-естественников, впервые в СССР получивших возможность на деле осуществить возможность завоевания естествознания марксизмом.

После смерти Маркса Энгельс должен был все время уделять непосредственному руководству борьбой пролетариата и руководству строительством пролетарских партий и в то же время издавать литературное наследство Маркса. Последнее десятилетие своей жизни Энгельс уже не имел возможности вплотную работать над естественно-научными проблемами. Это было тем более печально, что Дюринг был лишь одним из крупнейших представителей оппортунизма в области философии и естествознания. После него появилось сонмище других, более мелких и еще более пошлых. Они наводняют своими статьями социал-демократические и социалистические журналы, издают монографии, в особенности по вопросам дарвинизма [2]), и, ничего не дав естествознанию, выступая от лица партии пролетариата, образуют период полного господства оппортунизма в трактовке проблем теоретического естествознания, период, отделяющий выступления Энгельса от выступлений Ленина в защиту революционной теории в трактовке проблем естествознания. Этот период господства оппортунизма закрывает подлинному марксизму доступ к естествознанию и является исторически шагом назад по сравнению с тем, что было достигнуто во времена Энгельса.

Вот краткий итог того, что было сделано марксизмом в области естествознания до Ленина.

Энгельс доказал, что естествознание созрело для обработки с точки зрения диалектического материализма, и сам дал гениальнейшую попытку такой обработки. Однако диалектический материализм остался неизвестным для масс естествоиспытателей, и в этом вина лежит в значительной мере на отмеченном выше оппортунизме, который закрыл путь марксизму в область естественно-научных проблем. Метафизика и идеализм не оказались преодоленными в естествознании. В старом предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс так оценивал состояние естествознания второй половины XIX века: «Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т. е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений; благодаря этому естествоиспытатели снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики стали с тех пор иметь успех, с одной стороны, приноровленные к духовному уровню

---

[1]) Многие рукописи Маркса (математические, по геологии и др.) еще до сих пор не опубликованы. Вероятно, кое-что новое мы узнаем по части естествознания и из неопубликованного литературного наследства Энгельса.

[2]) Краткая библиография этой оппортунистической литературы опубликована в сборнике «Исторический материализм», составленном С. Семковским, и в сборнике «Дарвинизм и марксизм», под редакцией Равич-Черкасского. Часть монографической литературы также была издана по-русски. См., напр., Вольтманн — «Теория Дарвина и социализм», книги Унтерманна и др.

филистера плоские размышления Шопенгауэра, впоследствии даже Гартмана, а с другой,—вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фогтов и Бюхнеров. В университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, имевшие общим лишь то, что они состояли из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны. Остатки классической философии сохранились только в виде неокантианства, последним словом которого была вечно непознаваемая вещь в себе, т.-е. та часть кантовского учения, которая меньше всего заслуживала сохранения. Конечным результатом были господствующие теперь путаница и бессвязность теоретического мышления.

Нельзя теперь взять в руки почти ни одной теоретической книги по естествознанию, чтобы не убедиться, что сами естествоиспытатели понимают, как они страдают от этой путаницы и бессвязности, из которой им не дает абсолютно никакого выхода модная, с позволения сказать, философия. И здесь нет, действительно, иного выхода, нет никакой возможности добиться ясности без возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому» [1].

Если в период семидесятых годов XIX столетия рецидив распространения метафизических воззрений среди части естествоиспытателей приводил к путанице, то в дальнейшем эта путаница разрешилась к началу XX века кризисом в естествознании. Этот кризис был своеобразным выражением того обстоятельства, что к моменту выступления Ленина с его «Материализмом и эмпириокритицизмом» капитализм вступил в стадию империализма, в стадию обострения всех противоречий. Вместе с тем борьба рабочего класса за коммунизм вступила в такую стадию, когда победа социализма стала практической задачей дня и в первой четверти XX века стала на деле осуществляться в одной стране за другой.

II.

В эпоху империализма капитализм вступает в стадию загнивания, в стадию чрезвычайного обострения всех противоречий. Производственные отношения капитализма окончательно изживают себя и являются оковами для дальнейшего развития производительных сил. Пролетариат переходит к наступлению за непосредственное завоевание политической власти. Буржуазия, как класс делается носительницей реакции и для защиты своих позиций пускает в ход все орудия угнетения, какие удается открыть и усовершенствовать на основе самоновейшей науки, а также и те, которые остались в наследство от всех прежде существовавших эксплоататорских классов.

Переход капитализма в стадию империализма сказался поворотом в сторону реакции и в области идеологии, и в частности философии. Последние десятилетия XIX века ознаменовались отходом буржуазии от материалистической философии, очень распространенной в эпоху революций 1848 года. Неокантианизмом и неоюмизмом выбрасываются лозунги—«назад к Канту», «назад к Юму и Беркли». Появляется плеяда писателей—Ланге, Мах и пр.,—которые в поте лица трудятся над оформлением идеологической реакции в области философии и естествознания. Их усилия подхватываются лагерем откровенного фидеизма, который делается все более и более агрессивным.

Окончательное превращение некогда революционной буржуазии в реакционный класс сказывается и в области естествознания. Последнее играло очень большую роль в борьбе буржуазии с классом феодалов в период, когда она еще боролась за власть. Достаточно вспомнить роль врачей и естественников в идеологической подготовке Великой французской революции. В эпоху

[1]) «Архив», т. II, стр. 129.

революции 1848 года материалистическая философия, уже далеко не столь последовательная и смелая, все же еще является орудием борьбы буржуазии за власть. И здесь в руках Бюхнера, Молешотта, Фогта естествознание является оружием и за политическую и идеологическую эмансипацию.

Однако баррикады Парижской коммуны являются уже границей, позади которой осталось революционное прошлое буржуазии. Парижская коммуна— первая попытка пролетариата взять политическую власть в свои руки. Эта попытка раз и навсегда выветривает из буржуазии все остатки прошлых революционных традиций.

Материализм в естествознании делается «непопулярным». Даже непоследовательные попытки защищать материализм в естествознании и противопоставить его реакционной, поповской идеологии, какие мы имеем, напр., в лице Геккеля, встречают резкий отпор. Защита материализма в эпоху, когда власть буржуазии становится уже под непосредственную угрозу, принимается буржуазным обществом за тягчайшее оскорбление. Вокруг Геккеля подымается звериный вой, наиболее яркое свое выражение находящий в попытке покушения на личность дерзкого естествоиспытателя.

Переход к эпохе промышленного капитализма сопровождался невиданным развитием производительных сил и вызвал бурный рост естествознания. Этот рост продолжается на основе всех достижений развития техники и науки за предшествующий период и в эпоху империализма. Более того, обострение противоречий капитализма, обострение и новые формы конкуренции ведут за собой перестройку и капиталистическую рационализацию техники. Особенная роль в этой перестройке принадлежит химии и электричеству.

В то же время естествознание получает в руки такие средства исследования, которые по возможностям проникать в глубину процессов природы оставляют далеко позади все то, что имелось в распоряжении естествоиспытателей первой половины и даже первых двух третей XIX века. Конец XIX века ознаменовывается рядом открытий. Радиоактивность открывает совершенно новую область. Крушится старое понятие о неизменных химических элементах. Создается представление об атоме, как о чем-то сложном, могущем разлагаться. Изучение явлений прохождения электрического тока в трубках с большим разрежением ведет к открытию и изучению каналовых и катодных лучей. Открываются явления движения электрических частиц со скоростями, совершенно несравнимыми с теми, которые изучала на обычных телах механика Ньютона. Перестраиваются учения об электромагнитных явлениях и выясняется принципиальная невозможность сведения их к механическим явлениям. Крушится старое понятие массы, лежащее в основе ньютоновой механики. Введение понятия электромагнитной массы вместе с явлениями радиоактивности ставят под пересмотр фундаментальные законы естествознания: сохранения и превращения вещества и энергии и т. д. Одним словом—развитие производительных сил в эпоху империализма сопровождается революцией естественно-научных представлений, особенно в физике.

Эта революция в естествознании разрушает те метафизические представления, которые еще оказались неразрушенными переворотом конца XVIII—начала XIX веков. Тем самым метафизика, теология, идеализм лишаются последних своих опорных пунктов. Диалектический характер процессов природы, выявленный открытиями Канта, Лапласа, Дарвина, Майера и др., еще более наглядно вскрывается открытиями конца XIX века. В то же время революция в естествознании этого последнего периода настойчиво толкает естествоиспытателей к признанию диалектического характера категорий естествознания. Весь об'ективный ход развития естествознания укрепляет позиции диалектического материализма. Тем не менее вопреки это-

му об'ективному ходу развития естествознания среди группы естествоиспытателей распространяются идеалистические и метафизические взгляды.

Крушение метафизики к началу XIX века выражалось в крушении взглядов на материю, движение и т. д. В противовес ньютоновскому представлению об инертности материи французские материалисты и Кант в его «Всеобщей естественной истории и теории неба» защищают учение об активности материи и отбрасывают теологический привесок в ньютоновской механике в виде первичного божественного толчка. Французские материалисты защищают (а позже то же делают Фейербах, немецкие материалисты и Геккель) тезис о единстве материи и движения. Крушится учение о жизненной силе, о неизменности видов и большое количество других представлений, и тем не менее мы не видим кризиса в области естествознания.

Иначе происходит теперь, т.-е. в конце XIX века. Учение о радиоактивности, учение об электричестве и строении материи,—все это служит не для защиты и развития материалистической позиции естествознания, а является поводом для части естествоиспытателей к скатыванию в идеализм. Поднимается крик о том, что «материя исчезла», что мыслимо «движение без материи» и т. п. Ломка старых законов физики об'является «кризисом физики». На основе этой ломки вырастают одна за другой различные «философские школки», стремящиеся истолковать новейшую революцию в естествознании в духе идеализма.

Физики вместе с этим распадаются на два лагеря и ряд промежуточных течений. В среде ученых начинается разброд. Реакционное течение среди естествоиспытателей и кризис физики тотчас же используются идеологической и политической реакцией.

Заслуга Ленина заключается именно в том, что он вскрыл явление кризиса в физике конца XIX—начала XX веков, подверг его марксистскому анализу и, применяя метод марксизма к новой конкретной обстановке, двинул далее развитие марксизма. Учение Ленина о кризисе в естествознании является дальнейшим развитием и применением марксизма к эпохе империализма и пролетарских революций.

В чем суть ленинского анализа кризиса естествознания?

Ленин прежде всего приводит данные в виде высказываний естествоиспытателей и философов, касающиеся физики конца XIX и начала XX веков, характеризующие тот переворот, ту революцию в физике, которая была вызвана открытием радиоактивности, рентгеновых лучей, электрона и электронной теорией и т. д. Эта революция в физике приводит к ломке старых законов, к «всеобщему разгрому принципов».

В то же время Ленин констатирует, что эта ломка старых физических законов сопровождается и не может не сопровождаться гносеологическими выводами из открытий физики указанного периода. Но характерным для этого периода является именно то, что из кризиса современной физики пытаются сделать скептические, агностические и прямо идеалистические выводы.

Глубокая революционная ломка в области физики, где эта ломка сказывается наиболее резко, а также и вообще в естествознании, сопровождается возникновением различных философских школок среди естествоиспытателей, школок скептического, агностического и идеалистического направления. На эту связь между революционной ломкой естествознания и возникновением таких школок Ленин обращает особенное внимание. Всю проблему кризиса физики Ленин рассматривает именно под углом зрения этой связи и доказывает, что никакое иное рассмотрение проблемы кризиса невозможно, что только в этой связи и можно понять суть кризиса современного естествознания.

Ленин подробно и весьма основательно показывает, что такой наиболее аспространенной «школкой» является махизм, и на основе анализа докуменального материала говорит, что «связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению» [1]).

Махизм — это непоследовательная разновидность берклианства. Центральным пунктом рассуждений махизма является понятие «опыта», и в этом мысле Ленин характеризует махизм как «извращение, путем незаметных юансов, реального смысла «опыт»».

Ленин очень подробно разбирает гносеологию махизма и последовательно показывает родство махизма с берклианизмом.

Но в то время как берклианизм является последовательной формой уб'ективного идеализма, махизм характеризуется непоследовательностью, клектичностью. Эта эклектичность в значительной мере об'ясняется необходимостью трактовать физические явления, как нечто отличное от наших щущений. В результате непоследовательности, эклектичности махизм как школа оказывается чем-то весьма бесформенным, неустойчивым, «жалкой ашицей», путаницей по каждому отдельному вопросу из материалистических и идеалистических направлений.

Однако Ленин, подчеркивая эклектицизм махизма, обращает особенное внимание на то, **куда растет махизм**. «Но эмпириокритицизм,— пишет он,—как всякое идейное течение, есть вещь живая, растущая, развивающаяся, и факт роста его в том или ином направлении лучше, чем длинные рассуждения, поможет решить **основной** вопрос о настоящей сути этой философии. О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм», или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» [2]).

Ответ на вопрос, куда растет эмпириокритицизм или махизм, заключается в том, что он **растет в идеализм**. От естественно-научного материализма, от агностицизма Канта и Юма махизм развивается в сторону идеализма. Поэтому отношение махизма, как **философского течения**, к естествознанию заключается в том, что он с начала и до конца **борется «с естественно-историческим материализмом**, т.-е. стихийным, несознаваемым, неоформленным, философски бессознательным убеждением подавляющего большинства естествоиспытателей в об'ективной реальности внешнего мира, отражаемого нашим сознанием» [3]). **Махизм** как определенное философское течение среди части естествоиспытателей представляет собой **идеалистическое течение** среди них.

Подвергнув разбору сущность философской позиции махизма, Ленин дает такое определение сути кризиса в физике. «... В философском отношении суть «кризиса современной физики» состоит в том, что старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т.-е. отражение об'ективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т.-е. отрицает существование об'ективной реальности, независимо от нашего сознания и отражаемой им» [4]). Таким образом кризис обусловливается тем, что, вместо дальнейшего разви-

[1]) См. «Материализм и эмпириокритицизм», т. X первого издания собр сочинений Ленина, стр. 210. В дальнейшем все цитаты даны по этому изданию.
[2]) Т. X, стр. 180.
[3]) Т. X, стр. 293.
[4]) Т. X, стр. 214.

тия материализма в связи с ломкой законов физики, в физике распростняется в лице одной из школ физиков идеалистическое течение. Суть кри именно в смене в период перестройки физики материалистической тео познания на идеалистическую и агностическую.

В чем проявляется идеализм махизма в физике и каковы формы п явления кризиса физики, представленные махизмом?

Прежде всего махизм использует изменение физических взгл на строение материи. Старое представление о строении материи оказыва недостаточным, создается новое, значительно изменяющее прежнее. «Фо махизма заключается в утверждении, что крушилось учение о материи, философской категории, обозначающей вне и независимо от нас существ ший об'ективный мир. Вместо того, чтобы сказать, что прежнее огранич ное учение о строении матерви заменяется новым и более совершен вместо этого махисты начинают кричать, что обанкротилось вообще уч о материи, как философское учение. Воюя с метафизическим пред влением о строении материи, махизм, не зная диалектического материали скатывается к идеализму. «Ошибка махизма вообще и махистской н физики,—говорит Ленин,—состоит в том, что игнорируется эта основа ф софского материализма и различие материализма метафизического от м риализма диалектического» [1]).

В связи с первой кардинальной проблемой материи махизм прод вает другой фокус, который сводится к утверждению, что есть движение, нет материи. Особенную популярность такое утверждение, правда, в н следовательной форме, еще более непоследовательной, чем у Маха, приобр в лице энергетики В. Оствальда. Крушение метафизической трактовки п тия массы в духе Ньютона и установление взаимного перехода массы в эн гию и обратно послужило школе махизма к утверждению, что можно мысл движение без материи. Ленин и здесь с чрезвычайной четкостью вскры путаницу и «фокусы» махизма, сводящиеся к умолчанию об отношении м рии к мысли, к обходу вопроса о том, материальна ли энергия, т.-е. да она нам, как вне нас существующая об'ективная реальность.

Ополчаясь против понятия материи вообще, махизм и энергетика О вальда ополчаются против той формы материализма в физике и химии, к рые представлены атомистикой. Атомистика в основу своих представл кладет убеждение в независимом от нас существовании атомов и мол как об'ективных реальностей. Махизм и энергетика, ополчаясь против м физики в атомистических представлениях, вообще выбрасывают атомис заменяя ее феноменологической точкой зрения на физические и химич явления, т.-е. такой точкой зрения, которая рассматривает эти явлени нечто суб'ективное, т.-е. идеалистически. Ленин и здесь вскрывает п держку, допускаемую махизмом, и противопоставляет идеализму мах материалистическую точку зрения на атомистику Больтцманна и др., же время указывая, что правильное решение проблемы атомистики дает диалектический материализм.

Кроме проблемы материи и движения, для протаскивания идеал ческой точки зрения для махизма служат также проблемы пространст времени и причинности. И здесь махизм выступает против материалис ского понимания этих категорий. Ленин подчеркивает, что и здесь отличать ограниченные метафизические трактовки этих категорий в ствознании от основной проблемы об'ективности этих категорий. же время им, напр., в трактовке пространства и времени Ньютоном, вается наряду с ограниченным, временным, метафизическим, то, что в риалистической трактовке этих проблем различными авторами ост

[1]) Том X, стр. 218.

верным, несмотря на метафизику, — это утверждение об'ективности пространства, времени и причинности.

Все эти формы проявления кризиса физики—кризис учения о материи и движении, атомистике, пространстве, времени и причинности — находят себе опору в особенных чертах развития теоретической физики конца XIX и начала XX веков.

К ним относятся прежде всего—распространение в физике взглядов о том, что в основе всех явлений лежат однородные и простые элементы материи—электроны, положительно заряженные части атомов, эфир,—и на основе этих представлений особенное развитие применения в физике математики. Наступает период математической, формальной физики. Формализация, математизация физики приводит к тому, что физики начинают видеть лишь одни уравнения, а материя, та об'ективность, которая выражается этими уравнениями,—исчезает. Это дает возможность махизму утверждать, что математические законы суть не что иное, как «рабочая гипотеза», лишь форма упорядочения отношения между произвольно принятыми в физике символами, отметками, ничего общего с миром действительности не имеющими,— массы, скорости и т. д. Махизм таким образом и здесь старается протащить идеализм.

Ленин не только противопоставляет этой идеалистической трактовке математических законов и уравнений в физике—материалистическую, защищаемую Больтцманном и др., но сам указывает коренной пункт ошибки махистов по этому вопросу. Полемизируя с Богдановым, утверждавшим, что понятие материи в уравнениях математической физики сводится лишь к коэффициенту массы, а этот последний оказывается обратной величиной ускорения двух тел, Ленин говорит: «Понятно, что если какое-нибудь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь «тела» (т.-е. материя),— подчеркивает Ленин,— от этого вовсе не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их,—если бы формы движения были так же просты, как в механике»[1]).

Эта аргументация Ленина против попытки устранить математическими уравнениями материю, об'ективный мир вещей, бьет по одному из основных пунктов, на которых подскальзываются в идеализм не только физики периода, рассматриваемого Лениным, но в еще большей степени периода наших дней, т.-е. второй четверти XX века. Ленин в этой аргументации продолжает те рассуждения, которые даны Марксом в «Капитале»[2]), и развивает их применительно к новым проблемам. Здесь мы имеем один из блестящих примеров применения марксовой диалектики к новым проблемам в новых условиях. Не имея возможности в данной статье останавливаться далее на этой проблеме, мы отметим лишь, что как в этом вопросе, так и по всей прочей совокупности вопросов Ленин всюду развертывает аргументацию с точки зрения диалектического материализма и таким образом является продолжателем дела Маркса и Энгельса в области естественно-научных проблем.

Ломка старых представлений в физике вызывается происходящей в ней революцией, чрезвычайно быстрым ростом новых открытий. Ленин подчер-

---

[1]) Т. X, стр. 242.

[2]) См. Максимов.— Методология измерения и диалектический материализм. «Под зн. маркс.», № 7—8 за 1929 г.

кивает, что кризис физики не есть нечто внешне в нее привнесенное, что «реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки» [1]).

Именно этот рост открытий и ломка старых представлений и служат главным лейтмотивом в устах махизма. Последний утверждает, что все физические истины относительны, условны, что не может быть речи о соответствии этих истин об'ективной действительности. «Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, — значит, никакой об'ективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще», — резюмирует Ленин точку зрения идеалистов-физиков по вопросу об относительности нашего знания в физике.

По каждой из перечисленных выше проблем, в которых проявляется кризис физики, махисты выступают против старых представлений в физике. Они, видите ли, тоже за революцию в естествознании, за перестройку законов и понятий физики! Но, борясь со старыми метафизическими понятиями, они борются не столько с метафизичностью этих понятий, как с материализмом вообще. Вместо того, чтобы, показывая недостаточность представлений старого етественно-научного, механистического материализма, подняться на высшую стадию материализма, махисты отрицают материализм вообще. «Новая физика свихнулась в идеализм главным образом именно потому, — пишет Ленин, — что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т.-е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка» [2]).

В том, что новейшими открытиями доказывается непригодность застывших категорий физики, в этом заключается величайшей важности положительный момент, доказывающий правильность диалектического материализма. Махисты, критикуя метафизические представления атомистически-механического представления природы, колеблются «в сущности между идеализмом и диалектическим материализмом» [3]). Ленин пишет: «Диалектика, как раз'яснял еще Гегель, — включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму» [4]). Но махисты этого-то именно и не понимают. «Ибо положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на суб'ективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было об'ективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» [5]).

Ленин и здесь, критикуя махистов, развивает в положительной форме диалектику относительной и абсолютной истины. Он показывает, что каждая относительная истина есть приближение к абсолютной истине, что совокупность относительных истин в бесконечном процессе познания и дает нам абсолютную истину. Таким образом абсолютное и относительное оказываются не внешними друг другу, а взаимопроникающими моментами единого познания, движущегося, развивающегося по закону единства противоположностей.

Вот те основные моменты, на которых сосредоточивает свое внимание Ленин, анализируя сущность и проявления кризиса физики конца XIX и начала XX веков. Кризис в физике вызывается на основе революционной

[1]) Т. X, стр. 259.
[2]) Т. X, стр. 219.
[3]) Т. X, стр. 261.
[4]) Т. X, стр. 110.
[5]) Т. X, стр. 109—110

ломки прежних метафизических понятий сменой материалистической гносеологии на идеалистическую и проявляется в борьбе материалистического течения среди физиков с идеалистическим по проблемам материи, движения, атомистики, пространства, времени, причинности, закономерности.

Отмечая, что реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки, Ленин в то же время подчеркивает, что было бы ошибочно думать, что этим хоть в какой-либо мере доказывается правота идеализма или наличие корней для идеализма в самом процессе познания наукой природы. «Использование философским идеализмом новой физики или идеалистические выводы из нее вызываются не тем, что открываются новые виды вещества и силы, материи и движения, а тем, что делается попытка мыслить движение без материи» [1],— говорит Ленин, анализируя скатывание махистов в идеализм на проблеме материи и движения.

В другом месте Ленин ту же мысль выражает следующим образом: «Физический» идеализм, т.-е. идеализм известной школы физиков в конце XIX и в начале XX века, так же мало «опровергает» материализм, так же мало доказывает связь идеализма (или эмпириокритицизма) с естествознанием, как мало доказательны были соответствующие потуги Ф. А. Ланге и «физиологических» идеалистов» [2].

Таким образом, физический идеализм, вырастая на основе новейшей революции в естествознании, не имеет в нем, как учении о природе, корней. Ленин констатирует и подчеркивает, что идеалистическая форма, которую старается ему придать одно из направлений среди физиков, находится в непримиримом противоречии с содержанием, с сущностью физических открытий. И Ленин особое внимание уделяет анализу действительной природы физических открытий.

Он неоднократно подчеркивает, что естествознание стихийно стоит на точке зрения материалистической теории познания и не может не стоять, поскольку вся деятельность естествоиспытателей направлена на познание природы, как вне и ранее нас существующей об'ективной действительности, а не на наши суб'ективные переживания. Поэтому «на стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, именно — в физике» [3].

Ленин вскрывает всю противоречивость махизма в применении к физике, поскольку здесь махизм должен прямо и ясно отвечать на вопрос о том, есть ли мир физических явлений нечто вне и независимо от нас существующее, и неоднократно отмечает, что и Мах и Пуанкаре и иже с ними принуждены, когда они говорят как физики, говорить материалистическим языком в полном противоречии с их сознательно проповедуемой идеалистической гносеологией.

Цитируя работу американского писателя Снайдера, Ленин с особенным удовлетворением приводит одно место из работы последнего, где говорится, что «весь новейший прогресс наших представлений о мире основывался на посылках материализма» [4].

Естествознание опирается и не может не опираться на материалистическую теорию познания. В то же время всякий дальнейший успех в его развитии лишь подтверждает и укрепляет материалистическую теорию познания в естествознании. Ленин подчеркивает, что этот устой, на котором зиждется естествознание — естественно-исторический материализм — становится все шире и крепче [5].

[1]) Т. X, стр. 223.
[2]) Т. X, стр. 257.
[3]) Т. X, стр. 302.
[4]) Т. X, стр. 299.
[5]) Т. X, стр. 297.

Материализм—неискоренимое убеждение естествоиспытателей. Махизм же — лишь кратковременное увлечение части естествоиспытателей. Именно тем, что у махизма и идеализма вообще нет настоящих корней в естествознании, об'ясняется, что его разновидности так быстро сменяют одна другую: сегодня увлекаются Авенариусом, завтра Махом или Оствальдом, послезавтра Пуанкаре, Дюгемом, Пирсоном, Кассирером и т. д. и т. п. Каждый из них выступает со своей системкой, со своей терминологией. Каждый из них на свой манер старается приладиться к естествознанию и подкрасить свой идеализм под «реализм» естествоиспытателей. Общее у всех этих модных философских поденок лишь то, что все они на деле борются против естественно-научного материализма.

Но все усилия физического идеализма обречены на неудачу. «Проиграно дело основателей новых философских школок, сочинителей новых гносеологических «измов», — проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со своими «оригинальными» системками, могут стараться занять несколько поклонников интересным спором о том, сказал ли раньше «э!» эмпириокритический Бобчинский или эмпириомонистический Добчинский, могут создавать даже обширную «специальную» литературу, подобно «имманентам», — ход развития естествознания, несмотря на все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естественников, несмотря на вчерашнее увлечение модным «физиологическим идеализмом» или сегодняшнее — модным «физическим идеализмом», отбрасывает прочь все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма»[1]).

Победа материализма в естествознании неизбежна. Но для этого необходимо, чтобы метафизический, механистический материализм был заменен— диалектическим. «Материалистический, основной дух физики, как и всего современного естествознания, — пишет Ленин, — победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим»[2]).

Естествоиспытатели являются и не могут не быть стихийными материалистами. В тот период, который разбирает Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», хотя и непоследовательно, боясь назвать чорта — чортом, т.-е. материализм — материализмом, но большинство выступавших в печати по философским вопросам физиков — Больтцманн, Гельмгольтц, Томсон, Лоренц, Максвелль, Герц и ряд других — борется против идеализма махистов, находившихся тогда в меньшинстве. Однако эта борьба непоследовательна, а материализм этих физиков — очень примитивный и неспособный решить противоречий, вызванных новейшей революцией в естествознании.

Ленин подчеркивает, что этим профессорам, по существу борющимся за материализм, недостает знания диалектического материализма. Но, кроме незнания, в настроении этих профессоров играют большую роль «предрассудки всего образованного мещанства против материализма»[3]), а также «важные житейские соображения»[4]). «... Вся обстановка,— отмечает Ленин в другом месте,—в которой живут эти люди, отталкивает их от Маркса и Энгельса, бросает в об'ятия пошлой казенной философии»[5]).

Вот тот анализ, который дал Ленин кризису естествознания, поскольку дело касается области собственно естествознания, т.-е. поскольку мы отвлекаемся от дальнейшего анализа общественных отношений и классовой борьбы, в условиях которых протекает этот кризис.

---

[1]) Т. X, стр. 297.
[2]) Т. X, стр. 258.
[3]) Т. X, стр. 222.
[4]) Т. X, стр. 232.
[5]) Т. X, стр. 221.

III.

Ленин не остановился в своем анализе сущности кризиса в современном естествознании на разборе лишь гносеологических проблем. Показав, что суть борьбы в новейшей физике сводится к борьбе материализма с идеализмом и что кризис заключается в замене материалистической гносеологии в физике — идеалистической, Ленин ставит вопрос о том, где корни борьбы материалистической и идеалистической школ в физике.

Разобрав проявления «физического» идеализма в различных странах, Ленин пишет: «Мы видели, что вопрос о гносеологических выводах из новейшей физики поднят и с самых различных точек зрения обсуждается и в английской, и в немецкой, и во французской литературе[1]). Не может подлежать никакому сомнению, что перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии»[2]).

Вот на эти-то общие, лежащие вне философии причины Ленин и обращает особое внимание.

Он прежде всего ставит вопрос о том — партийна ли философия, является ли борьба философских течений отражением, хотя бы и не непосредственным, а преломленным через все общественные отношения, борьбы классов современного общества?

Вывод, к которому приходит Ленин, заключается в том, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм»[3]).

Ленин в ряде экономических и исторических работ приложил Марксов метод к анализу классов и классовой борьбы общества эпохи империализма. В «Материализме и эмпириокритицизме» он обращает главное внимание на борьбу философских партий и тот сдвиг, который произошел в буржуазном обществе к концу XIX века. Если в эпоху Маркса и Энгельса, т.-е. в эпоху промышленного капитализма, в эпоху, когда буржуазия являлась классом, еще не завершившим своей революционной роли и опиравшимся в своей борьбе и на материалистическую философию, материализм проповедывался из уст апологетов самой буржуазии (французские материалисты, Фейербах, Фогт, Молешотт, Бюхнер и т. п.), то в конце XIX века дело меняется. «... Вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, — все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня», — отмечает Ленин. В этих условиях обострения классовых противоречий невозможно быть вне тех или иных партий,— «беспартийные люди в философии — такие же безнадежные тупицы, как и в политике».

В борьбе основных философских партий махизм не остается нейтральным, хотя мы и читаем у тех или иных махистов, что они поднялись выше материализма и идеализма. В действительности махизм является непоследовательной, более или менее завуалированной формой идеализма. Поэтому роль махизма в борьбе двух основных философских школ сводится к прислужничанию идеализму. В то время как последовательный, откровенный идеализм есть лишь рафинированная форма фидеизма, поповщины, «об'ективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужни-

---

[1]) На стр. 289 десятого тома Ленин дает оценку и американского прагматизма.

[2]) Т. X, стр. 255.

[3]) Т. X, стр. 303.

честву фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности», — характеризует махизм Ленин [1]).

Махизм в ряду философских партий является партией середины, но такой партией, которая идет на поводу и прислуживает лишь одному крылу — партиям откровенной философской реакции. Если буржуазия является классом, противостоящим пролетариату и использующим фидеизм, поповщину и профессорски обработанную форму последней — идеализм, как орудие идеологической борьбы, то махизм есть идеология трусливого и в то же время реакционного мещанства. Вскрыв всю фальшь сочувствия Э. Маха в «Познании и заблуждении» Геккелю и в то же самое время посвятившего всю книгу защитнику фидеизма, имманенту и явному реакционеру В. Шуппе, Ленин пишет о Махе: «Тут он обрисовался весь, этот идеолог реакционного мещанства, идущий за черносотенным В. Шуппе и «сочувствующий» свободомыслию Геккеля. Таковы все они, гуманные филистеры в Европе, с их свободолюбивыми симпатиями и с их идейным (и политическим и экономическим) пленением Вильгельмами Шуппе» [2]).

Эта блестящая и четкая формулировка классовой сущности махизма является формулировкой чрезвычайной важности. Как мы теперь знаем, «черносотенство» на современном языке носит название фашизма, т. е. является орудием откровенной диктатуры финансового капитала, сбросившего всякие маски демократии, парламентаризма и проч. И, как мы увидим далее, роль махизма сводится не к чему иному, как к содействию своеобразной «фашизации» науки.

Ленин особенно подчеркивает, что в писаниях махизма сплошь и рядом мы встречаем словесные заявления, что он против «фидеизма», против реакции и т. д. и т. п. Во всех этих случаях проявляется лишь предательская роль махизма. «Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя... Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо» [3]). В дальнейшем Ленин подчеркивает, что «для нас, марксистов, разница между г. Лопатиным и г. Вилли, Петцольдом, Махом и К° не более, чем разница между протестантскими и католическими богословами» [4]).

Прислужничество махизма фидеизму сказывается на кризисе физики тем, что это облегчает фидеизму его воздействие на естествознание, что махизм оказывается приводным ремнем от поповщины к естествознанию. Благодаря этому кризис естествознания еще более обостряется.

Указав расстановку сил в классовой борьбе в связи с вопросом кризиса естествознания, Ленин одновременно вскрывает ту роль, которую играют в эпоху реакции после революции 1905 года «наши махисты», «марксисты», взявшиеся за соединение марксизма с махизмом: Базаров, Богданов, Юшкевич, Суворов, Берман, Гельфонд и Луначарский.

Ленин подчеркивает, что «наши махисты» прежде всего не заметили реакционной сущности махизма, не поняли его классовой природы и в то же время стали выступать пропагандистами махизма. Тем самым они, идя за махизмом, сами стали проводниками поповщины и перешли в лагерь буржуазных философов. «Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатились по наклонной плоскости» [5]).

---

[1]) Т. X, стр. 303.
[2]) Т. X, стр. 301.
[3]) Т. X, стр. 292.
[4]) Т. X, стр. 299.
[5]) Т. X, стр. 290.

Не поняв реакционной сущности махизма, «наши махисты» не поняли даже не заметили связи махистской философии с кризисом естествознания. Явление кризиса естествознания выпало вообще из их поля зрения и не могло не выпасть, поскольку они об'явили махизм «новейшей философией» «философией естествознания XX века», преодолевшей якобы ограниченность материалистической философии. «Наши махисты» поверили на слово Маху Оствальду, Пуанкаре, Дюгему, Пирсону и им подобным, не рассмотрев классовой природы их философии, не поняв партийного характера их выступлений

В то время как Ленин подчеркивал: «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии» [1]), у «наших махистов» полное доверие, полное отсутствие критического, революционного отношения к этим по существу партийным выступлениям профессоров-естественников. У «наших махистов» совершенно выпала проблема партийности философии и естествознания.

Махисты-«марксисты» желают быть марксистами, но на самом деле ничего общего с марксизмом не имеют. Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» [2]), в которой он впервые в печати в 1908 году выступил против махистов, имевших в своих рядах и большевиков, трактует наших неумеренных поклонников Маха как философских ревизионистов и противопоставляет им подлинную линию революционного марксизма. То же в «Материализме и эмпириокритицизме» и других сочинениях. Ленин подчеркивает, что марксизм создавался в борьбе и с буржуазными теориями в области политической экономии, истории, в области философии и с оппортунистическими течениями в среде социализма. Марксизм рос и закалялся в непримиримой борьбе со всеми враждебными течениями вне и внутри марксизма. Этой непримиримости нет у Богдановых и К°.

Маркс, обосновывая и разрабатывая марксизм, подверг, например, в политической экономии, переработке все наследие буржуазной науки. Ленин подчеркивает, что задачей марксистов и в области естествознания является не только борьба с идеалистической гносеологией, а, поскольку таковая сказывается и не может не сказываться и на методологии, усвоение и переработка «тех завоеваний, которые делаются этими «приказчиками» (т.-е. буржуазными профессорами.—*А. М.)* и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели сделать наши махисты, — добавляет Ленин, — рабски следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть мы заблуждаемся, но мы ищем»,— писал от имени авторов «Очерков...» Луначарский. «Не вы ищете, а вас ищут, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т.-е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня а ля Оствальд, завтра а ля Мах, послезавтра а ля Пуанкаре» [3]).

И в «Материализме и эмпириокритицизме» и в своей повседневной непримиримой войне с махистами, которую вел Ленин в годы реакции, он подчеркивал, что махистская ревизия марксизма — явление отнюдь-таки не местное, не национально-российское, а интернациональное. В одном из своих многочисленных писем к Горькому, касающихся философской борьбы внутри и вне большевистской фракции после революции 1905 года [4]), он пи-

---

[1]) Т. X, стр. 290.
[2]) Т. XI, ч. I, стр. 53.
[3]) Т. X, стр. 290.
[4]) Ленинский сборник, I, стр. 89.

сал: «Neue Zeit» — самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков». То же делал Ф. Адлер в журнале «Der Kampf» и т. д.

Общественно-политическое значение этой пропаганды махизма и все предательство махистов-ревизионистов заключаются в том, что, как писал Ленин, «через махизм протаскивают в учителя рабочих прямых философских реакционеров и проповедников фидеизма!» [1]). С этой проповедью среди русских рабочих и посредством писаний махистов и посредством создавшейся тогда школы на Капри Ленину пришлось жестоко бороться, пока, наконец, к 1910 году философские разногласия не достигли такого значения, что были осуждены постановлением расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий» [2]).

Положение в борьбе Ленина с философскими ревизионистами усложнялось тем, что философская борьба переплеталась с общеполитической. За большевизм приходилось бороться не только и не столько по линии философии, сколько по линии борьбы политической, по линии защиты большевистской линии и от нападок меньшевиков-ликвидаторов и по линии борьбы внутри самой большевистской фракции против ультиматистов и отзовистов. Сложность борьбы обуславливалась тем, что Плеханов, сделавшийся центром т. н. меньшевиков-партийцев, нападал на большевиков и по линии политической (а для этого Богданов и др. давали достаточно материала, не говоря уже о всех прочих разногласиях Плеханова с большевизмом в целом), и по линии философской, стараясь по тактическим соображениям обвинить всю большевистскую фракцию в махизме [3]). В то же время махисты-ревизионисты избрали Плеханова об'ектом для нападок по линии философии и, критикуя Плеханова, по существу воевали с философскими основами марксизма вообще.

Поэтому Ленину приходится развертывать борьбу на два фронта: и против махистской ревизии (внутри и вне большевистской фракции) за ортодоксальный марксизм, защищавшийся в области философии Плехановым, и против Плеханова, поскольку, как мы сейчас увидим, исходившая из положений Маркса и Энгельса защита Плехановым марксизма от философской ревизии страдала формализмом и содержала в себе элементы, отражавшие меньшевистскую позицию Плеханова. Но на том этапе махистская ревизия была главной опасностью и на ней было сосредоточено главное внимание Ленина.

Плеханов своевременно заметил ошибочность философской линии Богданова и К°. Ленин в письме к Горькому от 25 февраля 1908 г. вспоминал: «С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов раз'яснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим» [4]). Несмотря на то, однако, что Плеханов с махизмом и махистской ревизией был знаком издавна и в достаточной степени, он не понял всего исторического значения махизма и не развернул должной критики махизма и махистской ревизии.

Плеханов выступил против махизма и его подголосков в среде марксистов в «Письмах к Богданову» (1908 г.), в статье «Трусливый идеализм» (1910 г.) и некоторых других сочинениях. Плеханов, как неоднократно отмечал Ленин, защищал философские основы марксизма от ревизионизма, и

---

[1]) Т. X, стр. 182.

[2]) См. Ленинск. сборн., I, стр. 104, и «Российская коммунистическая партия (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций (1898—1921 гг.)». Гиз., 1922 г., стр. 104—106.

[3]) См., напр., т. X, стр. 301, а также Ленинский сборник № 1, и др.

[4]) Ленинский сборник, I, стр. 91.

в этом его заслуга. Изучение всего написанного Плехановым по философии Ленин вменял в обязанность каждому революционному марксисту. Однако меньшевизм Плеханова сказался и в его постановке философских вопросов. Поэтому Ленин наряду с непримиримой борьбой против махистов-ревизионистов, как главной опасности, вскрывает и ошибки Плеханова. В чем эти ошибки по линии проблем, связанных с кризисом естествознания?

Эти ошибки идут по двум линиям. С одной стороны, Плеханов недостаточно четко боролся с проявлениями агностических и идеалистических шатаний среди естествоиспытателей. С другой стороны, Плеханов подошел к проблеме махизма формально, неисторично, прилагая «букву» марксизма без учета исторической обстановки и той связи, которую махизм имел с современным естествознанием. Поэтому Плеханов просмотрел вообще проблему кризиса естествознания.

В виду того, что на данном этапе революции в СССР в лице некоторых из учеников Плеханова его ошибки по всем этим вопросам воскресают снова, хотя и в новой форме, мы на этой стороне дела остановимся несколько подробнее.

Ошибку агностического порядка, тесно связанную с другими отступлениями Плеханова от гносеологии диалектического материализма по ряду вопросов, он совершил в примечаниях к первому изданию Энгельсова «Л. Фейербаха» на русском языке (1892 г.). Разбирая здесь [1]) взгляды кантианства по вопросу о познаваемости вещей в себе, он в качестве довода привел аргументацию из одной работы физиолога Сеченова («Предметная мысль и действительность») [2]), где последний об'являл наши впечатления от внешних предметов «лишь условными знаками». Вместо того, чтобы поправить Сеченова в духе материализма, Плеханов сам писал: «Наши ощущения— это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются».

Таким образом вместо критики кантианизма у Плеханова получилась уступка ему. Правда, во втором издании «Л. Фейербаха» Плеханов исправил терминологически приведенное место, но это далеко-таки не устранило ошибочности установок Плеханова в ряде других вопросов гносеологии, а в данном вопросе не исчерпывало всего существа сделанной ошибки.

Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что Плеханов, следуя Сеченову, некритически воспринял выводы естествознания в области философии. У Плеханова был большой пиэтет пред буржуазными естествоиспытателями, и его позиция резко отличается от ленинской («ни единому из этих профессоров нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»).

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» не только вскрывает ошибку Плеханова по вопросу об иероглифах, но на примере разбора агностических утверждений Гельмгольтца показывает, как должен был бы последовательный марксист подходить к ошибкам естествоиспытателей, подобных Сеченову.

Другая ошибка, также вскрытая Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и тесно связанная с указанной выше, касается гносеологии махизма, именно того коренного пункта всех злоключений махистов, который заключается в понимании ими «опыта». Уже во втором издании «Л. Фейербаха» Энгельса (1905 г.) Плеханов, разбирая взгляды махистов на теорию познания, по поводу утверждения ученика Авенариуса Карстаньена, «что для «Критики чистого опыта» опыт есть не средство познания, а только пред-

[1]) См. Собр. сочинений Плеханова, т. VIII, стр. 408.
[2]) См. Собрание сочинений Сеченова, т. II, стр. 247, 257.

нет исследования» [1]), сделал примечание: «Один немецкий писатель заметил, что для эмпириокритицизма опыт есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла, и рассуждения на тему о том, что эмпириокритицизм призван собою сменить материализм, оказываются совершенно пустыми и праздными» [2]).

И здесь у Плеханова, несмотря на его давнее знакомство с махистской литературой, проявилось примиренческое отношение к враждебному материализму определению понятия «опыт».

Но наиболее ярко некритическое и неисторическое отношение Плеханова к махизму сказалось в его разборе всего махизма в целом, как определенного течения, возникшего в определенных исторических условиях. Плеханов, несмотря на большое число страниц его сочинений, посвященных махизму, совершенно просмотрел связь махизма с новейшей физикой, вернее с определенной школой среди физиков конца XIX и начала XX века. Поэтому его критика махизма, несмотря на то, что на словах она была повторением положений, развитых основоположниками марксизма, и особенно Энгельсом, на деле была издевкой над марксизмом. Марксизм учит разбирать каждое явление конкретно, в его исторической обусловленности. Плеханов же приложил формулы марксизма механически, без учета конкретной исторической обстановки. Поэтому-то он и просмотрел проблему кризиса естествознания, вскрытую Лениным.

Последний писал: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь (связь махизма с определенной школой в новой физике. — *А. М.*),—как делает Плеханов,—значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы Энгельса» [3]).

Таким образом, мы видим, что в руках Плеханова метод марксизма омертвляется формальным его применением. Он отрывает философский анализ махизма от анализа состояния естествознания конца XIX и начала XX века. И это в то время, когда к естествознанию возникал в связи с новейшими теориями интерес среди рабочего актива.

В статье «Об изучении философии», опубликованной в июне 1910 года в «Дневнике социал-демократа» [4]), Плеханов отвечает на одно интересное письмо, где один товарищ писал: «Необходимо «введение в философию» в основе научного марксизма и естественных наук, систематически... если не излагающее, то, по крайней мере, ставящее все наиболее существенные вопросы этой дисциплины».

Плеханов в цитированной статье в ответ на письмо пишет: «Вот уже более двух лет у меня лежит «Введение в философию диалектического материализма», написанное одним очень компетентным товарищем». Автор этого «Введения...» есть не кто иной, как тов. Деборин, участвовавший в ту пору вместе с Плехановым во фракционных нападках на Ленина.

И во «Введении», вышедшем в печати лишь в 1916 году, и в предисловии к нему Плеханова снова разбирается философия махизма и цитируются авторы-естественники—Оствальд и др. При этом затрагиваются неизбежно и естественно-научные вопросы, послужившие махистам для развертывания их идеалистической гносеологии, как строение материи, энергетика и т. д.

Но ни в предисловии Плеханова, где последний обсуждает проблему строения материи [5]), ни в книге тов. Деборина нет ни слова о кризисе естествознания.

[1]) Т. X, стр. 122.
[2]) Предисловие Плеханова к 2-му изданию «Л. Фейербаха» Энгельса.
[3]) Т. X, стр. 210.
[4]) Собр. соч. Плеханова, т. XIX, стр. 202.
[5]) См. Собр. соч. Плеханова, т. XVIII, стр. 318—320.

Формальный подход к проблемам естествознания у тов. Деборина Ленин отметил еще в 1909 году, когда вышла в сборнике «На рубеже», вошедшая затем во «Введение», его статья «Диалектический материализм». В ней т. Деборин, затрагивая вопрос об отношении диалектического материализма к новейшим учениям о строении материи, ставит вопрос и о «сущности нового течения в области естествознания». Однако его ответ на этот вопрос односторонен и недостаточен. Ленин, читая это место статьи, сделал заметку: «Ага! Плеханов молчит об этом «новом течении». Деборин неясно его представляет» [1]).

Итак, и Плеханов, и его ученик Деборин не заметили проблемы кризиса естествознания, вскрытой и проанализированной Лениным, подошли к махизму формально, неисторично, вне его связи с естествознанием.

Эта ошибка, как мы сейчас увидим, коренится в понимании Плехановым метода марксизма — материалистической диалектики.

Плеханов очень много писал и боролся против идеализма. Но в этой борьбе он отрывал гносеологию от логики или методологии, упускал из виду, что идеализм—не поверхностный налет на тех или иных научных положениях, а тесно связан с трактовкой проблем, в связи с которыми проявляется идеализм. Поэтому борьба против идеализма могла быть лишь тогда вполне плодотворной, когда она не только опровергала идеализм с точки зрения общих положений материализма, т.-е. абстрактно, а конкретно, путем положительного решения избранной идеализмом, как об'ект, проблемы. Так делали Маркс и Энгельс. Они не только вообще критиковали идеалистов, но, критикуя, перерабатывали самую науку, по-марксистски решая спорные проблемы и на этом решении доказывая правоту марксизма.

Ленину видна была эта слабая сторона плехановской концепции марксизма. В своих философских тетрадях при проработке истории философии он писал: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов+против Богданова+против кантианцев+основные вопросы и т. д.). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика, как философская наука) ничего» [2]).

Это пренебрежение диалектикой обусловливалось именно абстрактным пониманием гносеологии, т.-е. непониманием органической связи ее с методологией, непониманием тождества гносеологии и логики. «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [3]).

Естественно, что Плеханов, ставя проблему гносеологии абстрактно, т.-е. вне разбора по существу соответствующих проблем или теорий науки, не только не имел надобности в диалектике, но не понимал, в чем суть, «душа» этой диалектики. Ленин, подчеркивая в «К вопросу о диалектике» роль закона единства или тождества противоположностей в диалектике, писал: «На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например, зерно», «например, первобытный коммунизм» [4]).

Именно в недостатке внимания к диалектике видел Ленин слабую сторону и той критики идеализма, которую дал Плеханов. В «философских тетрадях», посвященных логике Гегеля, Ленин писал: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистиче-

---

[1]) Ленинский сборник, XII, стр. 357.
[2]) Там же, стр. 223—224.
[3]) Там же, стр. 325.
[4]) Там же, стр. 323.

ской, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий».

В свете этих ошибок Плеханова и К° для нас истинный смысл приобретает место в его письме в редакцию газеты «Пролетарий» и в речи Плеханова на Лондонском с'езде РСДРП в 1907 году. В речи «Об отношении к буржуазным партиям» он обвинял Ленина в «беззаботности насчет философии» [1]). Мы видим, что история решила этот упрек прямо в обратном отношении: «беззаботным» проявил себя именно Плеханов и его ученики, несмотря на тысячу страниц, посвященных ими философии. Ленин, учась непосредственно у Маркса и Энгельса и прилагая их метод к конкретной исторической обстановке, двинул дело развития марксизма далее и решил ряд новых проблем, выдвинутых историческим развитием капитализма. Это справедливо и по отношению к такой области, как естествознание.

— · · ·

Вскрыв сущность кризиса естествознания, указав путь преодоления этого кризиса, Ленин, борясь с махизмом и ревизионизмом, указал и те задачи, которые стоят перед марксистами в области естествознания.

Эти задачи заключаются, во-первых, в изучении философской борьбы за выводы из современного естествознания с тем, чтобы отчетливо себе представлять, в чем суть расхождения различных направлений среди естествоиспытателей и в каком отношении они стоят к основным линиям в философии. На основе этого изучения, во-вторых, марксисты должны вести непримиримую борьбу как с идеализмом вообще, так и с его проявлениями в естествознании. При этом особенно внимание должно быть обращаемо на различные завуалированные формы идеализма, прикрывающиеся различными модными названиями, подделывающиеся под стихийный материализм естествоиспытателей. В этой борьбе с идеализмом должно вскрывать классовую природу философских группировок и отражение ими идеологий враждебных пролетариату классов.

Борясь с идеологическим влиянием на естествознание враждебных пролетариату классов, бороться, в-третьих, за чистоту марксистской теории в области философии и естествознания и противопоставлять партийности буржуазной философии и ее подголосков среди неустойчивой части марксистов большевистскую партийность в философии и естествознании. Борьба против оппортунистических тенденций и групп должна вестись и против механистических упрощений материализма и против примиренчества к идеализму.

Наконец, в-четвертых, борясь против идеалистических течений в современном естествознании, отсекая реакционные тенденции естествоиспытателей, перерабатывать достижения буржуазного естествознания на основе диалектического материализма. В то же время, пропагандируя диалектический материализм, указывать стихийным материалистам-естественникам, как найти путь и сознательно усвоить диалектический материализм, который единственно и обеспечивает выход естествознания из кризиса.

Вот те задачи, которые выставлялись Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

Иначе эти задачи встали перед марксистами после завоевания власти пролетариатом СССР. Впервые в истории марксизм стал мировоззрением господствующего класса. Естественно, что перед марксизмом встали новые

[1]) Собр. сочин. Плеханова, т. XIII, стр. 274, и т. XV, стр. 392. См. об оценке Плехановым Ленина у Сталина в «Вопросах ленинизма», Гиз., 1930 г., стр.

задачи, а старые задачи стали по-новому. Об этом и говорит Ленин в программной статье «О значении воинствующего материализма», написанной для журнала «Под знаменем марксизма» (1922 г.).

Победа пролетариата в СССР была сделана под руководством большевистской партии. Крушение буржуазии было и крушением ее агентуры в среде рабочего класса в лице оппортунизма-меньшевизма. Успехи пролетариата в СССР тесно связаны с ростом и усилением партии коммунистов. Перед авангардом рабочего класса встали новые задачи и в области естествознания.

Ленин в указанной статье в качестве задачи марксистов-коммунистов ставит прежде всего организацию масс. «Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу». Для этого нужно уметь осуществить союз коммунистов с некоммунистами-материалистами, последовательно защищающими материализм. Лишь при этом условии может быть успешной «борьба с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества»», только так может быть организован должный отпор профессорам философии — «дипломированным лакеям поповщины»—и самой поповщине.

«Союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»,—вот первая задача, которую поставил Ленин пред коммунистами.

Следя за новейшей революцией в естествознании и философскими выводами из нее, организовывать, при поддержке союзников из числа некоммунистов, отпор «натиску буржуазных идей» и попыткам «восстановления буржуазного миросозерцания»,—вот вторая задача, которую ставит Ленин перед марксизмом в области естествознания.

Эта задача не может быть осуществлена без конкретного применения метода диалектического материализма к проблемам естествознания. Для этой цели марксисты должны изучать философию диалектического материализма. Большую роль в этом изучении Ленин отводит изучению Гегеля с материалистической точки зрения. «Естествоиспытатели найдут,—писал он,—в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды».

Без изучения диалектического материализма и без применения его к естествознанию — без этого, подчеркивает Ленин, «естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях». Поэтому третьей задачей, стоящей перед марксизмом в области естествознания, является, по Ленину, обеспечение правильных выводов из новейших открытий с помощью метода диалектического материализма.

Все эти задачи встают в условиях совершенно отличных от тех, при которых Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм». Работа коммунистов в области естествознания в смысле его преобразования, перестройки после победы пролетариата, опирается на всю мощь пролетарского государства. Ленин неоднократно в своих сочинениях подчеркивает, что культура, которую должен создать пролетариат, не идет ни в какое сравнение с жалкой культурой (нами еще не превзойденной во многих отношениях) капитализма. Условия существования сов. власти обеспечивают быстрый и прочный рост культуры.

Все эти ленинские предсказания блестяще оправдываются в данное время, в том числе и по отношению к области естествознания. Но если пролетарская диктатура—предпосылка невиданного роста культуры, то и борьба против некультурности, против мракобесия всех сортов, в том числе и идеализма получает в лице диктатуры пролетариата могучее орудие. Поэтому и борьба против идеологической реакции может вестись не только средствами убеждения, но и средствами принуждения, средствами органов защиты пролетарской диктатуры. По поводу статьи П. Сорокина, явившегося апологетом буржуазных идей и крепостничества в одном советском журнале, Ленин писал: «... придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников». «Вероятно,—добавляет он,—немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не более чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста» [1]).

В качестве меры ограждения нашей молодежи от таких воспитателей и членов учебных обществ Ленин рекомендовал вежливенькое препровождение их в страны буржуазной демократии. Хотя П. Сорокин и не был естественником, но ясно, что метод действий, рекомендованный Лениным по отношению к подобным «ученым», целиком приложим и к «крепостникам» и растлителям и из числа естествоиспытателей.

Вот те задачи, которые ставил Ленин пред марксистами в области естествознания.

Теперь мы можем подвести итоги тому, что сделал Ленин в смысле дальнейшего развития марксизма применительно к естествознанию.

Ленин продолжил дело Маркса и Энгельса и применил марксистский метод к анализу естествознания эпохи империализма, дав и здесь новое по сравнению с тем, что было дано основоположниками марксизма.

Он вскрыл противоречия и суть кризиса естествознания в эпоху империализма и указал пути преодоления этого кризиса.

Дал классический пример того, как нужно бороться с идеализмом в естествознании, как выражением идеологии враждебных пролетариату классов.

Продолжил дело Маркса и Энгельса в борьбе с оппортунизмом в новой обстановке и поставил во весь рост проблему борьбы за большевистскую партийность в философии и естествознании.

Своей разработкой проблем диалектического материализма и решением ряда проблем из области философии естествознания указал путь дальнейшим поколениям марксистов, как положительно решать проблемы, стоящие пред марксизмом в области философии и естествознания.

Наконец, сформулировал те задачи, которые стоят пред марксизмом в области естествознания.

Во всех этих вопросах, по всем этим линиям Ленин представляет собой новый этап в развитии марксизма в эпоху империализма и пролетарских революций.

IV.

Анализ кризиса естествознания, данный Лениным, относится к концу XIX и началу XX века. С той поры прошло уже более четверти века. Что изменилось с тех пор и насколько ленинский анализ сохраняет свое значение и до настоящего времени?

---

[1]) Собр. соч., т. XX, ч. 2-я, «О значении воинствующего материализма».

В современном положении капитализма, в том, что он является умирающим капитализмом, в обострении противоречий между состоянием развития производительных сил и экономическими отношениями капитализма, в усилении кризиса естествознания,— во всем этом мы имеем блестящее подтверждение ленинского анализа империализма, как последней стадии, стадии разложения капитализма.

Капитализм быстрыми шагами идет к концу. В данное время он переживает невиданный кризис производства как в области промышленности, так и сельского хозяйства. В то же время классовые противоречия достигли невиданной остроты. Буржуазия все более от методов «демократии» переходит к методам открытой диктатуры. Парламентаризм разрешается в фашизацию всей государственной машины. Гражданский мир все более переходит в открытую гражданскую войну.

Наряду с этим распадом капитализма мы видим рост рабочего движения, успехи компартий, распространение на широчайшие массы влияния марксистско-ленинского учения.

Во всем этом процессе огромнейшая роль принадлежит пролетариату СССР — «ударной бригаде мирового пролетариата». Успехи социалистического строительства СССР, наступления на остатки капитализма по всему фронту—все это делает СССР, с одной стороны, об'ектом надежд и симпатий мирового пролетариата, а с другой — ненависти и нападений империалистов. В мировом масштабе практически решается в данное время проблема «кто кого».

Все это создает еще значительно более глубокие корни для обострения кризиса в естествознании, чем четверть века тому назад.

Кризис производства, который имеется в странах капитализма, сказывается и на науке, усиливая ее кризис. Все более и более часто встречаемся мы с фактами, что новейшие открытия науки не находят себе приложения в условиях капиталистического хозяйства, что нередко такие открытия скупаются капиталистическими трестами для того, чтобы устранить возможность введения в жизнь новейших открытий и тем устранить конкуренцию новых способов производства. На этих примерах мы видим, как загнивание капитализма ведет к загниванию науки.

Обострение классовой борьбы ведет за собой и обострение идеологической борьбы. В то же время обнажение всех противоречий ставит пред интеллигенцией Запада и Америки необходимость большей точности в политической и идеологической ориентации. «Крестовый поход» против СССР не только в области экономики и политики, но и в области идеологии, возглавляемый «его святейшеством» папой римским, ведет к все большему и большему расслоению интеллигенции в странах капитализма. Все, что не находится на откупу у финансового капитала, что сознает его гнет на себе,— все более и более встает на сторону СССР. Среди этой части интеллигенции нет громких (за редким исключением) имен, но успехи распространения идей коммунизма среди этой прослойки интеллигенции несомненны.

С другой стороны мы имеем магнатов науки, сросшихся всем своим существом со строем капитализма. Они вместе с остальными отрядами буржуазии участвуют в походе против СССР. Фидеизм и мистицизм пожинают теперь плоды среди этой части интеллигенции и берут реванш за когда-то имевшую место борьбу науки за эмансипацию, за революцию против религии, бывшей тогда идеологическим оружием феодализма.

Действительно, в соответствии с общим обострением кризиса капитализма мы имеем и обострение кризиса в естествознании.

С начала XX века естествознание вообще и физика в особенности сделали крупные успехи. Квантовая теория света, теория относительности, теория строения атома, учение о спектрах, новое понимание периодическо

системы Менделеева, дальнейшее изучение радиоактивности и учение об изотопах, открытие космических лучей и возникновение теорий о процессах, происходящих в мировом пространстве, дальнейшее развитие на основе новейших успехов физики и химии космогонических теорий, квантовая механика и волновая теория материи,— вот неполный перечень главнейших достижений физических наук за последние двадцать пять лет. Никогда еще физика не развивалась такими темпами, как за это время: невиданный рост науки, быстрая смена теорий и буквально потрясение всех теоретических устоев, на которых строилась прежняя физика.

Если в начале XX века почвой для распространения идеалистических теорий послужила главным образом ломка старых представлений о материи в физике, то теперь [1]) теория относительности потрясла старые представления о пространстве и времени, о массе, энергии, тяготении, теория квант выдвинула во главу угла проблему прерывности процессов, ранее считавшихся непрерывными, учение о строении атома перестроило физическое понятие материи и в дальнейшем развитии привело к волновой теории материи, производящей новую революцию в представлениях о физическом понимании материи и движения. В связи с развитием и применением квантовой теории в учении о строении материи, развивается применение статистических методов исследования и наряду с прежними «динамическими» закономерностями выдвигаются на передний план «статистические» закономерности. В связи с этим рушится старое понимание причинности в физике.

Усилился также и тот фактор, облегчающий к скатыванию в идеализм и обуславливающий кризис физики, который Ленин констатировал в лице математики. Если в начале XX века этот фактор приводил к формализации физики, к тому, что оставались уравнения, а материя исчезала, то теперь роль этого фактора усилилась во много раз. Математика в ее понимании и применении буржуазными учеными является в данное время самой наиболее глубоко пронизанной идеализмом дисциплиной. Захват математикой целых разделов физики, притом тех, которые связаны с новейшими открытиями, ведет к чрезвычайному обострению всех противоречий и кризиса физики.

Вот как живописует роль математики в физике один из буржуазных ученых — О. Хвольсон. «Математика,—пишет он [2]),—играет в новом учении (о волновой теории материи.— *А. М.*) совершенно исключительную, не вспомогательную, но главенствующую роль. Ничего подобного мы не встречаем в других отделах физики. С небольшой натяжкой можно сказать, что в новом учении почти никакой физики не осталось. И, что самое ужасное, это не та высшая математика, которая обычно преподается в университетах, с которой справляются и которой умеют пользоваться все физики. Нет, тут на первом плане оказываются такие отделы математики, о которых ни один физик никогда ничего не слыхал. А еще хуже то, что число этих отделов непрерывно растет, так что только немногие заядлые физики-теоретики могут следить за этой математической вакханалией, в которой для физики, для физического мышления, отчасти руководимого «физическим чутьем» (! Стихийным материализмом!— *А. М.*), остается крошечное, непрерывно уменьшающееся место».

Все эти теории, устанавливая диалектику физических категорий, и в то же время являясь дальнейшим торжеством познания об'ективного мира, по существу лишь далее доказывают правоту диалектического материализма. Однако вместо усвоения диалектического материализма, мы видим среди

[1]) Подробный разбор кризиса современной физики и определение задач, стоящих пред нами, будут даны в особой статье. Здесь же за недостатком места дается лишь общая характеристика черт современного кризиса в физике.

[2]) О. Хвольсон, Физика наших дней. Гиз. 1928 г., стр. 319.

физиков на основе ломки всех физических представлений новейшими открытиями распространение идеализма. Новое по сравнению с тем временем, которое рассматривал Ленин, здесь то, что меняется соотношение между материалистическим крылом и идеалистическим крылом в физике.

Если ранее, как приводит Ленин, Маху, Дюгему, Пуанкаре, Пирсону, Оствальду противостояли Максвелл, Больтцманн, Лоренц, Гельмгольтц, Томсон, Герц, Кирхгофф и ряд других физиков, если именно последней группе физиков принадлежала ведущая роль в создании новых теорий и в открытии новых фактов, то теперь дело обстоит иначе.

А. Эйнштейн, творец теории относительности, Гайзенберг и Шрёдингер—авторы волновой теории материи,—Бор, Мизес, Иордан, Ф. Франк, Гааз, Вейль и присяжные проповедники махизма среди физиков—Райхенбах в Берлине, М. Шлик — в Вене, Г. Динглер — в Мюнхене и ряд других, им подобных,—все они являются идеалистами махистской разновидности. Они ныне господствуют над умами физиков, поднятый ими шум создает иллюзию, что материализм исчез из физики окончательно.

Действительно, из физиков, которые осмеливаются защищать, хотя бы и непоследовательно, материализм, могут быть названы в настоящее время лишь немногие (Планк, Ленар и некоторые другие), притом из числа принадлежащих к старому поколению ученых. Но и у этих физиков защита материализма в данное время на каждом шагу сочетается с поповской проповедью [1]) и представляет из себя лишь жалкие отребья даже того, что можно было бы когда-то найти, например, у Геккеля, не говоря уже о немецких материалистах XIX века, или еще менее говоря о французских материалистах XVIII века.

Поэтому на данном этапе развития буржуазной физики — идеализм беспрепятственно господствует среди физиков, не встречая открытого сопротивления. Но тем большее противоречие создается в самой физике.

Физика есть учение об об'ективной действительности и, хотят того или не хотят махистские звонари, она заставляет физиков говорить материалистическим языком. Как бы ни трудились физики-махисты, для них нет надежды перестроить физику на суб'ективно-идеалистических началах. Материализм, как стихия, остается неискоренимым. Но тем большее противоречие создается между стихийно существующей в физике системой материализма и стихийным признанием его физиками во всем их словоупотреблении, во всей их практической деятельности, и господствующими теперь философскими течениями. Это кричащее противоречие—буквально вопль современной физики.

Другой новой чертой переживаемого физикой настоящего времени кризиса является то, что материализм перед физиками все более предстает в форме диалектического материализма. В то время, как среди буржуазных ученых материализм окончательно выродился, материализм в лице марксизма делает все большие и большие успехи. В СССР диалектический материализм — ведущая форма идеологии, окончательно вытесняющая и идеализм и старые, ограниченные формы материализма. Но и за границей СССР диалектический материализм делает все большие и большие успехи. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина переведен на европейские языки, как и некоторые его другие философские работы. Общение между научными работниками буржуазных стран и СССР приводит ко все большему ознакомлению первых с той ролью, которую играет марксизм в области естествознания в СССР.

---

[1]) См., напр., статью Планка в рождественском номере газеты «Berliner Tageblatt» от 25 декабря 1930 г.

В результате этих успехов пропаганды диалектического материализма теперь уже иначе стоит вопрос о роли незнания диалектического материализма буржуазными профессорами в их скатывании к идеализму. Теперь все большее число буржуазных физиков скатываются и будут скатываться в идеализм не потому, что они не знают диалектического материализма, а несмотря на то, что им известно существование такового. Одним из первых физиков, которые, зная, например, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, выступают все же с проповедью махизма, является пражский проф. Ф. Франк [1]. Именно то, что диалектический материализм—философия победившего в СССР пролетариата и идущего к победам пролетариата Запада и Америки, именно это заставляет буржуазных ученых сознательно отшатываться от него. Мы несомненно будем все чаще встречаться с фактами попыток прямой фашизации науки, как это имело место в связи с «обезьяньим процессом» в Америке (попытка организации университета на основе библии) [2].

Наряду с усилением идеализма среди буржуазных магнатов науки, усиливаются позиции диалектического материализма среди ученых СССР и других стран. Методология диалектического материализма делается в настоящее время единственной формой развития науки. Лозунг т. Сталина — «большевики должны овладеть техникой и наукой», подхваченный тысячами пролетариев, кончающих вузы и втузы (прежде всего так называемыми «тысячниками» и рабфаковцами), явился призывом к коренной перестройке всего естествознания на основе диалектического материализма. На основе постановлений ЦК ВКП(б) о перестройке Комакадемии и институтов красной профессуры делаются необходимые к этому организационные шаги.

Все это ведет к тому, что между диалектическим материализмом и идеализмом в физике начинается «последний и решительный бой». Борьба марксизма за овладение естествознанием будет втягивать все большие слои западноевропейской и американской интеллигенции и раскалывать ее. Все, что имеется живого среди этой интеллигенции, пойдет под руководством пролетариата на штурм капитализма и в этой специальной области.

Материализм в физике победит, но победит как диалектический материализм. На данном этапе борьбы пролетариата за коммунизм это означает, что физика преодолеет кризис лишь под руководством пролетариата. Отсюда вытекает с необходимостью, что борьба коммунистов—естественников и философов за овладение естествознанием и философией неотделимы от общей борьбы пролетариата за победу над капитализмом. Но отсюда же вытекает и то, чтобы оружие борьбы — диалектический материализм был применен по-ленински, т.-е. конкретно, применительно к данной исторической обстановке, неискаженный никаким упрощенством или не оскопленный никаким ревизионизмом.

В период после революции 1905 года, среди неустойчивой части марксистов распространилось махистское поветрие. Выше мы видели, как критиковал Ленин ревизионизм махистов. Это течение тогда же было признано агентурой классового врага пролетариата и как антимарксистское было осуждено. Какова судьба махистской ревизии в наше время?

Дав оценку махистам-ревизионистам, Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «Поживем — увидим, долго ли еще будет расти китайская коса махистокого идеализма» [3]. Там же по поводу махистских ошибок Дауге Ленин писал: «Путь от Маркса к «дицгенизму» и «махизму» есть путь в б о л о т о, не для лиц, конечно, не для Ивана, Сидора, Павла,

[1]) См. «Под знам. марксизма» за 1930 г., № 2—3, стр. 252—255. Рецензия на статью Ф. Франка.
[2]) См. П о л и т и к а, Обезьяний процесс в Америке, Гиз, 1926 г.
[3]) Т. X, стр. 193.

а для направления» [1]). Наконец, в том же «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин давал еще более определенный прогноз для судьбы махистов-ревизионистов: «Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме»... [2]).

То, что махизм в его «чистом» виде и в том виде, в котором он преподнесен ревизионистами, не найдет почвы среди рабочих, для Ленина было всегда ясно. В письме к Вилонову от 7/IV—1910 г. он писал: «Очень рад, что знакомство с прагматизмом начало отталкивать вас от махизма. Теперь в России усиленно переводят всю эту «новейшую» философскую сволочь: Петцольда и К°, прагматистов и т. д. Это хорошо: когда русская публика и особенно русские рабочие посмотрят в натуре на учителей наших Богданова и К°,— они быстро отвернутся и от учителей и от учеников» [3]).

В данное время путь махистов-ревизионистов в болото закончен. Они навеки сгинули в болоте небытия. Последней литературной, ни на кого не произведшей (кроме неустойчивых элементов из интеллигенции) никакого впечатления, судорожной попыткой проявить жизнь был выпуск сборника: «Теория относительности и ее философское истолкование». Статьи Морица Шлика, В. Базарова, А. А. Богданова и П. С. Юшкевича, 1923 г. На этом сборнике, еще раз продемонстрировавшем верность «наших махистов» линии на смыкание с мелкобуржуазными идеалистическими течениями на Западе (М. Шлик), закончилась их философская литературная деятельность. После этого для некоторых из них осталась лишь вредительская работа (В. Базаров), итог которой был подведен недавно имевшими место процессами «Промпартии» и меньшевиков.

Но если у нас в СССР дело махистского ревизионизма покончено, то он еще процветает в среде апологетов II интернационала. Махизм и неокантианизм,— вот что заменило диалектический материализм у социал-предателей. Став бесповоротно на сторону идеализма, они по мере сил содействуют фашизации науки. Наша задача разоблачать на основе опыта пролетариата СССР предательскую роль этой философской контрреволюции, еще осмеливающейся прикрываться именем социализма.

В наших условиях махизм имеет место по преимуществу как буржуазное течение. Ревизионизм же теперь представлен иными течениями.

Среди них первое место принадлежит механистической ревизии марксизма. Это течение, призывая заменить диалектический материализм половинчатым материализмом Бюхнеров и К°, отождествляя выводы современного естествознания с философским материализмом, по существу становится на сторону буржуазной науки. Механистическая ревизия является правооппортунистической не только в области политики и экономики, где она служит теоретической основой правого уклона, но она правооппортунистична и в ее практической программе в области естествознания. Механический материализм разоружает марксизм, отрицает наличие кризиса в естествознании и тем самым правооппортунистически подходит к оценке сущности борьбы в современном естествознании, становясь на одну из сторон борющихся в буржуазном естествознании партий. Механистический материализм хочет решить проблему науки не с точки зрения диалектического материализма, не с точки зрения мировоззрения пролетариата, а с точки зрения одной из борющихся буржуазных группировок, отрицая тем самым гегемонию диалектического материализма.

В этом смысле механистическая ревизия в области естествознания и философии является отражением буржуазных идеологических влияний в среде

[1]) Т. X, стр. 208.
[2]) Т. X, стр. 293.
[3]) Ленинский сборник, XIII, стр. 177.

марксистов и должна рассматриваться как главная опасность на данном этапе.

О механистах в свое время писалось много и их философские взгляды довольно подробно охарактеризованы в целом ряде документов. Здесь для нас важно подчеркнуть, что оппортунизм механистов сказывается и в их отношении к Ленину и к проблеме кризиса в естествознании.

Тов. Тимирязев, являющийся лидером механистов, в своем сборнике статей «Естествознание и диалектический материализм» совсем просмотрел, как и другие механисты, проблему кризиса в естествознании. Более того, вся его концепция сводится к тому, что идеализм лишь механическая «накипь» на здоровом теле—естествознании [1]). Наиболее своеобразным в позиции тов. Тимирязева все же пожалуй является утверждение, что, если какая наука больна, то это наша, советская!

В статье «Поход современной буржуазной науки против материализма в области естествознания» он подчеркивает, что между походом против материализма на Западе и у нас в СССР огромная разница. Эта разница заключается в том, что «на Западе все, что можно использовать для указанной цели из области естествознания, добросовестно используется в статьях и книжках по философии и общественным наукам, все это проповедуется с кафедр философии—словом, это дело строго обособленных органов буржуазного общества, задача которых обрабатывать надлежащим образом так называемое общественное мнение. Самую же научную литературу по естествознанию и преподавание—может быть, только до поры, до времени—оставляют в покое» [2]). «Не то у нас,—продолжает т. Тимирязев,—у нас появляется целый ряд книжек по естественным наукам, где в очень искусной, но, правда, беззастенчивой форме, опровергается материализм».

Вот суть тимирязевского анализа современного состояния на Западе и у нас: на Западе естествознание свободно от идеализма, там идеализм проповедуют вопреки естествоиспытателям философы, а вот у нас с идеализмом в естествознании положение много, много хуже! Тов. Тимирязев не понимает того, что идеализм в естествознании в СССР находится в непосредственнейшей связи с идеализмом естественников на Западе. Более того, тов. Тимирязев является апологетом буржуазной науки о природе, защитником некритического усвоения естественно-научного наследства буржуазии. Естественно, что его точка зрения прямо противоположна в этом вопросе ленинской установке.

Наряду с механистической ревизией последние годы сформировалась новая разновидность ревизионизма—«меньшевиствующий идеализм», как метко ее окрестил тов. Сталин, имеющая свои корни в плехановской установке в решении философских проблем.

Возглавил это течение тов. Деборин, всем своим прошлым тесно связанный, как мы это видели выше, с Плехановым. К нему примкнули из естественников тт. Агол, Левит, Левин, Гессен и некоторые другие.

Сущность этого течения охарактеризована в философском отношении в опубликованных резолюциях, статьях и других материалах.

По линии разбираемой здесь проблемы кризиса естествознания мы имеем в лице течения «меньшевиствующий идеализм» недооценку Ленина и его «Материализма и эмпириокритицизма» и неправильное понимание или полное забвение существа кризиса в естествознании.

Деборин в брошюре «Ленин, как мыслитель» не только неправильно изображает дело, когда говорит, что Ленин был учеником Плеханова в области философии (мы видели, что Ленин ведет свою линию непосредственно

[1]) Статья «Ленин и современное естествознание», стр. 218 указанного сборника.

[2]) Там же, стр. 97.

от Маркса и Энгельса), но совершенно искажает дело, преувеличивая значение Плеханова и уменьшая роль Ленина, когда говорит, что «оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга. Плеханов прежде всего теоретик, Ленин же прежде всего практик, вождь» [1]).

Недооценку Ленина мы имеем и в резолюции II конференции марксистско-ленинских учреждений, где было сказано: «В естествознании марксизм... после Энгельса почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем сравнительно немного, правда, гениальных, страниц». То, что здесь непонятыми оказались и «гениальные страницы», следует из того, что конференция в резолюции по докладу т. О. Ю. Шмидта совершенно у п у с т и л а и з в и д у к о р е н н о й ф а к т к р и з и с а е с т е с т в о з н а н и я, т.-е. тот факт, анализу которого и посвящен «Материализм и эмпириокритицизм».

Не исправила дела в этом отношении и речь тов. Деборина, прочитанная в торжественном годовом собрании Академии наук в начале 1930 года и посвященная проблеме «Ленин и кризис новейшей физики». Несмотря на формальное совпадение там и сям формулировок тов. Деборина с формулировками Ленина и Энгельса, они заключают в себе элементы ревизионизма.

В этой речи анализ кризиса естествознания ведется абстрактно, без учета конкретного состояния в данный момент классовой борьбы. Формулы марксизма-ленинизма прикладываются механически, не исторично, а потому неправильно, схоластически. Не говоря ничего о расстановке классовых сил теперь (в СССР и капиталистических странах), т. Деборин не смог дать ленинского определения сути кризиса в естествознании. Вместе с тем, имеется налицо переоценка Гегеля и недооценка Ленина. Современные естествоиспытатели причесываются под Ленина, а Ленин снижается до уровня Планка, Эйнштейна и др.— Одним словом мы в этой речи имеем все элементы «меньшевиствующего идеализма». Последний и есть второй фронт, против которого приходится бороться в данное время за чистоту марксизма-ленинизма.

Борьба с этими формами ревизионизма, с механицизмом и «меньшевиствующим «идеализмом»—залог победы марксизма-ленинизма в борьбе за завоевание естествознания и за преодоление в нем кризиса. Однако и здесь мы имеем особенность, которой ранее не было. Если ранее ревизионизм, хотя и трусливо, хотя в форме «бунта на коленях», но выступал против диалектического материализма, то успехи социалистического строительства, рост рабочих марксистских кадров, твердая линия партии в защиту марксизма-ленинизма от каких бы то ни было извращений,—все это делает невозможными прежние формы ревизионизма.

Если в 1908 и последующих годах философский ревизионизм кутался в тогу «новейшей философии», «философии современного естествознания» и т. д., то теперь ревизионизм выступает под флагом «разработки диалектического материализма», облачается в тогу марксизма-ленинизма, подкрашивается всеми способами под марксизм-ленинизм. И иначе поступать для ревизионизма в условиях диктатуры пролетариата и страны строящегося социализма невозможно. И чем более преуспевает диктатура рабочего класса, чем большие успехи делает социалистическое строительство, тем более тонкую форму приспособления применяют враги марксизма. Внешне, словесно как будто все марксистски, а на деле извращение марксизма.

Могущественнейшим фактором в преодолении кризиса в естествознании и основой для полной перестройки науки являются успехи социалистического строительства СССР. У нас нет перепроизводства, нет безработицы. Для неограниченного роста производительных сил нет никаких препятствий.

---

[1]) Стр. 15 второго издания.

Это означает, что и для науки открываются новые, еще невиданные возможности. Вместо загнивающей науки в условиях загнивающего капитализма мы имеем условия, в которых естествознание получает мощный толчок к дальнейшему развитию. В условиях строящегося социализма уничтожаются корни идеализма в естествознании и тем самым создаются все предпосылки для преодоления кризиса в нем.

Однако преодоление идеализма, а также и оппортунистических течений, не может произойти самотеком, механически, без борьбы. Более того, на данном этапе развернутого социалистического наступления на остатки капитализма в СССР происходит обострение классовой борьбы не только в области экономической и политической, но и в области философии и естествознания. В последнем мы имеем как вредительство, так и усиление борьбы материализма и идеализма. Непримиримая борьба за марксистско-ленинскую теорию, разоблачение всех самых прикрытых форм идеализма—необходимое условие преодоления как откровенного идеализма, так и оппортунистических течений.

Ленин, как мы видели выше, выдвинул на переднее место проблему партийности науки. Борьба за овладение диалектическим материализмом естествознанием есть борьба за большевизацию науки. В области естествознания это не значит только изгнание идеализма и механическое насаждение материализма в естествознании. Ленин в своих философских работах показал, что гносеология и есть логика. Это в применении к естествознанию значит, что идеализм проявляется в естествознании не только в форме отрицания примата бытия по отношению к мышлению, но и в форме определенного понимания идеалистами-естественниками самого метода естествознания, в форме постановки и решения ими современных проблем естествознания. Поэтому борьба за большевизм в науке есть в то же время борьба за коренную перестройку ее, за пересмотр всех решений проблем, какие давались в естествознании идеалиствующими естествоиспытателями.

Но в то время как буржуазная партийность естествознания была тормозом в его развитии, большевизация науки несет ее расцвет. Это вытекает из существа большевистской партийности, являющейся орудием борьбы за уничтожение классов. Социализм есть н а у ч н а я организация общества и борьба за большевистскую партийность есть борьба за выявление всех собственных потенций науки.

Успехи социалистического строительства доказывают правильность ленинизма. Но эти же успехи доказывают и правильность ленинского анализа сущности и путей преодоления кризиса в естествознании.

Ленин и некоторые вопросы истории философии.

Б. Быховский.

Мысль, направленная на произведения Ленина и ищущая в них ответа на вопросы историко-философской методологии, мысль, стремящаяся почерпнуть в них указания о путях и принципах историко-философского исследования, не может не отметить резкой диспропорции между количеством и об'емом высказываний Ленина на интересующую нас тему и значением и ценностью его произведений для методологии истории философии. Значение Ленина для методологии истории философии не измеряется многотомностью кропотливых историко-философских гроссбухов, ни количеством специальных трактатов. Его прямые замечания о принципах историко-философского исследования и его суждения о судьбах и путях истории философии крайне немногочисленны. Его историко-философская методология «в действии», — анализы различных течений и направлений в истории философии, характеристики и оценки отдельных ее представителей, — кратки, немногословны и обычно даются лишь попутно, походя. Известные слова Ленина в послесловии «Государства и революции» о том, что «приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать», могут быть применены и к Ленину-философу. Он предпочитал творить историю философии, делать ее, продвигать, чем писать о ней, не выходя за пределы ее прошлых достижений.

Но лаконичные, афористические суждения Ленина по занимающим нас вопросам отличаются исключительной насыщенностью содержания, это — сгустки гениального мышления, в которых, как в клубках, свернуты нити долгого и длительного изучения и размышления, из которых может быть извлечена и развернута путеводная нить в блужданиях по лабиринту сменяющихся и развивающихся философских систем. Однако было бы непростительной наивностью предположение, будто значение Ленина как методолога истории философии ограничивается суждениями, сконцентрированными в его непосредственных замечаниях по истории философии и ее методологии. Его суждения о логике, понимаемой им как историческая наука, его мысли о теории познания, которая мыслится слитно с историей познания, его указания по методологии истории вообще и других (кроме философии) областей культуры, — все это необходимо учесть, уроки из всего этого необходимо извлечь также и для нашей специальной задачи, так как все это в высокой степени способно оплодотворить интересующую нас отрасль познания.

Более того, можно прямо сказать, что если бы даже Ленин не оставил ни одной строки по истории философии, не написал ни одного замечания о ее методологии, — он тем не менее сделал бы для нее очень много, так много, что пренебрегающий значением Ленина был бы ретроградным историком философии. Это значение обусловлено уже тем, что Ленин полагает

новую стадию в развитии философской мысли. Продолжая дело Маркса и Энгельса, он возводит философию на новую, возвышающуюся над всеми предшествующими, ступень, и именно потому, что он наиболее ортодоксально продолжает единственно плодотворное учение. Но высшая ступень философской мысли, продвижение вперед в развитии философии неизбежно обусловливает возможность более полного и совершенного понимания предшествующей философии. По мере того, как философия в своем движении возвышается над более ранними и низшими фазами своего развития, она глубже и лучше постигает эти фазы. Превосходя предыдущие этапы истории философии, высшая ступень развития тем самым полнее освещает их, приобретает позицию, с которой возможно только понять и осмыслить пройденные этапы. Исчерпывающе понять некоторое философское учение, — значит понять также и его конечность, ограниченность, относительность в историческом процессе об'ективного познания. Но понять нечто в его ограниченности и недостаточности возможно лишь эмансипировавшись от этой ограниченности, видя то, что находится вне этих границ. Коротко, — новая ступень в развитии философии по-новому и полнее раскрывает подлинную сущность и значение предыдущих ступеней. И поскольку философские воззрения Ленина являются такой новой ступенью, они тем самым содержат в себе данные для переоценки истории философии, заключают в себе средства для уточнения и утончения понимания исторического пути философских исканий и достижений.

Верно не только то, что «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей «Логики Гегеля» [1], но и обратное: нельзя понять и оценить Гегеля, не изучая и не поняв учения Маркса. Лишь через принципы марксизма можно понять Гегеля до конца, т.-е. лучше, чем он сам понимал свое учение. Соответственно этому не только философское учение Ленина может быть понято лишь на основе изучения подготовившей его истории философии, но и обратно, оно является новым, более совершенным путеводителем по истории философии и дает высшие критерии для ее понимания.

Достаточно привести, в качестве иллюстрации, хотя бы вопрос о понимании подлинного места Плеханова в истории марксистской философии и осмысливании до конца истинного качества его философских работ. Такое осмысливание не могло быть вполне осуществимо, пока исследователь не возвышался над несовершенствами плехановских воззрений, и стало возможным лишь с высшей, ленинской, точки зрения, с достигнутой Лениным ступени развития марксизма. Сказанное, разумеется, относится в равной мере к пониманию истории и марксистской и домарксистской философии. Потому-то те ученые, которые недопонимают и недооценивают философские привнесения Ленина в марксистскую философию, тем самым лишают себя возможности подойти и к истории философии с наиболее совершенным научным оружием, они не в состоянии использовать в своих исследованиях те новые возможности, которые открываются на той высшей стадии развития марксизма, достижением которой мы обязаны Ленину.

В настоящей заметке мы не ставим своей задачей рассмотрение суждений Ленина по конкретным вопросам истории философии. Нашим об'ектом является на сей раз Ленин не как историк философии, а как методолог истории философии. Таким образом вне нашего поля зрения останутся ценнейшие мысли Ленина о философии Аристотеля, Беркли и Юма, Канта, Гегеля, заслуживающие специального обстоятельного изучения. Точно так же вне нашего рассмотрения останется ленинский вклад в историю марксистской философии, для изучения генезиса, и особенно развития, укрепления и

[1]) «Конспект науки логики Гегеля». Ленинский сборник, т. IX, стр. 199.

очищения которой в борьбе с внешними и внутренними врагами произведения Ленина представляют ни с чем несравнимый источник, без которого нельзя сделать положительно ни шагу при изучении истории современной философии пролетариата. Но предмет настоящей заметки еще скромнее: мы не ставим своей целью исчерпать анализ суждений Ленина по общим вопросам историко-философской методологии, а хотим лишь приступить к этой задаче, недопустимо запущенной прежним «философским руководством», дать беглый и первоначальный набросок, отмечающий лишь некоторые из важнейших положений, характеризующих Ленина как методолога истории философии. Всестороннее же и полное осознание всех ленинских уроков может быть осуществлено лишь в результате упорной коллективной работы.

* * *

Высокая оценка Лениным значения истории философии следует из самой сущности его философских воззрений, из диалектичности марксистской теории. Нельзя как следует понять диалектический материализм, который представляет собой итог, результат, вывод из всей истории философии, без изучения истории философии. Азбучным диалектическим положением является признание невозможности понять что бы то ни было вне его возникновения, становления, пути. Лишь понимание развития предмета гарантирует истинное постижение продукта этого развития. Неисторическое изложение какого-либо философского учения, экспозиция «итога без движения», осуждается Лениным как «схоластическое», мертвящее [1]. Это относится к изучению марксизма, разумеется, не менее, чем всякого другого учения, так как «история философии и история социальной науки» показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма. «Учение Маркса... есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма [2]). Поэтому Ленин тщательно изучал, как явствует из его конспектов, историю греческой философии, в особенности Гераклита и Аристотеля, и, далее, Лейбница, французский материализм XVIII века и немецкую классическую философию. «Теперь именно этим и занимаюсь, — писал он Потресову, — начав с Гольбаха и Гельвеция и ссбираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею...» [3]).

Диалектический принцип в философии, диалектическое понимание категорий материалистической логики и основоположений теории познания неразрывно связаны с изучением истории философии, так как при ближайшем рассмотрении сами категории диалектической логики оказываются освобожденными от случайного и внешнего и субординированными в высшем единстве ступенями истории научной мысли человеческого общества. Категории научного мышления, реализующиеся в предшествующей истории философии, не

---

[1]) «Заметки на «Метафизику» Аристотеля», Ленинский сборник, XII, стр. 329.
[2]) «Три источника и три составных части марксизма», Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, ч. 2, стр. 54—5.
[3]) Ленинский сборник, IV, стр. 9.

исчезают бесследно, а оседают в системе категорий материалистической диалектики, как подчиненные элементы высшей логики. «Моменты познания... человеком природы — вот что такое категории логики» [1]).

Ленин неоднократно обращает внимание на единство и связь логического и исторического, как особую черту диалектической логики. «Видимо, Гегель берет саморазвитие понятий - категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще новую сторону всей Логики» [2]). Ленин отмечает следующие утверждения Гегеля: «Я утверждаю, что последовательность систем философии в истории та же, что последовательность в логическом выведении определений понятия идеи. Я утверждаю, что если очистить основные понятия появляющихся в истории философии систем от того, что относится к их внешнему облику, к их применению в особых случаях и т. п., то получатся различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии [3]).

«Развитие философии в истории должно соответствовать развитию логической философии, но в последней должны быть места, которые выпадают в развитии в истории [4]) «В логике история мысли должна,—соглашается Ленин,— в общем и целом совпадать с законами мышления» [5]). При этом следует помнить, что несмотря на согласие утверждения Ленина с Гегелем, между ними имеется коренное отличие, обусловленное тем, что признание Лениным совпадения в существенном логического и исторического включено в материалистическую связь. Вследствие того, что у Ленина речь идет не о «самоопределениях идеи в ее логическом понятии», а о развитии познания общественным человеком материальной действительности, понимание совпадения логических категорий с историей мышления радикально изменяется. «Тут очень глубокая и верная мысль, в сущности материалистическая (действительная история есть база, основа, бытие, за коим идет сознание») [6]). Во-первых, историческое движение мысли приобретает социально-экономический фундамент, материалистической концепцией обнаруживаются реальные движущие силы исторического. Во-вторых, примат материального предохраняет от изувечия истории в угоду рационалистическим построениям и логическим схемам, как это сплошь и рядом имеет место в идеалистических конструкциях Гегеля. Диалектический идеализм, под видом «историзации» логики, склонен к «логизированию» истории, материализм же создает логику», как «квинтэссенцию или, проще, результаты и итоги» подлинной истории мысли» [7]). Итак, история философии не является чем-то внешним, безразличным для нашей философской теории. Последняя возможна лишь в связи с историей философии и на ее основе.

Но высокая оценка значения истории философии для разработки категорий диалектическо-материалистической логики определяет вместе с тем и важность ее для теории познания, так как «в таком понимании логика совпадает с теорией познания» [8]). Установление того, что марксизм не нуждается ни в какой особой теории познания помимо диалектики или наряду с ней, что диалектика и есть теория познания современного материализма, установление этого, недооцененного Плехановым, принципа первостепенного значения — один из существенных элементов ленинского вклада в филосо-

---

[1]) «Конспект науки логики», Ленинский сборник, IV, стр. 231.
[2]) Там же, стр. 79.
[3]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии». Ленинский сборн., XXII, стр. 171.
[4]) Там же, стр. 203.
[5]) «План диалектики Гегеля», там же, стр. 291.
[6]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», там же, стр. 203.
[7]) «Конспект науки логики», там же, стр. 191.
[8]) Там же.

фию. Тем самым марксистско-ленинская теория познания смыкается с историей познания и не мыслима на отлете от этой истории. «...Диалектика... включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» [1]). Таким образом, сказанное об истории философии в ее отношении к логике в равной мере относится и к теории познания. Ибо «истина есть процесс, от суб'ективной идеи человек идет к об'ективной истине через «практику» (и технику)» [2]). Изучение истины как процесса, понимание движения к ней составляет самую суть верной теории познания. «...Путь — тут гвоздь, по-моему, действительного познания, познавания...» [3]). История познания является ключом к теории познания, в ней и через нее возможно достижение правильного понимания познания. Самая истинность или ложность суждений может быть установлена лишь перед судом истории. История, историческая практика, является критерием истины. Даже первая из первых истин диалектики, выражающая самую суть ее, — принцип раздвоения единого или единства противоположностей, — «должен быть проверена историей науки» [4]) и может быть проверена только ею. Здесь мы имеем дело со взаимопроникновением теории и истории познания, как критериев друг друга: философские принципы, служащие руководителями и критериями, долженствующими направлять развитие познания, творятся и проверяются в том же процессе исторического становления познания. Это не единственный случай, когда Ленин рассматривает историю познания в качестве доказательства истинности. Говоря о связи познания причины с углублением познания от явлений к субстанции, Ленин замечает: «Двоякого рода примеры должны бы пояснять это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии. Точнее: не «примеры» тут должны быть — сравнение не есть доказательство, — а квинтэссенция той и другой истории + история техники» [5]). Резюмируя сказанное о неот'емлемости изучения истории философии от логики и теории познания, мы видим, что эта неот'емлемость коренится в самой сущности нашей логики и теории познания, как диалектических. История философии занимает почетное место в ряду тех областей знания «из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [6]). «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — вот что нужно!» [7]).

Изложенная постановка вопроса о значении истории философии явно не имеет ничего общего с погружением в историю, как самоцелью, с изучением истории философии из антикварного любопытства или ради эстетствующего любования тем, как билась на протяжении веков человеческая мысль над «проклятыми вопросами». Тем более враждебен нам уход в историю философии от горячих требований сегодняшнего дня культуры. Ленинская постановка вопроса о выдающейся роли истории познания, напротив, означает, что история человеческой мысли должна и может сослужить службу в актуальной борьбе современности, что прошлое может и должно быть вовлечено в дело помощи настоящему. Более того, без этой помощи истории нельзя обойтись при нашем теоретическом вооружении. Ленин дает ряд ярчайших образцов такого активного отношения к истории философии, об-

1) Карл Маркс, Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, ч. 2-я, стр. 323.
2) «Конспект науки логики», (Лен. сборник IX, стр. 237 (первая разрядка наша).
3) Там же, стр. 31.
4) «К вопросу о диалектике», Лен. сборн. XII, стр. 323.
5) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 161.
6) «Конспект книги Лассаля», Лен. сборн. IX, стр. 315.
7) Там же, стр. 195.

разцов того, как в руках революционного диалектика история философии, даже исторические заблуждения и ошибки, становятся оружием в идеологической борьбе современного пролетариата.

Ленин размышляет об элеатской школе, он разбирается в парадоксах Зенона, в его опровержениях возможности движения. Делая соответствующую выписку из гегелевских «Лекций по истории философии» он помечает на полях: «ср. возражения Чернова Энгельсу»[1]). Чернов — актуальный противник, он силится подорвать теоретические основы научного пролетарского мировоззрения, он нападает на диалектику, он тщится опровергнуть диалектичность движения. Но как бы ни изощрялись метафизики, они из века в век повторяют по существу одни и те же давным-давно разоблаченные и опровергнутые доводы. Возражения Чернова покоятся на той же лживой предпосылке, что и парадоксы Зенона, разоблаченные уже Аристотелем и добитые Гегелем. И Ленин, улавливая это тождество, берет из арсенала истории древней философии оружие для текущей борьбы, ибо возражение Чернова столь же древне, сколько ложно, и возражение Зенона, — это возражение, которое Чернов повторяет вслед за всеми «метафизическими» противниками Гегеля[2]). Элеаты не отвлекают Ленина от текущей борьбы, а служат этой борьбе.

Другой пример: Ленин внимательно рассматривает критику Аристотелем идеализма Платона, тщательно вдумывается в его доводы, многократно отмечает важность этой критики. В чем видит Ленин значение изучения полемики? В том, что «критика Аристотелем «идей» Платона есть критика идеализма, как идеализма вообще... Идеалист Гегель трусливо обошел подрыв Аристотелем (в его критике идей Платона) основ идеализма[3]). В частном Ленин находит общее. В критике платоновского идеализма вскрывает критику основ всякого идеализма вообще; тем самым опровергающий платоновские «идеи» Аристотель становится «союзником» в борьбе с современным идеализмом. История философии укрепляет силы исследователя-революционера, ибо такой исследователь умеет даже из самых глухих дебрей истории находить путь в сферу революционной борьбы и практики. Обобщая этот подход к истории идеализма, Ленин пишет: «когда один идеалист критикует основы идеализма другого идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм. Ср. Аристотель против Платона и т. д., Гегель против Канта и т. д.[4]).

История идеализма, таким образом, борьба в нем разновидностей, дает богатейший материал для преодоления всякого идеализма, наши противники вскрывают в этой борьбе свои взаимные слабости и уязвимые места. А это как раз и ценно для действенно изучающего историю материалиста.

Мы позволим себе привести еще один пример той же ленинской манеры историко-философского познания: его указания о переводе атеистических памфлетов XVIII века. Если поговорка «враг моего врага — мой друг» в вышеуказанном смысле применяется Лениным к историческим междоусобицам идеализма, то тем более она верна по отношению к борьбе домарксистского материализма против религии и ее спутника — идеализма. Ленин лучше чем кто-либо иной видел недостатки метафизического материализма, умел прослеживать и беспощадно разоблачать их рудименты, вплоть до мельчайших изгибов, в работах даже таких выдающихся марксистов, как Плеханов. Но это не мешало ему в других случаях настойчиво указывать на

---

[1]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. IX, стр. 191. Аналогично замечание: «Гегель против Э. Маха», там же, стр. 207.

[2]) Там же, стр. 193.

[3]) Там же, стр. 235.

[4]) Там же.

необходимость привлечения старого материализма к идеологической борьбе. В той статье, где Ленин об'ясняет, что без диалектики «материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым», в той же статье он жестоко обрушивается на попытки оправдать «нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выспренными» соображениями: например, «дескать, старая атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна» и т. п. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантство, либо полное непонимание марксизма», решительно настаивает на переводе и популяризации этой литературы и прямо заявляет, что «чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму» [1]). Прекрасно видя ненаучные элементы несовершенного материализма XVIII века и считая необходимым его исправление и дополнение, Ленин, тем не менее, рекомендует широко пользоваться в пропагандистско-педагогических целях произведениями пройденного и преодоленного этапа истории материалистической философии, так как «было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно, крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения» [2]). Даже неполноте и несовершенству философов Ленин умел найти применение в борьбе за совершеннейшее и научное мировоззрение. В философии, таким образом, как и во всей остальной своей деятельности, Ленин сочетал строжайшую принципиальную выдержанность с совершенно исключительной гибкостью тактики.

* * *

Но для того, чтобы взять от истории философии то, что она может дать, непригодна фальсифицированная, опошленная и извращенная буржуазная история философии «по-казенному преподаваемая казенными профессорами для оглупения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних» [3]). Необходим пересмотр историко-философских традиций, коренная переработка истории философии на основе подлинно-научной методологии. «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [4]). Для того, чтобы история могла дать теоретические плоды, сама она должна быть переработана и оплодотворена правильной методологией.

В своих неисчерпаемых по богатству замечаниях Ленин не только борется с важнейшими формами искажения историко-философской методологии, но и намечает ее должные принципы. Под этим углом зрения особенно поучительно проследить отношение Ленина к Гегелю как историку философии. Ленин как нельзя более далек от того «голого, пустого, никчемного гелертерского пережевывания «гегельянщины» [5]), на которое то и дело сбивается «деборинщина». Глубокое проникновение в диалектическое мастерство Гегеля нисколько не приводит Ленина к апологетике, а бле-

---

[1]) «О значении воинствующего материализма». Собр. соч., изд. 1-е, т. XX. ч. 2, стр. 496—8.
[2]) Там же, стр. 494.
[3]) «Марксизм и ревизионизм», Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. 1-я, стр. 64.
[4]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 139.
[5]) «Конспект книги Лассаля», Лен. сборн. IX, стр. 297.

стяще сочетается с резкой и решительной непримиримостью к продуктам идеалистичности этой диалектики.

Основными приемами Гегеля, применяемыми им для искажения истории философии, непосредственно обусловленными его идеализмом, является многократное извращение воззрений философов-материалистов, «натяжка» их под идеализм и несправедливая, неверная оценка материалистов, негодная критика их в тех случаях, когда «натяжка» не совершается. Принижая всячески посредством обоих этих приемов роль материализма в истории философии, Гегель несоответственно превозносит вздорные и пустые проявления идеалистической философии. «Подробно размазывает Гегель «натурфилософию» Платона, архивздорную мистику идей, вроде того, что «сущность чувственных вещей есть треугольник» и т. п. мистический вздор. Это прехарактерно! Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — ничего! О Платоне тьма размазни мистической» [1]). Ленин на протяжении всех своих заметок преследует все эти разновидности идеалистической фальсификации истории философии. Он отмечает идеалистическую натяжку понятия атома у Левкиппа и скрадывание материалистических черт полемики Аристотеля с платониками об идеях и подделку Аристотеля под идеалиста XVIII—XIX вв. Читая гегельянскую работу Лассаля, он и здесь усматривает, что «идеалист Лассаль оставил в тени материализм или материалистические тенденции Гераклита, натягивая его под Гегеля» [2]).

Обнаружение этого приема фальсификации далеко выходит за пределы гегельянской истории философии. В новейшей историко-философской литературе этот способ применяется идеалистами широчайшим образом. Все, что было великого и оригинального в истории материализма, пытаются обезвредить тем, что перетолковывают, перевирают, подделывают под идеализм. Мы затруднились бы назвать даже одного выдающегося материалиста, над учением которого не сделано попыток такой фальсификации. Достаточно вспомнить работы Наторпа и Кассирера о Демокрите, работы Брошара и Гейслера о Бэконе, Гениговальда о Гоббсе, Ройтц и Жанэ о Дидро и т. д. и т. п. К сожалению, марксистские работы не всегда свободны от влияния такого рода истории философии. В частности, мы полагаем, что отмеченное уже Лениным соскальзывание т. Деборина по этому пути, при сопоставлении Гольбаха с Кантом [3]), проявилось в целом ряде его последующих историко-философских трактовок.

Если отношение гегельянской истории философии к Левкиппу, Гераклиту и шатаниям Аристотеля между идеализмом и материализмом Ленин характеризует, как подделку их под идеализм, то по отношению к Демокриту и особенно Эпикуру Гегель еще откровеннее «высунул ослиные уши идеализма». «Демокрита Гегель рассматривает совсем уже как мачеха, всего стр. 378—380! Невыносим идеалисту дух материализма!» [4]). Приводя вздорную гегелевскую критику понимания Эпикуром критерия истины в связи с его представлением ощущения, Ленин замечает: «образец извращения и оклеветания материализма идеалистом» [5]). Далее, в ответ на слова Гегеля о том, что «Эпикур отрицает всякие понятия и всеобщее как сущность»,— Ленин восклицает: «вздор, ложь, клевета!» А когда Гегель третирует Эпи-

---

[1]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сб. IX, стр. 231—3.
[2]) Там же, стр. 317.
[3]) «Конспект книги Деборина», Лен. сборн. XII, стр. 355.
[4]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. XII, ст. 207.
[5]) Там же, стр. 253.

кура за безбожие, выступая не как великий диалектик, а как «ученый приказчик поповщины», Ленин гневно бросает в лицо врагу: «Бога жалко! сволочь идеалистическая» [1]).

Однако в борьбе за историческую правду в истории философии Ленин не ограничивается вскрытием искажений, порождаемых идеализмом. Он борется на два фронта: против идеалистической фальсификации и клеветнической истории философии и против неполноценной материалистической критики, не овладевшей в достаточной мере диалектикой и вследствие этого не способной достигнуть всестороннего понимания своего об'екта. Эта двойственная критика Ленина очень наглядно представляется при сопоставлении его суждений о критике Канта Гегелем и Плехановым. Ленин показывает, как благодаря своему диалектическому методу Гегель сумел дать превосходную и проницательную критику Канта, что «Гегель вполне прав по существу против Канта» [2]). Но при этом Ленин не забывает, что «Гегель ведет эту аргументацию всецело и исключительно с точки зрения более последовательного идеализма» [3]). Диалектика позволяет Гегелю до известной границы, полагаемой его идеализмом, вести с Кантом не только победоносную, но и плодотворную для философии борьбу. В противоположность Гегелю Плеханов свободен от идеалистических шор, он развертывает материалистическую критику Канта, однако при этом упускает диалектическую точку зрения, благодаря чему его критика лишается необходимой остроты, проницательности и продуктивности. Если ограниченность гегелевской критики Канта — в ее идеализме, то материалистической плехановской критике недостает диалектичности. «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектическо-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» [4]). Плеханов противопоставляется Гегелю, поскольку сильная сторона каждого из них является слабостью другого. Беспочвенная диалектика одного, как и недостаточно совершенный материализм другого обусловливают ограниченность историко-философской критики обоих. Преодоление этой двоякой ограниченности на основе полного слияния диалектики с материализмом — таков указываемый Лениным путь историко-философской методологии.

* * *

История философии не представляет собой хаотического нагромождения систем, калейдоскопической пестроты, беспорядка теорий, случайного мерцания блуждающих огней человеческой мысли. История философии является закономерным, внутренне-связным и единым в своем многообразии процессом развития. Задача историка, стремящегося понять развитие философии таким, каково оно есть—«царство мысли представить философски, т. е. в его собственной имманентной деятельности или, что то же, в его необходимом развитии» [5]). Ленин считал эту формулу Гегеля «замечательной» [6]) и в дальнейших замечаниях снова обращает внимание на «развитие мысли в его необходимости» [7]). Это необходимое развитие есть, конеч-

[1]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. XII, стр. 253.
[2]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 183.
[3]) Там же, стр. 181.
[4]) Там же, стр. 197.
[5]) Гегель, Наука логики, стр. 10, русский пер.
[6]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX. стр. 33.
[7]) Там же, стр. 43.

но, противоречивое развитие и необходимая борьба. Марксистской истории философии чужде «нежничание с природой и историей (у филистеров)— стремление очистить их от противоречий и борьбы» [1]).

Обращая внимание на необходимость представить сферу мысли в ее «собственной имманентной деятельности», уяснить внутреннюю связь идей, материализм понимает зависимость развития «идей» от развития «вещей», обусловленность движения мысли ходом об'ективной материальной действительности, отражаемой в мысли. Познание развития мысли в его необходимости возможно лишь в его связи с природой и общественной жизнью во всей многосторонности ее проявлений. Не останавливаясь на общеизвестном марксистском тезисе о зависимости истории философии от совершающейся в борьбе классов социально-экономической истории, отметим лишь те многообразные связи в самом «царстве мысли», в которых должна быть познана история философии. История познания вообще складывается, по Ленину, из истории философии, истории отдельных наук, умственного развития ребенка и животных и истории языка [2]). Разумеется, изучение истории философии немыслимо вне тесной взаимосвязи с перечисленными остальными элементами истории познания вообще. Особенно Ленин отмечал значение истории языка, фиксирующего в своем развитии проходимые мыслью этапы, и задумывался над вопросом о соответствии истории мысли истории языка [3]). К этому перечню следует добавить историю религии, к защите или поддержке которой так или иначе всегда сводится философский идеализм в разных его формах и борьба с которой составляет существенную функцию всякого материализма.

Но за единством исторического процесса в целом, и истории познания в частности, Ленин не упускал особенностей и своеобразия отдельных сторон истории. А за общими законами движения и формами связи в истории философии он не терял из виду специфичного, частного и отдельного в ней. Мы видели, как Ленин находит общее в отдельном, как он, сквозь критику Аристотелем Платоновских «идей», усматривает критику основ идеализма вообще. Однотипно и следующее замечание Ленина: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (с о в е р ш е н н о в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?..» [4]). В анализе отдельных видов идеализма Ленин обнаруживает общие черты идеализма. Общее существует в отдельном и через отдельное. Но в то же время Ленин из-за общего не элиминирует частного, своеобразного, он ратует за «строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних» [5]). И в другом месте: «Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что, только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней» [6]). Таким образом, история философии—не монотонная, серая повторяемость, а полнозвучное и многоцветное богатство отдельного, особенного и единичного, в котором воплещается движение общего. Ленин применяет к истории мысли принцип взаимопроникновения общего и особенного: через особенное он постигает общее,

---

[1]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 117.
[2]) «Конспект книги Лассаля», Лен. сборн. IX, стр. 316.
[3]) «Конспект науки логики», Лен сборн. IX, стр. 33.
[4]) «Заметки на «Метафизику» Аристотеля, Лен. сборн. XII, стр. 337.
[5]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. XII, стр. 17[illegible]
[6]) «Конспект лекций Гегеля по философии истории», Лен. сборн. XII, стр. 1[illegible]

общее видит таким, каково оно есть—в пестром облачении особенного и индивидуального.

Не трудно проследить, как этот принцип нашел у Ленина свое применение к пониманию истории марксистской теории. Мы ломились бы в открытую дверь, если бы стали доказывать непоколебимую марксистскую ортодоксальность Ленина, его борьбу за то, чтобы марксизм незыблемо оставался самим собой, против всех и всяких уплощений, искривлений, уродований и разжижений марксизма. Ленин сурово бичевал всякие потуги пополнить марксизм модными буржуазными теорийками, лишить марксизм той или иной его стороны, выхолостить из марксизма душу живу посредством фальсифицирования его принципов. Марксизм есть марксизм. Развитие марксизма есть развитие марксизма. Во всем своем развитии, во всех своих проявлениях и применениях материалистическая диалектика остается и должна остаться сама собой. На всех ступенях развития научного мировоззрения революционного пролетариата она сохраняется, как общее им. Все отрасли познания и сферы деятельности она пронизывает, как общее им. Но однасторонне фиксируя только это самотождество марксизма, это общее в нем, мы превращаем его из руководства к действию в мертвую догму, «мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [1]). Ортодоксальный марксизм живет и развивается, общее, вращаясь в своем развитии, являет многоцветность своих сторон и граней, оно развертывается в бесконечное богатство особенного. С изменением задач рабочего класса в связи с изменением конкретной социально-политической обстановки «в марксизме, как живой доктрине, не могли не выдвигаться на первый план различные стороны его» [2]). «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма нет ничего удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма» [3]). Таким образом утверждается в истории мысли единство общего и отдельного, связь единства и различия.

* * *

Является ли история философии историей человеческих заблуждений или триумфальным шествием мышлений? Ни то, ни другое; или, вернее, и то и другое. Унылый скептицизм первого воззрения столь же метафизичен, как и юбилейная патетика второго. История философии не является также эклектическим чередованием перемежающихся истин и заблуждений, она есть их противоречивое единство. Истина в своем историческом движении становится источником заблуждений, а заблуждения рождают истину. История знает только относительную истину, т.-е. истину, которая есть относительное заблуждение. А заблуждение необходимо таит в себе зерно истины, раздуваемое до степени лжи. Диалектическая история философии изучает не только и, пожалуй, не столько решения проблем, ответы на вопросы, сколько задачи, искания, сомнения и биение мысли. Ленин считает негодным традиционный идеалистический подход к Аристотелю: «Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не живое: запросы, искания, лабиринт, запутался человек. Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля,—а из нее, из логики Аристотеля (который всюду, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов. Именно приемы поста-

[1]) «О некоторых особенностях исторического развития марксизма», Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. 2-я, стр. 138.

[2]) Там же, стр. 139.

[3]) «Наши упразднители», Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. 2-я, стр. 207.

новки вопросов, как бы пробные системы были у греков, наивная разноголосица, отражаемая превосходно у Аристотеля» [1]).

Для метафизика возможно либо абсолютное отрицание учения, теории, положения, отвержение их как абсолютно ложных, подлежащих бесследной отмене, либо признание как абсолютной истинности, ненарушимой на веки веков. В первом случае для познания пропадает тот элемент, которому заблуждение обязано было своей правдоподобностью, отрицающая мысль становится неизбежно односторонней, во втором случае признание чего-либо истинным становится тормозом для дальнейшего познания, не допускает последующего прогресса. Для диалектика, наоборот, невозможны в историческом развитии философии ни достигнутые познанием абсолютные истины, их же не прейдеши, ни абсолютно беспочвенные и пустые заблуждения. При критике философских учений,—а история философии, не желающая остаться на уровне ползучей описательности, не может не быть также и философской критикой, — нужно «не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,—которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания, и притом как важнейший свой элемент,—нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т.-е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [2]). Если ложное относительно, то, с другой стороны, конечно, преходяще, относительно, условно также и истинно-познанное. «Познание есть вечное бесконечное приближение мышления к об'екту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не мертво, не абстрактно, не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [3]). С этой точки зрения история философии представляется как движение к абсолютному путем противоречий. Ступеньки историко-философского прогресса являются конечными, относительными истинами, а отвергаемые как превзойденные и ложные воззрения являются необходимыми спутниками прогрессирующего познания. «Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует об'ективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» [4]).

Для метафизика то, что не является абсолютно истинным, является абсолютно ложным. На этом противопоставлении основывается идеалистический релятивизм. «Отличие суб'ективизма (скептицизма и софистики и т. п.) от диалектики, между прочим, то, что в (об'ективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для об'ективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для суб'ективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» [5]). «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т.-е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания об'ективной истины, а в смысле истори-

---

[1]) «Заметки на «Метафизику Аристотеля», Лен. сборн. XII, стр. 331.
[2]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 285.
[3]) Там же, стр. 227.
[4]) «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. соч., изд. 1-е, т. X, стр. 109.
[5]) «К вопросу о диалектике», там же, стр. 324.

ческой условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [1]). Эти замечания, направленные против релятивизма идеалистической метафизики, имеют громадное значение для методологии истории философии, предохраняя исследователя от Сциллы мертвого догматизма и от Харибды пессимистического скепсиса, об'ясняя, как сочетать в историко-философских оценках и суждениях строгий историзм с теоретико-познавательным оптимизмом. Как бы ни рядились в марксистскую фразеологию релятивисты типа Богданова, сколько бы они ни апеллировали к социально-экономической обусловленности идей и их зависимости от классовой психологии и классового интереса, замечания Ленина со всей очевидностью вскрывают идеалистический и метафизический характер методологии, применяемой ими к изучению развития идей. Методология богдановской «идеологической науки» есть не марксизм, а его противоположность, идеалистический, релятивистический «социоморфизм», ибо утверждение классовой обусловленности не сочетается в ней с отражением об'ективности, а противополагается ему. Отметим, кстати, что в данном случае критика Лениным Богданова ведется во всеоружии материалистической диалектики, под углом зрения единства противоположности абсолютного относительному, в то время как плехановская критика Богданова, при всей своей верности по существу, ведется только «по-фейербаховски», в пределах абстрактного противопоставления материализма идеализму, а не материалистической диалектики идеалистической метафизике.

В случае изложенных положений Ленин с замечательной смелостью и оригинальностью освещает диалектику соотношений идеализма и материализма в истории философии, развивая свою мысль с исключительной диалектической виртуозностью. Идеализм есть величайшая ложь, величайшее заблуждение в истории философии; материалистическое основоположение—первая из истин. И все же идеализм не беспочвенен, он имеет гносеологические основания. «Философский идеализм есть т о л ь к о чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения д и а л е к т и ч е с к о г о материализма, философский материализм есть о д н о с т о р о н н е е, преувеличенное (überschvengliches) (Дицген) развитие (вздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, о т о р в а н н ы й от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») д о р о г а к поповщине ч е р е з о д и н и з о т т е н к о в бесконечно сложного п о з н а н и я (диалектического) человека...» [2]). Ленинское диалектическое отрицание идеализма не содержит и тени половинчатости, примиренчества, оно не менее категорично и нетерпимо к идеализму, как метафизическое отрицание идеализма, но более совершенно и продуктивно, чем последнее. Даже в величайшем из заблуждений философской истории Ленин умеет обнаружить элемент отражения об'ективной истины, у злейшего врага материализма Ленин умеет найти деформируемые идеализмом моменты «живого», плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания» [3]). Методологическое значение этих положений для историка философии трудно переоценить: они поднимают нашу критику идеализма на новую высоту, они ставят перед историком задачу обнаружить, к а к у ю грань истины превращает в абсолют, оторванный от материи, каждая о п р е д е л е н н а я идеалистическая система.

Сказанным не исчерпывается диалектика взаимоотношений материализма и идеализма. Ленин продолжает свой анализ дальше, доводя его до предельной остроты и тонкости. Идеализм диаметрально противоположен

[1]) «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. соч., изд. 1-е, т. X, стр. 110.
[2]) «К вопросу о диалектике», там же, стр. 326.
[3]) Там же.

материализму, непримирим с ним, враждебен ему. Их противоположность есть основная и наиболее радикальная противоположность, какую знает история философских идей. Но так как при всей своей ложности идеалистический «пустоцвет» растет на живом дереве об'ективного познания, питается соками истины, претворяемыми им в яд лжи,—идеализм имеет точки соприкосновения с материализмом, деформируемая им грань истины обща ему с материализмом. И чем значительнее эта грань, тем существеннее это соприкосновение. А когда этой гранью истины, раздуваемой идеализмом в абсолют, является такой основоположный принцип, как об'ективная диалектика, то «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм», при чем под «умным» разумеется диалектический, а «глупым» называется метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный материализм, т.-е. материализм, лишенный той диалектической стороны, какая искажается, но впитывается диалектическим идеализмом.

Мы упоминали, говоря о критике Канта Гегелем, замечание Ленина о том, что эта критика ведется как критика менее последовательного идеализма более последовательным. Но если идеализм ложен по самой своей сущности, то более последовательный идеализм есть наиболее последовательная в своих заблуждениях философская система, максимально противоположная материализму теория. Так оно и есть на самом деле. Но это лишь одна сторона дела. Противоположность философских систем, как всякая противоположность, предполагает единство, и чем глубже и последовательнее противоположность, тем глубже и существеннее единство. Вот почему для диалектика не является необычайным то невероятное для метафизика положение, что об'ективный (и еще более абсолютный) идеализм, будучи, благодаря своей об'ективности, наиболее последовательным видом идеализма, именно потому, вследствие той же об'ективности (абсолютности) «зигзагом (и кувырком) подошел вплотную к материализму, частью даже превратился в него» [2]). И чем последовательнее проводится эта абсолютность идеализма, тем круче совершается переход идеализма в свою противоположность: «в самом идеалистическом произведении Гегеля (речь идет о «Науке логики». — *Б. Б.*) всего меньше идеализма, всего больше материализма. Противоречиво, но факт» [3]). Так завершает идеализм диалектический круг своего развития.

С точки зрения диалектики истины и заблуждения, относительного и абсолютного, суб'ективного и об'ективного, идеализма и материализма в истории познания, последняя представляется в виде круга или, точнее, круга кругов. Эта мысль, встречающаяся у Гегеля, принимается Лениным и получает у него дальнейшее развитие на материалистической основе. «Наука,—формулирует Гегель эту мысль, — представляется некоторым замкнутым в себе кругом, в начало которого, простое основание, возвращается путем опосредствования конец; притом этот круг есть круг из кругов...» [4]). «Очень глубокое, вернее сравнение! — замечает по этому поводу Ленин. — Каждый оттенок мысли—круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще» [5]). Ленин поясняет сказанное: «движение познания к об'екту всегда может итти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть, отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать). Линии сходящиеся и расходящиеся, круги, касающиеся один другого...» [6]). Не следует упускать из виду исправление, вносимое Лениным в концепцию Гегеля: представление круга уточняется

[1]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. XII, стр.
[2]) Там же, стр. 225.
[3]) «Конспект науки логики», Лен. сборн. IX, стр. 301.
[4]) Гегель, Наука логики, стр. 212, русский пер.
[5]) «Конспект лекций Гегеля по истории философии», Лен. сборн. XII, стр.
[6]) Там же, стр. 229.

в представление спирали. Для Гегеля, приписывающего абсолютный характер своей системе, совмещающего это убеждение с несовместимым с ним диалектическим методом лишь благодаря идеалистичности своей диалектики, типично представление истории философии в виде завершенного, замкнутого круга. Для Ленина, более последовательно, в силу материалистичности, владеющего диалектикой, историко-философский круг никогда не замыкается, движение познания совершается бесконечно, поэтому образ спирали представляется более адекватным выражением этого движения. Ленинская концепция взаимопроникновения об'ективности и относительности познания, его анализ переходов и переливов идеализма и материализма, суб'ективного и об'ективного, склоняет к замене образа «круг кругов» образом «спираль спиралей», более точно выражающим характер движения познания, порывающим с ограничением диалектики, которое имеет место в философской системе Гегеля.

Не ограничиваясь общей методологической формулой, Ленин наполняет ее конкретным историческим содержанием, на основе ее он намечает схему периодизации истории философии: «Круги» в философии (обязательна ли хронология насчет лиц? Нет). Античная—от Демокрита до Платона и диалектика Гераклита. Возрождение—Декарт, versus Гассенди (Спиноза?). Новая—Гольбах—Гегель (через Беркли, Юм, Кант). Гегель—Фейербах—Маркс» [1]. К сожалению, намеченная Лениным периодизация осталась в стадии этой первоначальной наметки и не была им далее развернута и раз'яснена. Опираясь на другие суждения Ленина об учениях упомянутых в схеме философов и улавливая применяемое им основание периодизации, нам кажется, это деление надлежит понимать следующим образом: всеобщий «круг» истории философии образуют однотипные по своему схематизму, но отличные по уровню и конкретному содержанию «частные круги». Отправным этапом каждого из последних является наивный, метафизический материализм. «Возвращающийся» в начало конец—материализм, обогащенный в пути, опосредствованный диалектикой идеализма. Таким образом «круг» образуется возобновлением материализма на высшей основе, минуя отступление мысли от материализма. Совершенно ясна эта схема, когда речь идет о новой философии: Гольбах—Гегель (к которому подбирается идеализм по ступенькам: Беркли, Юм, Кант)—Маркс (через ступеньку «Фейербах»). Не встречается больших трудностей также для понимания античного «круга». Совершая оговоренный отказ от строгого следования хронологии в отношении лиц, руководствуясь в следовании философских учений единой социально-экономической формации не хронологической, а логической зрелостью, Ленин «переставляет» Платона и Гераклита. Круг представляется тогда, как движение от Демокрита к примитивной, непосредственной форме материалистической диалектики. Идеалистической вершиной здесь указывается Платон, по причинам, достаточно ясно высказанным Лениным в его замечаниях об Аристотеле. Ленин подчеркивал в них колеблющееся между идеализмом и материализмом положение Аристотеля, скрываемое его идеалистическими фальсификаторами. Мы затрудняемся, однако, с полной уверенностью расшифровать второй из кругов: «Декарт versus Гассенди (Спиноза?)». Для этой эпохи у нас нет суждений Ленина, позволивших бы раскрыть его отношение к ней. Мы высказываем предположение, что оборот «versus» в данной связи следует понять так, что Гассенди является отправной ступенью «круга», ему противостоит Декарт (аналогичным было бы «Гегель versus Гольбах» и т. п.). Какова была мысль Ленина о месте Спинозы в истории философии, остается неясным. Полагал ли он Спинозу, как предположительное материалистическое разрешение второго «круга» или как-либо иначе,—Ленин не дает ключа к разгадке его мысли. Как бы то ни было, эта схема может служить уроком диалектиче-

[1] «К вопросу о диалектике», Собр. соч., изд. 1-е, т. X, стр. 326.

ского подхода к историко-философской систематизации; взамен безразличного внешнего следования систем или плоского деления мыслителей на правых и неправых, она дает образец гибкого улавления сложных и противоречивых внутренних связей и взаимозависимостей в ходе философской истории.

* * *

Принцип партийности венчает целокупность руководящих идей Ленина в методологии истории философии. Если философия такая же партийная наука в классовом обществе, как и политическая экономия, если она является выражением и оружием борьбы враждующих в обществе сил и классов, если идеалистические профессора философии—ученые приказчики теологов,—подобно тому, как буржуазные экономисты—ученые приказчики класса капиталистов,—если это так,—а это безусловно так,—то история философии — движение, взаимопроникновение и претворение логических категорий—есть вместе с тем одна из граней истории классовой борьбы, она опосредствует эту борьбу. Сменяющиеся в потоке истории философские учения возникают как порождение определенного классового бытия и закрепляются классовым интересом. Но история партийной философии не может не быть партийной историей философии. История философии как наука о развитии философских идей является партийной наукой. Если «спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, в с е г д а связан живой реальной связью с марксистско-общественно-политическим учением»[1]), т.-е. с революционным движением современного рабочего класса, то с ним неизбежно связан и спор о том, что такое философский идеализм, и, далее, вопрос о сущности различных форм материализма и идеализма и т. д. Весь комплекс вопросов истории философии, являющейся базой философской теории, в той или иной мере, связан живой связью с интересами рабочего движения, как связан он, mutatis mutandis, с интересами врагов рабочего движения. Борьба на поле истории философии есть продолжение, элемент общей социальной борьбы классов и партий. История философии партийна. «Беспартийная» история философии, кичащаяся своим «об'ективизмом» есть разновидность враждебной пролетариату партийности, особая манера проносить партийность сквозь историю философии, совершенно аналогичная «бесклассовому» государству, праву, морали, искусству. Но буржуазная партийность в философии есть неизбежно извращение истории философии, фальсификация ее, в соответствии с интересами класса, представляемого идеализмом, в то время как большевистская партийность требует борьбы с извращениями и идеалистическими натяжками в истории философии, борьбы за адэкватное познание развития идей таким, каково оно есть. Упомянутая нами непримиримая борьба Ленина с идеалистическими искажениями истории философии, тесно увязанная с современной философской борьбой (Мах, Чернов), является лучшим примером большевистской партийности в этой науке. Классическая формулировка Лениным различия исторической методологии об'ективизма и революционного марксизма целиком и полностью относится и к истории философии. «Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует»

[1]) «Наши упразднители», Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. 2-я, стр. 207.

данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия другим классам. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[1]). Марксист, следуя приведенным положениям, должен обнаружить со всей точностью социально-экономическую природу исследуемой философской теории, он должен вскрыть антагонистический классовый характер идей и определить свое отношение в этой борьбе, разоблачить господствующие на протяжении истории философии идеалистические теории, как идеологию господствующих классов, прямо и открыто борясь против них. Тот, кто ограничивается пассивным констатированием сменяющихся идей, для кого идеалистические, как и материалистические, учения есть только равно необходимые порождения истории, кто, изучая Платона, становится платонистом, а Эпикура — эпикурейцем,—тот ничего общего не имеет с марксизмом.

Но партийность ни в какой мере не ущербляет об'ективности познания. Напротив, как показывает Ленин, она способствует углублению об'ективности, идет рука об руку с ней. Борьба против апологетического об'ективизма—один из фронтов борьбы за правильную методологию; другим фронтом является отмеченная нами выше борьба против релятивизма. Партийная философия, в ленинском понимании, включает об'ективность. Партийный характер философских систем, в релятивистском понимании, исключает ее. Для Богданова (а также, напр., Шулятикова) история философии есть смена выражающих классовые интересы идей, а не познание об'ективной действительности, противоречивое, но неуклонное приближение к абсолютной истине. Для Ленина история философии, как всякая история, есть история классовой борьбы и развитие об'ективной истины. Умение обнаружить истину в классовой идеологии и умение вскрыть классовую идеологию в движении познания к истине составляют важнейшую черту марксистско-ленинской методологии истории философии. Шаг в сторону от этой позиции—болото об'ективизма, шаг в другую—трясина релятивизма.

Таковы некоторые руководящие идеи Ленина к методологии истории философии. Эти идеи суть марксистские идеи, они есть подлинный, настоящий марксизм. Но это не догматический «марксизм» начетчика; а марксизм живой, применяемый к новым областям и фактам, раскрывающий свои новые стороны и грани. Более того, ленинизм есть столь значительное, столь существенное продвижение марксистской теории вперед (по путям, начертанным Марксом и Энгельсом, но на почве новой социально-экономической фазы и в соответствии с вытекающими из нее задачами пролетариата), что он составляет эпоху в истории марксизма, новую и высшую ступень в его развитии.

---

[1]) «Экономическое содержание народничества...», Собр. соч., изд. 1-е, т. II, стр. 65.

Рязановщина и меньшевизм.

Гр. Баммель.

«У нас выработалась своеобразная порода старых буржуазных юристов,—сказал т. Каганович в своем докладе в ИССП,—которые, оставаясь на позициях своей буржуазной методологии, буржуазной идеологии, отрицая по своему нутру социалистическую государственность, прекраснейшим образом ухитряются писать о советской конституции, участвовать в наших советских журналах, писать совершенно пустые, никуда негодные статьи о советской демократии и даже издавать их отдельными сборниками, писать законы, подделываясь под советскую терминологию, оставаясь при этом на почве старой юридической методологии, на почве буржуазной идеологии».

Живучесть и приспособляемость, искусство «примазываться» и «перекрашиваться», уменье «маскироваться» защитным цветом — эту особенность буржуазной идеологии важно знать и важно учесть именно в переживаемый период, когда на всех участках теоретического фронта партия безжалостно разоблачает все старое, сгнившее, обветшалое, накопившееся со времени восстановительного периода.

Первый, трудный этап нэпа, связанный с отступлением и перегруппировкой сил, окрылил надежды меньшевизма, видевшего в нэпе спуск на тормозах к нормальному капитализму, и меньшевики, работая в советских, общественных органах, со своей стороны стремились ускорить этот воображаемый крах социализма и сдачу позиций капитализму. Восстановительный период связан с ростом и оживлением различных идей и теорий II интернационала. Эти меньшевистские теории и «теорийки» в период развернутого социалистического наступления по всему фронту, усиливают свое сопротивление пролетариату, стремясь проникнуть и расстроить его ряды, стремясь ослабить его бдительность различного рода маскировкой своей меньшевистской сущности, формальным словесным перекрашиванием своего контрреволюционного нутра.

Развертывание социалистического наступления по всему фронту, успехи индустриализации, строительство колхозов и совхозов, сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, — эти величайшие процессы социалистической реконструкции разбили надежды меньшевиков на перерождение советской власти. Поэтому они приступили к практической подготовке интервенции. Социальной базой меньшевизма оказались ликвидируемое кулачество, вытесняемые торговцы, деклассированная мелкая буржуазия и изгоняемые из совαппарата бюрократы, казнокрады, белогвардейцы и т. д.

Диктатура пролетариата ликвидировала вместе с кондратьевской и рязановской и меньшевистскую контрреволюционную организацию. Но у нас еще остались невыкорчеванные корни эксплоататорских классов. Правые и «левые» оппортунисты и отражают живучесть этих корней, идеологию ликвидируемых классов; будучи их агентами, они облегчают, расчищают

путь капиталистической реставрации — недаром же меньшевики поддерживали троцкистов, правооппортунистов, право-«левацкий» блок.

Стремясь усыпить бдительность партии внешним, формальным согласием с генеральной линией, а на деле борясь против партии, правые и «левые» оппортунисты и в тактике и в идейной установке выражали ту особенность меньшевизма, которая получила очень яркую формулировку в приведенной выше выдержке из доклада тов. Кагановича.

В период социализма, в период завершения построения фундамента социалистической экономики теоретическое оружие пролетариата, оружие марксизма-ленинизма, должно быть особенно отточенным, должно безжалостно обрушиваться на врага, разоблачая и уничтожая все классово-враждебные нам теории.

Обострение классовой борьбы как на мировой арене, так и в Советском союзе неизбежно находит свое отражение и в области идеологии. Все виды идеологии, все области научной работы классовый враг пытается использовать как оружие в борьбе с диктатурой пролетариата.

В период развернутого по всему фронту социалистического строительства революционному, партийному оружию пролетариата нельзя противопоставить никакой другой теории, не разрывая с диктатурой пролетариата, не разрывая с большевизмом. Всякая попытка «отступить» от марксизма-ленинизма в теории есть измена рабочему классу, его партии, измена революции.

Кулацко-капиталистические элементы и их агенты — лидеры правого и «левого» оппортунизма — прекрасно понимают, что подобные попытки не найдут сторонников не только в партии, но и в широких массах, в рабочем классе, и среди колхозников, бедноты и среднего крестьянства. Отсюда тактика двурушничества, отсюда платформа меньшевизма.

В 1921 году в статье о «Чистке партии» Ленин подчеркивал, что «меньшевики, как течение, доказали за период 1918 — 21 гг. два свои свойства: первое — искусство приспособляться, «примазываться» к господствующему среди рабочих течению; второе — еще искуснее служить верой и правдой белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от нее на словах. Оба эти свойства вытекают из всей истории меньшевизма» (стр. 361, т. XVIII, ч. 1). Меньшевики «примазываются» не столько из маккиавелизма, сколько из-за их «приспособляемости». «Всякий оппортунист, — продолжает Ленин, — отличается приспособляемостью (но не всякая приспособляемость есть оппортунизм), и меньшевики как оппортунисты приспособляются, так сказать, из «принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой» (там же).

Меньшевистская живучесть, приспособляемость, — это перекрашивание в защитный цвет, — были в свое время продемонстрированы, как известно, тактикой право-«левацкого» блока.

События внутрипартийной жизни за последнее время (двурушничество правых и «левых») целиком подтверждают указание XVI с'езда партии о том, что «оппортунисты всех мастей, особенно правые, применяют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ошибок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к скрытой или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки на партию».

Отрыв теории от классовой борьбы пролетариата становится орудием, которое оппортунист направляет против практики, против классовой борьбы пролетариата. Поэтому такая «теория» — не марксистская, следовательно,

не ленинская теория. Пример право-«левацкого» блока, — этой беспринципной смеси троцкистских и правооппортунистических лозунгов, — показывает, насколько тесно связано двурушничество, как тактика, с теоретическим двурушничеством, с двурушничеством в самой идейной установке.

Непонимание материальной, об'ективной, именно социалистической основы планирования и, стало быть, отрыв плана от генеральной линии партии; далее, непонимание об'ективного, материального, именно социалистического корня мощного под'ема трудового энтузиазма масс и фальсифицированное отображение его, как подтасовки, устраиваемой чиновниками с целью нажить себе на этом капитал; непонимание, наконец, экономических, обусловленных всей системой советского хозяйства, об'ективных причин наших быстрых темпов и попытки их дискредитации как «толчков, рывков», — вот что характеризует этот блок.

Двурушничество — наиболее типичная черта этого нового вида оппортунизма, который вынужден формально, в «теории», на словах клясться в том, что он—за генеральную линию партии, а на практике пользуется каждым случаем, чтобы сорвать проведение этой генеральной линии.

Право-«левацкий» блок выступил против социалистического наступления, против быстрых темпов индустриализации, клеветнически об'являл плановые задания партии «иллюзиями». Паникеры-капитулянты из право-«левацкого» блока заявляли: «Если сейчас наблюдается ряд таких серьезных симптомов в нашем хозяйстве, которые приводят кое-кого к мысли о том, что это чуть ли не крах основных хозяйственных планов, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что это только крах вредных иллюзий, накопившихся в практике нашего хозяйствования, а отчасти и «теории». «Это разрушение иллюзий сопровождается известными накладными расходами для хозяйства».

Итак, не только в практике нашего хозяйствования, но и отчасти в «теории», по мнению идеологов право-«левацкого» блока, накопились «иллюзии». Всякому ясно, что эта замаскированная атака на генеральную линию партии связана с таким же пониманием плана и планирования, какое мы видели у Бухарина, какое сквозит в таких заявлениях последнего, напр., как о том, что «чиновники «чего изволите» готовы выработать какой угодно, хотя бы сверхиндустриалистический план, чтобы завтра хихикать над нами».

На словах правые признавали правильность генеральной линии, а на деле вели себя двурушнически, организуя беспринципные блоки с полутроцкистами и «леваками».

Двурушничество — неизбежное развитие, логическое следствие отрыва теории от классовой борьбы пролетариата.

Отрыв теории от классовой борьбы пролетариата, практики является наиболее типичной для меньшевизма, наиболее отвратительной формой извращения марксизма. Пример «марксоведа» Рязанова доказывает, что отрыв теории от классовой борьбы, непонимание ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции и, следовательно, как нового этапа в развитии марксистской теории решительно во всех областях, есть не что иное, как теоретическая платформа контрреволюционного меньшевизма.

Рязановщина — яркое доказательство того, что превращение марксизма в мертвую догму, выхолащивание из марксизма его революционной сущности, отрицание его внутренней и непрерывной связи с практикой классовой борьбы пролетариата есть одна из форм приспособленчества контрреволюционного меньшевизма к марксизму, одна из коренных черт меньше-

вистского извращения марксизма, на словах соглашающегося с марксизмом, чтобы на деле подготавливать интервенцию.

Ленин неустанно подчеркивал органическую связь философского материализма с тактикой классовой борьбы. Практика выдвигает задачи, которые призвана разрешить теория. Оторванная от практики теория выгодна лишь буржуазии, ибо отрывом теории от практики буржуазия пользуется для фальсификации самой теории.

«Выяснив еще в 1844 — 45 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, — говорит Ленин, — Маркс, в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата...» и Ленин считает нужным подчеркнуть, что «без этой (разрядка Ленина — *Г. Б.)* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным». Быть марксистом, не будучи ленинцем, — это и значит скатиться к мертвенному, одностороннему материализму, капитулирующему перед буржуазными предрассудками. Быть марксистом, не будучи ленинцем, — это значит делать марксизм мертвым, уродливым, проституированным «марксизмом» II интернационала, это значит скатиться к меньшевистскому извращению партийности теории, как показал пример меньшевиствующего идеализма группы Деборина. Деборинская группа признавала и партийность, и классовую борьбу в философии. Но она рассматривала классовую борьбу не под углом зрения борющейся партии, а «вобче» и в классовой борьбе «вобче» видела партийность.

Между тем для революционного марксизма-ленинизма как раз партийность и выражает классовый характер нашей философии в наиболее четкой форме, ибо «лучшее» в рабочем классе — это его «партия» (Сталин) «выражает в наиболее четкой форме действенный характер нашей философии, ибо наиболее сознательная и действенная часть класса, это — его авангард, коммунистическая партия».

Ленин в заметках к статье «Наша борьба против болота» («Большевик», № 1, 1931 г.) отводит специальный пункт для характеристики оппортунистических «учений» о «пролетариате» и «классовой борьбе» «вобче». С точки зрения марксизма-ленинизма эти разговоры о классовой борьбе «вобче» играют роль лишь маскировки предательства оппортунистов.

Оппортунизм избегает ставить вопрос о партийности философии конкретно, ибо конкретность означает борьбу за генеральную линию партии, означает борьбу против всяких уклонов от генеральной линии партии, начиная от правого уклона, левых «загибов», контрреволюционного троцкизма и кончая право-«левацким» блоком.

Что признание классовой борьбы «вобче», признание классовых интересов «вобче» приводит к отрицанию диктатуры пролетариата, это показывают не только практика и исторический путь австро-марксизма, но и эволюция в идейной установке последнего. Один из теоретических вождей австро-марксизма Карл Реннер год тому назад писал в «Gesellschaft» (№ 2, 1930 г., стр. 140): «Интересы трудящихся классов в современных условиях нашего экономического развития почти всегда тождественны с высшими интересами всей нации. Поэтому он (т.-е. рабочий класс. — *Г. Б.)* поступает в своих интересах, если он становится провозвестником и защитником всеобщих интересов и предоставляет передовым борцам буржуазии подчеркивать свои классовые интересы». Австро-марксизм отбрасывает в сторону учение Маркса о диктатуре пролетариата, теоретически обосновывая защиту фашизма от наступления рабочего класса, когда речь заходит о конкретных формах классовой борьбы. Австро-марксисты против религии

«вобче»; когда же происходит кампания империалистов с «крестовым походом»,— они пишут в «Арбайтерцайтунг»: «Мы, социал-демократы, принципиально борющиеся за свободу совести, против клерикализма, должны бороться также против нового курса советской политики».

Разве не характерно и то, что в момент, когда II интернационал публикует пропитанные бешеной злобой и ненавистью к стране диктатуры пролетариата грязные инсинуации по адресу Советского союза, когда Каутский, поставивший своей специальной задачей спасти капитализм, удержать рабочих от пролетарской революции, открыто из года в год пропагандирует интервенцию и низвержение советского строя, — в этот момент Рязанов тщательно скрывает письмо Маркса с убийственной характеристикой Каутского?

Измена Рязанова сигнализирует о необходимости наибольшего усиления борьбы за партийность научного фронта со стороны всех коммунистов, поставленных партией на теоретический фронт.

Что же такое рязановщина?

Рязановщина — это прежде всего отрицание ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции. Рязановщина вытекает из непонимания роли Ленина, как теоретика, который не только восстановил подлинный, неизвращенный марксизм, но и двинул его дальше, на новую высшую ступень развития. Известно, что в речи на заседании членов Ком. академии, по случаю переименования Соц. академии в Коммунистическую, Рязанов сказал: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я марксист, и, как марксист, я коммунист» [1]. Недавно в докладе, специально посвященном вопросу о роли Ленина как теоретика и прочитанном в узком кругу коммунистов в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, Рязанов подробно изложил свое «credo». Он признал, что он долго не мог мириться с «термином» ленинизм, считая его неудобным, так как этот термин указывает на нечто новое, по сравнению с марксизмом, и что «в конце концов он согласился с ним только потому, что между марксизмом и ленинизмом поставили тире». Он утверждал, что Ленин восстановил подлинное учение Маркса, но в методологию Маркса «ничего нового не внес».

Впрочем, все эти положения можно встретить и в других публичных выступлениях и печатных работах. При этом Рязанов пытался опереться на выдержки из тов. Сталина: «без марксизма коммунист, по справедливому выражению тов. Сталина, не имеет мировоззрения. Мировоззрением ленинца является марксизм, и кто не марксист, тот не может быть ленинцем». (XIII партс'езд. Стен. отчет, речь Рязанова, стр. 565).

По мнению Рязанова, заслугой Ленина является «то, что он воскресил учение Маркса и Энгельса в одной из его наиважнейших сторон. Работа Ильича «Государство и революция» является крупнейшим теоретическим вкладом в теорию марксизма. Ильичу удалось воскресить то учение, которое в период II интернационала, после некоторых попыток Энгельса подчеркнуть значение этой стороны, было забыто» (там же).

Само собой разумеется, что Ленин действительно восстановил подлинное учение Маркса и Энгельса. Чтобы охарактеризовать ленинизм, нужно исходить из учения Маркса, ибо основой ленинизма является, конечно, марксизм.

Для оценки отношения Ленина к Марксу и марксизму, с точки зрения дальнейшего развития марксистской теории, необходимо обратиться к самому Ленину. «С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учением революционных мыслителей и вождей угнетенных клас-

[1] «Вестник Ком. академии», кн. 8, стр. 392.

сов в их борьбе за освобождение, — говорит Ленин, — угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой обработке марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу». («Гос. и рев.», стр. 12, изд. 1924 г.). При таком положении дела, при «неслыханной распространенности искажений», как пишет Ленин, он сам ставил себе первой задачей «восстановление истинного учения Маркса». И Ленин подчеркивает, что «приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм» («Гос. и рев.», стр. 7).

Подобное «восстановление» не могло совершиться без самой жестокой критики социал-демократического опошления марксизма и его метода. «Каутский, — пишет Ленин, — знает Маркса почти наизусть; судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящиков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом» («Прол. рев.», стр. 13; изд. 1918 г.). Безжалостно обрушиваясь на мещанское опошление марксизма, на попытки выхолащивать из марксизма его революционное содержание, Ленин рассматривал свою задачу как «восстановление истинного учения Маркса». И этого, само собой разумеется, не следует забывать.

Но видеть в ленинизме лишь восстановление подлинного учения Маркса, как это делает Рязанов, значит затушевать то новое, что внес Ленин в теоретическую сокровищницу марксизма.

Ни на минуту не следует забывать внутренней, органической связи ленинизма с учением Маркса, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции, но это следует делать, как неоднократно подчеркивал тов. Сталин, «в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности»[1]), а Рязанов это делает для того, чтобы подчеркнуть несамостоятельность Ленина, как теоретика.

Подлинный марксизм в наши дни невозможен без Ленина. Нельзя быть марксистом, не будучи ленинцем. Защищать марксизм, неизвращенный, революционный марксизм, можно лишь на гранитной базе большевизма. Ленинизм и есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Значение Ленина в том, что он не только возродил марксизм, восстановил революционную теорию Маркса и Энгельса, но он, как говорит Сталин, «сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата».

«Было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»[2]).

---

[1]) Сталин, Основы ленинизма, 1930 г., стр. 235.
[2]) Там же, стр. 19.

Вот почему «изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем» [1]).

Рязановщина — это отрицание роли Ленина в развитии философской теории марксизма. Ленина Рязанов не считает философом. По мнению Рязанова, только необходимость партийного долга бороться с богоискательством, с «мещанством», заставила Ленина «взяться за изучение философии», и если бы Владимир Ильич занялся вплотную философией, из него «вышел бы» неплохой философ. Рязанов говорит: «Владимир Ильич, который всегда считал себя скромно не философом, волей-неволей для того, чтобы бороться с мещанством, с труположеством, с богоискательством, с богостроительством в собственной среде, должен был из-под палки собственного партийного долга взяться «за изучение философии». «И, далее, Рязанов считает, что Ленину пришлось в течение сравнительно короткого времени показать, что если бы он занялся вплотную философией, из него вышел бы не худший философ, чем теоретик пролетарского государства» [2]).

Недооценка ленинизма тесно связана в рязановщине с полным отрицанием одной из величайших теоретических заслуг Ленина с точки зрения дальнейшего развития марксистской философии, отрицанием произведенного им диалектическо-материалистического обобщения новейших достижений в области естествознания. Рязанов утверждает, что «Ильичу нехватало времени для того, чтобы гнаться за этим трупоположеством во всех областях естествознания, «и вот оказывается, — продолжает Рязанов, — Энгельс в последние годы своей жизни много поработал над этим вопросом» [3]).

Ленин в заметках на статью Деборина «Диалектический материализм» пишет, что Плеханов молчит о новых течениях в естествознании, а Деборин неясно их себе представляет. И тов. Сталин совершенно правильно замечает, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин решает такую задачу, к выполнению которой Плеханов не решился даже серьезно приступить. Если же послушать Рязанова, выходит, что «Энгельс стоял на наивысшей высоте современной науки и естествознания», в то время как у Ленина нехватало времени, чтобы «гнаться за труположеством» во всех областях естествознания. Таким образом и тут ярко выражено отрицание роли ленинизма, как новой ступени развития решительно во всех областях марксистской теории.

И не случайно тов. Сталин счел необходимым на этом вопросе специально остановиться в «Основах ленинизма». Он писал там:

«Не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критикой антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

В этой недооценке, в этом игнорировании ленинизма в философии рязановщина повторяет зады и троцкизма, и «новой оппозиции», и право-«левых» уклонистов, и меньшевиствующего идеализма группы Деборина.

[1]) Сталин, Основы ленинизма, 1930 г., стр. 5.
[2]) XIII партс'езд. Стеногр. отчет, стр. 563.
[3]) Там же, стр. 563.

Разве не характерно, что Троцкий расcматривает ленинизм как «приложение» марксизма к русской действительности? Интернационализм Ленина, по Троцкому, есть «практическая оценка и практическое вмешательство в ход исторических событий в мировом масштабе и мировых целях» [1]). Троцкий утверждает, далее, что «Маркс — весь в «Коммунистическом манифесте», в «Предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Наоборот, Ленин — весь в революционном действии. Его научные работы — только подготовка к действию» [2]). «Революционное действие» — вот то единственное, что находит Троцкий у Ленина. Ту же мысль о примате практики перед теорией в ленинизме выразил в свое время Е. А. Преображенский. Он также сводил своеобразие ленинизма к практическому гению Ленина. «Все зависит от того, в каких головах помещается этот марксизм и корректируется ли он практикой живого массового рабочего движения,— писал тов. Преображенский.— Применять марксизм — для политического деятеля значит считать в области социально-экономической большими числами, это значит уметь производить учет классовых сил, знать их расположение в данный момент, их изменение, их динамику... Марксизм Ленина — это марксизм действенный... Ленин не был только учеником Маркса: среди учеников Маркса есть и тупицы, и педанты, и люди в футлярах. Он был гениальным марксистом, т. е. свободным при применении марксизма к практике сегодняшнего дня» [3]).

Ленинградская оппозиция пыталась наметить то новое, что вносит ленинизм в революционный арсенал пролетариата, но она также не поняла ленинизма как новой ступени в развитии марксизма. Зиновьев изображал дело так, что Ленин прибавил к трем составным частям марксизма новые части, что кроме трех составных частей марксизма — философии материалистического понимания истории, экономического учения и научного социализма и тактики классовой борьбы,—«кроме» [4]) трех составных частей обобщив опыт начавшейся мировой пролетарской революции, появились «новые составные части» [5]). У Зиновьева даже выходило так, что как, «старые» составные части марксизма олицетворяются более всего Марксом, так «новые, дополнительные «составные части» его ярче олицетворяются Лениным» [6]).

Это плоско-обывательское, механистическое понимание того, как Ленин, возродив неизвращенный марксизм, двинул его дальше, есть по существу также затушевывание роли Ленина как теоретика, непонимание того нового, что внес Ленин в марксизм, наконец, неверная трактовка и того положения, что Ленин — марксист — и что основой его миросозерцания является марксизм. И в самом деле, что означает это механистическое, так сказать, арифметическое понимание нового в ленинизме, по сравнению с марксизмом, как не то, что тов. Зиновьев не видел, не понимал роли Ленина как теоретика, напр., в области философии, в области охвата новейших достижений естествознания. Ленинизм есть развитие марксизма, возведение его на новую ступень решительно во всех областях революционного миросозерцания пролетариата, и в частности в области философии. Между тем именно эту сторону дела и затушевывает то замечательное «разделение труда» между Марксом и Лениным, которое выставлял т. Зиновьев.

Розановщина совпадает в этом вопросе и с правым оппортунизмом.

---

[1]) Л. Троцкий, «О Ленине», стр. 146.
[2]) Там же, стр. 148.
[3]) Е. А. Преображенский, В. И. Ленин. Социолог. очерк, стр. 20.
[4]) Зиновьев, Ленинизм, 1926 г., стр. 20.
[5]) Там же, стр. 11.
[6]) Там же, стр. 14.

В арсенале правого оппортунизма мы также находим это же оружие II интернационала. Разве не характерно, что тов. Бухарин видел в Ленине «тип мыслителя» (см. статью Н. Бухарина «Ленин как тип мыслителя», «Правда», от 23 апреля 1926 г.), именно тип мыслителя, исходящего из «практической установки». Это — «новый наиболее совершенный тип мыслителя, где преодолевается узость специализации и где выступает «разум», который не только «об'ясняет», но и «переделывает» мир» (там же). Этот академический, аполитичный интерес к «типу» мыслителя и не позволяет правильно поставить вопрос о ленинском этапе в развитии марксизма. Для тов. Бухарина только при том условии, «если мы берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных приложений (разрядка тов. Бухарина. — *Г. Б.*) этого метода, то с последней точки зрения (разрядка наша. — *Г. Б.*) ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса». «В этом условном (разрядка тов. Бухарина. — *Г. Б.*) смысле ленинизм есть выход за грань марксизма»[1]. Тов. Бухарин недаром подчеркивает «условный» смысл своей оценки ленинизма как «вывода за грань марксизма»! Надо быть признательным за это, ибо и здесь ярко выразился агностицизм Бухарина. Недаром же для него метод Маркса имел «познавательную ценность»[2]), положение, на которое в свое время обрушивался Ленин. «Только познавательная ценность?» — спрашивал Ленин, — а не об'ективный мир отражающая? Стыдливый агностицизм!» — заключал он[3]). И недаром, когда тов. Бухарин писал о «теоретически интересных» элементах производственного процесса, Ленин резко выступал против его тезиса, говоря: «ошибка богдановской терминологии выступает наружу: суб'ективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания»[4]). Удивительно ли, что если для Бухарина даже диалектика была лишь «точкой зрения», т.-е. одной из многих равноправных точек зрения, агностицизм выразился и во взглядах Бухарина на Ленина как теоретика в стыдливо-идеалистической оценке ленинского этапа, допускаемого лишь с известной «точки зрения», с «точки зрения» того, кто «рассматривает», кому «интересно», а не обусловленного об'ективным материальным процессом исторического развития. Агностицизм и тут призван прикрыть отрицание роли Ленина как теоретика. По Бухарину, значение Ленина, выводящее за грань марксизма, следует измерять «конкретными приложениями» метода Маркса, и «если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а ту методологию, которая заложена в марксизме», то само собой разумеется, — ленинизм есть полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самим Марксом и Энгельсом»[5]). Но это и есть то, что всегда утверждалось в рязановской установке: именно, возврат к марксизму, сформулированному Марксом и Энгельсом.

В этом отношении рязановщина целиком совпадает и с «теорией» меньшевиствующего идеализма группы Деборина о том, что Плеханов и Ленин «дополняют друг друга». «Плеханов прежде всего — теоретик. Ленин прежде всего — практик, политик, вождь» (Деборин). Плеханов-философ дополняет «Ленина, в котором всегда говорит прежде всего политик» (Деборин. «Ленин как мыслитель», стр. 40, 1924 г.). То же мы находим и у ...рева, у которого в ответственной работе о «проблеме философия в ...

[1]) Н. Бухарин, Атака, стр. 255.
[2]) Н. Бухарин, Экономич. перех. период, стр. 6.
[3]) Ленинский сборник XI, стр. 348.
[4]) Там же, стр. 385.
[5]) Н. Бухарин, Атака, стр. 255.

ксизме» совершенно выпала проблема ленинского этапа и значения ленинского философского наследства для практики социалистического строительства в нашей стране. Деборинская школа (и с нею пишущий эти строки, допустивший в этом отношении грубую политическую ошибку) всегда поддерживала Рязанова в этом вопросе и всегда находила поддержку у Рязанова, как организатора института К. Маркса и Ф. Энгельса, как редактора научных изданий этого Института. Недаром кабинет философии Института К. Маркса и Ф. Энгельса как во всей идейной установке, в направлении работы, так и по подбору сотрудников (Стэн, Луппол, Карев, Баммель и др.) был теоретическим и организующим центром деборинской школы.

Мы видим, что всем главнейшим антипартийным уклонам, с которыми партия боролась за последний период, свойственна недооценка Ленина как теоретика, непонимание ленинского этапа в развитии марксистской теории решительно во всех областях. Мы видим, что эту черту рязановщина разделяет со всякими оппортунистическими течениями, со всеми уклонениями от генеральной линии партии,—с троцкизмом, с «новой оппозицией», с правым оппортунизмом и т. д. И в этом—меньшевистская сущность рязановщины, в этом ее защита «марксизма» II интернационала («замурованного», по выражению тов. Сталина).

Методологические корни этих антипартийных оценок марксизма-ленинизма надо искать в эклектизме и агностицизме, в непонимании и извращении диалектики.

Агностицизм и эклектицизм, отрыв метода от мировоззрения, теории от политики классовой борьбы и выражается в подходе, с одной стороны, к ленинизму, а с другой стороны — к «марксизму» II интернационала, австромарксизму, «легальному марксизму» и т. д. как к одному и тому же марксизму, но различно применяемому, различно претворяемому в жизнь. Это чудовищное, чисто идеалистическое извращение коренных черт диалектического материализма в свое время, как известно, крайне ярко проявилось в одной формулировке тов. Лядова. Он писал: «Ленин впервые попытался применить марксизм к жизни, он с первых уже шагов своей деятельности наметил не просто пересказ, переработку, углубление марксизма, а претворение его в жизнь» [1]).

Если задача, стоящая перед Лениным, состояла не в разработке, не в углублении марксизма, а в применении его к жизни, то, очевидно, по Лядову, разные способы применения и претворения в жизнь вовсе не определены материальным, об'ективным источником нашего мировоззрения. И, действительно, разбирая критику Лениным легального марксизма, Лядов прямо пишет: «Тут сказался разный подход к пользованию одним и тем же марксизмом» [2]).

Не ясно ли, что так может рассуждать только эклектик, заменяющий диалектику софистикой, превращающий материализм в агностицизм, капитулирующий перед враждебными теориями, перед классовым врагом и пытающийся стыдливо упрятать эту капитуляцию в эклектической каше «разных подходов к пользованию (!) одним и тем же». Очень поучительно, как это непонимание диалектики, этот агностицизм и эклектизм сказались в той политической ошибочной установке, которую тов. Лядов излагал в своей речи на сентябрьском пленуме МК и МКК в 1928 году по вопросу

---

[1]) М. Лядов, Ленинизм, Екатеринбург, 1924 г., стр. 5.

[2]) Там же, стр. 7.

об «уступках середняку» [1]). Очень поучительно с этой точки зрения и поведение лидеров правого уклона — Бухарина, Томского и Рыкова — на ноябрьском пленуме ЦК партии в 1929 году. Тт. Бухарин, Рыков и Томский заявили, что при намечавшихся ими на апрельском пленуме методах проведения генеральной линии партии мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем, но что и на основе принятого партией метода проведения генеральной линии были достигнуты большие положительные результаты. Получалось, таким образом, будто лидеры правых расходились с партией не в оценке генеральной линии партии, а в выборе метода проведения генеральной линии партии, расходились будто бы в том, что они предлагали «свой метод», а партия — свой метод, который вопреки их расчетам тоже оказался верным. Эта теория равноправности двух методов проведения генеральной линии партии основана на чудовищном антипартийном противопоставлении генеральной линии партии методу проведения ее в жизнь, на отрыве метода партии от генеральной линии партии. В действительности же генеральная линия партии является единственным и коренным методом построения социализма. Всякое противопоставление линии партии методу ее проведения, да вдобавок с провозглашением равноправности двух методов, есть одна из форм защиты антипартийных уклонов в политике; а в философии — есть агностицизм и эклектицизм. И разве не предупреждал Ленин т. Бухарина в своих замечаниях на «Экономику переходного периода», когда он писал: «Для автора, испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных точек зрения» (Ленинский сборник XI, стр. 387). Разве не писал Ленин в этих же примечаниях по поводу формулировки т. Бухарина, гласившей: «Метод приобретает иной логический тон», — разве не писал Ленин по поводу этой формулировки: «Бухарин усвоил дурной тон. Тут не «тон» и не «логика», а материальное» (Лен. сборник XI, стр. 386).

Что в «тоне» и «логике» могут быть какие угодно «методы», — это верно, но кому они нужны, если «материальное», т.-е. практика классовой борьбы пролетариата, подтвердило только линию партии? Очевидно, они нужны троцкистам, правым и «левым» оппортунистам, двурушникам, они нужны, наконец, всем, меньшевистски извращающим марксизм, агентам II интернационала, они нужны им, чтобы бороться против занятого стройкой социализма рабочего класса и его партии под прикрытием «равноправности» и «законности» разных методов проведения линии партии.

Меньшевистское извращение диалектики, замена ее эклектицизмом и агностицизмом, составляет методологические корни и рязановщины. Рязанов в одной работе пишет, что «нет никаких прочных, неизменных разделов между обыденным мышлением, знанием, наукой. Только метод отличает науку от ненауки. Предметом ее является вся действительность во всех ее многообразных проявлениях» («Лет. маркс.», I, стр. 13).

Научное мышление начинается, вырастает, развивается из обыденного мышления, и в процессе развития, усложнения, конкретизирования человеческого знания о природе, действительно, нет «прочных», неизменных разделов между этапами умственного развития человека. Но это не имеет никакого отношения к тому тезису, который доказывает Рязанов и который состоит в том, что только «метод отличает науку от ненауки».

---

[1]) Лядов выдвигал тезис, что каждый раз, в зависимости от того, в какую сторону середняк колеблется, определяется тактика партии, что «на этом построено учение о смычке», «что большевистская тактика в том, чтобы не пропустить того момента, когда середняк начнет резко колебаться в сторону кулака» («Рабочая Москва», 28 сентября 1928 г.).

Перенести различие между научным и ненаучным знанием в область метода — значит затушевать об'ективный, материальный источник нашего знания. Основанием для правильного различения научного и ненаучного знания может быть только об'ективная реальность, существующая независимо и вне нас и отображаемая нами в ощущениях, представлениях, понятиях.

«Общие истины надуваются так, что становятся неверны и превращаются в декламацию», — писал Ленин[1]) в заметке «В чем ошибка?» по поводу заявления «левых» коммунистов, поданного в ЦК партии в связи с решением ЦК от 23 февраля 1918 г. принять германские условия мира. Значение знания настолько растягивается и у Рязанова, настолько из него выветривается всякое содержание, что им обнимается вся действительность во всех ее проявлениях, «для нее нет возвышенных и низменных предметов, для нее нет и не может быть никаких запретов» [2]).

Либерализму в политике соответствует либерализм гносеологический, или, что то же самое, агностицизм. Формалистическое, следовательно идеалистическое понимание различия между научным и ненаучным знанием, приводит к тому, что и само научное знание трактуется не как отображение в понятиях об'ективной реальности, а как «внесение» науки в эмпирический опыт, как «онаучивание» всякой эмпирической области, дающей нам определенную совокупность эмпирических фактов. Но «онаучивание» есть такое растяжение смысла «познания», что «научное» сливается с «ненаучным», фактическое — с вымыслом.

Рязановщина — не только и не просто беспринципная смесь троцкистско-меньшевистских и либерально-буржуазных положений, — нет, она вырастает и питается той же идейной установкой — правым оппортунизмом — и по вопросам естествознания. Правооппортунистическим является у Рязанова толкование марксизма, как, по преимуществу, метода исследования общественных явлений, существующего рядом с «другими научными методами», — толкование, ведущее к капитуляции перед буржуазной методологией в технике, математике и естествознании. Яркий пример — военное дело и марксизм. «В таких чисто технических (разрядка Рязанова. — *Г. Б.*) частях военного дела, как учение об оружии и фортификации, марксизм, поскольку он является методом исследования общественных явлений, — неприменим. Тут требуются другие научные методы (разрядка наша. — *Г. Б.*), тут могут и должны помочь техника, математика и естествознание» («Летоп. маркс.» 1926, кн. I, стр. 15). В области «чистой техники» марксизму таким образом нечего делать — марксизм лишь один из научных методов, и притом имеет значение, поскольку мы применяем его при исследовании общественных явлений. В области чистой техники должны помочь своими методами математика, естествознание.

Вот почему при изучении военного дела для Рязанова марксизм не так нужен, как при изучении всякого общественного явления. Он пишет: «было бы наивностью думать, что если марксизм так же необходим при изучении военного дела, как при изучении всякого общественного явления, что если марксизм является, по преимуществу, теорией классовой борьбы пролетариата, то можно построить военную доктрину в противоположность буржуазной» («Лет. марк.», кн. I, стр. 16).

Совершенно естественно, что, будучи одним из научных методов, марксизм капитулирует не только перед буржуазной наукой, но и перед буржуазной культурой, и Рязанов только последователен, когда после только что приведенной выдержки он пишет: «Это такая же утопия, как создание пролетарской культуры вообще».

---

[1]) Ленинский сборник XI, стр. 53.

[2]) «Летопись марксизма», кн. I, стр. 13.

Тут и проявляется меньшевистская, двурушническая сущность рязановщины, ибо разве не характерно, что не кто иной как Рязанов отстаивал в своих бесчисленных ссылках на Маркса и Энгельса то положение, что диалектический метод одинаково распространяется не только на явления общественной жизни, но и на явления природы.

Чем же это не правооппортунистическое выхолащивание классового, социалистического содержания из техники, из культуры?

Лозунг тов. Сталина о том, что мы должны в течение текущего десятилетия пройти тот путь, какой передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны прошли в 50—100 лет, поднял на ноги рабочий класс, вызвал мощное движение трудового под'ема за овладение техникой. И это борьба не за технику «вообче», а за социалистическую технику, не за кадры «инженерствующих хозяйственников и хозяйствующих инженеров», а за кадры вооруженных марксизмом-ленинизмом командиров большевистской техники.

Сами по себе, вопреки правооппортунистическому тезису Рязанова, ни математика, ни естествознание помочь не могут, ибо в период реконструкции, в период острой борьбы с сопротивляющимся ликвидируемым капиталистическим классом в нашей стране, в период острой борьбы со всеми уклонениями от генеральной линии партии,— с правым оппортунизмом, как главной на данном этапе опасностью, «левыми» загибами, остатками контрреволюционного троцкизма и с право-«левацким» блоком,—мы не можем игнорировать политической физиономии техников, математиков и других специалистов, мы должны твердо помнить о партийности в технической политике и проводить ее в жизнь.

Рязановщина есть отрицание ленинизма не только в философии: непонимание партийности философии, защита меньшевистского тезиса, что можно быть марксистом и коммунистом, не будучи большевиком,— все это приводит к троцкистско-меньшевистским взглядам в оценке соотношения классовых сил в стране, в понимании движущих сил революции.

Партия, руководя социалистическим строительством, целиком исходит из указания Ленина, что в виду неравномерности экономического и политического развития «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (т. XII, изд. 1-е, стр. 133).

В противоположность партии и Ленину троцкизм, как и меньшевизм, отрицает возможность построения социализма в нашей стране. Как известно, Троцкий утверждал в 1906 г., что «без прямой государственной (подчеркнуто мною.—*Г. Б.*) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не может удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую культуру» («Наша революция», стр. 278), а в 1923—24 г. вновь выставил тезис о том, что, захватив власть, пролетариат на первых же порах своего господства «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Соч., том. III, ч. 1, стр. 92). Партия разоблачила меньшевистскую сущность содержащегося в этих положениях Троцкого отрицания идеи диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата, по Ленину, есть «особая форма классового союза» между пролетариатом, авангардом трудящихся, и крестьянством, когда руководящей силой в этом союзе является пролетариат,

его партия. «Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат» (Сталин).

Рязанов выдвигает нечто прямо противоположное: опираться на крестьянские массы—это значит устроить Россию «по-мужицки», «по-солдатски», политика партии союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, как основы диктатуры пролетариата, есть, по Рязанову, «политика мужицкая и солдатская».

В предисловии к книге «На путях к Октябрю» тов. Сталин писал, что: «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения». «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата».

«Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (т. XVIII, ч. 1, стр. 331).

На VII с'езде партии Рязанов, как и Троцкий, не видел никакой другой революционной силы кроме пролетариата. Он обвинял Ленина в том, что он принижает тактику партии до уровня интересов крестьянских масс. В заявлении VII партс'езду «левые» коммунисты выразили это обвинение особенно ярко: они писали в нем, что «солдатская масса, желавшая мира во что бы то ни стало, при всех и всяких условиях, не считаясь даже с социалистическим характером государственной власти пролетариата, наложила отпечаток, и партия, вместо того, чтобы поднимать до себя крестьянские массы, опустилась сама до их уровня, из авангарда революции превратилась в «середняка». Эта формулировка ярко отразилась и в выступлении Рязанова, как по существу меньшевистская сущность отрицания роли крестьянства в революции. Рязанов заявил на VII партс'езде: «Тов. Ленин и та часть партии, которая шла за ним, предпочли, — мы когда-нибудь после разберем эти условия, — опираться на крестьян. В нашей фракции я уже определил политику тов. Ленина. Ленин хотел воспользоваться лозунгами Толстого, видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой. Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки: Ленин — по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики, мужицкой и солдатской, мы теперь расхлебываем». (VII с'езд РКП, стеногр. отчет, ГИЗ, стр. 87).

Итак, дилемма в том, чтобы выбирать между пролетариатом Зап. Европы и «мужицкой, солдатской» Россией. По Рязанову, строительство социализма возможно лишь при опоре на пролетариат Западной Европы. Он говорил: «Я знал, что та пролетарская партия, к которой мы принадлежим... должна быть поставлена перед дилеммой в тот момент, когда захватит власть, должна будет решить вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы или на пролетариат Западной Европы». (Стеногр. отчет VII с'езда РКП, ГИЗ, стр. 87).

Меньшевистская сущность рязановской позиции в этом вопросе в том, что Рязанов отрицал возможность построения социализма без предварительной победы пролетарской революции на Западе, без нашей опоры на пролетарскую революцию на Западе, — что этим самым он отрицал роль крестьянства в революции, изображая ленинское учение о диктатуре пролетариата как принижение тактики партии до уровня «мужицких» масс.

Меньшевизм изо всех сил распинается, чтобы теоретически доказать невозможность социализма в нашей стране; действительная цель международного меньшевизма — это охрана капиталистической системы и пропаганда капиталистической идеологии.

Самый факт, что «середняк пошел в колхоз», что на 1 апреля мы имеем коллективизированными почти 10 млн. крестьянских хозяйств, есть величайшая победа партии на путях построения фундамента социалистической экономики в нашей стране.

Жизнь разбила вдребезги «теории» правых и «левых» оппортунистов о невозможности построения социализма в нашей стране, выбросив вместе с ними в мусорный ящик «истории» и охвостья их, вроде рязановщины, — это начетничество от марксизма на словах, контрреволюционное предательство на деле.

Механистический ревизионизм, отражающий сопротивление буржуазной идеологии проникновению марксистско-ленинской методологии в специальные области знания, образует теоретические основы правого оппортунизма и является попрежнему главной опасностью. Борьба против идеалистического извращения нашего теоретического оружия — важнейшее условие для борьбы против механистической опасности. Борясь на два фронта против механистических и идеалистических уклонений от марксизма-ленинизма, а также против примиренчества к ним и эклектизма, только очищая свои ряды от этих двух потоков меньшевистского буржуазного влияния на пролетариат, мы окончательно преодолеем и вырвем с корнем всякие проявления кулацко-капиталистической идеологии.

С больной головы на здоровую.

(ОТВЕТ тт. ЧЕРЕМНЫХ и АМЕЛИНУ).

А. Варьяш, С. Перов, А. Тимирязев.

В № 19—20 «Революции и культуры» помещена статья тт. Черемных и Амелина «Механисты и правый уклон». Ее авторы опять выдвигают басню о том, что «по всем основным методологическим вопросам механисты находятся вместе с т. Бухариным», понимая под механистами нас. В целях подтверждения этого они «цитируют» нас. Посмотрим, как они нас цитируют.

Тт. Черемных и Амелин, приводя место из статьи т. Варьяша («Диалектика в природе», сборн. № 3, стр. 135), при помощи которого надеются сразить и уличить его в софистике, эклектике и механическом материализме: «Личность и ее безусловно ограниченная роль в истории, — «цитируют» авторы статьи,— не только не вносит элемент случайности в исторические события, а еще больше подтверждает их детерминированность» (подчеркнуто нами. — *В., П. и Т.*).

Посмотрим, что т. Варьяш писал в действительности.

«Личность и ее безусловно огромная роль в истории не только не вносят элемент случайности (без кавычек) в исторические события, а еще больше подтверждают их детерминированность» («Диалектика в природе», сборн. № 3, стр. 125) (подчеркнуто нами. — *В., П. и Т.*). Нельзя сказать, что фраза: «безусловно ограниченная роль» синонимна подлиннику: «безусловно огромная роль»!!! Близорукость тт. Черемных и Амелина в подлинном смысле этого слова безусловно огромная, так как тут т. Варьяш, на основании горького опыта, имея в виду возможность таких людей, которым вместо слова «огромная» могло почудиться «ограниченная», в том же абзаце еще два раза повторил: «гений... имеет огромное значение», «их (личностей) роль огромна».

Пусть читатель сам оценит доброкачественность подобных «методов».

Необходимо отметить, что и другая цитата (из «Истории новой философии» Варьяша) тоже недалеко стоит по своей доброкачественности от первой. Варьяш критикует Юма, известного английского скептического философа, идеалиста, который тоже стоял на точке зрения существования случайных явлений, и указывает на то, что Юм смешивает суб'ективное чувство случайности с самой случайностью. Тов. Варьяш отмечает, что это чувство — вопреки мнению суб'ективного идеалиста Юма — «не является критерием того, что известная истина действительно случайна». Тт. Черемных и Амелин изображают дело так, будто бы не Юм, а т. Варьяш «подменяет вопрос об об'ективной случайности вопросом о способах проверки этой случайности».

Тт. Черемных и Амелин обвиняют нас и в правом уклоне. Мы, дескать, не «боролись против бухаринского механистического понимания движения», отождествляли технику с производительными силами и т. д. Верно ли это?

Тов. Сарабьянов в 1922 г. критиковал «Теорию исторического материализма» т. Бухарина. Это как будто должно быть заслугой т. Сарабьянова. Ничуть не бывало. Он критиковал Бухарина, это верно, но критиковал неправильно, конечно, с точки зрения Амелина. А спрашивается: почему не дали его друзья лучшую критику, чем Сарабьянов? Да Амелин и Черемных не знают как следует соответствующей литературы, иначе бы они не писали: «где и когда механисты боролись против бухаринского механистического понимания движения?» Мы боролись! Напр., т. Варьяш выступил в Коммунистической академии с критикой не только против понятия движения у т. Бухарина, но вообще против его основных положений. Его речь (хотя и сокращенно) была напечатана в «Вестнике Коммунистической академии».

В своей «критике» т. Сарабьянова Черемных и Амелин применяют тот же самый «метод», метод фальсификации. Тов. Сарабьянов в 1922 г., как мы сказали, критиковал Бухарина. Авторам статьи нужно дискредитировать его во что бы то ни стало как механиста. Эта «операция» проделывается Амелиным следующим образом. Сарабьянов приводит место из предисловия Маркса «К критике политической экономии», где Маркс говорит «о материальных условиях существования, совокупность которых Гегель называл «гражданским обществом».

Сарабьянов указывает т. Бухарину (ошибочно толкующему этот вопрос), что Маркс в данном месте говорит не о производительных силах, а о том, что «правовые отношения, наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа». («Под знаменем марксизма», № 3, 1922 г., статья Сарабьянова, стр. 68).

Полемика т. Сарабьянова против т. Бухарина касается основного вопроса; он писал: «Если Маркс говорит в предисловии о материальных производительных силах, то это отнюдь не значит, что в этом заключается материализм целиком» (там же, стр. 67). Почему это пишет т. Сарабьянов, против чего он полемизирует? Он полемизирует против формулы т. Бухарина, писавшего: «Автор (т. Бухарин. — *В., П.* и *Т.*) выбрал тему об историческом материализме потому, что эта «о с н о в а о с н о в» марксистской теории не имеет систематического изложения» (подчеркнуто нами. — *В., П. и Т.*). Может быть, т. Амелин и его друг согласны с этой формулировкой т. Бухарина? Но на наш взгляд Сарабьянов правильно упрекает т. Бухарина в той ошибке, что он забыл о д и а л е к т и ч е с к о м м а т е р и а л и з м е, к а к «о д е й с т в и т е л ь н о й о с н о в е о с н о в м а р к с и з м а» (там же, Сарабьянов, стр. 63 и 69). Амелин и Черемных, должно быть, не читали всю статью Сарабьянова, а искали лишь фразу, «подходящую» для их целей, ибо они пишут следующее: «Тов. Сарабьянов считает, что в материалистическом понимании истории понятие производительных сил «не при чем», «ибо не в этом материализм». Сарабьянов, приводя указанное место из Маркса, разграничивая вопрос об отношении общественного бытия к общественному сознанию от вопроса о диалектическом материализме, как основе марксизма, в действительности пишет: «Материальные же производительные силы т у т п о к а не при чем» (стр. 68; подчеркнуто нами. — *В., П. и Т.*). Это немножко не то, что приводят Черемных и Амелин в качестве мнения Сарабьянова. Они замалчивают, о чем идет речь, берут три слова из одной фразы, четыре из другой фразы, отстоящей от первой на целый абзац, и сочетают из них одну фразу, при чем слова «пока» и «тут» выпускают!

Дальше они обвиняют т. Сарабьянова в том, что у него т о л ь к о изменение техники определяет развитие общественных отношений, — на том «основании», что Сарабьянов писал: «Производственные отношения... сами изменяются не только количественно, но и качественно, и изменяются под

влиянием техники». Нигде т. Сарабьянов не писал, что только техника изменяет производственные отношения. Его критики же делают из этого вывод, что Сарабьянов и даже все мы не понимаем значения простого сложения крестьянского инвентаря и что коллективизация, мол, должна итти, по нашему мнению, самотеком, и т. д. и т. п. чушь. Ни словом Амелин и Черемных не указывают, где и кто из нас сказал или писал, что-либо подобное. И это все на основании «цитаты» из Сарабьянова, при помощи добавления ими слова «только». В самом деле авторы пишут: у т. Сарабьянова «не развитие производительных сил определяет изменение и развитие общественных отношений, а только изменение техники». А дальше они пишут: «От производительных сил осталась одна голая техника».

Важнее, однако, чем их фальсификация, самое отношения Амелина и Черемных к развитию нашей техники. Они решительно недолюбливают технику. Как понимать иначе, напр., такую фразу? «Техника у них (у нас) выступает как фатальная, самодействующая причина общественного развития». Амелин и его друг без всякого доказательства утверждают, что мы отрицательно относимся к сложению крестьянского инвентаря. Все это их выдумка. Уже сложение крестьянского инвентаря представляет собой, как на это указывает т. Сталин, величайшую силу, есть новое качество по сравнению с мелким, раздробленным, индивидуальным и поэтому бессильным хозяйством. Но из этого не следует, что крупные сельскохозяйственные машины не лучше, чем крестьянский инвентарь, ибо движение вперед обобществленного сельского хозяйства,— это как будто азбучная истина для марксиста,—при помощи крупных машин ускоряется. «Социализм,—писал Ленин,— не мыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 191).

«Решить этот вопрос (переработки мелкого земледельца.—*В., П. и Т.*) по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, его психологию, может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» (там же, стр. 128).

То же самое мы имеем и у т. Сталина. «Именно для того,—пишет он,—чтобы эту возможность (построения социализма.—*В., П. и Т.*) превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает... электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма» («Вопросы ленинизма» изд. 2-е, 1930 г., стр. 430). Дальше: «Необходимо прежде всего усилить развитие индустрии, металла, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельскохозяйственных машин и т. д. Без этого невозможно разрешение зерновой проблемы и реконструкции сельского хозяйства» (там же, стр. 505).

Тов. Сталин писал еще: «Забывая о металле и машинах, преобразующих крестьянское хозяйство на базе коллективного труда, тот увековечивает классы, тот не пролетарский революционер, а крестьянский философ» (там же, стр. 421). Эти слова т. Сталина попадают не в бровь, а в глаз тем, кто, как тт. Черемных и Амелин, толкуют о «голой технике» и подозревают в правом уклоне тех, кто целиком стоит на позиции партии и в вопросе о техническом перевооружении также и нашего сельского хозяйства. Сопоставьте с этими словами слова т. Сталина позицию наших критиков, характеризующих нашу позицию словами: «Техника у нас выступает как фатальная, самодействующая причина общественного развития».

Неверно и то, будто мы признаем самотек в развитии. Никакого самотека мы не признаем. Наоборот, тт. Черемных и Амелин, уменьшая всячески значение техники, являются проповедниками самотека. Насколько это верно, явствует из следующего курьезного факта.

Тов. Сарабьянов пишет: «Весь пятилетний план проникнут целью построить гармоничное, в своих частях пропорциональное хозяйство». Его нужно построить так, чтобы одна часть «не отставала и не забегала без нужды вперед». Амелин и Черемных на это отвечают: «Здесь имеется в виду не просто плановое сочетание и учет развития отдельных отраслей, а общая цель пятилетки. Это узко-техническая точка зрения» и т. д. А потом следует обвинение в эволюционизме, механическом методе у т. Сарабьянова и т. д. И все это пишется ими во время процесса вредителей, которые вызывали искусственные диспропорции в разных отраслях производства, пользуясь ими, как одним из главных методов вредительства. Ненарушение пропорциональности без нужды представляет собой не цель пятилетки, как «истолкуют» фразу т. Сарабьянова его критики, а лишь средство. Наша цель — построение социализма, а не пропорциональность ради пропорциональности, как стараются уверять читателей Черемных и Амелин. Но цель требует средств. Среди них плановость и учет, как это должно быть известно и этим товарищам, имеют большое значение. Никто из нас не возводит пропорциональность разных отраслей народного хозяйства в закон, не знающий или не терпящий исключения. Тов. Сарабьянов говорит лишь о том, чтобы одна часть его «не отставала и не забегала без нужды вперед», т. е. он допускает такую обстановку, когда есть нужда иначе поступить.

«Социализм, — писал Ленин, — не мыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговоры». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 191). (Подчеркнуто нами. — *В., П. и Т.*).

Пусть тт. Черемных и Амелин ищут поближе к себе, когда они говорят о правом уклоне, а выступают против тех, кто раз'ясняет важность возможной в данный момент пропорциональности составных частей народного хозяйства, чтобы избегать омертвления больших капиталов. И еще вы кричите, что мы — механические материалисты, недиалектики, эволюционисты, техницисты, сторонники самотека и пр.!

Пусть тт. Черемных и Амелин назовут кого-либо из наших единомышленников, который стоял или стоит на платформе правого (или «левого», или левацкого) уклона. Но за то мы по желанию можем им назвать кое-кого из лагеря деборинской школы, к которым еще недавно принадлежали тт. Черемных и Амелин. Достаточно будет, пожалуй, указать на наиболее известных: Сапожников, Подволоцкий, В. Слепков, Маньковский, Гребнев, не говоря уже о леваках и «левых», которых тоже немалое количество ютилось у них (Стэн, Карев, Резник и др.).

Характерно, что, шельмуя нас, Черемных и Амелин и теперь (после резолюции ИКП) берут под защиту своего учителя Деборина и всячески стараются оправдывать, выгораживать его. Они защищают архимеханистическое определение класса Деборина и замалчивают, что Деборин определил общественный класс как коллективное существо («Под знаменем марксизма», № 1—2, 1926 г., стр. 63), и не хотят понять, что это именно есть подлинно механистическое определение. Черемных и Амелин борются не против действительных механистических ошибок, их они не видят, а против тех, кто

эти ошибки разоблачает. Написав 14 страниц, они посвящают ошибкам деборинского лагеря несколько строк и даже в этих нескольких строках толкуют, главным образом, о механистической опасности, кивая на нас. До сих пор они не сумели правильно оценить деборинскую философию как меньшевиствующий идеализм (см. теорию нэпа, определение класса и крестьянства у т. Деборина). Механистическая опасность есть, она есть методология правого уклона,—главной опасности в нынешний этап. Но только Черемных и Амелин ищут ее не там, где она есть. Тт. Амелин и Черемных скорее найдут эти ошибки, если они поближе к себе будут искать, ибо защита механистического определения класса Дебориным, хотя и с оговорками, а дальше яростные выпады против техники, дискредитация тех, кто старается возможно быстрым темпом снабжать колхозы и совхозы машинами, фразы вроде того, что «техника у них (т.-е. у нас. — *В., П. и Т.*) выступает, как фатальная, самодействующая причина общественного развития», есть именно выражение весьма плохо скрываемых право-уклонистских настроений.

Тов. Бухарин, как это всем известно, в прошлом, когда он еще не отказался от своих ошибок, опирался не на нас, как бы ни старались уверить в этом читателей Черемных и Амелин, а на тт. Сапожникова, В. Слепкова и др. правых уклонистов из деборинского лагеря, поручив им рецензионный отдел «Правды». Каково же было отношение к нам этих товарищей, едва ли стоит и говорить. Тов. Бухарин—достаточно квалифицированный политик, чтобы определить, кто идет с ним и кто не идет. Утверждение Амелиных, что наша методология есть методология правого уклона, есть не что иное, как литературное очковтирательство. Именно в деборинском лагере оказалось немало из идеологических представителей как правого, так и «левого» уклона, а также и из право-«левацкого» блока, между тем, как ни на кого из наших единомышленников Амелины не укажут, как на причастного к какой-нибудь из этих антипартийных группировок.

По мысли наших критиков выходит так, что те, кто, по их мнению, стоял на правильной теоретической линии (деборинцы), хотя бы в основном, — как теперь они говорят, — оказались политическими уклонистами, а, с другой стороны, мы, которых они ругают механистическими материалистами, во все время внутрипартийной борьбы стояли на правильной политической линии. Выходит так, что те, кто стоял на правильной позиции в теории, оказались уклонистами, оппортунистами в политике, а те, кто вел хорошую большевистскую линию в политике, в теории оказались уклонистами...

У тт. Черемных и Амелина выходит так. Но так же «аргументировал» и т. Стэн, как известно, в августе 1929 г.

Вот как обстоит дело фактически. Мы предоставляем читателю делать соответствующие выводы вообще, а также и насчет «способа цитирования» тт. Черемных и Амелиным.

Ноябрь 1930 г.

Адвокаты теоретической базы правого оппортунизма.

(ОТВЕТ тт. ВАРЬЯШУ, ПЕРОВУ и ТИМИРЯЗЕВУ).

К. Амелин и П. Черемных.

Письмо механистов ясно говорит о том, что и этот год ничего в их взглядах не изменил. Обостренная классовая борьба и социалистическое строительство последних лет прошли мимо них, не выдвинув перед ними ни одного нового вопроса. Не понята ими и борьба против меньшевиствующего идеализма за партийную линию в философии. Они целиком в прошлом и по кругу обсуждаемых проблем, и по оценке расположения борющихся сил. Упорное отстаивание прежних антимарксистских позиций, защита своих сторонников, отвод внимания читателя на толкование отдельных слов для маскировки своих позиций в поставленных перед ними вопросах,— вот теоретическая и политическая «мудрость», которая сквозит в письме механистов.

В основу его положено «великое открытие»: в одной из цитат нашей статьи против механистов вместо слова «огромная» оказалось — «ограниченная». Простой о п е ч а т к и было вполне достаточно, чтобы механисты подняли целый вой: нас искажают! нас фальсифицируют! о нас распространяют вздорные выдумки!

Но тт. Варьяш, Перов и Тимирязев при этом «благоразумно» умолчали о с у щ е с т в е поставленных вопросов, о том, что в нашей статье речь шла не о роли личности, а о проблеме о б ' е к т и в н о г о характера случайности. Если бы вопрос шел о роли личности в истории и мы написали бы «ограниченная роль» вместо «огромная роль», тогда они оказались бы вполне правы. Но для взятого нами вопроса — отрицание о б ' е к т и в н о й случайности у механистов — опечатка не играет никакой роли. И наоборот, без нее смысл остается прежним, а наш вывод подчеркивается с еще большей резкостью.

По мнению механистов признание об'ективного существования случайных моментов является отрицанием причинности и необходимости, уступкой идеализму, ибо если мы признаем, что все явления имеют причину, детерминированы, то этим самым исключаются всякие случайности. Личность играет огромную роль в истории. Но она не может внести ничего случайного в ход событий.

Но такой взгляд указывает на полное непонимание диалектической связи случайности и необходимости, он представляет прямую ревизию взглядов Маркса, Энгельса и Ленина по данному вопросу.

Взгляд Маркса на наличие случайностей в ходе исторических событий и их влияние на эти события изложен им, например, в письме к Кугельману от 17 апреля 1871 г., с такой четкостью, что не допускает никаких кривотолков.

«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, — пишет Маркс,— если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический вид, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» («Письма Маркса и Энгельса», под ред. Адоратского, изд. 3-е, 1928 г., стр. 263).

Итак, случайности, по Марксу, имеют место в исторических событиях. Они входят «составной частью в общий ход развития». Одни случайности уравновешиваются другими случайностями. Отрицается ли этим необходимость, детерминизм, причинность? Нисколько! Такой вывод не осмелятся приписать Марксу даже механисты, хотя некоторые из них и поддались риккертианской обработке. Сама историческая необходимость прокладывает дорогу через ряд случайных моментов, она выступает как реальная тенденция, как продукт борьбы классов (в классовом обществе). Считать, что в этой борьбе классов абсолютно все, вплоть до самых мельчайших деталей, необходимо, что нет никаких моментов случайности, хотя в событиях принимают участие миллионные массы,— так думать могут лишь метафизики, не понимающие всей сложности исторических событий. Тогда история становится своего рода заведенной машиной. Она принимает совершенно мистический вид,— все заранее и полностью определяется предшествующими событиями. При этом мы неизбежно скатываемся к фатализму, а на практике — к равному оправданию и революционной борьбы, и всех подлостей реакции, и, тем более, всех суб'ективных ошибок. Эта механическая необходимость заставит нас без конца копаться в далеком прошлом, отыскивая лишь в нем причины событий настоящего, заставит нас смотреть не вперед, а только назад. Конечно, это значительно проще, чем производить конкретный анализ данной конкретной ситуации. Но отбрасывать все случайности, во всем видеть лишь необходимость, значит и эту необходимость превращать во что-то случайное, так как тогда она оказывается сваленной в одну кучу со случайностями. Все, вплоть до ошибок отдельных лиц, участников событий, становится необходимым. Трудно, в таком случае, различить и доказать, почему необходима данная, а не какая-либо иная тенденция развития.

Механистам хорошо известны взгляды Маркса. Но они его ревизуют, они, вместе с оппортунистами, хотят заменить «хитрую» марксову диалектику более простой и пошлой метафизикой.

Не считаются механисты и со взглядами Энгельса по данному вопросу, полностью совпадающими со взглядами Маркса. Энгельс неоднократно касается вопроса о случайностях и дает очень ясное его решение. «Мы знаем, что необходимость составляется из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собой форму, за которой скрывается необходи-

мость» (Ф. Энгельс, Л. Фейербах, изд. 1928 г., стр. 61, см. также стр. 64—65). Для Энгельса «мнимые случайности» не продукт человеческой мысли, они действительно существуют. Именно из них составляется необходимость, среди них она прокладывает себе путь. Случайности выступают, как формы существования самой необходимости.

Энгельс решительно выступает против «бессодержательного механического детерминизма», который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае» («Диалектика природы», изд. 3-е, стр. 138). С механическим детерминизмом «не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградирует до уровня случайности» (стр. 137). Энгельс предлагает не отбрасывать случайности, а об'яснить их, как форму необходимости.

Механисты могут возразить: Энгельс здесь говорит о случайности вообще, а мы говорим о случайности в истории, где ее действительно не существует.— Напрасно! Как в отношении исторических, так и в отношении всех других явлений Энгельс проводит один и тот же взгляд на соотношение случайности и необходимости. «В сложности общественных явлений случайность занимает один полюс, на другом же стоит необходимость», пишет он в «Происхождении семьи» (изд. «Пролетарий», 1927 г., стр. 116). Случайность и необходимость — это диалектически связанные друг с другом об'ективные противоположности, хотя и неравные,—случайность есть лишь проявление необходимости,—но имеющие место решительно во всех областях материального мира, а следовательно, и в мышлении, отображающем этот мир. Они выступают как диалектически связанные категории, как единство противоположностей.

Случайности, конечно, не возникают беспричинно. Но как наличие определенной причины возникновения каждой из них не превращает еще случайности в необходимость, так и наличие необходимости не уничтожает существования случайностей.

Ту же ясность по вопросу о случайности и необходимости мы находим и у Ленина, развивающего взгляды Маркса и Энгельса. Он признает относительность различия и не сводит две диалектические противоположности к одной из них. Ленинское понимание бьет сразу на два фронта — против механистов и против меньшевистского об'ективизма, против меньшевиствующего идеализма. Особенно ясно выступает оно в связи с его положениями кажимости и развитии самой необходимости.

Для метафизиков, везде видящих абсолютные противоположности, видимость есть только несуществующее, прямая противоположность имеющемуся налицо. Ленин же, раз'ясняя Гегеля, ставит вопрос иначе. Он в видимости, кажимости находит такую ступень существования процесса или вещи, где данное своеобразное бытие последней еще окончательно не определилось, а выступает только как один из моментов, что отнюдь не делает кажимость каким-то призраком, продуктом мысли. «Об'ективна и кажимость, ибо в ней есть одна из сторон об'ективного мира» (Ленинский сборник, IX, стр. 51). «Кажимость есть 1) ничто, несуществующее, которое существует, 2) бытие как момент» (там же, стр. 111). «Кажущееся есть сущность в одном ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. Сущность кажется чем-то» (там же, стр. 113). Следовательно, кажимость, видимость тоже об'ективно существует, но в качестве лишь одной из сторон, одного момента вещи, процесса, их сущности. Она не передает их существа полностью, а только с некоторой, несущественной стороны.

То же самое можно сказать и о случайности и необходимости. Необходимость представляет из себя «ц е л ь н о с т ь, с о в о к у п н о с т ь не-

ментов действительности» (там же, стр. 159, подчеркнуто Лениным). Развитие действительности во всей ее полноте, цельности «оказывается необходимостью». Необходимость, как совокупность всех моментов, выражает основную тенденцию, закон развития данного процесса или предмета. В развертывание предмета в качестве отдельных моментов включаются и многочисленные случайности. Отдельные случайности не определяют развития предмета в целом или в основном, но они входят в «развертывание всей совокупности моментов действительности» (там же). В этом развертывании Ленин видит «сущность диалектического познания». Ленинская трактовка случайности, как момента в развертывании самой необходимости, является конкретизацией и дальнейшим развитием положения Маркса и Энгельса о диалектической связи случайности и необходимости. Она бьет по идеалистическому пониманию случайности, согласно которому случайность беспричинна. Она бьет и по механическому пониманию случайности.

Механисты не видят диалектического единства необходимости и случайности. По их взглядам, об'ективно, в действительности имеет место только необходимость. А случайность — это продукт нашего незнания, исключительно суб'ективные явления. Случайность «есть результат нашего неведения», «есть непознанная необходимость» (сб. механистов «Диалектика в природе» № 2, стр. 272). Следовательно, они просто отрицают случайности. Остается одна простая, непосредственная необходимость, которая в таком виде может быть только метафизической, односторонней, какой она была, напр., у материалистов XVIII века. Да и сама необходимость превращается у механистов в пустую фразу. «С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу» (Энгельс «Диалектика природы», стр. 136).

Механисты хотят изучить подлинную причинную цепь событий. А получается обратное—подобное «упрощение» не приближает, а удаляет нас от научного изучения явлений, сбивает с правильного пути познания и деятельности.

Механисты хотят уничтожить всякие следы дуализма в области познания. На деле же они под флагом материалистической фразы возвращаются к теологическому, поповскому взгляду на природу, к фатализму, к пассивности. Когда все явления, и случайные и действительно необходимые, свалены в кучу и все выдаются за необходимые, открывается широкий простор для извращения материалистической диалектики, для подмены ее эклектикой и софистикой. Такая теоретическая каша — благодатная почва для оппортунизма.

Ленинская трактовка бьет и по эклектическому пониманию случайности, ставящему случайность наравне с необходимостью. Эклектики фактически становятся на те же позиции, что и механисты, только они подходят к вопросу не через отрицание случайности, а через ее признание. Посмотрим, как трактует случайность т. Деборин. Он пишет: «Можно сказать, что случайное совпадает с внешней необходимостью» («Диалектика и естествознание», стр. 128). «Случайное есть то, что обусловлено или, говоря словами Гегеля, положено только другим, т.-е. не собственной необходимой природой его» (там же, стр. 129). В другом месте т. Деборин пишет по поводу своей формулировки: «Я только развиваю то, чему учили Энгельс, Маркс, Плеханов и Ленин» (там же, стр. 250). Это вдвойне неверно. Во-первых, взгляды Плеханова существенно отличаются от марксистско-ленинской трактовки данного вопроса. Для Плеханова случайность «является лишь в точке перенесения необходимых процессов» (Соч., т. VIII, стр. 294, «О роли личности в истории»). И сколько бы он ни иллюстрировал свое понимание

случайности, это понимание вращается вокруг данной формулировки. В этом вопросе, как и в критике махизма в 900-х гг., Плеханов часто сдает позиции диалектического материализма механистам. Во-вторых, трактовка случайности у т. Деборина является непереваренным заимствованием у Гегеля, а не развитием марксистско-ленинского учения о случайности и необходимости. Меньшевиствующая трактовка случайности в лучшем случае возвращает нас к созерцательному материализму. Она дает широкий простор для подмены диалектики софистикой.

Теория абсолютного преобладания рабочего класса в населении, как непременное условие для диктатуры пролетариата, пассивное ожидание развития революции и тому подобные теории являются образцом применения механической необходимости и подмены диалектики софистикой. «Не надо было браться за оружие» — в этих словах Плеханова после поражения декабрьского восстания 1905 г. ярко сказалась меньшевистская пассивность, выжидание момента, когда сами собой созреют все шансы победы, как будто они могут созреть вне борьбы пролетариата. Такой способ борьбы, «только под условием непогрешимо благоприятных шансов», высмеивал Маркс во время Парижской коммуны. Плеханов отказался от использования революционной ситуации, от борьбы за действительное осуществление исторической необходимости — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Об'ективная историческая необходимость, по Плеханову, должна осуществиться сама собой.

Подобное пассивное ожидание, меньшевистские расчеты на абстрактную историческую необходимость, на самотек в революционной борьбе Ленин называл не иначе, как изменой рабочему классу, делу революции, а попытку учесть наперед, без борьбы, все шансы победы — шарлатанством. В предисловии к письмам Маркса к Кугельману он замечает, имея в виду меньшевиков: Маркс «понимает, что попытка учесть наперед все шансы победы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педантством» (т. X, изд. 2, стр. 367).

На позиции такого педантства и предательства стал Плеханов. На них неизбежно скатываются и все, кто подменяет материалистическую диалектику софистикой.

Так же не могут отличить необходимого от случайного, основного от второстепенного и, следовательно, не могут выяснить их конкретного взаимоотношения и «лево»-правые «сигнализаторы», эти вестники обывательских очередей и хвостов. Трудности, неизбежно вытекающие из обострения классовой борьбы и имеющие в самих себе основы своего преодоления, они принимают за явления, которые можно было заранее полностью предупредить, стоило лишь своевременно лучше познать их причины. Все дело в познании! Для них как бы не существует об'ективного соотношения классов и новых явлений в классовой борьбе. С другой стороны, такие явления, как, например, плохая работа некоторых кооперативных и советских организаций, что совсем не связано с их существом и основными задачами, эти явления возводятся ими в ранг необходимых, вытекающих из партийной линии. Так подменяют «лево»-правые оппортунисты случайное необходимым и необходимое случайным, чтобы затем на поставленной дыбом «действительности» «обосновать» свои нападки на партию. Они идут по стопам Плеханова, пользуясь механическим и одновременно меньшевистско-идеалистическим извращением марксизма-ленинизма.

Меньшевиствующие идеалисты и механисты извращают, правда с разных концов, марксистско-ленинскую диалектику, и поэтому неспособны дать конкретный анализ событий, верно определить основную тенденцию развития, выбрать необходимые звенья и средства борьбы. У тех и других

сказывается недооценка практической преобразующей деятельности революционного класса. Эта недооценка неизбежно приводит к оппортунизму в политике и на практике.

С кем теперь идут механисты по вопросу о случайности и необходимости? С Марксом, Энгельсом и Лениным, взгляды которых им хорошо известны? — Нет, они отвергают и ревизуют марксистско-ленинское решение вопроса, но зато полностью берут ошибочное положение Плеханова, изгоняют из него всякие намеки на диалектику и полученный «цвет» механической обработки преподносят, как лучший плод марксистско-ленинского метода. Механисты несогласны с Марксом, Энгельсом и Лениным, но с тов. Бухариным у них — полное единодушие. Как тов. Бухарин, так и механисты отрицают существование об'ективных случайностей и роль случайных моментов в ходе событий. Как у тов. Бухарина, так и у механистов необходимость имеет абстрактный, метафизический характер. Недаром они в заключение своей трактовки проблемы случайности приводят цитату из Бухарина, как наиболее крепкий аргумент в защиту своей позиции и наиболее яркую формулировку их собственных взглядов. Они говорят: «Очень характерно, — пишет т. Бухарин, — то обстоятельство, что учение о случайности, которое признает всерьез случайность, прямехонько приводит к вере в сверх'естественное, к вере в бога... С упадком буржуазии, с ее разложением учение о случайности начало вновь распространяться» (сб. «Диалектика в природе», № 2, стр. 282). Как у т. Бухарина, так и у всех механистов необходимости, очевидно, может противостоять в качестве механистической «категории» не случайность, а только бог. Отождествление диалектики с идеализмом, как и решение проблемы случайности и необходимости, механисты производят полностью по т. Бухарину.

От решения всех этих вопросов по существу механисты отказались. Желая «развивать» марксистско-ленинскую теорию и методологию, они, на деле, только скользят по поверхности явлений, отстаивают ошибки Плеханова или прямо катятся на позиции буржуазной науки. И чем настойчивее они защищают антиленинские взгляды т. Бухарина, тем сильнее кричат: всякие заявления о методологическом единстве механистов и правых «есть не что иное, как литературное очковтирательство»!

В своем письме механисты жалуются по поводу цитаты из книги тов. Варьяша «История новой философии», что «товарищи Черемных и Амелин изображает дело так, будто бы не Юм, а т. Варьяш «подменяет вопрос об об'ективной случайности вопросом о способах проверки этой случайности».

Откроем том I, ч. 2, «Истории философии» Варьяша. Там есть такой заголовок: «Критика теории причинности Юма». Читаем: «Ошибка Юма в самом исходном пункте, в его молчаливом допущении, что кроме необходимости существует еще, как реальное явление, случайность» (стр. 179, подчеркнуто Варьяшем).

«Случайности вообще нет. Отрицание случайности означает, в переводе на язык положительных формулировок, господство абсолютной необходимости, хотя нам в очень редких случаях удается раскрыть полностью эту необходимость. Другими словами, оно означает господство всемирного принципа причинности, или то положение, что части мира неразрывно связаны друг с другом посредством универсального закона» (стр. 180).

Дальше следует та самая цитата, по поводу которой проливаются крокодиловы слезы: «Наше суб'ективное чувство случайности вовсе не является критерием того, что изве-

стная истина действительно случайна» (стр. 128). Это — подлинная мысль т. Варьяша, а не Юма.

Какие же выводы можно сделать на основании этих цитат? 1) Признание случайности есть ошибка Юма, 2) случайности вообще не существует и 3) в мире господствует абсолютная необходимость.

Но это и есть, т. Варьяш, точка зрения голого фатализма. В мире все предопределено заранее. Надо бы только быть последовательнее и сказать, кем именно предопределено. Ясно, что в данном случае Варьяш критикует Юма, а не излагает своими словами его точку зрения. Если же признать, что механисты в своем письме хотят по поводу этой фразы раз'яснить истинный смысл своих писаний, а не заниматься софизмами, то получается совсем абсурд. Выходит, что суб'ективный идеалист-эмпирик Юм говорит: «Наше суб'ективное чувство случайности вовсе не является критерием того, что известная истина действительно случайна». Стало быть, Юм не суб'ективный идеалист, если он говорит такую вещь, для него тогда должен быть какой-то иной критерий, не суб'ект. Дело, оказывается, просто в том, что механисты, вместо того, чтобы сказать прямо, что они продолжают стоять на своих методологических позициях, занимаются передержкой, вкладывают свое отрицание случайности в уста Юма. Не т. Варьяш, оказывается, а Юм подменяет вопрос о существовании случайности вопросом о критерии случайности.

В сущности мы не имеем со стороны механистов критики ни по одному пункту бухаринской философии. Вряд ли можно назвать критикой методологии и политических позиций правого уклона статью т. Сарабьянова (в 1922 г.) и выступление т. Варьяша в Комакадемии в 1929 г. На деле же механисты «развивают», «углубляют», «уточняют» и подделывают под Маркса эту немарксистскую философию.

Образец такой подделки представляет книга т. Варьяша «Логика и диалектика», где наряду с юмистскими и кантианскими идеалистическими положениями имеется прямое отождествление марксова и бухаринского материализма. Вот что говорится в этой «Логике», напечатанной в 1928 году. «Классическая формулировка, данная Марксом сущности исторического материализма, показывает, что исторические силы — это силы иного порядка» (перед этим Варьяш говорит о механических силах.— *Ч. и А.*). Во-вторых, они не независимы друг от друга. «Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще». Эти два ряда процессов не независимы друг от друга, нельзя их слагать или производить над ними какие-либо алгебраические или аналитические операции. Надстройка стоит не рядом с базисом, а возвышается над ним, вырастает из него. То же самое мы находим у т. Бухарина («Теория исторического материализма»). «Если величину производительности труда рассматривать с точки зрения ее составных материальных частей, тогда мы получим три величины: во-первых, массу произведенных продуктов, во-вторых, массу средств производства, в-третьих, массу рабочих сил, т.-е. живых работников. Все эти величины зависят одна от другой» (Последняя разрядка моя.— *А. В.*). (Варьяш. «Логика и диалектика», стр. 318—319). Такова страничка из трудов механистов. В важнейшем, коренном вопросе нашей теории, в понимании сущности исторического материализма механисты не видят различия между Бухариным и Марксом. Они извращают Маркса, сводя сущность его классической формулировки истмата к зависимости различных сил и величин для того, чтобы бухаринское механистическое понимание сущности истмата по-

догнать под классическое марксистское. Тем самым они берут под защиту и всю методологию Бухарина. Как же можно говорить о критике Бухарина механистами, если они опираются на его теорию в своем извращении Маркса? Одно из двух: или бухаринское понимание сущности истмата есть классическое марксистское — тогда пустым утверждением остаются нынешние слова механистов, что методология правого уклона механистическая; или нужно действительно критиковать методологию правого уклона, которую развивали тт. Варьяш, Перов, Тимирязев и др. Механисты же становятся на эклектические позиции, прячут и замазывают свое истинное отношение к методологии Бухарина.

В чем гвоздь механистической ревизии в философии и истмате? В переходе на метафизическую точку зрения в вопросе развития, движения, в замене революционной диалектики Маркса-Энгельса метафизикой, эволюционизмом, в выхолащивании классового содержания. По этой линии механисты во всех вопросах целиком и полностью находятся на одних позициях с т. Бухариным.

Механисты, как и т. Бухарин, рассматривают развитие «как уменьшение и увеличение, как повторение» (Ленин). При этой концепции движения «остается в тени» самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив («или сей источник переносится вовне — бог, суб'ект»). Эта концепция «мертва, бледна, суха» и не дает понимания перерыва постепенности, уничтожения старого и возникновения нового.

Приведем еще страничку из «Логики» т. Варьяша. «Меру изменения общественных процессов, — говорит т. Варьяш, — дает таким образом уменьшение или увеличение возникших и вновь зарождающихся противоречий. Тов. Бухарин так определяет эту меру: «Все дело зависит от того, насколько противоречия в данный момент сильны». Противоречия между капиталистическими странами являются одним из главных условий сохранения советской власти в СССР и победы пролетариата в Европе. Говоря о возможности интервенции, несмотря на противоречивые интересы капиталистических держав, т. Бухарин продолжает: «Еще больше дело зависит от того, насколько грозна опасность, чтобы об'единить все эти государства, между которыми есть противоречия. Если она окажется слишком большой, то противоречия между ними на время отодвигаются для совместной борьбы против более важной, более решающей для них общей опасности» (Бухарин, речь на XV московской партконференции). «Как мы видим, т. Бухарин в остроте и удельном весе противоречий видит меру их разрушительного действия на систему, в которой они имеются. Им противодействует наличие общих интересов» (Варьяш, «Логика и диалектика», стр. 321).

Увеличение или уменьшение противоречий — вот общая точка зрения механистов и т. Бухарина. В развитие этой точки зрения механисты берут у Бухарина его теорию внешних противоречий, на которой построена правооппортуническая теория «организованного капитализма». Только количественное, следовательно внешнее, увеличение или уменьшение противоречий служит для механистов признаком того, переживает ли данная страна кризис или революцию или нет. «По этому признаку, — говорит т. Варьяш, переписывая бухаринскую теорию равновесия, — можно судить об устойчивости или неустойчивости данной общественной системы» (там же, стр. 321). А куда исчезла классовая борьба внутри каждой страны?

Механисты в своем письме подчеркивают, что т. Бухарин опирался на Слепкова, Сапожникова и др. Но почему, спрашивается, они не говорят,

на кого опирается в приведенных писаниях т. Варьяш? Совершенно ясно, что методология механистов опирается на методологию т. Бухарина. В той же книге т. Варьяша мы встречаем знакомый «диалектический смысл неравномерности развития капитализма при империализме». Смысл этот в том, что «конкуренция между мировыми трестами, исчезнувшая на внутреннем рынке, тем усиленнее свирепствует на внешнем» (там же, стр. 438). Здесь не отличить т. Варьяша от т. Бухарина.

Механисты защищают теорию «организованного» капитализма т. Бухарина и в то же время кричат: «Нас заподазривают в правом уклоне!» Но факты — упрямая вещь. Подозрительно же другое: защита методологии правого уклона и в то же время утверждение, что методология правого уклона есть механистическая и что с ней надо бороться. Тов. Варьяш дает чисто бухаринское определение общества: «общество — это определенная форма реальных совокупностей» («Логика и диалектика», стр. 110). «Общество есть реальная совокупность» (Бухарин). Эти абстрактные определения общества ничем не отделяют тт. Варьяша и Бухарина от буржуазных социологов.

Механисты утверждают, что и они «боролись», боролись против Бухарина, против правых. Но кроме простого утверждения мы не имеем никаких доказательств этого, не знаем никаких аргументов. Заявление, будто т. Варьяш выступил в Комакадемии с критикой не только понятия движения у т. Бухарина, но вообще против его основных положений, нельзя принимать всерьез, так как и там т. Варьяш повторил ряд прежних своих положений. Под флагом борьбы против т. Бухарина он протащил взгляды механистического материализма.

Тов. Варьяш увидел основу всех методологических ошибок т. Бухарина в его механическом понимании причинности, которой он противопоставил свою, как истинно-диалектическую. Однако его «диалектическая» причинность как двойник похожа на бухаринскую механическую.

Тов. Бухарин пишет: «Всякий причинный закон выражается в положении (в формуле): если налицо есть такие-то явления, то обязательно будут и соответствующие им другие явления... причинная связь есть только постоянно наблюдаемая связь явлений—и больше ничего» («Теория исторического материализма», изд. 7-е, стр. 27, 28).

«Возражая» Бухарину, «критикуя» его, т. Варьяш дает следующие определения принципа причинности (для краткости опускаем пояснения в скобках): «Если имеются две системы в двух местах пространства в произвольные моменты времени (одновременно или неодновременно), если, дальше, начальные условия их состояния... одинаковы и если характерные для условий этих состояний величины обладают экстремальными значениями (минимумом и максимумом), то одинаковы будут также и все их последующие состояния» («Логика и диалектика», Гиз, 1928 г., стр. 292; подчеркнуто автором). Этот принцип, оказывается, действителен не только в области механики, но и во всех областях, так как законы сложных явлений слагаются из простейших. «Сложные законы представляют собой синтез более простых» (там же, стр. 299, см. 297 и др.; подчеркнуто автором).

Так «борется» т. Варьяш против т. Бухарина! Согласие по существу, выраженное только иными словами, — вот вам и «критика» механической концепции т. Бухарина!

Тов. Варьяш, как и тов. Бухарин, не понял основного закона диалектики — единства противоположностей, как и всех других законов, он

не смог вскрыть существа всех ошибок тов. Бухарина, так как эти ошибки он сам разделял и прежде и теперь, несмотря на видимость их критики. Возьмем его положение о развитии предмета. Это—почти дословное повторение бухаринского положения. «Диалектика Маркса об'ясняет развитие каждого явления из его взаимодействия со всей средой, а не при помощи некоего внешнего источника (как, напр., бога)» («Диалектика у Ленина», стр. 97). И сколько бы т. Варьяш ни повторял слова Ленина о развитии того или иного материального процесса путем самодвижения, на основе его специфических законов, этот источник самодвижения предмета остается для него за семью печатями, так как дальше внешнего антагонизма различных сил он не идет. Взаимопроникновения противоположностей Варьяш совсем не знает. Реальное противоречие по Варьяшу «есть, говоря точно,—противодействие. Каждое действие есть в то же самое время и противодействие потому, что вообще нет действия без противодействия, и обратно» (сб. «Диалектика в природе», № 3, стр. 107).

Но это, как две капли воды, похоже на положение т. Бухарина. Возьмем, напр., следующее место из его «Теории исторического материализма». Он заявляет, что всякие изменения и перемены «вызываются постоянными внутренними противоречиями, внутренней борьбой» (стр. 73). Но когда он начинает это раз'яснять, то никакого единства противоположностей и внутреннего противоречивого развития не получается, остается, как и у т. Варьяша, лишь противодействие внешних друг другу сил. «В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы—«борьба», «противоречия», т. е. антагонизмы различно направленных сил и обуславливают движение» («Теория исторического материализма», изд. 7-е, стр. 75).

Тов. Варьяш только повторил положения того, кого он собирался критиковать. Оригинальный метод «борьбы»! Действительно, механисты боролись, но боролись и борются с позиций т. Бухарина, в защиту общих с ним механических взглядов, против диалектического материализма.

В своем знаменитом выступлении в Комакадемии т. Варьяш осчастливил нас рядом других, не менее «замечательных» положений. Они касаются вопросов, по которым не однажды шел спор между марксистами и буржуазными идеологами. Эти вопросы давно разрешены. Но т. Варьяш вновь их поднимает и поднимает только затем, чтоб протащить буржуазные теории.

Механика, по т. Варьяшу, не является исторической наукой.

«Правда, когда механика выступает как прикладная наука, то и в нее до известной степени проникает исторический элемент. Но эта историчность весьма условна. Совершенно иначе дело обстоит в области социальных явлений. Здесь мы имеем подлинные исторические процессы» («Вестник Коммунистической академии» № 35—36, стр. 261). А несколькими строками выше пишет: «В области механики предполагается, что силы, действие которых мы изучаем, независимы друг от друга... В надмеханических областях, в частности в области общественных явлений, таких независимых друг от друга сил или определяющих условий не существует. Здесь определяющие условия зависят друг от друга и постоянно изменяют друг друга».

Здесь т. Варьяш воскресил старое положение Риккерта о противоположности естественных и исторических наук, которое было раскритиковано марксистами уже довольно давно. Для идеалиста, идеолога буржуазии Риккерта метафизический разрыв двух областей—природы и общества—вполне понятен. Ему во что бы то ни стало необходимо доказать невозможность законов развития общественной жизни, невозможность научного предвидения в области исторических явлений и отсюда—не-

возможность научного, теоретического обоснования классовой борьбы пролетариата. Риккерт выставляет свое ученье, как средство борьбы с марксизмом и революционным рабочим движением. Он «из чисто-логических соображений» стремится уничтожить основы материализма и историзма. Он старается доказать, что не может быть единого, универсального метода. Для него все это необходимо. Тов. Варьяш подхватил эту буржуазную идеологическую рухлядь и предлагает ею заменить марксистско-ленинские положения. Марксизм т. Варьяш подменяет риккертианством! Так механисты «преодолевают» идеализм! Это только лишний раз доказывает, что механисты находятся в плену буржуазной идеологии.

Тов. Варьяш выступил с прямой ревизией не только Энгельса, но и Ленина. Возьмите следующее его положение. «Механика предполагает п о с т о я н с т в о определяющих условий, о б р а т и м о с т ь механических явлений, п е р и о д и ч н о с т ь механических процессов. В обществе же нет периодичности и обратимости событий. Общественные процессы не повторяются. Неповторяемость общественных процессов не означает, однако, отрицания присущей им закономерности» («В. К. А.» № 35 — 36, стр. 261; подчеркнуто автором).

Общественные явления не повторяются, следовательно они единичны. И тут т. Варьяш сходится с Риккертом. Различие между ними лишь в том, что последний делал отсюда соответствующие, последовательные, с точки зрения буржуазного идеалиста, выводы: обществу не присущи законы. Варьяш, наоборот, хочет отстаивать наличие законов общественного развития. Но при этом он заранее выбивает из-под своих ног основу, так как отрицает повторяемость общественных явлений.

Варьяш, вместе с Риккертом и суб'ективистами, выступил против одного из важнейших положений марксистско-ленинской теории. Ленин, критикуя народников-суб'ективистов, видит корень всех недостатков и ненаучности их теорий об обществе в том, что они не могут отличить существенное от несущественного, выделить важное среди неважного. Они «не умели найти об'ективного критерия для такого разграничения». Материализм дал вполне об'ективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали суб'ективисты» (Ленин, «Что такое друзья народа», т. I, изд. 2-ое, стр. 61).

Отрицание повторяемости в развитии общества обозначает отрицание законов этого развития. Если нет никакого повторения, то невозможно установление твердого основания «для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом» (там же). Такое отрицание лишает науку об обществе ее научной почвы, отбрасывая нас к суб'ективистам, Риккерту и проч. идеалистам в истории.

Ленин, выясняя основы материалистического понимания истории, утверждает, что общественные явления повторяются. Если определенные производственные отношения, напр., социалистические, возникнут в результате пролетарской революции в какой-либо другой стране, то и там они неизбежно вызовут переделку всех форм и содержания других общественных явлений, переделку всех общественных надстроек. Конечно, если взять повторение абсолютно во всех деталях, то тогда и в природе таких повторений мы не найдем. Но здесь речь идет о повторении в основном, в тех или иных отношениях.

Ленин неоднократно пользуется положением о повторяемости общественных явлений. Так, напр., в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»

он пишет о международном значении русской революции, и не только в смысле общего влияния, «воздействия ее на все страны», а «в самом узком смысле слова, т.-е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции» (том XVII, изд. 1-е, стр. 115, см. также стр. 124).

Ленин указывает, что такое значение имеет, напр., советская власть, как форма диктатуры пролетариата, основы большевистской теории и тактики. «Этого не поняли «революционные» вожди II интернационала» вроде Каутского, Отто Бауэра, Фр. Адлера, «которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства» (там же, стр. 16). Тов. Варьяш и механисты пошли по стопам вождей социал-фашизма. Они не только не понимают основ ленинской теории, но еще и ревизуют ее. Не переварив диалектической постановки Ленина, т. Варьяш и его друзья бросились в об'ятия идеалиста Риккерта, Каутского и др.

Очевидно, т. Варьяш хотел, подражая и в этом т. Бухарину, «материалистически исправить» Ленина, а вышло наоборот — он сам перешел на позиции суб'ективистов и занялся буржуазными извращениями Ленина, при чем не сделал даже и попытки хоть как-либо аргументировать свои ревизионистские утверждения.

И на такую-то ревизию марксистско-ленинской теории механисты ссылаются, как на защиту диалектического материализма, как на борьбу против оппортунистических теорий т. Бухарина! По нашему мнению, и тт. Варьяш, Тимирязев, Перов и др. и т. Бухарин в равной мере ревизуют ленинизм, несмотря на индивидуальные оттенки и различия в об'еме, глубине или «последовательности» этой ревизии. Это — не защита диалектического материализма, революционной марксистско-ленинской теории, а ш а т а н и я о т в у л ь г а р н о г о м а т е р и а л и з м а к и д е а л и з м у и о т м е л к о б у р ж у а з н о й т е о р и и к б у р ж у а з н о м у п о з и т и в и з м у — и о б р а т н о.

С точки зрения Варьяша, Перова и Тимирязева, Сарабьянов в 1922 г. правильно критиковал «Теорию исторического материализма» Бухарина, а мы эту сарабьяновскую критику фальсифицировали и занимаемся дискредитацией одного из вождей механистов. Так ли это? В этой статье т. Сарабьянов игнорирует ленинизм в историческом материализме. Но может быть т. Сарабьянов настолько «самостоятельный философ», что и без Ленина он может продвинуть вперед исторический материализм Маркса? Да, т. Сарабьянов проделал самостоятельную работу: он идеалистически истолковал Маркса. На стр. 67 «П. З. М.», № 3 за 1922 г., т. Сарабьянов приводит цитату из Маркса. Вот главный отрывок из нее: «Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях существования, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, назвал гражданским обществом» (Маркс). После этой цитаты т. Сарабьянов «продвигает вперед» разработку марксизма, он говорит: «Тут и слова нет и быть не может о материальных производительных силах, и б о н е в э т о м м а т е р и а л и з м» (стр. 68, подчеркнуто нами.—*Ч. и А*). У Маркса действительно здесь нет «слова» производительные силы. Однако утверждение т. Сарабьянова о том, что этого слова здесь и б ы т ь н е

может, напоминает нам гоголевских Петрушек из лагеря меньшевиков, читающих в марксизме только буквы. Разве не ясно, что совокупность материальных условий у Маркса включает в себя производительные силы? Разве не понятно, что без признания производительных сил в истории человеческого общества нет материализма?

Вот что Маркс и Энгельс говорят о материальных условиях существования. «Предпосылки, из которых мы будем исходить, это — не произвольное утверждение, не догматы, а реальные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. К ним относятся реальные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как преднаходимые ими, так и созданные их собственной деятельностью... Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают производить средства для своего существования» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, стр. 214).

Разве не ясно, что Маркс в понятие материальных условий существования включает производительные силы? Разве не понятно, что, не видя материализма в производительных силах, т. Сарабьянов идеалистически извратил коренное положение исторического материализма? Может ли быть правильной критика бухаринского истмата при таком идеалистическом извращении Маркса? Конечно, нет. Как же тт. Варьяш, Перов и Тимирязев выступают на защиту положений т. Сарабьянова? Совершенно ясно, — они покрывают ошибки своего соратника.

Но может быть Маркс не включал производительные силы в понятие «гражданского общества»? Читаем Маркса: «Форма сношений, обусловленная силами производства, имеющимися на всех прошлых исторических ступенях и обусловливающая в свою очередь их, есть гражданское общество» («Арх.», кн. 1, стр. 224). Разве здесь Маркс исключает производительные силы, когда говорит о гражданском обществе? Нет, не исключает, а наоборот, рассматривает их как условие существования гражданского общества. Гражданское общество Маркс рассматривает как форму производственных отношений, которая обусловлена содержанием, т. е. производительными силами. Тов. Сарабьянов оторвал форму от содержания и провозгласил материализмом в истории только признание формы, с чем согласится и такой меньшевик, как Рубин.

Вывод из этого такой. Не мы фальсифицируем т. Сарабьянова, а т. Сарабьянов вместе с Варьяшом и др. искажают в данном вопросе Маркса в духе меньшевистского идеализма.

Дальше следует второй пункт «разработки» материалистического понимания истории. «Маркс отчетливо говорит о «гражданском обществе», о бытии, и противопоставляет ему сознание, отражающие это бытие» (там же, стр. 68). Сначала т. Сарабьянов из «гражданского общества» выбрасывает производительные силы («тут и слова нет и быть не может о материальных производительных силах»), а теперь он отождествляет это «гражданское общество» без производительных сил с бытием. Следовательно, по мнению т. Сарабьянова, и в бытии нет производительных сил. Но ведь это и есть самая отчетливая идеалистическая ревизия марксизма, а вы, тт. Варьяш и Тимирязев, ее защищаете!

Теперь посмотрим, в чем состоит по Сарабьянову диалектика общества.

В этой же статье т. Сарабьянов говорит: «Диалектику нужно перенести на общество, применить к нему» (стр. 69). Понятно, ведь, тт. Варьяш и Тимирязев, что для Сарабьянова нет диалектики в развитии самого общества, а что ее нужно откуда-то «перенести» на него. Как же «перенести диалектику» на общество? Тов. Сарабьянов отвечает: «Применить же ее можно лишь путем перенесения в плоскость общественных бытия и сознания

категорий: «Суб'ект и Об'ект» (стр. 69). Что это значит? Это значит, что имеются категории: суб'ект и об'ект, какие-то внеобщественные, надисторические, логические — сознание и бытие. Что бытие есть не только бытие общества, а материи вообще — это факт бесспорный, но что сознание находится где-то помимо сознания общественного человека, — это фантазия. В этой цитате тов. Сарабьянова налицо идеалистическая путаница и, кроме того, суб'ективный схематизм. Выходит, что до внесения этих категорий ни суб'екта, ни об'екта в обществе не существует, мы их переносим туда при помощи нашего мышления, и переносим притом не действительные суб'ект и об'ект, а лишь их отражения, т. е. категории.

Но оставим пока эти суб'ективистские фокусы и посмотрим, какая диалектика получилась у т. Сарабьянова. На вопрос: почему движется мир?— т. Сарабьянов отвечает: «Мир движется и изменяется именно потому, что Суб'ект приходит в соприкосновение с Об'ектом, при чем последний является в то же время и суб'ектом в отношении первого» (стр. 69). Трудно поверить, что механисты защищают и столь невероятный вздор. Мир движется потому, да еще и м е н н о п о т о м у, что суб'ект приходит в соприкосновение с об'ектом. Что же это за суб'ект? В философии Декарта этим суб'ектом является бог, который дает толчок миру, чтобы тот двигался. А у Сарабьянова? Бог не назван своим именем, его называют Суб'ектом (с большой буквы). Такая философия и «критика» ничего общего с марксизмом не имеют и стоят вне науки.

Известно, однако, что механисты—самые «ретивые» поборники науки, судя по их лозунгам. На деле за их криками о науке скрывается отказ от марксистско-ленинской теории и защита антинаучных, метафизических теорий вроде вышеприведенной. Смехотворная, идеалистическая теория т. Сарабьянова, выдаваемая им и остальными механистами за диалектику, рассматривает «суб'ект» и «об'ект», как внешние друг другу силы. «Непрерывное столкновение этих сил приводит к изменению всех суб'ектов и всех об'ектов» (стр. 69). В этой фразе и заключается тайна «механистической конструкции». Они движение понимают, как столкновение внешних сил, оторванных друг от друга. Такова «диалектика мира» у т. Сарабьянова. Читаем дальше. «Здесь налицо столкновение противоречащих друг другу сил, суб'екта и об'екта, в результате каковото изменяются и те и другие... т. Бухарин не осознал этого кардинальнейшего положения материалистической диалектики, хотя и написал не мало о последней» (стр. 69).

Сравним сарабьяновскую диалектику с бухаринской. Вот что пишет т. Бухарин о движении вообще: «борьба», «противоречие», т. е. антагонизмы различно направленных сил, и обусловливают движение» («Теория исторического материализма», изд. 1923 г., стр. 77). Мы имеем здесь то же самое внешнее столкновение сил, что и у т. Сарабьянова, т. е. механическое понимание движения. В чем же видит т. Сарабьянов недостатки у т. Бухарина? В том, что т. Бухарин не пользуется сарабьяновскими «Суб'ектами» и «Об'ектами» с большой буквы! Да, это есть недостаток одной механистической теории по отношению к другой, но, несмотря на эти недостатки, сущность их одна и та же: механическое понимание движения. Кроме того, сарабьяновские «суб'ект» и «об'ект» как внешние силы — это то же самое, что и бухаринские «система» и «среда», рассматриваемые тоже как внешние силы. «Среда» действует на «систему», «система» в свою очередь действует на «среду» (Бухарин).

Тт. Варьяш, Перов и Тимирязев заявляют: «На наш взгляд Сарабьянов правильно упрекает т. Бухарина в той ошибке, что он забыл о д и а л е к т и ч е с к о м м а т е р и а л и з м е, как о действительной основе основ марксизма». Но соратник ваш, товарищи, под диалектикой разумеет не диалекти-

ческий материализм Маркса-Ленина, а свой собственный путаный механический суб'ективизм, который вы теперь, потеряв голову, рьяно защищаете, отстаивая механическое понимание движения. И Сарабьянов, и Бухарин, вместе со всеми механистами, защищают давно высмеянную Энгельсом теорию позитивиста Дюринга об антагонизме различно направленных сил, действующих в противоположном друг другу направлении. Эту пустозвонную теорию Энгельс рассматривал как продукт «германской интеллектуальной индустрии с девизом «дешево, но скверно», т. е. как продукт пошлой буржуазной идеологии.

Известно, что богдановская буржуазно-идеалистическая философия рассматривает движение, как антагонизм двух сил (см. «Философию живого опыта», стр. 197, Гиз, 1920 г.). Известно, что теория равновесия Бухарина построена на той предпосылке, что «в мире существуют различно направленные друг против друга силы». Известно, наконец, что в названной статье, которую защищают целиком и полностью Варьяш, Перов и Тимирязев, Сарабьянов также понимает движение по богдановско-бухарински: суб'ект и об'ект для него метафизически-противостоящие силы. «Движение возможно только при наличии не менее двух сил» (Сарабьянов). Поэтому совершенно последовательно в той же статье он развивает свою механистическую теорию равновесия: «Если качество надстроек соответствует качеству базиса, то налицо равновесие общества» (стр. 72).

Как же применяет т. Сарабьянов свою теорию равновесия к классовой борьбе, к борьбе пролетариата и буржуазии? «И тот и другой класс растут... Но вот, пролетариат дорастает до буржуазии (сила равна) и перерастает ее (пролетариат сильнее), в результате чего качество отношения противоречащих сил становится иным: пролетариат господствует, буржуазия подчиняется» (Сарабьянов, «Введение в диалектический материализм»).

Отметим, во-первых, что классы здесь трактуются в духе богдановского антагонизма сил, они существуют параллельно, как два ящика, а отношения между классами рассматриваются по Богданову и Бухарину, как отношения только «господства» и «подчинения», чем совершенно смазывается сущность классовых отношений, отношений к средствам производства, и основанная на этом эксплоатация. А сарабьяновские «дорастания» и «перерастания» действительно могут служить основой теории мирного врастания кулака в социализм.

Для Сарабьянова скачки, т.-е. революционные изменения в природе и обществе, есть «процессы нарушенного равновесия» (Сарабьянов, там же, стр. 113). То же самое пишет и Бухарин, развивая свою теорию равновесия: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия — антитезисом, т.-е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе — синтезом» («Теория исторического материализма», стр. 77). Надо сказать, что Гегель здесь причесан под Богданова. Но дело сейчас не в этом. Важно то, что у т. Бухарина скачки, так же, как и у Сарабьянова, есть «нарушение равновесия». Есть, конечно, и различия между Бухариным и Сарабьяновым, но они не существенны. Методологическая сущность у них одна и та же: механическое понимание движения и основанная на этом богдановская теория равновесия.

О классовом содержании такой методологии достаточно ясно сказано в речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. «Эта самая теория пропагандируется рядом наших товарищей, из лагеря правых... Не трудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Не трудно понять, что эта теория имеет об'ективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «но-

вым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхоза» («Вопросы ленинизма», Гиз, 1930, стр. 547). Чем тов. Сталин занимается здесь? Выкорчевыванием кулацко-оппортунистической теории равновесия. А тт. Варьяш, Перов, Тимирязев занимаются защитой теории равновесия, — основного методологического положения правого уклона. Их заявление ничего кроме теоретического двурушничества и действительного «литературного очковтирательства» не означает. Вместо наступления на антиленинскую идеологию их письмо представляет собой активное сопротивление этому наступлению.

Вопрос о производительных силах является важнейшим вопросом исторического материализма. Искажения в данном вопросе, неправильное его разрешение неизбежно отзовутся на решении всех других вопросов истмата. Поэтому мы, разбирая ошибки механистов, остановились также и на их ошибках и извращениях марксистско-ленинского понимания производительных сил. Ответ механистов лишний раз говорит о том, что и в этом мы оказались правы.

Производительные силы, как это известно и механистам, являются единством совокупной рабочей силы и средств производства Решающим элементом производительных сил, по учению Маркса и Ленина, является рабочая сила, т.-е. сам революционный класс. Это положение теоретически доказано Марксом, Энгельсом и Лениным. Оно полностью подтверждается фактами истории и в частности историей диктатуры пролетариата в СССР. Тем не менее это ясное марксистско-ленинское учение обходится, затушевывается и открыто ревизуется представителями механистов.

Одной из форм такой ревизии является сведение производительных сил к технике. Для ревизионистов это очень «удобно», так как такое сведение уводит подальше от классовой борьбы. Тем не менее механисты упорно цепляются за это извращение и выдают его за одну из основных своих работ.

Тт. Варьяш, Тимирязев и Перов пытаются это отрицать. «Нигде тов. Сарабьянов не писал, что только техника изменяет производственные отношения».

Это совершенно неверно! Такое утверждение обнаруживает у авторов лишь нежелание видеть действительные ошибки, тем более — исправить их. Мы вынуждены дать ряд справок из работ самого тов. Сарабьянова.

«Производственные отношения хотя и служат базисом общественных отношений, однако сами изменяются не только количественно, но и качественно, и изменяются под влиянием техники» («Исторический материализм», изд. 8-е, стр. 127 — 128). «Каким образом производственные отношения могут изменяться и качественно и количественно под влиянием техники — производительных сил?» — спрашивает тов. Сарабьянов. И немного дальше отвечает: «определенному качеству техники (производительных сил) соответствует и определенное качество экономики (производственных отношений)» (стр. 129). Нисколько не спасает тов. Сарабьянова введенное им путаное деление техники на «экономическую технику» — тогда это «только производительные силы, т.-е. производственный процесс людей (вполне по Бухарину! — *А. и Ч.*), пользующихся орудиями и средствами производства», и технику «в широком смысле слова»: тогда это — «связь и активная и созерцательная суб'екта — общества (сознания), с об'ектом — внешним физическим миром (бытием)» (стр. 128).

Здесь преподносится эклектика, созерцательный материализм и идеалистический выверт о связи «общества (сознания)» с «внешним физическим миром (бытием)». Но в этой эклектике четко выступает одно — техника

является синонимом производительных сил, выступает как их полноправный заместитель.

Тов. Сарабьянов хочет доказать «истинность» своего положения в отношении всей истории человеческого общества. Неудивительно, что при «об'яснении» Сарабьяновым истории классы у него появляются лишь при ремесленном строе (когда это?). Появляются они довольно оригинальным образом: «из семьи выделяются отдельные ремесленники, начинают кристаллизироваться, складываются классы» («Исторический материализм», стр. 128). Эксплоатация возникает только в мануфактурный период, когда техническое разделение труда создает крупную частную собственность (стр. 129).

Сарабьянов, отказавшись от марксистско-ленинской теории классов, извратив учение о производительных силах, хотел сделать шаг вперед, а получилось наоборот — он сделал несколько шагов назад, к буржуазной науке. Таков результат применения этой «великой» теории.

Развитие одной техники, по Сарабьянову, определяет также и смену идеологий. «Если сознание вызвало к жизни религиозность, то в дальнейшем своем росте благодаря развитию техники, в конечном счете, сознание приведет к безрелигиозности, к атеизму!» (Сарабьянов, «Введение в диалектический материализм», изд. «Пролетарий», серия «Политграмота», 1925 г., стр. 22).

Кстати сказать, хорошая «политграмота» издавалась в Харькове! В ней конкретная форма сознания — религиозность — прямо по Гегелю! — «вызывается к жизни» общей формой сознания, сознанием вообще. В ней техника переплетается с чистым сознанием. Сознание проникало в технику, как дух в святую деву. А все развитие идеологий выдавалось за продукт этого противоестественного брака. Вульгарный материализм здесь оказался полностью поглощенным откровенным идеализмом, что нередко бывает у тов. Сарабьянова. В этой вульгаризации марксистско-ленинской политграмоты есть все, что угодно для эклектиков, но здесь нет материалистического понимания исторических явлений, выяснения роли классовой борьбы.

И после этого тт. Варьяш, Перов и Тимирязев выступают с наивной и лицемерной защитой своего запутавшегося соратника: «Нигде тов. Сарабьянов не писал»... Но это доказывает лишь их полную солидарность с его явными ошибками и извращениями марксистско-ленинской теории.

Вместо того, чтобы раскритиковать эти извращения марксизма-ленинизма, механисты отводят внимание от поставленного вопроса и, создавая видимость противника, кричат о наших якобы «нападках» на технику.

Механисты приписывают нам нелепые взгляды по вопросам, которых мы совсем не касались. Но при этом они старательно обходят вопросы, поставленные в статье. Они заявляют: вы «недолюбливаете технику», технику в загоне и т. п. Но откуда это следует? — Разве только из того факта, что мы критиковали неправильную, не марксистско-ленинскую трактовку производительных сил у механистов — у тт. Бухарина, Сарабьянова и их единомышленников и защитников. Правильно ли мы поступили, отметив в статье о механистах и правом уклоне этот вопрос? Несомненно правильно.

Механическое понимание производительных сил, сведение их к технике, которая одна и сама по себе определяет все общественное развитие, — является ревизией марксистско-ленинского учения о производительных силах. Оно ведет к недооценке рабочей силы, к недооценке революционного класса, как главного элемента производительных сил, что неоднократно подчеркивали Маркс и Ленин. Оно ведет к недооценке общественной, классовой формы производительных сил, к выхолащиванию их классового харак-

тера, к отрицанию классовой борьбы, как двигателя общественного развития, ибо в классовом обществе и самое развитие производительных сил происходит в результате классовой борьбы. Механическое понимание производительных сил в наших условиях ведет к недооценке роли и значения правильной политики партии в деле их развития. Оно не связывает это развитие с необходимостью решительной борьбы за генеральную линию партии, непримиримой борьбы со всякими оппортунистическими установками, как того требует марксистско-ленинское понимание производительных сил.

Мы поставили перед механистами в упор вопрос об их смыкании в теории с правыми оппортунистами. Как же они на это ответили? Простым отрицанием своей связи с правыми, как будто мировоззрение и метод их тут никакой роли не играют. Мы указали на ряд примеров, где с помощью механических теорий обосновывались правые оппортунистические теории. Мы указали, как механическое, насквозь оппортунистическое, ревизионистское понимание производительных сил непосредственно служило оппортунистам в их борьбе против коллективизации. Ведь были же в партии оппортунистические элементы, которые пытались тормозить колхозное строительство, ссылаясь на недостаток тракторов и машин. Ведь пришлось же ЦК в своем решении от 5/I 1930 г. дать отповедь этим оппортунистам. Но механисты совершенно не принимают участия в критике механистической основы оппортунистических теорий, они упорно повторяют, что их теории чисты. Больше того, они в штыки встретили нашу критику оппортунистических теорий. Это лишний раз говорит о том, что они и впредь намерены защищать свои ревизионистские позиции и теории.

В борьбе против механистической ревизии марксизма-ленинизма мы исходили из общей партийной установки, формулированной тов. Сталиным на XVI с'езде: чтобы использовать все возможности и превратить их в действительность, «чтобы подавить сопротивление классового врага и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать н а с т у п л е н и е на капиталистические элементы п о в с е м у ф р о н т у и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению» (Полит. отчет, стр. 59).

Механисты весьма своеобразно помогают партии изолировать оппортунистические элементы,— они упорно защищают оппортунистические теории и теоретиков.

По их мнению, мы «недолюбливаем» технику, отрицаем значение техники в реконструкции народного хозяйства и т. п. Но напрасно мы стали бы ожидать от них, от этих ярых поклонников техники, всестороннего выяснения роли техники (точнее средств производства), как элемента производительных сил. Единственное, их собственное положение говорит только о том, что крупные с.-х. машины лучше крестьянского инвентаря и что «движение вперед общественного сельского хозяйства... при помощи крупных машин ускоряется». Вот и все, что они смогли сказать о технике.

Это положение механистов — яркая иллюстрация полного непонимания действительной роли техники. И такое непонимание неизбежно, когда технику рассматривают неисторически, совершенно а б с т р а к т н о, в н е с в я з и с к л а с с а м и и и х б о р ь б о й, когда упускают из виду главное — в руках какого класса находится данная техника, какому классу она служит, кто направляет ее развитие.

Рассуждая о технике вообще, механисты не могут понять ни значения ее, как элемента производительных сил, ни происхождения и применения ее в классовом обществе. Не понимают они также, подобно Прудону, или

сознательно обходят известное положение Маркса, что «способ пользоваться машинами не то, что сами машины», что «современное применение машин есть одно из общественных отношений нашего настоящего (капиталистического.—*А. и Ч.*) экономического строя». «Я замечу только мимоходом,—пишет Маркс Анненкову,—что Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения... Начиная с 1825 г. изобретение и применение машин было только результатом войны между рабочими и предпринимателями» («Письма», ред. Адоратского, изд. 1928 г., стр. 15, 16).

Блестящее подтверждение правильности этого положения Маркса дает, напр., и нынешняя капиталистическая рационализация промышленности в буржуазных государствах, а с другой стороны — социалистическая реконструкция и рационализация у нас. Капиталисты проводят рационализаторские мероприятия не из-за человеколюбия, а с целью увеличения прибылей за счет усиления эксплоатации рабочих масс. Упорядочение технологического процесса производства, введение совершенных машин при капитализме укрепляет позиции капитала в борьбе с рабочим классом и увеличивает гнет и нужду пролетариата, как класса. Если бы она не удовлетворяла этой цели, капиталисты плюнули бы на более совершенную технику и на тех, кто о ней болтает. Рационализация в их руках не просто улучшение производства,—это средство классовой борьбы. Классовая борьба против пролетариата — самый важный стимул капиталистической рационализации. А современные Прудоны от механистов не хотят этого видеть, замазывают это рассуждениями о технике вообще!

Социалистическая рационализация у нас прямо противоположна рационализации капиталистической. Рационализация у нас — это одно из звеньев социалистического строительства, укрепления позиций диктатуры пролетариата, это одно из средств в борьбе за уничтожение классов.

Характерно, что буржуазные влияния, меньшевистские концепции в области рационализации протаскивались не без участия механической методологии. Меньшевик Ерманский, пытающийся изложить теорию стоимости Маркса в «энергетических терминах» Богданова («Теория и практика рационализации», изд. 1-е, стр. 124), свою вредную теорию оптимума расходования энергии на работе обосновывает исключительно на методах физиологии. Он в данном случае пользуется излюбленным у механистов «сведением», пренебрегая своеобразным характером общественных явлений и производства. Меньшевистские механические формулы Ерманского, якобы пригодные для всех времен и народов, формулы, которые ни в коем случае нельзя нарушать, были средством борьбы против повышения производительности труда, снижения себестоимости и повышения норм выработки на наших предприятиях.

Меньшевик Ерманский, как и механисты, рассуждает только о технической рационализации, о технических приемах работы и т. п. Но когда он клянется своей ортодоксией и молится на технику, — он борется в действительности против социалистической рационализации. А теории механистов, их понимание техники и ее роли — помогают ли разоблачить классового врага, который сует нам палки в колеса? — Увы, их теориями вооружаются наши противники, чтобы лучше замаскировать свою борьбу против нас.

Отсутствие исторической, классовой оценки техники сказывается у механистов также и в непонимании роли техники при диктатуре пролетариата, особенно в реконструктивный период. Они приводят ряд положений Ленина и Сталина, но не могут дать к ним ни одного замечания,

показывающего их собственную точку зрения. Но замалчивание других положений, которые неоднократно выдвигались и подчеркивались и Лениным и Сталиным, — о значении классовой борьбы и диктатуры пролетариата в развитии производительных сил, о том, что современная техническая база — электрификация — нам необходима для уничтожения классов, о социалистическом характере нашего строительства, необходимости борьбы против всяких оппортунистических установок и теорий, и т. д., — односторонее узко-техническое освещение вопроса говорит об оппортунизме механистов.

«Большевики должны овладеть техникой»... Техника в период реконструкции решает все»... (Сталин).

Возможно, что механисты сочтут это положение тов. Сталина за выражение их точки зрения, за доказательство победы их взглядов.

Между тем постановка вопроса у тов. Сталина ничего общего не имеет с механической постановкой. Тов. Сталин дает конкретно-историческую постановку вопроса о технике. Он подробно выясняет условия, которые выдвигают теперь технику на первый план. Он берет вопрос не «вообще», как это имеет место у механистов, а в конкретно-исторической обстановке, в данное время. Он говорит о пролетариате, осуществляющем свою диктатуру, строящем экономическую базу социализма, о партии, руководящей борьбой рабочего класса за социализм, о том, что именно большевики и рабочий класс СССР должны овладеть техникой и наукой, и овладеть затем, чтобы быстрее строить социализм.

Сталинская постановка вопроса о технике вытекает из всей борьбы рабочего класса за весь предыдущий период. Она определяет очередное звено в дальнейшем развитии диктатуры пролетариата, в борьбе пролетариата за социализм. С вульгарно-механических позиций нельзя понять всей глубины сталинской постановки вопроса о технике в реконструктивный период, нельзя правильно оценить громадного значения, которое она сейчас для нас имеет.

По своим общественным отношениям, по политическому строю мы стоим выше всех капиталистических стран. Но по уровню технико-экономического развития мы все еще отстаем от них. В 1918 г. это различие в «осуществлении экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны», всего нагляднее воплощалось в Германии и России (Ленин, «О продналоге», т. XXVI, стр. 325). Для победы социалистического строя мы должны иметь социалистическую хозяйственную базу. «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна—это крупная промышленность... без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь по отношению к стране крестьянской», — говорил Ленин на X с'езде партии (докл. о продналоге, т. XXVI, стр. 390). Без этой базы окончательная победа социализма невозможна, и новый политический строй — диктатура пролетариата—будет разгромлен капиталистическими странами, возврат к капитализму окажется неизбежным. Этот вопрос со всей остротой был поставлен Лениным еще до Октябрьской революции. «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью — либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» («Грозящая катастрофа», т. XXI, стр. 191).

Возможно ли построение этой экономической базы в России? Идеологи буржуазии и мелкой буржуазии отрицали возможность такого построения. Всем известны рассуждения Суханова и всех меньшевиков о том,

что мы еще «не доросли», о «несоответствии» политики и экономики и т. п. Эти мелкобуржуазные сомнения были подхвачены впоследствии Троцким, а потом правыми (вопрос о темпах и др.). Ленин отвечал на этот вопрос без всяких колебаний: «это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры» (там же, стр. 191). Кроме того, это возможно потому, что мы установили правильные взаимоотношения с крестьянством, что обеспечивает необходимые условия для социалистического строительства.

Как только закончилась гражданская война, Ленин на первый план выдвинул вопрос о крупной промышленности: «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности» (т. XXVI, стр. 391), и на этой основе—налаживание товарообмена с крестьянством. Но восстановление и промышленности и сельского хозяйства должно происходить не по-старинке, а на новой основе. Речи о том, что прежде чем строить новое, восстановим хоть частью старое, Ленин характеризовал, как «чудовищное непонимание дела» (см. «Об едином хоз. плане», том XXVI, стр. 186). И вот разрабатывается конкретный план подведения технико-экономической базы под новые общественные отношения, создания «социалистического фундамента нашей экономической жизни», — план электрификации.

В противоположность прожектам Троцкого и «обывательскому «реализму» (на самом деле маниловщине) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине», это был «мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую настройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и действительно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы» (Сталин, Письмо Ленину в марте 1921 г., «Правда», от 21 декабря 1930 г., подчеркнуто Лениным). Это был план реализации ленинского лозунга «догнать и перегнать». Обеспечение полной победы социализма Ленин связывал с выполнением плана электрификации. Если он будет осуществлен, пишет Ленин в начале нэпа, «ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свобода торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму» (План и конспект о продналоге, том XXVI, стр. 313).

В какие сроки можно догнать и перегнать? «Архи-левый» меньшевик Троцкий считал, что для этого потребуется минимум 50—100 лет. Правые оппортунисты сходились примерно на тех же сроках. Ленин считал, что, при условии правильных отношений с крестьянством для осуществления этого плана, для подведения под советскую настройку технико-экономической базы достаточно 10—20 лет. Тогда социализм окончательно победит, и не только в СССР, но победит и во всемирном масштабе (там же). Ленин правильно определил не только направление и условия развития,— наша борьба на основе генеральной линии партии, под руководством ленинского ЦК, за последние 10 лет подтвердила, что Ленин верно определил даже сроки.

В дальнейшем первоначальный план электрификации уточнялся контрольными цифрами на хозяйственный год и особенно пятилетним планом. От восстановительного периода мы перешли к реконструктивному. Если даже восстановление народного хозяйства уже включало освоение элементов передовой техники, то в новый период развертывается реконструкция всех отраслей хозяйства «на современной, по последнему слову науки построенной основе» (Ленин). Ключом к переделке всего народного хозяйства является «всемерное развитие индустрии» (Сталин, Полит. отчет

XVI с'езду ВКП(б), стр. 103). Но правые оппортунисты, выступающие против быстрых темпов индустриализации, не хотят этого признать. Они не хотят или не могут понять, что «только дальнейшее ускорение темпа развития нашей промышленности дает нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» (Сталин, там же, стр. 35). Но нам нужно не развитие промышленности вообще, как это думают иные механисты и правые оппортунисты,—«нам нужна такая индустриализация, которая обеспечивает растущий процесс социалистических форм промышленности над формами мелко-товарными и тем более капиталистическими... индустриализация социалистическая» (там же, стр. 30—31). Только такое развитие промышленности на основе генеральной линии нашей партии обеспечит нам победу социалистического сектора промышленности над частнохозяйственным сектором.

Реконструкция народного хозяйства не ограничивается одним насаждением наиболее передовой современной техники, она не сводится к переделке только технической базы народного хозяйства. Она «требует вместе с тем перестройки социально-экономических отношений» (Сталин, там же, стр. 57). Если в промышленности мы имеем в основном готовую социально-экономическую базу, то иначе обстоит дело в сельском хозяйстве. Здесь мы имели господство частного хозяйства. Поэтому «перестройка технической базы сельского хозяйства невозможна без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без об'единения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в сельском хозяйстве» (Сталин, там же).

Поворот крестьянства на путь коллективизации был подготовлен рядом мероприятий, осуществлением генеральной линии партии во всех областях. Успехи индустриализации, в частности в области сельскохозяйственного машиностроения, борьба с кулачеством, организация бедноты, успехи кооперации, воспитывающей навыки совместной работы, и особенно опыт совхозов с передовой техникой, МТС и т. д.,— все это создало необходимые предпосылки и условия для массового колхозного движения. В числе этих предпосылок нужно отметить и кооперирование крестьян, создающее возможность использования крупных с.-х. машин — трактора и комбайна.

Следовательно, реконструкция — не односторонний процесс, как это представляют себе механисты. Переделка крестьянства производится не одними тракторами, и не в порядке самотека, а проведением всех мероприятий на основе генеральной линии партии. Но среди этих мероприятий в наших условиях, в период реконструкции всего народного хозяйства, исключительное, решающее значение имеет насаждение передовой современной техники и овладение ею—подготовка кадров. Это—основное звено, за которое нам надо ухватиться, особенно в данное время, когда мы завершаем построение фундамента социалистической экономики. «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет... Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма... Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, «О задачах хозяйственников»). Задача, поставленная Лениным, еще не разрешена, но мы должны и можем ее выполнить, и притом в сроки, указанные тт. Лениным и Сталиным. Залогом нашего успеха является: наш политический строй, где нет власти капитала, где социалистическое хозяйство ведется в плановом порядке, возможность использовать громадные успехи техники в буржуазных странах для разработки колоссальных природных богатств и невиданные темпы развития. «ЦК считает, что перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистиче-

ской организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна» (Сталин, Полит. отчет XVI с'езду, стр. 95; см. также «Еще раз о с.-д. уклоне», сборник «Об оппозиции», стр. 537 — 539).

Вот почему насаждение техники, овладение ею выдвигается в данное время на первый план. Проводимая нами реконструкция уже обеспечила за социалистическим сектором господствующее положение во всем народном хозяйстве. VI с'езд советов с полным основанием мог уже заявить, что мы вступили в последнюю стадию нэпа, «в период непосредственного строительства социализма», что «в нашей стране вопрос о победе социализма решён и победа социализма в Союзе ССР полностью обеспечена» (VI с'езд советов, 12 марта 1931 г.).

Дальнейшее развертывание социалистического наступления по всему фронту на основе генеральной линии партии обеспечивает полное построение технико-экономической основы социализма. Главное в этом наступлении социализма—«усиление темпа развития нашей промышленности, совхозов и колхозов, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и вытеснение капиталистических элементов, мобилизация масс вокруг задач социалистического строительства и против капитализма» (Сталин, Полит. отчет XVI с'езду, стр. 63).

Пути, условия и средства дальнейшего развития производительных сил и создания технико-экономической основы социализма в СССР ясно указаны и Лениным, и в решениях партии, и в работах тов. Сталина. Однако механисты стараются найти во всем только подтверждение своих положений о технике, упуская из виду, замалчивая, как и правые оппортунисты, все остальное.

Если они иногда и попадают на верный путь, если их оценки в редких случаях совпадают с партийными, с ленинскими оценками путей и средств нашего развития, то это происходит стихийно, случайно, в порядке отклонения от их методологических требований. Как правило же, мы имеем у механистов извращение партийной линии, марксистско-ленинской теории. Тт. Бухарин и Сарабьянов дают не мало подобных образцов.

В своем письме механисты лишний раз продемонстрировали несостоятельность механической методологии. Вместо разработки вопроса о технике, действительной роли которой они так и не смогли выяснить, и критики своих ошибок, они занялись более «серьезным» делом — приписыванием нам того, что мы критиковали. Проделали они это весьма просто. Взяв из речи т. Сталина цитату о правых, опустили ту часть ее, где точно определяется, кто именно является правым, и поставили на их место нас. Противник «изничтожен», механисты правы и торжествуют победу.

Но посмотрим, что в действительности пишет т. Сталин: «Кто думает обеспечить смычку только лишь по линии текстиля, забывая о металле и машинах, преобразующих крестьянское хозяйство на базе коллективного труда, тот увековечивает классы, тот не пролетарский революционер, а крестьянский философ» («Вопросы ленинизма», Дешевая библиотека Гиз, 1930 г., стр. 421).

Вряд ли кто-нибудь сможет найти в нашей статье хоть намек на подобные взгляды. Потому и пришлось механистам, для доказательства своего голословного утверждения, прибегнуть к такому способу цитирования и выкинуть из цитаты определение того, кто является правым, кто увековечивает классы, кто забывает о металле и машинах. При этом они постарались не вспоминать о своих единомышленниках — правых, строивших свои рассуждения об узких местах, о текстиле и т. п. на основе механической

теории равновесия, которая должна была дать наукообразное, «ученое» обоснование и оправдание их оппортунистическим теориям.

Желая возвести «поруганную» будто бы технику на заслуженный ею пьедестал, механисты, на деле, подменяют ею производительные силы и классовую борьбу. Вместо «защиты» техники они защищают только ошибки тт. Сарабьянова и Бухарина. Вместо отстаивания якобы позиции партии в данном вопросе они отстаивают извращения марксистско-ленинской теории, сползание в оппортунистическую и меньшевистскую трясину.

Механисты стараются изобразить себя непримиримыми борцами с деборинской группой На самом же деле в некоторых важнейших вопросах они идут вместе с этой группой. Мы имеем тенденцию к блоку этих двух разновидностей антимарксистской идеологии. В этом нет ничего неожиданного: и те и другие не понимают и не приемлют в той или иной степени ленинизма в философии; и те и другие имеют общий теоретический корень в философских ошибках Плеханова, представляя уродливое их углубление. Тт. Деборин, Сарабьянов, Аксельрод и все механисты защищают иероглифическую, по существу идеалистическую, теорию Плеханова. Тт. Деборин, Аксельрод, Варьяш и все механисты защищают идеалистически-кантианскую теорию нравственности. Тов. Карев и все механисты дают механистическое толкование свободы и необходимости. Наконец, непонимание марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата мы находим у тт. Деборина, Аксельрод, Карева и всех механистов.

Могут ли механисты разоблачить меньшевиствующий идеализм, сидя по вопросу о диктатуре пролетариата в болоте меньшевизма? Конечно, нет. Они много лет царапались, а не боролись с меньшевиствующим идеализмом. И теперь, гремя о «деборинском лагере», они видят только отдельные ошибки этого «лагеря», и среди ошибок приводят главным образом одну—деборинское определение класса. Люди, считающие себя много лет врагами «деборинского лагеря», испортившие на борьбу с ним много перьев, чернил и бумаги, должны были бы перечислить по крайней мере ряд основных «ошибок» этого лагеря. Но этого механисты не делают. Их цель иная. «Деборинский лагерь» они рубят картонными мечами, а ядовитые стрелы направляют на тех, кто бьет по механистам и по «деборинскому лагерю». Ими и до сих пор не понята теоретическая борьба за ленинизм в философии, которая велась на протяжении целого года. Но механисты уяснили одно: механическая опасность есть в основном методология правого уклона, что ими отрицалось до сих пор. И им во что бы то ни стало нужно доказать, что они не механисты.

Механисты зачисляют в деборинский лагерь и тех, кто борется с деборинской группой, представляющей антимарксистское, идеалистическое направление в философии. Для этого они подыскивают «ошибки» Деборина и изображают деборинскую группу механистами. А раз мы в журнале, начавшем действительную борьбу против деборинцев, не занимаемся в нашей статье специальной критикой деборинской группы, то и нас причисляют к механистам.

Что же они нашли механического у т. Деборина? Оказывается, весь механицизм деборинской группы сводится к определению класса, как живого коллектива. Но определение класса у Деборина, как «живого коллектива», является не историческим, абстрактным, по сути дела мертвым, идеалистическим, ничего общего с марксизмом не имеющим. Сказать, что это определение просто механическое, значит скрыть действительно механическое определение класса тт. Бухариным, Варьяшом и др.

Классами называются группы людей «на основании той роли, которую они играли в производстве» (Варьяш, «Логика и диалектика». стр. 425), «совершенно различная роль в процессе производства и есть основание для деления людей на различные общественные классы» (Бухарин, «Теория исторического материализма», изд. 3, стр. 155). Эти определения опираются на механическое понимание производственных отношений, как размещение людей в пространстве, и на сведение производственных сил к технике. Механисты не указывают в качестве основного признака различия «общественных групп» по отношению к средствам производства и к эксплоатации.

Определение класса у т. Деборина — идеалистическое. Определение класса у механистов по сути дела тоже идеалистическое, так как механисты стоят на мертвой, безжизненной, абстрактной, неисторической точке зрения. Они исходят не от действительных борющихся и развивающихся классов, а от пустых абстракций. Один признак роли людей в производстве ничего не говорит о классах. Тогда выдвиженец и чернорабочий на заводе должны быть отнесены к различным классам. С такой метафизической точки зрения классы всегда были и будут, потому что люди во время работы всегда будут по-разному размещены в пространстве и будут играть различную роль в производстве. В определении т. Деборина совершенно иные методологические, в основном гегельянские, позиции, но и оно остается также метафизическим. Люди всегда представляли и будут представлять, пока они существуют, «живой коллектив». Как же критикуют механисты Деборина? Во-первых, они цепляются за слова. У т. Деборина сказано: «коллективное с у щ е с т в о». Но слово «существо» употребляют идеалисты, значит, тут—идеализм. Выходит, что материалисты не могут употреблять слово «существо» (см. образец этой критики в V сборнике механистов). Конечно, такая критика ничего по существу не критикует. Во-вторых, механисты считают это определение Деборина механическим на том основании, что оно биологическое, потому что и «муравейник—тоже живой коллектив». Значит по отношению к людям нельзя употреблять выражения «живой коллектив». Но ведь после такой критики деборинский идеализм, его существо,—метафизичность, антиисторизм—остаются ни для кого не выясненными, не разоблаченными.

Механисты считают, что они первые дали правильную характеристику деборинской группы, и что решение ЦК ВКП(б) о журнале «ПЗМ» только подтвердило их оценки. На самом же деле ни Варьяш, ни Тимирязев, ни все механисты вместе взятые не могли вскрыть меньшевиствующего идеализма деборинской группы. Выполнить эту задачу невозможно с позиций метафизического материализма, впадающего то и дело в идеализм. Выполнить эту задачу можно только с марксистско-ленинских позиций.

К чему ведет абстрактное деборинское определение класса? К непониманию сущности диктатуры пролетариата и классовой борьбы в переходный период, к прямому и косвенному оправданию меньшевистских теорий. Что означает механическое определение класса? Замазывание классовых противоречий, теорию затухания классовой борьбы при диктатуре пролетариата и врастания кулака в социализм. Это есть выражение различных форм буржуазно-кулацкой идеологии в условиях диктатуры пролетариата.

На II конференции марксистско-ленинских научных и исследовательских учреждений т. Варьяш, защищая меньшевистско-идеалистическую теорию нравственности Аксельрод, приписывая ее Ленину, занимался софистикой, и надо отметить, что никто из деборинской группы не дал сокрушительного отпора этой откровенной идеалистической вылазке. Об'ясняется это тем, что т. Деборин и его друзья в вопросах нравственности также стоят в основном на идеалистической почве. Но и на этот вопрос нашей статьи механисты ответили молчанием.

Защищая теорию нравственности Аксельрод, Варьяш «аргументирует»: «Здесь некоторые товарищи, кажется, желают критиковать Ленина... Я защищаю то, что было поддержано Лениным и Плехановым... Ленин писал в «Государство и революция», что только когда государство начнет отмирать, «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторяющихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия» и т. д. Только в этом смысле мы понимаем вышеупомянутые «простые законы», а вовсе не в том смысле, что эти правила могут быть осуществлены в капиталистическом обществе» (Варьяш).

Итак, «простые законы права и нравственности»—то же самое, что и ленинское учение о правилах общежития. Такова сущность позиций механистов, которая роднит их со всеми меньшевиствующими неокантианцами II интернационала. Родство Аксельрод и Варьяша, Деборина и Фарлюндера состоит в том, что «моральный закон» Канта все они так или иначе переносят в социалистическое общество.

Фальсификация т. Варьяша заключается здесь в том, что, попав в болото кантианского идеализма, он приписывает этот идеализм Ленину. Получается, что Ленин согласен с кантианской теорией нравственности, на которой Плеханов и Аксельрод обосновывали свою предательскую позицию в империалистической войне, софистски приписав ее Марксу. Варьяш подменил вопрос о моральном законе Канта вопросом об «элементарных правилах общежития», отождествил эти вопросы, чтобы иметь хоть малейшую зацепку для протаскивания кантианства.

В статье Ленина «Как организовать соревнование» мы имеем очень яркую формулировку понимания им правил общежития: «Богатые и жулики, это—две стороны одной медали, это—два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправиться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно». (Подчеркнуто нами. — *Ч.* и *А.*).

Говорится ли здесь о моральном законе, годном для всех времен и народов, т.-е. о кантовском категорическом императиве, который защищают механисты? Нет, не говорится. Ленин здесь стоит на исторической точке зрения. Он говорит о правилах и законах исторически определенного, социалистического общества, за которые надо беспощадно бороться с капиталистическими правилами паразитизма, эксплоатации и т. д. Беспомощно барахтаясь в сетях идеализма, механисты выполняют задачу буржуазной идеологии, притупляя, ревизуя идеологию пролетариата.

В своем письме механисты берут под защиту решительно все положения тов. Сарабьянова, в том числе и его оценку пятилетки только как плана пропорционального и гармонического развития народного хозяйства, хотя эта «теория» тов. Сарабьянова представляет из себя экономическое издание теории равновесия, т.-е. явно антимарксистской теории, за которую хватаются все оппортунисты. Правда, еще очень недавно и самого тов. Сарабьянова тоже трудно было отличить от махрового правого уклониста. Возьмите его брошюру «Индустриализация страны», выпущенную в 1928 г. Там он пишет: «бессодержательные разговоры о том, что важнее.... важнее всего продвигаться вперед... от мякины — к хорошему ржаному хлебу, а от ржаного — к пшеничному; от лаптя — к сапогу, а от тяжелого и летом неудобного сапога — к легкому ботинку; от грубой холстины и де-

шевого ситца — к более изысканным и удобным тканям; от патоки — к сахару; от лубочной картинки — к художественному произведению» (стр. 4 — 5).

Вот тт. Варьяш, Тимирязев и Перов, образец применения ваших механистических положений о том, что важен лишь количественный рост промышленности, а качество, характер и направление ее развития — все это не имеет значения! Механист Сарабьянов упустил только одну «мелочь», что наше продвижение вперед происходит в непрерывной классовой борьбе.

Поэтому для него совсем не важен решающий вопрос, как должно итти развитие народного хозяйства, что должно быть развернуто в первую очередь. Он вместе с правыми хватается за легкую индустрию и меняет металл на патоку, ткани и ботинки. А от кого мы все это получим: даст ли их социалистическая промышленность, получающая сырье от социалистического сектора сельского хозяйства, или их даст капиталист, растущий на кулацких дрожжах,—этот вопрос для т. Сарабьянова совсем не существует. Так механистические положения срастаются с правым оппортунизмом.

Если бы авторы письма не занимались укрывательством своих сотоварищей, они должны были бы дать развернутую критику хотя бы данной правооппортунистической ошибки т. Сарабьянова. Но механисты только на словах за самокритику и за борьбу на два фронта. На деле—они качаются на обе стороны и прикрывают явный оппортунизм. Да при этом еще гордо заявляют: укажите, кто из наших единомышленников стоял или стоит на платформе правого уклона? Такова у механистов их «хорошая большевистская линия в политике».

После брошюры об индустриализации вообще т. Сарабьянов выпускает в 1929 г. брошюру о пятилетке. В ней он дает ряд верных положений, что мы отмечали и в прошлой своей статье. Но наряду с ними он дает и неверные положения. Напр., в чем он видит цель пятилетки? — В создании такого хозяйства, где бы отдельные части и отрасли не забегали без нужды вперед и не отставали, а развивались вполне гармонично и пропорционально. «Весь пятилетний план проникнут целью построить гармоничное, в своих отдельных частях пропорциональное, хозяйство» («Общая установка пятилетки», стр. 38, подчеркнуто нами.—*А.* и *Ч.*). Такова цель пятилетки. Выражает ли т. Сарабьянов оценку пятилетки, данную партией? — По нашему мнению, нет. За такой отзыв и ополчились на нас механисты, защищая т. Сарабьянова. Они отстаивают «важность пропорциональности составных частей народного хозяйства», как средства избежать омертвления капитала, чего добивались вредители. Вместе с т. Сарабьяновым они видят цель пятилетки в построении гармоничного хозяйства. Дальше этой хозяйственной гармоничности и пропорциональности они не хотят итти.

Без известной согласованности и увязки всех отраслей хозяйства — тяжелой промышленности, транспорта, производства сырья, легкой индустрии, сельского хозяйства и т. д.—нельзя вести плановое хозяйство. Мы это знаем не хуже механистов, и против этого мы и не думали выступать. Но не в ней, не в абстрактной пропорциональности хозяйства цель пятилетки. Вредители, создавая диспропорции и длительное омертвление капитала, боролись против пятилетки не из-за ее пропорциональности. Они лучше, чем некоторые коммунисты из механистов, видели в ней план развернутого социалистического наступления. Они искусственным созданием диспропорций хотели сорвать социалистическое строительство, высокие темпы индустриализации и коллективизации. Классовый враг в противоположность механистам правильно увидел

в ней могучее средство уничтожения эксплоататорских классов и построения социализма.

За формулировку т. Сарабьянова ухватится любой правый оппортунист, но он построит «гармонию» хозяйства на основе «узких мест», он тяжелую промышленность заставит равняться по текстилю и потреблению. А под такой целью пятилетки подпишется и кулак и вредитель, только они будут развивать «пропорциональность» в хозяйстве на основе старых классовых отношений, поддерживая «гармонию» кулаков, увековечивая классы и эксплоатацию. Все поклонники теории равновесия охотно согласятся с положением т. Сарабьянова. Она дает достаточный простор для протаскивания кулацких интересов, которые хорошо прикрываются «пропорциональностью». Они увидят в ней лишь конкретное воплощение главного своего теоретического принципа. И в этом они будут правы: «пропорциональность» в руках т. Сарабьянова—это теория равновесия, получившая форму экономического бытия. Это — воплощение правого оппортунизма, удалившего из пятилетки ее душу, ее существо—борьбу пролетариата за уничтожение классов. Подобные формулировки, которые можно начинить каким угодно содержанием, нам не нужны, и ничего, кроме вреда, они принести не могут. Теория равновесия во всех ее видах является теоретическим обоснованием политики тех, кто хочет увековечить данное соотношение отраслей производства и классы.

Законом развития нашей промышленности является не закон равновесия. «Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем об'еме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами» (Сталин, «К вопросам аграрной политики», стр. 6). Социалистический путь развития сельского хозяйства—через насаждение совхозов и развитие колхозов—переводит на путь расширенного воспроизводства и сельское хозяйство. Теория равновесия предлагает не капиталистический и не социалистический путь развития сельского хозяйства. «И именно потому, что она рассчитана на третий (не существующий) путь, она является утопичной, антимарксистской... стоило только противопоставить теорию воспроизводства Маркса теории «равновесия» секторов, чтобы не осталось и следа от этой последней теории» (там же, стр. 8).

Цель пятилетки — не пропорциональное развитие отдельных отраслей хозяйства во что бы то ни стало. Ее прямая задача — сломать «пропорциональность», унаследованную от буржуазно-помещичьего общества, по-ударному строить ведущие гиганты тяжелой индустрии, создавать очаги машиностроения, во всех отраслях хозяйства развертывать социалистический сектор, осуществлять развернутое социалистическое наступление, ликвидировать кулачество как класс на базе сплошной коллективизации, завершить построение фундамента социалистической экономики. Вот в чем суть и цель пятилетки. Как мало она похожа на «гармоничное хозяйство» механистов!

Механисты, отождествляя пропорциональность и плановость, бросают нам обвинение в недооценке плановости в нашем строительстве. Однако, все их рассуждения по этому поводу говорят только о том, что именно у них имеет место такая недооценка. Они не доходят до ленинского понимания классового характера нашего плана, т. к. не доводят его до необходимости борьбы за генеральную линию партии против всяких уклонов и оппортунизма.

Плановое руководство развитием производительных сил, улучшением материального и культурного положения трудящихся и т. д. — это одно из

главнейших преимуществ диктатуры пролетариата по сравнению с капиталистической системой. Наш план должен преследовать цели скорейшей перестройки народного хозяйства на основе новейшей техники. Но в то же время он должен быть классово четким, он должен быть планом развернутого наступления пролетариата на капитализм. А такое планирование возможно только на основе генеральной линии партии. Наш план неразрывно связан с решительной борьбой против всех видов оппортунизма, иначе он не будет служить делу построения социализма, а явится лишь прикрытием антиленинских, реакционных теорий, мешающих этому построению. Ярким примером этого может служить теория затухающей кривой, защищавшаяся троцкистами и правыми, или двухлетка, разработанная вредителями и еще совсем недавно отстаиваемая правыми. Поэтому необходимой предпосылкой подлинно социалистического планового строительства, которое возглавляет и направляет наша партия, было уничтожение оппортунистических теорий-планов. «Не разгромив троцкистской и правоуклонистской теории «потухающей кривой», мы не могли бы развернуть ни действительного планирования, ни повышения темпов и сокращения сроков строительства» (Сталин, Полит. отчет XVI с'езду, стр. 98).

Теоретическое обоснование своих реакционных теорий вроде теории равновесия и др. и троцкисты, и правые, и вредители заимствовали у механистов. Остановились ли Варьяш, Перов и Тимирязев на оппортунистических теориях планирования, когда говорили об учете, диспропорциях и вслед за тов. Сарабьяновым предлагали промышленности «не забегать без нужды вперед»? — Нет, и здесь они обошли оппортунизм.

Механисты, если только они хотят загладить свои теоретические ошибки и на деле вести «хорошую большевистскую линию в политике», должны были бы теперь дать беспощадную критику теории равновесия во всех ее проявлениях, с особой силой подчеркнуть вредность болтовни об абстрактной пропорциональности, гармонии народного хозяйства и т. п. Однако они вновь берут под защиту явные ошибки тов. Сарабьянова. Они вновь подменяют революционную диалектику классовой борьбы «азбукой» механического равновесия, а разбор существа вопроса — талмудистикой по поводу слов «без нужды», в которых-де и выражается весь глубокий смысл сарабьяновской теории.

В самом деле, какая теоретическая и политическая «глубина» у механистов!

Когда речь заходит о связи механистов с правыми, они неизменно заявляют: мы не говорили; мы не писали, никакого отношения к ним не имеем. В своем письме они все же вынуждены признать, что механицизм является теоретической базой правого оппортунизма. И тут же, по какой-то удивительной «последовательности», сейчас же начали отрицать самих себя. «Пусть укажут, кто из наших единомышленников стоит на платформе правого уклона!».

По совету Ленина, о философах мы судим «не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают..., а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» (Ленин, соч. т. XIII, изд. 2-е, стр. 178). В своем решении всех основных теоретических вопросов — начиная с основных законов материалистической диалектики и кончая рядом теоретических положений в конкретных областях знания и практики — Перов, Варьяш, Тимирязев и т. д. попрежнему остаются на позициях механического материализма. История борьбы партии против оппортунизма и практика классовой борьбы за последние годы доказала,

что механистическая методология явилась главной базой правого оппортунизма, главной опасностью на данном этапе, что поэтому фронт борьбы против механистической ревизии марксизма остается попрежнему главным фронтом.

Вместе с тем нужно отметить и некоторую связь механистов с троцкизмом. Троцкий не мало взял у механистов; так, например, в теории «сведения», в вопросе о производительных силах и производственных отношениях у них почти полное единодушие. Механисты тоже не остались в долгу — в своей статье об индустриализации («Диалектика в природе», № 3, сборник, стр. 3) они кое-что позаимствовали у Троцкого. Их «правильная большевистская линия в политике», очевидно, мирится с таким заимствованием со всех сторон так же, как и политика деборинцев, вроде тт. Стэна или Карева.

В передовице третьего сборника механистов («Диалектика в природе») имеется явно троцкистская теория реконструктивного периода. Вот что они пишут: «В области хозяйства пролетариат перешел от обороны к наступлению на более отсталые формы хозяйствования, в том числе и против возрождения капитализма, начинающего неизбежно вновь вырастать на основе простой товаропроизводящей формы крестьянского хозяйства». Эта теория, рассматривающая первый этап нэпа только как период отступления, а наступление реконструктивного периода, как наступление на «отсталые формы хозяйства», есть повторение троцкистских установок. По этой теории, партия ведет наступление не только на кулака, но и на середняка. Как же с такими, по сути троцкистскими, установками можно критиковать троцкизм, троцкистскую теорию переходного периода тов. Карева и всех загибщиков коллективизации?

Та же передовица механистов дает нам и другой перл механистической методологии и политики: «Строить социализм без новой техники невозможно». Но это есть выражение троцкистско-меньшевистского неверия в победу социализма, а не действительная забота о технике. Вообще по линии понимания производительных сил троцкисты и правые составляют один лагерь, сводя производительные силы к технике. Строительство социализма для механистов есть проблема чисто и только техническая, а не проблема классовой борьбы.

Неверие в победу социализма выражает и следующая фраза передовицы: «Социальная революция в своей основе есть борьба двух систем хозяйства — капиталистической и социалистической. Практикой решается вопрос, какая из двух форм лучше, какая в состоянии обеспечить для всего человечества более человеческий образ жизни, мирное экономическое и культурное развитие, избавление от проклятия эксплоатации, безработицы, угнетения и империалистических боев, которые лежат кошмаром на трудящихся всех стран» (подчеркнуто нами. — *Ч. и А.*).

Если отбросить интеллигентско-либеральную болтовню о всем человечестве вообще, а также «проклятия» и «кошмары», то остается ничем не прикрытое антиленинское содержание. Механисты не видят пролетарского характера нашей революции. Нельзя сказать, что фраза «социальная революция» есть синоним фразы «социалистическая революция». Высказывая свой скептицизм, неверие в строительство социализма, механисты подходят к этой проблеме с позиций ползучего эмпиризма. Разве для нас, для партии, для рабочего класса, вопрос—«какая из двух форм лучше»: социалистическая или капиталистическая — решается только практикой? В этом месте наиболее ярко вскрывается мелкобуржуазный характер идеологии механистов. Мелкий буржуа выжидает, высматривает и колеблет-

ся: «Какая из двух форм лучше?» Для него этот вопрос решается только практикой, а марксистско-ленинской теории для него не существует. Это есть выражение того же эмпирического троцкистского скептицизма, что и стэновский совет комсомольцам: «проверяй правильность линии партии на собственном опыте», что и бухаринский лозунг: «подвергай все сомнению».

Но, несмотря на это, основная линия механистов идет в сторону правых. Это ясно из них «опровержений» теории равновесия, теории случайности и прочих теорий т. Бухарина, включая теорию революции и идеала. Это ясно и из разрыва теории и практики, философии и политики, который у них имеется налицо и на котором они вновь настаивают. Этот разрыв роднит механистов с деборинцами, а всех их вместе — с меньшевизмом, с социал-фашизмом, усвоившим в свою очередь этот разрыв теории и практики от буржуазной науки. Достаточно указать на кондратьевцев с их теорией равновесия рынка, чтобы убедиться—кто хватается за теории механистов и против кого эти последние пускаются в ход.

Если тт. Варьяш, Перов и Тимирязев хотят бороться против правого оппортунизма, — они должны отказаться от лицемерной защиты антимарксистской, антиленинской методологии как в целом, так и в отдельных ее чертах. Они должны бить по основной теоретической базе правого оппортунизма. Пока же мы имеем обратное. На словах они против правого оппортунизма, против механистов, на деле же — защищают механистические позиции и теории, т.-е. укрепляют теоретическую базу правых. И это они называют «хорошей большевистской линией в политике». А в теории — разве нет никакой политики, нет выражения интересов определенных классов? Разве из теоретических взглядов механистов не следуют определенные политические выводы? Правда, они предоставляют делать эти выводы другим. Но это не снимает с них ответственности за их антимарксистские, антиленинские теории, которыми вооружаются враги пролетариата.

Закономерности переходной экономики*)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ [1])

И. Вайнштейн.

«Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его» (Ленин).

Переходный период представляет собою своеобразный этап в мировой истории, дающий **новый** тип закономерностей, которые изменяют старый мир. Теория переходной экономики заключается в раскрытии и освещении этих новых закономерностей, новизна которых заключается в **новой форме** связи рабочего и средств производства, заложена в определенном способе соединения личных и вещественных двигателей производства. Средства производства в прошлых классовых формациях представляют вместе с тем средства эксплоатации непосредственного производителя, присвоения чужого труда. Способ соединения рабочих и средств производства образует **особый** характер данного общественного строя, предпосылку движущих его закономерностей, которые подлежат изучению со стороны такого своеобразия. Маркс, изучая законы капиталистического общества, вскрывал в этих законах своеобразие данного способа производства, которое отличает его от других. Нужно сказать, что предметом переходной экономики также являются ее особые закономерности, **закономерности становления социалистического общества.** «Каковы бы ни были общественные формы производства, — говорит Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединяться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи, социальные структуры. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от средств производства есть наперед данный, исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких условиях, рабочие и средства производства соединяются в руках капиталиста, а именно, соединяются как производительная форма бытия его капитала» [2]). Соединение рабочего и средств производства в условиях капи-

*) Из работы «Логика экономического ревизионизма».

[1]) Печатается в порядке обсуждения.

[2]) **Маркс**, Капитал, т. II, стр. 12—13.

тализма осуществляется через отчуждение этих средств от рабочего, постоянное воспроизводство которого является также воспроизводством капиталистического способа производства. Капиталистическое накопление, процесс превращения прибавочной стоимости в капитал, означает расширенное присвоение чужого труда, рост эксплоатации рабочего. Власть мертвого труда над живым есть выражение указанного отчуждения и разрыва рабочего от средств труда.

Рабочий в условиях капиталистического способа производства производит не просто потребительные стоимости или полезные продукты, но производит источник своего порабощения, капитал, определенное общественное отношение. Наемный труд и капитал представляют единство противоположностей, антагонистическое единство, гармонизация которого есть base буржуазной апологетики. «Производит ли рабочий на хлопчато-бумажной фабрике одну только хлопчато-бумажную материю? Нет. Он производит капитал. Он производит ценности, которые вновь служат капиталу, чтобы повелевать трудом, и с помощью которых создаются новые ценности»[1]. Прибавочный труд рабочего есть даровой труд для капиталиста. Он вытекает из характера соединения рабочей силы и средств производства, которые при данном строе производства осуществляются только через отчуждение вещественных факторов производства рабочего. Расширенное воспроизводство такого отчуждения, выражающееся в капиталистическом накоплении, представляет накопление нищеты соответственно накоплению богатства, представляет обострение классового антагонизма.

Политическая экономия буржуазии старается облечь это воспроизводство эксплоатации в моральную форму, прикрыть антагонистичность этого процесса моральной догматикой. Маркс называет поэтому политическую экономию буржуазии моральнейшей из наук, проповедующей самоотречение рабочего во имя процветания капитала. «Ее главный догмат, это — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафэ, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем значительнее становится это достояние, которое не смогут с'есть ни моль, ни ржавчина; твой капитал. Чем меньше ты живешь, чем меньше ты обнаруживаешь свое существование, тем больше ты имеешь, тем больше становится твоя отчужденная жизнь, тем больше ты копишь от своей отчужденной сущности»[2]. Воспроизводству этой отчужденной сущности кладет конец не мирное врастание капитализма в социализм, которое является любимой сказкой всевозможных апологетов капитала и оппортунистов, а пролетарская революция, свергающая капитализм и осуществляющая такое соединение личных и вещественных двигателей производства, которое, упраздняя каждое отчуждение, становится предпосылкой социалистического обобществления, как одного из важнейших законов переходной экономики. Социалистическое обобществление в условиях советской экономики осуществляется не гладко и безболезненно, а протекает при обострившейся классовой борьбе с капиталистическими элементами, оказывающими бешеное сопротивление этому процессу.

Обобществление труда и концентрация производства имеют также место в пределах капитализма, когда производство начинает приобретать все более общественный характер. Капиталистическое производство, выходя далеко за пределы индивидуального труда, делает резкий перелом в производительности труда по сравнению с раздробленным и мелким производством на основе его обобществления, ибо только там, где число работников и

[1]) К. Маркс, Наемный труд и капитал.
[2]) Архив, т. III, стр. 277.

статочно для того, чтобы количество производимой ими прибавочной стоимости могло избавить самого работодателя от личного труда, только там этот работодатель становится кровным капиталистом» [1]).

Маркс замечает, что одновременное употребление значительного числа работников производит революцию в материальных условиях процесса труда. Подобную революцию произвела кооперативная форма процесса труда, введенная капиталистическим способом производства. Революция эта прежде всего выразилась в экономии и повышении производительности труда. «Эта экономия в употреблении средства производства происходит единственно из общего пользования ими в процессе труда многих работников. Этот характер условий общественного труда или общественных условий труда, по отличию от раз'единенных и относительно более дорогих условий производства, имеющих место для отдельных самостоятельных работников или мелких мастеров, они сохраняют даже и в том случае, когда многие работники работают даже в одном помещении, т.-е. соединены только пространственно, а еще не работают вместе друг с другом» [2]). Обобществление труда при капитализме нераздельно от эксплоатации общественного процесса труда, ибо руководство этим процессом «представляет не только особую функцию, принадлежащую общественному процессу труда и вытекающую из самой природы этого процесса, но оно представляет вместе с тем функцию эксплоатации общественного процесса труда, обусловленную вследствие этого неизбежным антагонизмом между эксплоатирующим и предметом его эксплоатации» [3]). Энгельс формулировал это основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Кооперация наемных работников есть действие капитала, обусловливающего отчуждение кооперируемых работников в процессе труда от собственной сущности. «Как кооперирующие между собой работники, как члены одного работающего организма, они представляют собой только особенную форму существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую работник развивает, как общественный работник, есть производительная сила капитала» [4]).

Социалистическая революция кладет начало новой форме обобществления, уничтожающей отчуждение общественного рабочего от условий его труда и превращающей средства производства в достояние всех трудящихся. Обобществление производства трудящимися, выражающее экономическое и политическое господство пролетариата, может развиваться в условиях переходной экономики только в борьбе с капиталистическими элементами города и деревни. Преодоление частно-собственнической стихии советской экономикой и этапы такого преодоления являются узловыми пунктами развития социалистического обобществления, как доминирующей тенденции, которая, сквозь противоречия и борьбу, неуклонно захватывает все звенья народного хозяйства, постепенно приобретающие социалистическое содержание.

Закон есть сущность явления, представляющая одновременно с у щ е с т в е н н у ю тенденцию. Социалистическое обобществление образует именно сущность процессов советской экономики, которая лежит в основе последних в качестве направляющей и доминирующей силы.

Обобществление в эпоху монополистического капитала неизбежно порождает анархию и дезорганизацию общественного хозяйства, почему и действует в этих условиях также в направлении разобобществления, раз'единения, дезорганизации. Отделение рабочего от средств его труда несовместимо

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 274.
[2]) Там же, стр. 277.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 287.

с развитием обобществления в сторону полного охвата системы народного хозяйства, оно отрезает ему возможность приобрести *универсальную* форму. Обобществление в период диктатуры пролетариата представляет существенную тенденцию, развитие которой прокладывает себе путь через опосредования и противоречия. Подобным посредствующим звеном социалистического обобществления оказалась в начале восстановительного периода торговля, свидетельствовавшая о неспособности крупной промышленности *непосредственно* удовлетворять потребности крестьянского хозяйства. Новая экономика представляет некую узловую линию переходов, ряд посредствующих моментов на пути борьбы социалистической экономики с враждебными ей формами. Ленин считает основными формами общественного хозяйства в советской системе *капитализм, мелкое товарное производство и коммунизм*, представленные буржуазией, мелкой буржуазией и пролетариатом. «Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного труда — в одном масштабе громадного государства, труда с мелким товарным производством и сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом. Труд об'единен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочую силу между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между предприятиями... Крестьянские хозяйства продолжают оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую, имеющую очень глубокие, прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» [1]. Ленин гениально намечает обстановку действия и проявления закона социалистического обобществления в своеобразных условиях мелкотоварного окружения.

Свобода торговли при капитализме есть *только* свобода капитала. «Итак, — говорит Маркс, — что же такое свобода торговли при современных общественных отношениях? Свобода капитала. Устраните те немногие национальные преграды, которые продолжают стеснять свободное развитие капитализма, — и вы лишь откроете ему свободное поле деятельности. До тех пор, пока продолжают существовать отношения наемного труда и капитала, обмен товаров,—хотя бы он совершался при самых благоприятных условиях,—всегда будет создавать класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых. Трудно, в самом деле, понять претензии приверженцев свободной торговли, воображающих, что более выгодное употребление капитала уничтожает противоположность между промышленным капиталистом и наемным рабочим. Совершенно наоборот. Единственным следствием этого будет еще более ясное обнаружение противоположности двух классов» [2]. Торговля в условиях диктатуры пролетариата становится также орудием укрепления социалистических позиций пролетариата, орудием социалистического строительства. Ленин поэтому высмеивал метафизиков, которые, отвлекаясь от своеобразных условий диктатуры пролетариата, видели в торговле и коммунизме два непримиримых полюса. «Оптовый купец,—говорит Ленин,—это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это—одно из таких именно противоречий, которые в живой жизни ведут

---

[1]) *Ленин*, т. XVI, изд. 1-е, стр. 349.
[2]) *К. Маркс*, Собр. соч., т. V, стр 459.

от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму. Личная заинтересованность поднимает производство; нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля об'единяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к различным формам связи и об'единения в самом производстве» [1]). Торговля в условиях диктатуры пролетариата представляет поистине диалектическое противоречие, ведущее вперед к социализму, ибо, об'единяя миллионы мелких производителей сначала в области обращения, подводит в дальнейшем этих производителей к об'единению в самом производстве.

Торговля в начале новой экономической политики решала в противоречивой форме проблему обобществления в данных условиях. «Дело вовсе не в том,—говорит Сталин,—что торговля и денежная система являются методом капиталистической экономики. Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используются против капитализма, с успехом используют их для построения фундамента нашей экономики. Дело в том, стало-быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции назначения этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму» [2]). Торговля в начальном этапе новой экономической политики явилась оружием, которое способствовало дальнейшему размаху и более сильному прыжку вперед к социализму. Продвижение социалистического строительства в условиях нэпа идет не по гладкой и ровной дороге, но по дороге, чрезвычайно извилистой, изобилующей поворотами и зигзагами. Ленин в обосновании нэпа показал пример подлинной диалектики, наметив новые формы социалистического наступления, показав, как нужно двигаться к социализму в такой обстановке, когда техническая отсталость и огромное преобладание мелкокрестьянского хозяйства делает непосредственный путь коммунистического строительства невозможным. «Отступить, чтобы лучше прыгнуть». Привлечение новых экономических форм связи пролетариата с крестьянством, крупной промышленности и сельского хозяйства означало подготовку на базе рыночных отношений, контролируемых и регулируемых пролетарским государством, социалистического прыжка. Движение к социализму оказалось аналогичным движению, например, познания в направлении об'екта. «Движение познания к об'екту всегда может итти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть; отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать?). Линии сходящиеся и расходящиеся; круги, касающиеся один другого. Узловой пункт = практике человека и человеческой истории» [3]). Допущение торговли и рыночной стихии, сменившей период военного коммунизма, явилось предварительным этапом на пути такого опосредованного и противоречивого движения к социализму и обобществлению народного хозяйства. Торговля и денежная система, вытекающие из других закономерностей, стали служебными функциями переходной к коммунизму экономики.

Антагонизмы капиталистического способа производства взаимно порождают друг друга в процессе своего движения. Это применимо и к капиталистическому обобществлению, развитие которого на основе частной собственности на средства производства порождает непрерывное обогащение частного собственника, непрерывное возрастание единоличного присвоения.

---

[1]) Ленин, т. XXVII, стр. 30.
[2]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 412.
[3]) Лен сборн. XII, стр. 229.

Капиталистическое обобществление, являющееся источником такого возрастающего самообогащения капиталиста, направлено против массы трудящихся. Маркс поэтому называет капиталистическое обобществление суррогатом коллективности, оковами для трудящихся, подавлением личной свободы огромного большинства в интересах ничтожного меньшинства. «Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, следовательно, только в коллективности возможна личная свобода. В имевшихся до сих пор суррогатах коллективности, в государстве и т. д., личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидуумами этого класса. Мнимая коллективность, для которой об'единялись до сих пор индивиды, всегда об'ективировалась, противопоставлялась всегда им, как нечто самостоятельное; т. к. она являлась об'единением одного класса против другого, то она была для подчиненного класса не только иллюзорной коллективностью, но и новыми узами. В действительной коллективности индивиды добьются в своей ассоциации и через эту ассоциацию в то же время своей свободы» [1]). Мнимой коллективностью является такая классовая организация, аппарат которой направлен на эксплоатацию масс, которой эта коллективность противостоит в виде чуждой и враждебной силы. Подобная коллективность мнима, ибо направлена против коллективности, воплощенной в трудящихся массах. Верно, что обобществление труда имеет место при капитализме, представляет даже огромное достижение по сравнению с прошлыми формациями, но также верно, что проявляется оно в качестве силы раз'единения, угнетения, взаимной конкуренции, экономических и военных потрясений.

Что характеризует капиталистическое производство? «Два факта характеризуют прежде всего капиталистическое производство: во-первых, концентрация производства в немногих руках, благодаря чему они перестают существовать в виде непосредственной собственности отдельных рабочих, и имеются как потенция общественного производства, хотя вначале в виде собственности не работающих капиталистов; последние являются управляющими в буржуазном обществе и получают все плоды этого управления. Во-вторых, организация самого труда, как общественного труда, благодаря кооперации, разделение труда и соединение труда с результатами господства общества над силами природы. Этими двумя способами капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще в противоречивых формах» [2]). Концентрация средств производства, в виде собственности капиталистов, организация самого труда, как общественного, характеризует капиталистически-обобществленный труд. Обобществление в условиях капитализма не может быть поднято на высоту универсальной формы общественного хозяйства, ибо пресекается имманентными ему границами, которые ставит этому обобществлению частная собственность на средства производства. Гильфердинг устанавливает следующие границы для капиталистического обобществления. «Границы капиталистического обобществления определяются, во-первых, распадением мирового рынка на национальные экономические территории отдельных государств; оно преодолевается интернациональным картелированием лишь с большим трудом и медленностью; это же распадение на национальные территории ведет к продлению конкурентной борьбы, которая идет между картелями и трестами, опирающимися на содействие политических сил государства. Во-вторых,—что следует упомянуть ради полноты,—границы капиталистическому обобществлению производства ставятся образованием поземельной ренты,

---

[1]) Архив, т. I, стр. 243.

[2]) К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 332.

которая тормозит концентрацию производства в сельском хозяйстве; в-третьих, теми мерами экономической политики, целью которой является продление живучести среднего и мелкого производства» [1]). Гильфердинг среди указанных границ капиталистического обобществления забывает основную, именно — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, которое делает эпоху монополистического капитализма эпохой пролетарской революции. «Производство становится общественным, — говорит Ленин, — но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих капиталистов над остальным населением становится во сто крат тяжелее, ощутительнее, невыносимее» [2]). Монополистический капитализм потому является последней стадией капитализма, что довел указанное противоречие до таких размеров, когда разрешение его социалистической революцией пролетариата становится неотложной задачей дня. Гильфердинговское понимание границ капитализма, упускающее такую основную границу, является примером характерного для оппортунистической метафизики притупления основных противоречий капитализма. Подобное притупление противоречий капитализма в последующей эволюции Гильфердинга выродилось в полное замазывание капиталистических антагонизмов, получившее свое выражение в теории «организованного капитализма».

Капитализм, задыхаясь в тисках указанного противоречия, оказывается перед непреодолимой границей, которая разрушается только пролетарской революцией, дающей начало подлинной гармонии производства и присвоения, как предпосылке интенсивнейшего развития производительных сил и власти человека над условиями собственного труда. Пролетарское присвоение, являющееся присвоением общественного продукта всей массой трудящихся, означает поэтому также начало уничтожения фетишизации общественных отношений, господства вещи над человеком. «В прошлом, при всех случаях присвоения, масса индивидов оказывалась подчиненной одному орудию производства; в случаях же пролетарского присвоения каждому индивиду будет подчинена масса орудий производства, а собственность будет подчинена всем индивидам. Современная универсальная форма сношений может быть подчинена индивиду лишь в том случае, если она будет подчинена всем. Присвоение обуславливается далее тем способом, каким оно должно быть совершено. Оно может быть совершено лишь об'единением индивидов, которое, в виду характера пролетариата, само в свою очередь может быть лишь универсальным, но оно требует кроме того революции, в которой, с одной стороны, уничтожается власть над людьми прежнего способа производства и сношений, а также общественного расчленения, а с другой — у пролетариата развивается универсальный характер и необходимая для присвоения энергия; при чем пролетариат сбрасывает с себя все, что осталось еще у него от его прежнего общественного положения» [3]). Капитализм подчиняет орудию труда массу индивидов, осуществляет обобществление труда через подчинение человека вещи. Напротив, пролетарская революция осуществляет такое об'единение индивидов, которое несовместимо с господством орудия над человеком. Уничтожение частной собственности на средства производства есть присвоение производительных сил об'единенными производителями, что исключает самообособление индивидов, которое в условиях переходной экономики выпадает на долю прогрессивно падающего частно-собственнического сектора. «В случае кол-

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 442.
[2]) Ленин, т. XIII, стр. 254.
[3]) Архив, т. I, стр. 250.

лективности революционных пролетариев, берущих на себя контроль условий существования, как собственного, так и всех членов общества, — в этой коллективности индивид принимает участие, как индивиды. Именно об'единение индивидов (разумеется, в рамках уже развитых производительных сил) передает им контроль над условиями свободного развития и движения индивидов, условиями, которые до сих пор были предоставлены случаю и которые об'ективировались и противостояли, как нечто самостоятельное, отдельным индивидам именно благодаря их разделению, как индивидов (благодаря их необходимому об'единению, которое дано с разделением труда и которое стало благодаря их отделению какой-то чуждой для них связью)»[1]. Обобществление при капитализме осуществляется в виде внешней трудящимся силы. Высшая фаза капитализма, монополистический капитализм, определяющий максимальные при капитализме возможности обобществления, отнюдь не уничтожает такого характера внешней необходимости, но, обостряя гнет трудящихся до максимальных размеров, обостряет в такой же мере противоречие собственности и труда, отчужденность общественного труда от общественного продукта. Социалистическая революция впервые выводит обобществление за пределы такой внешней необходимости, превращает его в творческую функцию ассоциированных производителей, которым продукты труда не противостоят в качестве средств эксплоатации. Социалистическое обобществление приобретает в качестве господствующей тенденции характер подлинного закона, внутренней необходимости, поскольку отражает существенное движение данной совокупности производственных отношений, направленное к универсальному охвату всей этой совокупности. «Закон есть отражение существенного в движении универсума»[2]. Закон социалистического обобществления представляет действительное отражение существенных процессов экономики диктатуры пролетариата, которое искажается совершенно произвольными попытками истолковать эту экономику в духе совершенно чуждых ей закономерностей.

* * *

Некоторые теоретики выдвигают такие законы переходного периода, которые направлены на извращение основных его черт. Подобного рода теоретиком является, например, Е. Преображенский. Намечая законы переходной экономики, Преображенский находит, что «диагональ параллелограмма сил, действующих в области экономики, никогда не может пролегать по линии внутренних законов господствующей формы, а всегда будет отклоняться от этой линии под влиянием противодействующих сил. А эти противодействующие силы, т.-е. силы других экономических форм, включенных в данную систему хозяйства, складываются по линии им свойственных законов развития»[3]. Согласно приведенному утверждению выходит, что в условиях советской экономики неуклонно развиваются силы, покоящиеся на старых закономерностях, противодействующие господствующей форме, в то время как господствующая или становящаяся господствующей форма советской экономики оказывается бессильной перед лицом «параллелограмма сил», отклоняющихся в сторону старых закономерностей, выражающих другие экономические формации. Закономерности господствующей формы, согласно такой оценке, оказываются просто фикциями.

Подлинные закономерности переходной экономики являются закономерностями становящегося социализма, которые в теории Преображенского оказываются перекрашенными под цвет капиталистических закономерностей. Основным законом переходной экономики Преображенский

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 245.
[2] Ленинский сборник, IX, стр. 145.
[3] Е. Преображенский, Новая экономика, стр. 60.

как известно, выдвигает так называемый закон «первоначального социалистического накопления». Поясняя этот закон, Преображенский естественно считает чрезвычайно полезным «провести систематическое сравнение начальных шагов социализма с первыми шагами капиталистического способа производства» [1]). Преображенский утверждает, что сходство и различие первоначального социалистического и первоначального капиталистического накопления одинаково хорошо оттеняют особенности советской системы хозяйства. Что сказать про такое утверждение? Первоначальное капиталистическое накопление есть исторический акт отделения производителя от средств его труда, которые становятся самостоятельными силами, противостоящими рабочему классу в качестве орудия его эксплоатации. Первоначальное капиталистическое накопление есть процесс возникновения капитала, новой общественной формы, специфического способа эксплоатации труда. Маркс, определяя первоначальное капиталистическое накопление, вскрывал особый и специфический антагонизм, присущий этому процессу. Маркс, говоря словами Ленина, вскрывал противоречия в самой сущности вещи. Вскрывая социальную характеристику первоначального капиталистического накопления, Маркс его называет «первоначальным расхищением» [2]). Капиталистическое накопление непрерывно воспроизводит отделение рабочего от орудий его труда. «Раз произошло такое отделение рабочего от орудий его труда, то такое положение вещей должно само собой поддерживаться и возобновляться в постоянно возрастающих размерах, пока новый и коренной переворот в способе производства не уничтожит его и не восстановит первоначальной связи в исторически новой форме» [3]).

Социалистическим накоплением может быть в свою очередь новая форма связи рабочего и орудий его труда, постоянное воспроизводство этой новой формы в расширенных размерах. Что же такое первоначальное социалистическое накопление, согласно Преображенскому? «Первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом либо одновременно из источников. лежащих вне комплекса государственного хозяйства... Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз является закон первоначального или предварительного социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической жизни в кругу государственного хозяйства» [4]). Оказывается, что решающий для переходной экономики закон, не говоря ничего о специфической природе советского хозяйства, смахивает значительно на первоначальное расхищение, характеризующее первоначальное капиталистическое накопление. Последнее предположение явно подтверждается следующими словами Преображенского, которые должны оттенить различие отчуждения эпохи первоначального капиталистического накопления от отчуждения при первоначальном социалистическом накоплении. «Обложение несоциалистических форм не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский союз» [5]). Таким образом, различие между первоначальным социалистическим накоплением и капиталистическим накоплением оказывается различием экспроприации мелкого производителя, классовая природа которого оставлена без всякого внимания. Законы переходной экономики являются законами становящегося социализма, вытеснения и

---

[1]) Е. Преображенский, Новая экономика, стр. 52.
[2]) К. Маркс, Заработная плата, цены и прибыль, стр. 53.
[3]) Там же, стр. 54.
[4]) Преображенский, Новая экономика, стр. 58.
[5]) Там же, стр. 62.

уничтожения капиталистических элементов города и деревни. «Закон» же Преображенского сводится всецело к одной экспроприации мелкого производителя, безразлично к присущему ему классовому содержанию. Ясно, что подобные законы, не являясь законами становления социализма, означают скорее попытки извращения подлинных форм социалистического строительства, базирующегося на союзе пролетариата и трудящихся масс крестьянства.

Проблема удержания диктатуры пролетариата есть одновременно проблема удержания союза пролетариата и основных масс трудящегося крестьянства, разрешаемая в зависимости от формы, которую этот союз принимает на разных этапах социалистического строительства. Так, например, превращение вступившего в колхоз середняка из союзника пролетариата в опору последнего представляет решение этой проблемы на новом этапе развернутого социалистического наступления по всему фронту, обусловленное решающим значением обобществленного сектора сельского хозяйства для социалистического строительства. Установленный Преображенским «закон», совершенно индифферентный к таким историческим переходам, представляет решение проблемы в сторону решительного размыкания этих двух классов, означая, таким образом, «закон» разрушения диктатуры пролетариата.

Закон есть доминирующая тенденция, выражающая основную линию движения, существенность его направления на данном этапе. В таком именно смысле говорил Маркс о законах капитализма, что они означают «тенденции, действующие с железной необходимостью» [1]). Очевидно, что господствующей тенденцией советской экономики является, согласно Преображенскому, экспроприация мелкокрестьянского хозяйства. Преображенский прямо заявляет, что «задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных представителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого хозяйства страны» [2]). Закон «первоначального социалистического накопления» не отличается от первоначального капиталистического накопления, т. к. сводится к расхищению мелкого производства, взятого в сплошной массе, безразлично к его классовой расчлененности.

Период переходной экономики в свете таких законов оказывается периодом обострения и углубления вражды пролетариата и трудящихся эксплоатируемых масс крестьянства. Подобная трактовка советской экономики, не говоря уже о политическом ее содержании, представляет худший вид метафизики и игнорирования основных законов диалектики. Ленин особенно резко подчеркивал необходимость разграничения капиталистических масс крестьянства от середняцких и бедняцких его масс. Игнорируя такое разграничение, Преображенский превращает все крестьянство в об'ект всепожирающего закона «первоначального социалистического накопления», опасная природа которого не ускользает от его собственного внимания. Неудивительно, что Преображенский стремится к временно-пространственному ограничению действия этого закона, признавая, что проявление этого последнего носит критический характер. «Не надо забывать,—говорит Преображенский,—что период первоначального социалистического накопления является самым критическим периодом жизни социалистического государства после окончания гражданской войны. В этот период социалистическая система не в состоянии еще развить всех органически свойственных ей преимуществ, но она в то же время ликвидирует неизбежно ряд экономических преимуществ, свойственных развитой капиталистической системе. Пробежать быстрей этот период, поскорее достигнуть момента,

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I. Предисловие.
[2]) Е. Преображенский, Новая экономика, стр. 64.

когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества перед капитализмом, это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства»[1]). Имей «закон» Преображенского хоть подобие реальности, критический период эпохи диктатуры пролетариата неизбежно должен был бы разрешиться в свержении этой диктатуры. Положение вещей действительно было бы весьма критическим. Однако указанный закон лишен подобия такой реальности, является полнейшим игнорированием подлинных закономерностей переходной экономики, специфической формы социалистического обобществления, классового характера последнего.

Закон социалистического обобществления, представляющий выражение политического и экономического господства пролетариата, представляет закон коренного и решительного преобразования всей системы народного хозяйства, выведения трудящихся масс деревни из частно-собственнической стихии на путь социалистической коллективизации. Поэтому он направлен против частно-собственнической стихии, олицетворяемой капиталистическими элементами города и деревни, и действие его проявляется в ожесточенной классовой борьбе пролетариата с капиталистическими элементами, проявляется в форме ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Выдвинутый Преображенским закон не только не выражает социалистических тенденций переходной экономики, а упраздняет ее качественное своеобразие, аннулируемое в механически взятых аналогиях. Встает следующий вопрос: где методологические корни такого закона? Можно ли, оперируя методом материалистической диалектики, притти к установлению такого закона? Конечно, нельзя. Очевидно, что с этой стороны дело обстоит не совсем благополучно. Маркс, применяя материалистическую диалектику в анализе производственных отношений капитализма, поставил политическую экономию на совершенно новые рельсы. Несомненно, что, изучая переходную экономику диктатуры пролетариата, необходимо применять материалистическую диалектику. Однако Преображенский прибегает к методу, который с материалистической диалектикой не имеет ничего общего. Преображенский утверждает, что абстрактно-аналитический метод, который он выдает за материалистическую диалектику, адэкватен особенностям материала исследования, что материалистическая диалектика совпадает с абстрактно-аналитическим методом. Верно ли такое утверждение? Думается, что неверно. Скорее Преображенский придает материалистической диалектике механистический смысл, который совершенно смазывает ее подлинную теоретическую сущность. Диалектическую логику, представляющую «универсальную гибкость понятий», отражающую всесторонность и единство материальной действительности, Преображенский пытается уложить в абстрактно-аналитические схемы, которые представляют принадлежность механического способа мышления. Преображенский правильно утверждает, что нельзя выдавать за науку фотографические снимки обывательского сознания, т.-е., что вульгарный эмпиризм антинаучен. Однако подобное утверждение не оправдывает отождествления абстрактно-аналитического метода с материалистической диалектикой, подобной ее механистической квалификации.

Преображенский считает, что только абстрактно-аналитическим методом можно разрешить весь комплекс сложных проблем переходной экономики. «Только методом абстрактно-аналитической диалектики и только исходя из концепции закона ценности, можно прослеживать весь этот архизапутанный для исследования и сложный комплекс»[2]). Маркс в своей критике

[1]) Е. Преображенский, Новая экономика, стр. 63.
[2]) Е. Преображенский, Новая экономика, стр. 17.

классиков, особенно Рикардо, считал что абстрактно-аналитический метод является основным методологическим препятствием к правильному осознанию сложных теоретических проблем, вставших перед Рикардо. Маркс указывал, что этот метод состоит в сведении многообразных форм к одному тождественному источнику, где это многообразие аннулируется. Маркс заострял поэтому свою критику против такого аналитического метода. Преображенский же, считая, что абстрактно-аналитический метод тождественен диалектическому, предлагает его также для изучения советского хозяйства. Преображенский подобным подходом в корне извращает марксов метод познания, становится на точку зрения механической теории познания, которая и приводит его к столь плачевным результатам в трактовке проблем советской экономики. «Описание того, — говорит Е. Преображенский, — что является результатом борьбы двух начал в нашей экономике, неспособно об'яснить, почему получается именно такой, а не иной результат, неспособно дать прогноза по отношению к будущему. Следовательно, и здесь необходимо прибегнуть к абстрактно-аналитическому методу исследования и попытаться вскрыть сталкивающиеся тенденции сначала в их чистом виде» [1]). Маркс действительно изучал чистые законы капитализма, посредством которых раскрывал всю полноту его конкретного содержания и делал гениальнейшие прогнозы насчет будущего. Маркс достигал таких результатов благодаря применению материалистической диалектики, которая, говоря словами Энгельса, представляет аналог действительных связей природы и общества, что совершенно неприменимо к абстрактно-аналитическому методу. Последний, свойственный экономическому мышлению классиков, препятствовал им увязать абстрактное с конкретным, которые оказывались взаимно чуждыми и разделенными. Применяя абстрактно-аналитический метод, Рикардо не в состоянии был преодолеть формализма и механицизма своих абстрактных построений, которые по этой причине оказались неверными. «Чтобы понять **законы как таковые**, Рикардо абстрагирует в сознании от формы конкуренции, от внешности конкуренции. С одной стороны, его можно упрекнуть в том, что он идет недостаточно далеко, что его абстракция недостаточно полна, с другой стороны, что он понимает форму явления непосредственно, прямо, как эмпирическое доказательство или как непосредственное проявление всеобщих законов, но никоим образом ее не развивает из них. По отношению к первому его абстракция слишком не полна, по отношению ко второму она есть формальная абстракция, которая сама по себе не верна» [2]).

Маркс характеризует абстракции Рикардо как формальные абстракции, покоящиеся на аналитическом методе. Анализ, являющийся необходимой предпосылкой для понимания действительного процесса развития, не исчерпывает процесса познания, а оставляет его на ступени общих понятий, лишенных всего многообразия. Познание поэтому ближайшим образом аналитично, поскольку оно устанавливает общие понятия, являющиеся на пути овладения конкретным. «Познание ближайшим образом аналитично; об'ект, с которым оно имеет дело, представляется ему в образе единичного, и деятельность аналитического познания направлена к тому, чтобы свести принадлежащее ему единичное к некоему всеобщему. Мышление означает здесь лишь абстрагирование или установление формального тождества» [3]). Деятельность абстрактного анализа может свести многообразие единичного к некоему всеобщему, но не способно развить из всеобщего все присущее ему многообразие. Неудивительно, что сторонником абстракно-аналитического

---

[1]) Е. **Преображенский**, Новая экономика, стр. 27.
[2]) К. **Маркс**, Теории прибавочной стоимости, т. II, вып. 2-й, стр. 67.
[3]) **Гегель**, Энциклопедия, том I, стр. 332.

метода является, например, А. Богданов — враг материалистической диалектики. Подобно Преображенского, он полагает, что только абстрактно-аналитический метод «способен дать ясную ориентировку в том своеобразном, сложном водовороте борющихся жизненных тенденций, какой представляет из себя социальный мир капитализма». «Напомним основную характеристику абстрактно-аналитического метода. Это — высший тип индуктивного познания, постоянно завершающий собой применение низших его видов, эмпирически-описательного и статистического, постоянно опирающихся на их статистические обобщения. Абстрактный анализ выделяет и обособляет влияние различных условий, свойственных данной системе, каждый раз устраняя, — лишь идеально, разумеется, — влияние других условий; таким образом он упрощает явление социальное, подобно тому, как в науках естественных метод точного эксперимента, устраняя, но уже реально, те или иные усложняющие условия, упрощая, но уже реально, те или иные усложняющие условия, упрощает явления внешней природы» [1]). Абстрактно-аналитический метод в изображении Богданова упрощает социальные явления до полного выхолащивания специфического своеобразия последнего. Став на точку зрения Богданова, Преображенский совершенно извратил материалистическую диалектику, которая представляет единство анализа и синтеза, представляет, говоря словами Гегеля, «сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания». Выдвинув положение, что Маркс применял абстрактно-аналитический метод при изучении капиталистического хозяйства, Преображенский заключает, что «в отношении советского хозяйства необходимо также прибегнуть к абстрактно-аналитическому методу исследования и попытаться вскрыть сталкивающиеся тенденции в их чистом виде» [2]). Положив подобный «метод» в основу изучения советского хозяйства, Преображенский естественно пришел к закону «первоначального социалистического накопления», как основному закону переходной экономики.

Что законы, выведенные Преображенским на основе абстрактно-аналитического метода, совершенно смазывают специфическую социальную сущность переходной экономики, видно из механистического определения первоначального социалистического накопления, как накопления в руках государства материальных ресурсов, которые черпаются из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Подчеркивает ли это определение характерное отличие воспроизводства переходного периода пролетариата от капиталистического накопления? Первоначальное социалистическое накопление оказывается точь в точь похожим на первоначальное капиталистическое накопление, так как отчуждение средств производства у непосредственного производителя является исходным пунктом в обоих процессах. Гегель совершенно прав, говоря, что мышление посредством анализа означает только установление ф о р м а л ь н о г о тождества. «Закон» первоначального социалистического накопления, постулирующий экспроприацию мелкого производителя, взятого во внеклассовом аспекте, мало отличается от первоначального капиталистического накопления. Поэтому нет ничего удивительного, что Преображенский затрудняется вскрыть в чистом виде присущие этому закону социалистические тенденции на фоне ограничений, которым он подвергается со стороны капиталистического закона стоимости. Пропитанный духом капитализма, закон этот не в состоянии обнаружить социалистического содержания, которого ему нехватает.

Законы капиталистического накопления являются законами отчуждения продуктов труда от самого труда, законами присвоения чужого труда. «Отделение продукта труда от самого труда, об'ективных условий производ-

---

[1]) А. Богданов, Курс политической экономии, т. II, вып. IV, стр. 20.
[2]) Преображенский, Новая экономика, стр 27.

ства труда от суб'ективной силы, было, следовательно, фактическим данным, основанием капиталистического процесса производства. Простая непрерывность или простое воспроизведение воспроизводит и увековечивает эту исходную точку, как его собственный результат» [1]). Воспроизводство капитализма есть воспроизводство отчуждения продукта труда от самого труда, воспроизводство определенного антагонизма, непрерывность которого выражает процесс капиталистического накопления. Поэтому Маркс называет капиталистическое накопление продолжением первоначального капиталистического накопления. «Накопление представляет еще в виде непрерывного процесса то, что в первоначальном накоплении является историческим процессом, процессом возникновения капитала, переходом от одного способа производства к другому» [2]). Капиталистическое накопление есть процесс непрерывного отчуждения средств производства как противостоящих рабочему сил. А социалистическое воспроизводство? В противоположность капиталистическому, оно представляет непрерывное воспроизводство об'единения рабочего и обобществленных средств производства; оно представляет непрерывность социалистического обобществления, которое выражается постоянным расширением и распространением обобществленного сектора, как реорганизующего начала всего народного хозяйства. Социалистическое обобществление, как подлинный закон переходной экономики, пролегает действительно по линии ее господствующей формы, выражающей направление ее существенного содержания. Закон социалистического обобществления означает поэтому также закон ликвидации классовых антагонизмов, осуществляемой в обостреннейшей классовой борьбе, руководимой пролетариатом, как гегемоном этого процесса.

Маркс говорил, что капиталистический процесс производства есть не просто процесс производства товаров или прибавочной стоимости. «Процесс капиталистического производства, — говорит Маркс, — рассматриваемый в целом, или как процесс воспроизведения, производит, следовательно, не только товары, не только прибавочную стоимость, но производит и воспроизводит самые капиталистические отношения, т.-е., с одной стороны, капиталиста, а с другой, — наемных рабочих» [3]). Воспроизводство периода переходной экономики есть, в противоположность капиталистическому, расширенное воспроизводство в условиях ожесточенной классовой борьбы социалистического обобществления, социалистических производственных отношений, сопровождаемое неуклонным падением удельного веса частно-собственнического сектора, капиталистических производственных отношений, что совершенно упущено «теорией» Преображенского.

* * *

«Закон» Преображенского впервые подвергся критике со стороны Бухарина, который противопоставил ему «закон трудовых затрат», как основной закон переходной экономики. Судьба этого «закона» оказалась не менее несчастной, нежели судьба «закона» Преображенского. Подлинный закон прежде всего вскрывает противоречивую сущность исторически данного явления, которое преходяще и исторично. «В частности, — говорит Ленин, — диалектика есть изучение противоположности вещи в себе, сущности, субстрата, субстанции, — от явления, «для других — бытия». Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другое: сущность является. Явление существенно. Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца. В собственном смысле, диалектика есть изучение противоречия

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 494.
[2]) К. Маркс, «Теории прибавочной стоимости», стр. 226.
[3]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 501—502.

в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» [1]). Законы вещей также преходящи, они раскрывают свое содержание в свете такого исторического своеобразия. Бухаринский закон трудовых затрат, годный для всех времен, меньше всего способен осветить историческую сущность процессов переходной экономики, представляющих небывалое в истории явление. Говоря, что необходимость разделения труда в определенных пропорциях есть закон природы, присущий любой общественной формации, Маркс вовсе не говорит, что законом пропорционального распределения труда уже даны формы и содержание данной экономической структуры. Маркс дал классический пример исторического понимания закона, который в его мышлении действительно отражает существенные противоречия данной сферы явлений. Эпоха диктатуры пролетариата являет новый тип производственных отношений, который выражается новыми закономерностями. Последние находят также свое выражение в новой форме распределения труда, коренным образом отличающейся от капиталистической формы распределения. Закон трудовых затрат не только не выражает новой формы распределения труда, не только не выражает нового социального качества, обусловленного переворотом в способе производства, а проявляется антиципацией пропорций, которые при господстве закона стоимости устанавливаются стихийно и независимо от человеческого сознания. Согласно бухаринскому закону, отличие эпохи диктатуры пролетариата от предшествующих ей формаций состоит в сознательном осуществлении пропорций, какие осуществляются при капитализме бессознательно и стихийно. Но законы капитализма являются законами эксплоатации труда. Закон трудовых затрат, не меняя материального содержания закона стоимости, оказывается, следовательно, повторением этого закона, выражением производственных отношений, являющихся отношением эксплоатации и угнетения. Интересно теоретическое смыкание закона Бухарина и Преображенского, имеющее место по линии извращения подлинных законов советской экономики, как законов построения социализма. Подлинные законы всегда историчны. Закон разделения труда в определенных пропорциях принимает также исторически различные формы в зависимости от данной структуры производственных отношений. Попытка представить этот закон вечным и неизменным по своему материальному содержанию, годным для всех времен, является попыткой находить посредством метафизики сложнейшую диалектику новой экономики.

Энгельс говорил, что вечные законы природы все более и более превращаются в исторические, что попытка говорить о всеобщих законах природы терпит неизбежное фиаско, так как вечный закон в более глубоком исследовании оказывается историческим законом. «Итак, — говорит Энгельс, — если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применяемых ко всем телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть, и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии wulgo — механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т.-е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т.-е. другие формы проявления одного и того же универсального движения, — и таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает лишь одно—движение» [2]). Великий диалектик показывает иллюзорность вечных законов, которые оказываются историческими. Метафизическое мышление, напротив, превращает

---

[1]) Ленинск. сборн. XII, стр. 183.

[2]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 85.

движение в неподвижность. Рассматривание эпохи пролетарской диктатуры под углом зрения «закона трудовых затрат» является подлинным выражением механической концепции равновесия, которая топит все своеобразие исторических закономерностей в исторически безразличном и механистическом взаимоотношении системы и среды, как антагонистически направленных сил. Совершенно верно, что история и природа не разделены пропастью. Творцы материалистической диалектики имели поэтому все основания сказать, что двустороннее рассматривание истории, как истории природы и истории людей, не оправдывает разрыва обеих этих сторон, так как «пока существуют люди, история природы и история людей обуславливают друг друга» [1]).

Однако общество развивается своими особыми законами, которые совершенно вычеркиваются теорией равновесия. Закон социалистического обобществления является именно специфическим законом переходной экономики, подрывающим и уничтожающим основы частной собственности и классовой эксплоатации, почему он направлен против сил, стремящихся к удержанию этой классовой эксплоатации, направлен на ликвидацию пропорций труда, отражающих отношение эксплоатации и угнетения. Закон социалистического обобществления выступает поэтому в качестве закона ликвидации отчуждения средств производства, как средств присвоения чужого труда. Социалистическое обобществление есть закон расширенного социалистического воспроизводства, превращающего прибавочный продукт в средства расширенной социалистической индустриализации, закон упразднения последних остатков частной собственности. «Закон трудовых затрат», который сводится к сознательному предвосхищению пропорций, существующих стихийно в эпоху капитализма, совершенно извращает особенности переходной экономики, выражающие уничтожение пропорций труда, характерных для капитализма. Специфические особенности эпохи диктатуры пролетариата расплавляются Бухариным в исторически безразличном балансе общества и природы, где совершенно затушевываются характерные противоречия данного периода, особенности присущих ему классовых антагонизмов. Теория равновесия, фигурирующая у Бухарина в качестве универсального закона природы и истории, оказывается в действительности формой универсального извращения трактуемых проблем, вариацией которого является закон трудовых затрат, примененный к переходной экономике диктатуры пролетариата.

Рост социалистического обобществления не только не оставляет неизменными трудовые пропорции, по сравнению с капитализмом, но меняет коренным образом распределение труда, передвигая массы прибавочного труда в сторону постоянного и возрастающего улучшения материальных и культурных условий рабочего класса. Сталин замечает, что ростом обобществленного сектора заложены основы для коренного улучшения материального и культурного положения трудящихся. «Почему, — спрашивает он, — каким образом? Потому, во-первых, что рост общественного сектора означает прежде всего сокращение эксплоататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве. А это значит, что доля рабочих и крестьян в народном доходе страны неминуемо должна возрастать за счет сокращения доли эксплоататорских классов. Потому, во-вторых, что при росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплоататорских классов и их челяди, должна оставаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение бытия трудящихся. А это значит, что численность и сила рабочего класса должны возрастать, а безработица сокращаться и рассасываться. Потому, наконец, что рост обобществленного

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. I, стр. 214.

сектора, поскольку он ведет к улучшению материального положения рабочего класса, означает поступательный рост емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на предметы промышленности со стороны рабочих и крестьян» [1]). Естественно, что воспроизводство эпохи диктатуры пролетариата коренным образом отличается от капиталистического воспроизводства, как воспроизводства определенного общественного отношения капиталиста и рабочего, растущего отчуждения рабочего от орудий его труда, растущего обнищания рабочего класса. Расширенное воспроизводство эпохи диктатуры пролетариата есть растущее воспроизводство социалистического обобществления, выражающегося в об'единении коллективного рабочего и средств производства, обобществленных таким образом, что исключается всякая возможность индивидуального присвоения продуктов другого, всякая возможность эксплоатации. Бухарин же предполагает, что можно построить схему воспроизводства для эпохи диктатуры пролетариата по аналогии с марксовыми схемами, примененными к капитализму, совершенно обходя специфичность капиталистического способа производства, которое исключает возможность изучать на основе его законов специфические законы переходной экономики. Каков общий закон производства капитала? «Производство, — формулирует этот закон Маркс, — происходит соответственно производительным силам, т.-е. соответственно возможности при данной массе капитала эксплоатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособным спросом, и это совершается путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, и путем постоянного обратного превращения дохода в капитал; между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть всегда ограничена средними размерами потребностей» [2]). Считая возможным применение марксовых схем к переходной экономике, Бухарин совершенно отвлекается от основных противоречий капитализма, например, противоречия производительных сил и производственных отношений, производства и потребления, полагая, повидимому, что эпоха диктатуры пролетариата наследует эти противоречия. «В переходный период,—говорит Бухарин, — (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются, классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное **единство**, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить по аналогии со II томом «Капитала» «схемы воспроизводства», т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия **подвижного экономического равновесия**» [3]). Маркс говорил, что при капитализме «распределение производителей товаров, их средств производства между отдельными отраслями общественного труда представляет пеструю прихотливую игру случая» [4]), т.-е., что равновесие в деле **такого** распределения **случайно**. Маркс называет равновесие при капитализме случайностью. Бухарин, следовательно, произвольно трактует марксовы схемы, как схемы экономического равновесия, ибо Маркс законы капиталистического воспроизводства вовсе не сводил к законам равновесия. Будь, однако, правильной бухаринская трактовка этих схем, как схем экономического равновесия, она еще далеко не оправдала бы применения этих схем к экономике диктатуры пролетариата. Применение механической теории равновесия к эконо-

[1]) **Сталин**, Вопросы ленинизма, стр. 643.
[2]) К. **Маркс**, Теории прибавочной стоимости, т. II. ч. 2-я, стр. 199—200.
[3]) **Бухарин**, Заметки экономиста.
[4]) К. **Маркс**, Капитал, т. I, стр. 310.

мике диктатуры пролетариата, как применение этой теории к любому явлению действительности, приводит только к извращениям и затушевывает борьбу социалистических и капиталистических элементов, которая неуклонно развивается в сторону возрастающего усиления социалистических пропорций, неуклонного преодоления наличных соотношений и существующих тенденций. Теория же равновесия есть теория **сохранения** наличных пропорций, нарушение которых она мыслит, как болезненный диссонанс, подлежащий устранению. Ленин поэтому резко возражает против точки зрения равновесия, замечая, что «точнее говорить о необходимости известной пропорциональности, чем о точке зрения равновесия. Точнее, вернее, ибо об'ективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму»[1]. Борьба за установление социалистических пропорций, предполагая определенный уровень производительных сил, включает еще момент творческой инициативы масс, постоянно преодолевающей наличные детерминанты, завоевывающей новые позиции и усиливающей размах социалистического производства.

Процесс социалистического обобществления, освобожденный от оков, связанных с капиталистическим способом производства, становится могущественным рычагом в деле постоянного передвижения его границ, представляющихся метафизическому мышлению неизменными. Установка Бухарина устраняет **действенность** класса, суб'екта социалистического строительства, которое является фактором не созерцательным, а **активной** величиной. «Деятельность человека, — говорит Ленин, — составившего себе об'ективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает определенность (меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (об'ективно истинной)»[2]. Метафизику такое изменение чуждо. Исходя из теории равновесия можно допускать только такое изменение, которое является лучшим средством сохранения старого. Бухарин, например, полагает, что методы, господствующие при диктатуре пролетариата, **не** противоречат материальному содержанию закона ценности, что в существенном они не отличаются от методов капитализма. «Правильно то, — говорит Бухарин, — что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности. Правильно то, что закон ценности есть специфическая принадлежность товарного общества, но неправильно утверждение, будто они являются законами первоначального социалистического накопления, который к тому же обязан противоречить закону ценности по материальному существу»[3].

Закон Преображенского, конечно, не является законом переходной экономики и представляет теоретическую конструкцию, идущую совершенно в разрез с предметом, движение которого этот закон должен бы отражать. Однако возражения Бухарина, которые он делает на основании своего закона, далеко не выявляют специфического содержания переходной экономики. Материальное содержание закона ценности выражает специфическую форму распределения труда, которое одновременно сводится к отчуждению прибавочного продукта от непосредственного производителя в пользу класса капиталистов. Закон ценности в капиталистическом обществе есть не просто закон распределения труда, но распределение его пропорциями, выражающими присвоение части труда рабочего, безвозмездное присвоение прибавоч-

---

[1]) Лен. сборн. XI.

[2]) Лен. сборн. IX, стр. 269.

[3]) **Бухарин**, К вопросу о закономерностях переходной экономики, стр. 43—44.

ного труда. Можно ли сказать, что «наши методы» не противоречат материальному содержанию закона ценности? Наши методы именно направлены на преодоление разрыва между производством и потреблением трудящихся, в то время как закон стоимости выражает такой именно разрыв. Энгельс поэтому говорил, что в форме стоимости уже заложены все противоречия капиталистического общества. Производственный механизм советской экономики не только не безразличен к направлению распределения труда, но, напротив, привлекает к участию в процессе распределения широчайшие слои трудящихся. Путь советской экономики есть путь неуклонного улучшения жизни трудящихся, непреклонной ломки старых пропорций, что совсем не мирится с положением о неизменности материального содержания закона ценности, выражающего капиталистическую форму распределения труда.

* * *

Не удивительно, что теория равновесия как теория реставрации капитализма является теоретическим знаменем ярых врагов рабочего класса и диктатуры пролетариата. Базаров, один из таких врагов, исходящий в трактовке процессов переходной экономики из теории равновесия, видит в капиталистических методах панацею от зол советской экономики, характерной и перманентной чертой которой он считает кризисы недопроизводства. «В настоящее время все яснее и яснее становится, что основная диспропорция, мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком довоенному уровне заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса. Обычно возникновение товарного голода об'ясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать наличность такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен полностью. Пока мы остаемся отсталой страной по абсолютному уровню производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно только капиталистическими методами ограничения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или, по крайней мере, существенно ограничивает эти методы, тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана характерной для той социальной структуры, как тенденция к перепроизводству при капитализме» [1]).

Применяя точку зрения равновесия к советской экономике, Базаров выдвигает положение о кризисах недопроизводства, как закономерном явлении нашего хозяйства. Последнее, согласно Базарову, могло бы быть устранено только капиталистическими методами ограничения спроса, способными создать стойкое относительное равновесие, ведущее к довоенному уровню и к довоенным соотношениям. Теория равновесия постулирует для Базарова необходимость капитализма. Решая проблему восстановления довоенного уровня, Базаров, однако, приходит к заключению, что очень мало вероятно такое восстановление. «Как мы видим,—говорит Базаров,—восстановление нарушенного равновесия на неизменном уровне свойственно только механически уравновешенным системам. Системы подвижного равновесия, к которым относится народное хозяйство, вообще говоря, к старому уровню не возвращаются, ибо старый механизм отклонений наличного уровня создает новые условия равновесия. Лишь в лаборатории, путем нарочитого подбора

[1]) Базаров, Кривые развития капиталистического и советского хозяйства, «Плановое хозяйство», кн. 6, 1926 г., стр 53.

фактов, нарушающих подвижное равновесие системы, можно построить такой эксперимент, при котором новый уровень равновесия совпал бы с прежним.

Словом, Базаров, опираясь на точку зрения равновесия, доказывает, что восстановительный процесс в системе советского хозяйства бесплоден, что восстановление довоенных соотношений крайне мало вероятно, ибо системы подвижного равновесия к старым уровням не возвращаются. Явно следовательно, что советская экономика в свете теории равновесия осуждена роковым образом на деградацию, которая может быть предотвращена только капиталистическими методами, словом, реставрацией капитализма. Базаровские рассуждения ярко показывают, насколько теория равновесия служит подлинной теорией реставрации капитализма, теорией апологетов капитализма.

Завершение фундамента социалистической экономики, когда довенный уровень промышленности уже превзойден в три раза, вскрывает наглядно реакционную беспочвенность подобных реставраторских построений, направленных против социалистического строительства Советского союза. Механистическая методология есть действительно оружие в руках реакционных классов, почему борьба против такой методологии является одной из форм борьбы за социалистическое строительство против всех видов оппортунизма.

* * *

Процесс расширенного капиталистического воспроизводства есть процесс расширенного воспроизводства антагонизма капиталиста и рабочего, мертвого и живого труда, непрерывное превращение прибавочного продукта в средство эксплоатации рабочего. Воспроизводство переходной экономики есть воспроизводство социалистического обобществления, постоянно захватывающего и проникающего во все другие отрасли народного хозяйства.

Кооперация в условиях переходной экономики есть конкретное выражение социалистического обобществления, конкретная форма охвата обобществленным сектором всей экономики страны. Ленин поэтому отождествлял рост кооперации в условиях диктатуры пролетариата с ростом социализма.

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» [2]).

Капиталистическая кооперация является специфической формой капиталистического процесса производства, нераздельной от индивидуалистической формы присвоения, подчинившей себе общественный способ производства. Кооперация в условиях переходной экономики является специфической формой построения социализма, специфической формой социалистического обобществления, социалистической смычки крупной промышленности и сельского хозяйства.

Новый этап советской экономики, охарактеризованный Сталиным, как вступление в период социализма, представляет такое углубление социалистического обобществления, которое выражается вовлечением в обобществленный сектор огромнейших масс индивидуальных производителей, покидающих мелкобуржуазную форму производства и переходящих к социалистической форме.

Развитие сплошной коллективизации, которая одновременно обозначает ликвидацию кулачества как класса, явилось началом нового этапа, который

---

[1]) Базаров, Кривые развития капиталистического и советского хозяйства. «Плановое хозяйство». Кн. 6, 1926 г., стр. 51.

[2]) Ленин, том XVIII, стр. 132.

количественный рост обобществления перешел в новое качество. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации представляет переход количества в качество, новый сдвиг социалистического обобществления, как закономерной тенденции экономики переходного периода. Процесс социалистического обобществления сельского хозяйства, достигающий на новом этапе необычайных размеров, является неотразимым доказательством его закономерности. Последняя в качестве доминирующей и подчиняющей тенденции захватывает все сферы народного хозяйства, которое реорганизуется и перестраивается под углом этого процесса. Каждый акт продвижения такого обобществления представляет одновременно удар по частнособственнической стихии, которая в условиях капитализма является директивной и определяющей для присущего ему обобществления.

В капиталистическом обществе обобществление выступает в форме концентрации капиталов, в форме власти мертвого труда, порабощающего живой человеческий труд. Социалистическая революция пролетариата, дающая начало социалистическому обобществлению, об'единению труда и собственности, дает поэтому начало н о в ы м закономерностям, направленным на ликвидацию классовых антагонизмов, антагонизма труда и собственности, общественного характера производства и частного характера присвоения. Вступление в период социализма представляет новый этап советской экономики, связанный с новым радикальным сдвигом в развитии социалистического обобществления и преодоления указанных антагонизмов. Сталинская характеристика этого этапа свидетельствует о решающем перевесе социалистического сектора, как определяющем и формирующем начале в отношении всего народного хозяйства. Вступление в период социализма означает, что преобладание мелкобуржуазной стихии пришло к концу, что преобладание перешло к социалистическому сектору, который стал доминирующим в экономике страны, качественным и количественным гегемоном народного хозяйства.

Период перехода от капитализма к коммунизму, начинающийся актом генеральной экспроприации эксплоататорских классов, богат переходами, представляющими продвижение на пути развивающегося социализма. Отождествление таких переходов, игнорирование качественного содержания каждого из последних представляет выражение механического мышления.

Вступление в период социализма, представляющее новое качество на пути развернутого социалистического обобществления, показывает, что последнее есть с у щ н о с т ь переходной экономики диктатуры пролетариата и постольку—ее основная и решающая закономерность. Конечно, указанный период не означает еще ликвидации новой экономической политики, но он означает ее последнюю фазу, означает победу социалистической формы хозяйства по всему фронту над частнособственнической, победу социализма над капитализмом.

Образчик вредительской философии
(базаровщина).

П. Вышинский.

Прошедший в марте месяце процесс меньшевиков-интервенционистов обнажил перед всем миром политические установки вредителей. Он показал, что меньшевики в блоке с махрово-фашистской «Промпартией», с одной стороны, и кулацко-черносотенной «Трудовой крестьянской партией», с другой,—замышляли гнусное дело свержения пролетарской диктатуры посредством вредительства и диверсионной работы изнутри и подготовки империалистической интервенции извне.

Но разоблачение контрреволюционного меньшевизма (а также кондратьевщины и др.) не закончено. Вредители успели выпустить целый ряд работ, которые должны были, во-первых, служить научным прикрытием для их вредительской деятельности, а во-вторых, — отравлять мозги доверчивых читателей и засорять головы практиков социалистического строительства. Но ни то, ни другое не удалось. Очень скоро мы рассмотрели, чье лицо скрывается за маской «об'ективной науки», а затем рассмотрели и самую «науку», которая на поверку оказалась и не наукой вовсе, а подлой эксплоататорской апологетикой и «обоснованием» вредительства.

Одним из главнейших теоретиков вредительских, кадетско-эсеровско-меньшевистских групп является В. Базаров. Чтобы не распространяться, приведем из Сов. Энц. короткую биографическую справку. В. Базаров родился в 1874 г. Сын врача. Экономист, публицист и философ. С 1896 г. принимал участие в соц.-дем. движении. С 1904 до 1907 г. примыкал к большевистской фракции РСДРП. В годы реакции отошел от большевизма. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. Во время гражданской войны участвовал в меньшевистской печати (в Харькове) и постепенно эволюционировал к национал-патриотизму, религиозно-мистическому оправданию войны и империализма. В это же время Базаров в открытом письме «к русской интеллигенции» («О мистической природе патриотизма») отрекается от всего своего социалистического прошлого и призывает к покаянию, вере и смирению. С 1922 г. Базаров работал в Госплане. Базарову принадлежит много статей и отдельных работ на политические, философские и экономические темы. Его политическое credo ясно из приведенной справки. В философии Базаров—богдановец, махист, релятивист-агностик; в последнее время склонен к бергсоновскому интуитивизму и мистицизму. В то же время эту философскую ветошь Базаров прикрывает покрывалом естественно-научного реализма, что впрочем делали и его учителя—Мах, Богданов.

Политические и философские взгляды Базарова сказываются, разумеется, и на его экономических воззрениях, которые мы и хотим разобрать в данной статье. Мы хотим подвергнуть разбору одну из главнейших работ Базарова—«Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства

СССР». ГИЗ. 1927. Эта книжка дополняет приведенный нами «послужной список» Базарова новой биографической справкой: «в 1927 г. (или еще раньше) Базаров стал вредителем»...

I. Маскировка классового врага, энергетика и экономика.

Свою книгу В. Базаров начинает тектологической тарабарщиной.

«Некоторым методологическим новаторством настоящей работы,—заявляет Базаров в предисловии,—является попытка применить к изучению динамических закономерностей общественного хозяйства конструктивные модели по образцу точного естествознания. Использование этого метода предполагает наличность структурных форм или организационных связей универсальной значимости. Однако до сих пор ни одному ученому не удалось еще установить систему таких организационных принципов, универсальная применимость которых не возбуждала бы сомнений и которые вместе с тем обладали бы достаточной определенностью для того, чтобы их можно было выразить в форме математических уравнений и положить таким образом в основу количественного анализа» (Предисловие, стр. 3, подчеркнуто всюду, где не оговорено, мною.—*П. В.).*

Итак, Базаров задался целью столь же возвышенной, как и новой,—он думает сделать вклад в науку в том направлении, в котором ни один ученый, по его словам, не имел успеха.

Ниже мы подробно разберем, сколь велико «методическое новаторство», выдвигаемое Базаровым. Пока же отметим, что стиль Базарова (а стиль—это человек!—говорит французская поговорка) избавляет нас от необходимости ссылаться на тексты его учителя А. А. Богданова. Всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с этим последним, сразу заметит, что у Базарова мы имеем полный набор тектологической тарабарщины—«организационные связи», «структурные формы», «универсальную применимость» (т.-е. универсальную неприменимость, нигде и ни к чему!), «значимость» (ничего не значащую!), «количественный анализ» (вместо качественного) и т. п. «модели». В подобных гелертерских вывертах Базаров, как мы знаем,—не новатор.

И устарела старина
И ста́рым бредит «новизна»...

Базаров ставит «проблему распространения на социологию основных категорий теоретического естествознания» и стремится раз'яснить «сущность всех тех естественно-научных понятий, без которых невозможно обойтись при построении структурных схем изучаемых мною (т.-е. В. Базаровым) хозяйственных процессов» (Предисловие, стр. 3).

Мы видим, что не только стиль, но и «новаторство» автора оказывается столь же старым, сколь давно существуют буржуазные, натуралистические, антиисторические и антимарксистские экономические и социологические концепции. «Проблема», которую выдвигает Базаров, для марксистов давным-давно решена. И тем ученым, которым, по словам Базарова, не удалось разрешить задачу, за которую берется теперь сам Базаров, не удалось разрешить ее именно потому, что они марксистской, т.-е. научной, критикой были сбиты со своих псевдо-научных позиций. Восторжествовало марксистское учение об обществе и его закономерностях, учение, принципиально отвергающее механическое перенесение закономерности одной области на другую и всякую метафизическую и антиисторическую универсализацию закономерностей. Попытка Базарова является таким образом не только воскрешением до-марксовой «социологии», т.-е. эта попытка не только антинаучна и означает обскурантизм, но и направлена против марксизма-лени-

низма, поскольку речь идет о советской экономике, о хозяйственной политике партии и т. п.

Отказавшись от установления каких бы то ни было качественных различий между отдельными хозяйственными системами, пытаясь «установить основные категории и единицы измерения, которыми характеризуется как статика, так и динамика общественных производительных сил» (с. 15), Базаров стремится свести весь вопрос в плоскость математических схем, прикрываясь которыми можно надеяться, что не так скоро разоблачат. Приемы маскировки наших врагов поразительны в своей тонкости и изощренности. Вот, например, какими паспортами благонадежности сопровождали вредители переводную буржуазную литературу. В предисловии к книге Ритца В. Базаров пишет:

«Теоремы математической статистики слишком универсальны для того, чтобы сохранить на себе след классовых воззрений их авторов, в них нет ничего специфически социального: они одинаково приложимы в биологии, физике, демографии, экономике,— везде где имеются массовые явления, которые могут быть расположены в ряды, удовлетворяющие определенным формальным требованиям» (Ритц.—Математич. методы в статистике. «Экон. жизнь». М. 1927. Пред. В. Базарова, стр. 6).

Так Базаров поет соловьем и вкрадчиво мурлычет кошкой. И в критикуемой здесь книге Базаров рядится в ученую тогу «беспристрастного» жреца науки, у порога храма отряхивает с своих ног все «специфически социальное» и углубляется в ряды выкладок и цифр, «не сохранивших на себе ни следа классовых воззрений»... Однако Базаров только для вида «вывернул себя», как барон Мюнхгаузен. На каждой странице его книжки оставил свой след классовый, озверелый враг пролетариата. И как ни заметает Базаров свои собственные следы, мы постараемся здесь все это вскрыть и разоблачить. Сам Базаров покажет нам, насколько «далека» его статистика от политики.

Известно, какое большое значение придавал Ленин делу **учета**. «Социализм—это учет»,—говорил Ленин. Без математики вести учет и контроль невозможно. Невозможно, следовательно, обойтись без статистики, бухгалтерии и т. д. Маркс писал: «Бухгалтерия, как контроль, как идеальный общий охват процесса, тем необходимее, чем больше он совершается на общественной ступени; она более нужна в капиталистическом производстве, чем в раздробленных ремесленном и крестьянском предприятиях, и необходимее при коллективном производстве, чем при капиталистическом» (Маркс. «Капитал», т. II, стр. 3). Отсюда ясно, что не только статистика, но даже бухгалтерия есть область общественная, следовательно, классовая, партийная. И сколько бы Базаров ни уверял нас относительно отсутствия классовых следов и относительно исключительно «служебного значения» бухгалтерии и пр., ему не удастся никому втереть очки.

«Форма (бухгалтерской.—*П. В.*) сводки,—пишет Базаров,—имеет чисто служебное значение; по соображениям **практического удобства** приходится, особенно на первых порах, пользоваться формами, разработанными бухгалтерией для частного хозяйства, **несмотря** на то, что применительно к народному и в особенности к **плановому** хозяйству многие термины и категории традиционной чисто-хозяйственной бухгалтерии радикально меняют свой экономический смысл» (11).

Итак, не из каких-нибудь принципиальных (или, боже упаси, классовых!), но просто из «соображений практического удобства», успокаивающе поет Базаров, применяется частнохозяйственная бухгалтерия к плановому советскому хозяйству, несмотря на то, что она радикально меняет экономический смысл полученных с ее помощью результатов... «Практические со-

соображения», которыми руководствовался при этом Базаров, становятся теперь совершенно очевидными!.. Дело, как видит читатель, идет об удобстве классового врага. «Удобство»— понятие классовое!

Взяв в основу «количественный анализ», т.-е. скрыв, замазав факт принципиального отличия нашей хозяйственной системы от капиталистической, автор переходит к критике опыта нашего планирования. Плановые наметки, — говорит Базаров, — фиксируются нами на основе «заявок» различных ведомств. Но на чём основаны ведомственные заявки? — спрашивает Базаров и отвечает: «в качестве последнего звена, определяющего собою все остальное» является «вольный рыночный спрос» (5). «И в современном советском хозяйстве... рыночные соответствия или несоответствия предрешают возможности и формы воспроизводства» (16). Раз так, то ясно, что и в основе планирования советского хозяйства должна лежать рыночная стихия, вольный спрос! Возникает вообще вопрос, применимо ли к такому (т.-е. нашему) хозяйству планирование? Или планирование возможно во всяком хозяйстве? И не следует ли вместо плана обзавестись какой-нибудь «теорией», просто учитывающей равнодействующую игры стихийных рыночных сил? Так оно и есть на самом деле. «Перспективы вольного спроса,— пишет Базаров,— немыслимо учесть иначе, как на основе некоторой «абстрактной» теории народнохозяйственного развития в его целом» (5).

Рынок, следовательно,—не только основа и отправной пункт плана, но и основа всего народнохозяйственного развития в целом. Закономерность развития советского хозяйства имеется на рынке, советское хозяйство в своей основе отожествляется с товарно-денежным анархическим хозяйством. А «абстрактная теория» изучения рынка выставляется как теория, призванная осветить закономерность развития советского хозяйства. Проблема планирования потонула и потускнела перед величием базарных закономерностей. Советское хозяйство, как таковое, перестало существовать: оно стало звеном в общей цепи развития анархического, частнокапиталистического, товарно-денежного хозяйства.

Но рынок не только исходный пункт или, так сказать, источник плана. Рынок также и завершает план. Цель плана, по Базарову, это—составить «народнохозяйственный баланс». «А в балансе мы имеем дело не с ценностями, а с ценами» (8), т.-е. с рыночными ценами «вольного» спроса!..

Кто же будет заниматься таким, с позволения сказать, «планированием»?

«Нет спору, — пишет Базаров, — экспертная оценка при учете наличных и унаследованных от прошлого хозяйственных ресурсов является незаменимым источником познания» (5).

Старые эксперты-спецы из громановской меньшевистской братии могут что-то сказать о развитии советского хозяйства! Базаров, однако, считает, что они компетентны только в прошлом и настоящем. Но знание будущего, т.-е. знание закономерности развития на будущее Базаров считает принципиально невозможным. «Экспертов будущего» он называет «пророками» и сомневается в возможности существования таковых (6). «Едва ли можно найти таких,—пишет автор,—даже (!) за повышенное вознаграждение» (!?)...

Итак, знать будущее, предвидеть его нельзя — вот буржуазная мудрость, которую Базаров — верный лакей буржуазии — пытается внушить советскому читателю и практику-плановику.

Для учета «перспектив вольного спроса», к которому, по Базарову, и сводится планирование, он обещал выдвинуть «абстрактную» теорию народнохозяйственного развития» (5). Обещание свое Базаров выполняет, а в части «абстрактности»—даже с лихвой. Что же касается «теории», то это,

оказывается,—не теория, а «буржуазный предрассудок, называемый теорией» (Сталин) — «теория равновесия».

«Хозяйственный план,— пишет Базаров,—должен разрешить две кардинальные проблемы — выяснить условия равновесия народного хозяйства в данный исходный момент и определить траекторию перехода от наличной системы равновесия к грядущей, являющейся заданием плана» (6).

Здесь перед нами «старая», знакомая из Богданова и Бухарина, схема: равновесие — нарушение равновесия — восстановление равновесия. Мы избавим здесь читателей от того, чтобы критиковать эту «теорию» еще раз.

Далее Базаров допускает инсинуацию на Маркса.

«Остановимся сначала на первой проблеме. Она была впервые поставлена Кенэ, а самые общие контуры ее решения даны Марксом, во II томе «Капитала», в известных уравнениях реализации продукции при простом и расширенном воспроизводстве. В этих уравнениях implicitè заключена вся философия народнохозяйственного баланса, и когда будет создана народнохозяйственная статика, как систематически разработанная научная дисциплина, формулы Маркса займут в ней такое же почетное место, как ньютоновские «axiomata sive leges motus» в современной механике» (6).

Итак, Маркс—это Ньютон экономической науки! Как это ни похвально для Маркса, с точки зрения Базарова, однако, будучи приписано Марксу Базаровым—это от начала до конца клевета.

Соотношение между средствами производства и средствами потребления,—соотношение, складывающееся не случайно, что и выяснил Маркс в своих схемах воспроизводства во II томе «Капитала»,—превращено Базаровым в целую философию хозяйства! Правда, Базаров не может утаить того факта, что Маркс изучал движение капиталистического общества, а вовсе не его равновесие, не статику. Базаров же вздыхает о народнохозяйственной статике, выраженной в балансе. И с горечью Базаров признает, что «о балансе, как методе систематического выявления всех условий народнохозяйственного равновесия... Маркс, само собой разумеется, не думал» (11).

«Маркс дал чрезвычайно ценные руководящие указания; но, чтобы построить, опираясь на них, развернутый народнохозяйственный баланс и вскрыть законы равновесия хозяйственной системы, нужна еще огромная теоретическая работа. Если бы кто-нибудь попытался выполнить эту задачу,—признается автор,—основываясь только на тщательном изучении и толковании текста «Капитала», он неизбежно потерпел бы фиаско» (6).

И на том спасибо: в «Капитале» даже при «тщательном изучении» и «толковании» текста нельзя вычитать теории равновесия. Для последней недостаточно Маркса, а «нужна еще огромная теоретическая работа» (6). Добавим от себя, что в эту «огромную теоретическую работу» апостолов теории равновесия входят также и извращение теории марксизма и клевета на самого Маркса и приписывание ему «почетной» заслуги разработки теории равновесия!

На этом пункте мы остановились несколько подробнее в виду того, что вредитель Базаров вынужден был высказать о Марксе правильные вещи, и мы здесь должны взять его в свидетели, чтобы защищать марксизм... от Бухарина. Ибо Бухарин как раз считает Маркса основоположником не только научного социализма, но и... теории равновесия. Бухарин считает, что Маркс, «теоретически овладевая капиталистической системой», исходил из предпосылки условий ее существования или «равновесия», отвлекаясь от движения и гибели этой системы.

И именно в схемах воспроизводства Маркса Бухарин «нашел, равновесие»... Как это ни неприятно, но здесь мы должны согласиться с Базаровым

в том, что у Маркса теории равновесия вычитать нельзя, но... приписать ему ее можно. И именно Бухарин приписывает Марксу, будто бы он исходит из равновесия и изучает равновесие капиталистической системы (см. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 127—130).

Если бы Маркс изучал капиталистическое хозяйство с точки зрения равновесия, как это кажется т. Бухарину, то он, Маркс, тогда действительно отвлекался бы от его упадка и гибели. А вот если Базаров подходит к советской экономике с теорией равновесия, то он отвлекается от победы социализма, от его прогрессивности, от темпов его роста, от его возможностей, неизвестных капитализму. Подход Маркса и подход сторонников теории равновесия в корне, от начала и до конца, противоположны.

Более того, Маркс не только не признавал теории равновесия, но боролся с ней. Самым основательным образом раскритиковал Маркс и идею вечного регулятора задолго еще до того, как ее придумал т. Бухарин. Маркс показал, что авторами этого регулятора, сохраняющего общественное «равновесие», являются Родбертус и Шефле, а популяризаторами — прусские, казенной науки, профессора. Мы имеем в виду замечания Маркса на книгу Ад. Вагнера в «Архиве Маркса и Энгельса», кн. V, к которой и отсылаем читателя.

У Базарова, как и у других вредителей, мы видим воскрешение вагнеровщины. Потребности или с п р о с берется ими за данное и отправное. Никакого анализа структуры спроса не дается. Он просто рассматривается как ф у н к ц и я н а с е л е н и я. Затем добавляется сюда п р е д л о ж е н и е как ф у н к ц и я т о в а р о в л а д е л ь ц е в, и начинается умствование насчет равновесия этих двух рядов. В результате план, долженствующий быть орудием и проводником классовых установок, подменяется бухгалтерией.

«Для планового регулирования (новый термин, смазывающий суть плана; вредители, где только можно, подменяют понятие планирования — термином «регулирование». Базаровское «плановое регулирование» — переходная ступень ко второму.— *П. В.*) производства тканей, сахара или спичек важно учесть всю сумму платежеспособного спроса, как уже имеющегося в наличности, так и добавочного, возникающего в связи с ростом производственных сил и народного благосостояния» (12).

Под ценовыми рядами надо искать, говорит автор, причин, лежащих в основе. Известно, что марксова политэкономия кладет в основу цен стоимость, цену производства. Но Базаров даже и не говорит об этом. Стоимость есть общественное отношение. «А раз так, естественно возникает вопрос, нельзя ли к общественным отношениям применить ту же систему основных категорий и единиц измерения, какая применяется точной наукой ко всем вообще материальным процессам. В самом деле. Общественные отношения—это прежде всего те связи между людьми, которые устанавливаются в процессе производственного труда, т.-е. трудовые отношения. В чем сущность трудовых отношений?» (17).

Базаров цитирует из Бухарина место, где дана н а т у р а л и с т и ч е с к а я трактовка сути общественных производственных отношений.

Принимая определение Бухарина за ортодоксально-марксистское, он делает вполне логический вывод, что

«Исследование человеческого «трудового аппарата» и его функций методами физики и механики бесспорно вполне законно (!!!). С точки зрения н а т у р а л и с т а (подчеркнуто автором. — *П. В.*) общественные процессы представляют собою лишь вкрапления в сложную сеть превращений энергии, наблюдаемых в земной атмосфере и верхних слоях земной коры. Явления этого рода изучаются «геофизикой». Обычно в круг ведения этой науки

процессы человеческого производства не включаются, но принципиально ничто не мешает (?!) пополнить этот пробел и создать новую главу геофизики, в которой общественные явления исследовались бы теми же методами, как воздушные течения, осадки, поднятие и опускание почвы и т. п. И если бы построенная таким образом геофизическая теория оказалась вместе с тем начатками социологии, как точной науки, мы сразу сделали бы гигантский шаг вперед в познании человеческого общества» (стр. 17—18).

«Новаторство», следовательно, состоит в воскрешении «социальной физики» А. Кетле, «точного» обществознания О. Конта и проч. натуралистическо-механистических теорий целого сонма позитивистов XVIII и XIX веков. Нужно потерять всякий стыд, чтоб это выдавать за «новаторство». Возвращение на несколько столетий назад Базаров называет шагом вперед в познании общества.

Далее Базаров пускается в богдановскую тарабарщину (что тоже не «новаторство»!). Физический процесс имеет к о л и ч е с т в о («не меняющееся на протяжении изучаемого процесса»,—пишет автор,—?!!, стр. 18) и «Потенциал» и т. д. Автор пересказывает закон тяжести, раз'ясняет, что такое «кинетическая энергия», уравнение сохранения энергии, разность потенциалов, электромагнитное поле и т. д. Словом, Базаров выказывает «бездну учености».

Имел он счастливый талант —
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка
С ученым видом знатока... (Пушкин).

Затем вывод: «Мы можем со спокойной совестью пользоваться положениями классической (т. е. ньютоновской. — *П. В.*) механики, так как скорости масс» и т. д. (стр. 22). И тут автор отказывается от «новаторства». Хоть мы действительно заранее и наперед, заведомо, принципиально отвергаем всякую попытку построения общественной теории на основе категорий естествознания, все же было бы любопытным курьезом и «новаторством», если бы Базаров обосновывал свою общественную геофизику или социофизику или социологию, скажем, на теории относительности Эйнштейна или на квантовой механике Планка. Так нет же! Автор со спокойной совестью пользуется положениями классической механики! Таких теорий общества, которые строились на ньютоновской механике, столько же, сколько было вульгаризаторов и метафизиков за период со времени Ньютона!

Ленин разоблачил (критикуя Богданова и др.) всякие попытки «разработок социологии в энергетическом аспекте» (Базаров).

«Можно ли себе представить, — писал Ленин, — что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластическое, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук? Ни тени конкретного экономического исследования, ни намека на м е т о д Маркса, метод диалектики и миросозерцания материализма, простое с о ч и н е н и е дефиниций, попытки подогнать их под готовые выводы марксизма. «Быстрый рост производительных сил капиталистического общества (цитирует Ленин Богданова) есть, несомненно, увеличение энергии социального целого»... [1]) — вторая половина фразы есть, несомненно, простое повторение первой половины, выраженное в бессодержательных терминах, которые кажутся «углубляющими» вопрос, — а на деле н и н а в о л о с не отличаются от эклектических биолого-социологических попыток Ланге и К°!» (Ленин, т. VIII, стр. 268, подчеркнуто Лениным.—*П. В.*).

[1]) Ср. Базаров: «Самая общая теория производительных сил должна исходить из понятия о б щ е с т в е н н о й э н е р г и и» (стр. 35, подчеркнуто Базаровым.—П. В.).

Так критиковал и разносил Ленин Богданова. Эта критика в равной мере относится и к Базарову, ибо базаровщина есть не что иное, как воскрешение богдановщины — этой бесплодной, мертвой схоластики, ныне амальгамированной с вредительскими контрреволюционными политическими установками.

«Если бы мы составили диаграмму распределения общественной энергии, наметили в поле общественных сил точки и поверхности, находящиеся при одинаковом потенциале, то мы заранее могли бы вычислить затрату энергии, необходимую для выполнения любого общественного процесса, — мало того, могли бы указать для каждого процесса о п т и м а л ь н ы й путь, т.-е. путь, осуществляемый в кратчайший срок при данных затратах работы» (22).

Таким образом Базаров не только открыл ряд новых «наук», но с космических высот вздумал «переплюнуть» оракул-машину Люллия, «гения» Лапласа и пр. и пр. Хозяйство—это, по Базарову, уже не общественное, но космическое хозяйство, элементами которого являются мировая материя, термодинамическая и всякая другая энергия и т. д.

В космическом «хозяйстве» Базарова господствует закон энтропии или 2-й закон термодинамики Клаузиуса (кстати сказать, современной физикой отвергнутый. Его критиковал еще Энгельс. Но это между прочим. Верен или не верен этот закон, он все равно не имеет отношения к общественной закономерности). И вот, например, Ленинский закон неравномерности развития отдельных стран («систем») под ловкими «энергетическими» руками нашего «социофизика» превращается в закон в ы р а в н и в а н и я. А мы говорим о темпах более высоких, превосходящих темпы любой капиталистической страны! Мы говорим о том, чтобы «догнать и перегнать» в кратчайший исторический срок! Мы идем против естественного закона энергии и энтропии!!!

В применении к советскому хозяйству, которое, по Базарову, есть конгломерат «многих различных социально-экономических формаций» (12) «социофизика» г. Базарова учит, что ни один сектор (или «формация», по его терминологии) не может победить, но неизбежно должно происходить перераспределение «общественной энергии» по закону уравновешивания.

«Современное общество, — пишет он, — в частности общество советское, распадается на хозяйственные предприятия, характеризуемые очень различными уровнями производственных сил, мало того, оно представляет симбиоз (!?) различных социально-экономических формаций (?). Другими словами, с точки зрения приведенной выше теоремы, мы имеем здесь не единую целостную систему, а взаимодействие чрезвычайно большого числа частных систем, между которыми, именно в силу их различия, должно происходить интенсивное перераспределение энергии. Если при этом в ы п о л н е н ы в с е п р е д п о с ы л к и (подчеркнуто автором.—*П. В.*), на которые опирается теорема, то имеют силу и ее выводы, другими словами, вычислив те модули распределения, которыми характеризуются частные общественные системы, мы сможем указать наивероятнейшее направление всех общественных процессов, вместе с тем мы получим известное представление о той идеальной навеки нерушимой системе статистического равновесия, к которой в конечном итоге приведет развитие общества» (стр. 23).

Базаров прямо заявляет, что в этом построении он опирается на «приведенную выше характеристику общественного процесса, заимствованную из авторитетной работы Н. И. Бухарина» (23).

Индивидуумы, из которых состоит общество, «расставлены» в пространстве. Энергия, присущая индивидам, есть, следовательно, «энергия положения», т.-е. энергия, обусловленная «пространственным размещением» (23). «Т. к. состояние каждого индивидуума», являющегося носителем энергии, определяется его положением в пространстве, м е с т о м (подчеркнуто авто-

ром. — *П. В.*), занимаемым им в поле общественных сил, то силы эти должны иметь потенциал, а следовательно, общественные процессы должны подчиняться закону сохранения энергии» (24).

Тут что ни слово, то подвох. Должно быть, сам Базаров почувствовал, что хватил слишком далеко. Он спешит оговориться, спешит заявить о несогласии с Бухариным в ... «единице измерения» (24). Дело в том, что из бухаринской постановки вопроса логически вытекает одна единица измерения общественной энергии (калория), а Базаров имеет предложить свою (эрг)!

Базаров «критикует» Бухарина: «Для натуралиста (т.-е. Бухарина — *П. В.*), — пишет он, — человеческий труд есть лишь один из бесчисленных, познавательно равнозначимых процессов превращения энергии, наблюдаемых в природе, тогда как для социолога (т.-е. Базарова.—*П. В.*), изучающего условия равновесия, развития и деградации общества, труд есть специфическая общественная форма энергии, единственная, имеющая общественную (подчеркнуто автором.—*П. В.*) значимость» (24).

Но тут же и защищает Бухарина:

«Давая свою характеристику общественных отношений, Н. И. Бухарин подходит к предмету исследования не натуралистически, а социологически» (25).

Одним словом, Базаров поступает почти «диалектически» — критикует, исправляя, и исправляет, критикуя... Базаров гадает на Петра и на Онуфрия, чтобы «в случае чего» отвертеться, отговориться. Обильно цитируя Бухарина, показывая, что Бухарин доказывал необходимость составления «энергетического баланса», Базаров заключает, что Бухарин «не высказался с полной определенностью». Базаров берет на себя труд договорить за Бухарина: «трудовые затраты он (Бухарин), следуя марксистской традиции (?), выражает в рабочем времени (подчеркнуто автором.—*П. В.*), а не в эргах; но из его же изложения, как будто бы следует, что труд можно с общественной точки зрения (подчеркнуто автором.— *П. В.*) измерять эргами. Что касается результатов общественной продукции, то на возможность энергетического измерения их автор намекнул довольно недвусмысленно» (25).

И Базаров снова и снова лезет обнимать и целовать т. Бухарина. Снова и снова Базаров доказывает, что задачу, над которой бились все позитивисты, социологи-натуралисты и вульгарные экономисты, кон'юнктурщики и пр., положительно разрешил Н. И. Бухарин, что он обосновал идею энергетического баланса между затраченной обществом энергией и приобретенной им в форме воспроизводства живой рабочей силы. «Осуществление идеи Бухарина, — пишет Базаров, — на практике представляет большие трудности, но теоретически возможно» (32). Автор уже позабыл о возвещенном в начале книги своем «новаторстве» и уже весь приоритет отдает Бухарину.

Двойственность, или двурушничество, проявляется и во многих других вопросах, разбираемых Базаровым.

Так, например, он пишет:

«Ни закон сохранения энергии, ни второй закон термодинамики не применимы к процессам производства, рассматриваемым как общественная система» (стр. 38, подчеркнуто автором.—*П. В.*). И тут же, на той же странице спешит заявить и обратное:

«Своеобразие общественных систем не исключает, однако, возможности применения к ним тех методов и приемов исследования, которые выработаны точным естествознанием. Ошибка энергетических теорий общества заключается не в том, что они пытаются построить понятие общественного силового поля, общественного потенциала, общественной массы, а в том, что они

делают это без достаточного критического анализа, считая априори очевидной приложимость к общественным системам универсальных измерителей, категорий и закономерностей механики» (38).

В конце концов точку зрения изворотливого вредителя можно формулировать следующим образом. В естествознании и обществознании нельзя пользоваться одними и теми же единицами измерения, но вполне возможно и нужно перенести методы естественных и точных наук на общество.

Если подобные приемы, — сокрушенно говорит Базаров, — до сих пор «встречают упорную оппозицию в обществоведении, то в значительной степени просто потому, что в среду обществоведов соответственные навыки мышления до сих пор почти не проникли» (66). Базаров, должно быть, надеялся, что его книжка и будет тем троянским конем, посредством которого он протащит в «среду обществоведов» старый позитивистский хлам!.. Однако марксистское обществоведение не только давно отвергло и опровергло «энергетический подход» к изучению общества, но научилось и умеет разоблачать и всяческие «новаторские» попытки воскресить старые теории XVII века, в какую бы самоновейшую и модную одежду «ученых» словечек и терминов они ни наряжались.

Попытка Базарова сделана с негодными средствами, и совсем прозрачны те «соответственные навыки мышления», внедрить которые стремится Базаров. Советские обществоведы — неподходящая «среда»!

«Если бы,—пишет Базаров,—общественные теории с естественным уклоном более тщательно учитывали своеобразие общественных процессов, то их можно было бы только приветствовать. Дело в том, что применение точного анализа к обществоведению, получившее такое плодотворное развитие в XX веке, благодаря успехам математической статистики, остается все же до сих пор ограниченным слишком узким базисом. Статистики-математики как в обществоведении, так и в биологии, стараются держаться, как сказал бы Мах, чистого описания (подчеркнуто автором.— *П. В.)* исследуемых ими агрегатов и динамических процессов».

Все ясно теперь, когда Базаров заговорил своим, т.-е. махистским, языком: «общественные теории с естественным уклоном», применение «точного анализа» и т. д. Но Базаров хочет быть махистом большим, чем сам Э. Мах. Смысл всей приведенной тирады сводится к тому, что математическая статистика должна служить не только орудием анализа и описания общественных явлений, но должна также и об'яснять их. Экономисты, обществоведы, марксисты окажутся «не у дел». Спец, представитель точной науки, математик, физик, теплотехник (à la Рамзин), инженер, геофизик и т. д. займут их места. И Базаров, «свободный» от всяких социальных воззрений, журит этих людей за «аскетическое самоограничение», которое мотивируется научной добросовестностью. Базаров недоволен скромностью и невмешательством математиков в об'яснение общественного процесса. Базаров доказывает, что одни и те же законы — законы механики, физики и особенно термодинамики и кинетики газов господствуют как в мире естествознания, так и в общественной жизни. Все дело в том, что в своем «общественном проявлении» эти законы должны иметь иные, еще не открытые единицы измерения...

Главу «Энергетика и экономика» Базаров заканчивает выражением уверенности относительно появления «грядущего Ньютона социологии» (39), который построит «общую теорию общественных силовых полей», и свое «скромное исследование» Базаров рассматривает, как «частную конструкцию», которой воспользуется для своей «грандиозной систематической работы» этот грядущий Ньютон.

II. Мальтузианская концепция исторического процесса. Базаров и Каутский.

3-я глава книги. «Движущие силы хозяйственного развития».

Для решения вопроса о развитии производительных сил Базаров [illegible]чает» широкую космическую перспективу «общественного процесса на фо[не] деградации мировой энергии» (41), полемизирует с А. Бергсоном (так ж[е]), но, наконец, спускается с высот «науки» к грешной действительности. А[на]... начинается с производственных сил — «самой универсальной из всех социо[ло]гических категорий» (40). Производительные силы рассматриваются со ст[о]роны валовой мощности или об'ема и со стороны напряжения или уров[ня]. Никакой качественной характеристики производительных сил не дается. Он[и] берутся вне и независимо, безотносительно к типу господствующих про[изводственных] отношений. Производительные силы — именно их уровень — сами по себе оказываются «мерой роста или упадка общественного хоз[яй]ства» (40). Следовательно, капиталистическое хозяйство САСШ [являе]тся более высокой формой или типом хозяйства, чем СССР. Рубин рассматрива[ет] производственные отношения независимо и оторванно от производительных сил. Базаров делает то же самое с обратной стороны, он—Рубин наизнанку.

Далее автор задается вопросом: почему развиваются производительные силы? Так как Базаров рассматривает производительные силы «вообще», т.-е. вне определенной формы производственных отношений, то он считает, что нет имманентных тенденций развития.

Но Базаров старается быть «конкретным». Книга его написана об СССР. А «внутри СССР мы, — по словам Базарова, — имеем сосуществование многих (по небезызвестному исчислению Ленина, пяти) различных социально-экономических формаций» (12). В другом месте Базаров определяет экономику переходного периода как конгломерат «хозяйственных предприятий, характеризуемых очень различными уровнями производительных сил», и как «симбиоз различных социально-экономических формаций» (23). Вот до какой наглости дошел этот «теоретик» вредительства и контрреволюции! В каждой из цитированных фраз, что ни слово, то клевета и искажение. Ленин говорил об укладах. Базаров делает «подновку»: вместо уклада — общественно-экономическая формация[1]. Ленин говорил о борьбе укладов, о победе одного уклада (социалистического) и о вытеснении и ликвидации других. Базаров на место борьбы «подставил» симбиоз, т.-е. мирное сожительство. Ленин говорил, что различные эпохи—это различные способы производства. Базаров считает, что эпохи различаются между собой уровнем развития производительных сил. Отсюда, чтобы получить характеристику экономики переходного периода по Базарову, надо сложить (в ценовом балансе) уровни производительных сил всех укладов (по Базарову — «формаций») и разделить [...]. Вот она базаровская «беспристрастная» арифметика! Экономика переходного периода «не есть единая целостная система», а потому и не [подчинена] одной закономерности, но подчинена различным тенденциям, и потому [не] имеет направления своего развития. Для доказательства этих [положений] Базаров пускается в длинный экскурс «в глубь веков»...

---

[1]) А. С. Гордон в своей вредной книжке «Введение в планирование народного хозяйства», книжке, по существу защищающей вредительские теории Громана, Базарова и др., писал: «В своем анализе целевой установки [...] В. А. Базаров исходит из пяти социально-экономических укладов, данных Лениным» (стр. 30). Таким образом автор и не заметил даже, как его проучил Базаров.

«Хозяйство СССР,—пишет он,—н а р я д у с к а п и т а л и с т и ч е с к и м и и с в е р х к а п и т а л и с т и ч е с к и м и (!?) формами заключает в себе весьма солидные пережитки д о к а п и т а л и с т и ч е с к и х отношений»; поэтому автор, учитывая, что (по Марксу) нет общего для всех формаций закона движения производительных сил, «позволит себе, прежде чем перейти к современности (т.-е. к СССР.—*П. В.*), очертить в самой сжатой и афористической форме основные стимулы общественного развития «от обезьяны до Рокфеллера» (стр. 42).

Итак, умысел тут ясный: СССР—конгломерат различных общественных формаций и отношений— докапиталистических, капиталистических и сверхкапиталистических (что означает последнее, догадаться трудно. Базаров н и р а з у не назвал нашу экономику социалистической!). Поэтому тут действуют... все законы, игравшие когда-либо свою роль как в органической эволюции, так и в эволюции общественной.

Базаров выдвигает «свою» концепцию исторического процесса.

«С интересующей нас здесь точки зрения (а как само по себе, без «интереса»?—*П. В.*) вся история человечества может быть грубо разделена на два неравные периода: д е с я т к и т ы с я ч л е т н а т у р а л ь н о г о и п о л у н а т у р а л ь н о г о хозяйства (включая сюда работающее на заказчика средневековое ремесло) и п о л т о р а в е к а к а п и т а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а» (42).

Первый период характеризуется Базаровым деградацией и неизменным понижением уровня жизни и инволюцией производительных сил, замедлявшейся лишь вымиранием части населения. Общество находится в «статическом равновесии», никакого развития, движения вперед не наблюдается. Докапиталистическое общество безраздельно подчинено такому же механизму развития, что и мир животных и растений (43) и даже среди самих людей господствует «естественный отбор» (43).

«Существенно иным механизмом развития характеризуется капитализм» (43). Ну, конечно! С переходом к капитализму,—воспевает Базаров,—человек перестает быть животным. Капитализм преодолел докапиталистическое варварство и стихийные закономерности самой природы, положив конец ее господству над обществом! Только с капитализмом человек узнал, что такое развитие, прогресс! Базаров не жалеет красок при описании капитализма, и его речь становится вдохновенной и патетической. Этот подлый лакей капитала ни словом не упоминает о загнивании капитализма и о его противодействии техническому прогрессу, ни слова не говорит о классах и классовой борьбе. Захлебываясь от восторга, Базаров заявляет, что, наоборот, капиталу в погоне за прибылью свойственна неудержимая и н е р ц и я (44), т.-е. безостановочное, беспредельное развитие. Он восхваляет умеренность капиталиста, «предпочитающего сравнительно умеренную, но надежную, без усилий и риска получаемую прибыль смелым прыжкам в неизвестное, какими бы заманчивыми эти последние ни казались» (стр. 44. Здесь Базаров имеет в виду наши большевистские темпы и планы.—*П. В.*).

Кризисы, по Базарову, нисколько не нарушают этой капиталистической идиллии. Как раз наоборот: «Революционер (!?) просыпается в капиталисте лишь в атмосфере депрессии» (44). В чем же «революционность» капиталистов? Уж не в уничтожении ли части производительных сил, потоплении товаров, сжигании кукурузы в топках паровозов, когда рядом мрут с голода безработные? Нет, революционность капиталиста, по Базарову, в том, что «в депрессивные периоды» (слова «кризис» нет в базаровском лексиконе, пока он говорит о капитализме, а не о советской экономике!) происходит «интенсивное применение новых технических изобретений, пионерских попыток использования новых природных ресурсов, решительных мер по вовлечению в орбиту капитализма некапиталистических стран» (44).

Беззастенчивому буржуазному апологету дела нет до того, что капиталисты вылезают из кризиса посредством снижения зарплаты, усиления применения более утонченных («рациональных») методов эксплоатации. Верному псу буржуазии дела нет до того, что технический прогресс осуществляется на костях рабочих, на создании еще большей безработицы и физическом истощении и вымирании рабочих масс! По Базарову, капитализм не знает ничего этого! Подобные явления, по Базарову, были свойственны лишь докапиталистической и... послекапиталистической эпохам.

Если докапиталистическая эра человечества характеризовалась физическим вымиранием,—подчеркивает Базаров,—то капитализм это заменил, заменив его социальной, классовой смертью, как формой отбора и выживания приспособленных» (разрядка автора, 44).

Базаров пишет, что оказаться «неприспособленным» не означает в эпоху капитализма ничего ужасного — просто человек переходит в другой социальный класс.

Причиной кризисов (капиталистических) Базаров считает то, что «при капитализме производительные силы имеют тенденцию к безграничному расширению, в то время как потребление народных масс ограничено узкими рамками их платежеспособности» (54).

Короче говоря, кризисы не выражают внутренней противоречивости капиталистического строя производства, но суть расхождение, диспропорция двух рядов—производства (или предложения) и потребления (или спроса) или, как выражается автор в другом месте, кризис есть «положительная разность между уровнем предложения и уровнем спроса» (67). Поэтому капиталистические кризисы не только не свидетельствуют о кризисе капитализма, но, наоборот, о его силе, жизненности и вечности. Базаров определяет «кризис» (это слово Базаров всегда брезгливо берет в кавычки) как ликвидацию диспропорций»... «Может показаться, —цинично заявляет он при этом, — что такое освещение «расцвета», «кризиса» и «депрессии»... является... довольно утешительным для капитализма в целом, ибо «кризисы» оказываются не процессом хаотического разрушения производительных сил, не периодически нависающей над капитализмом угрозой распада и социальной революции, а лишь весьма разорительным для единоличных предпринимателей способом восстановления нарушенного равновесия, да еще на более высоком уровне» (58—59).

Действительно, это не только может показаться, но так оно и есть. Однако такой вывод был бы весьма поспешным»,—пишет Базаров и цинично прибавляет:—«Дело в том, что равновесие на стабильном уровне для капиталистической системы хозяйства есть явление более грозное, чем сам кризис» (59). Разумеется, капитализму «невыгодно» стоять на месте, раз кризис неизменно улучшает его положение. Благодетельность кризисов для капитализма буржуазный апологет Базаров «доказывает» тем, что остановка в развитии капитализма означала бы возврат докапиталистических закономерностей...

Однако, занявшись базаровскими «теориями» докапиталистической и капиталистической экономики, мы забыли об СССР. «Забыл», как будто, о СССР и сам Базаров, но забывчивость эта у него намеренная. Разрисовав яркими красками капитализм на фоне докапиталистического варварства, Базаров относительно послекапиталистической и, по его выражению, «сверхкапиталистической» формы хозяйства ограничивается лишь намеками. Он заставляет читателя между строк читать, что в СССР, где, по его словам, господствуют частью капиталистические отношения, но большей частью докапиталистические, должен происходить упадок производительных сил, деградация и т. д.

«В настоящую «переходящую эпоху»,—пишет он,—нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса недопроизводства (разрядка автора). В настоящее время все яснее и яснее становится, что основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровню, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса».

«Пока мы находились на очень низком уровне развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно было только капиталистическими методами ограничения этого последнего» (99).

Вот выход из «диспропорции»: ограничить капиталистическими методами потребление масс, т.-е. возвратиться к капитализму! Выходом из кризиса, по Базарову, является мощное повышение производительности труда. «Это последнее не только постулируется, но и технически облегчается механизмом капиталистического кризиса перепроизводства» (46). Но то — при капитализме. У нас же, в СССР, где, по Базарову, равновесие нарушено в сторону недопроизводства, нет никаких стимулирующих моментов и никаких «механизмов» для выхода из «кризиса недопроизводства»!.. Но тут же Базаров открывает «спасительное» средство — капиталистическими методами сузить потребление рабочих масс. Но,—злорадствует он,—«поскольку наш хозяйственный и политический строй исключает или по крайней мере существенно ограничивает эти методы... тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма» (стр. 99, разрядка автора). Итак, мы со своей системой социалистического хозяйства—обречены. И дело ясное: или надо возвратиться к капитализму, и тогда наступит «процветание», или «примириться» с тем, что чем дальше, тем будет хуже. Подобно тому, как капитализм, чем дальше, тем больше характеризовался перепроизводством, так у нас, чем дальше, тем острее будет недопроизводство. Капитализму, по Базарову, тоже были известны периоды недопроизводства, но то было недопроизводство относительное. У нас же оно должно носить абсолютный и хронический характер.

Причина такой роковой «закономерности» советского хозяйства, по Базарову, заключается в «новом положении рабочей силы». Автор, по понятным причинам, не распространяется подробнее на этот счет, но совершенно ясно и не надо большой смекалки, чтобы видеть, что хочет сказать Базаров. Он хочет сказать, что в СССР рабочая сила потребляет больше, чем производит, а отсюда, если мы хотим «процветания», надо ограничить потребление масс «капиталистическими методами». Из моей постановки вопроса,—пишет Базаров,—«вытекают вполне определенные выводы (да, совершенно определенные политические выводы! Выводы из математической статистики, относительно которой Базаров уверял вначале, что она далека от политики и не сохраняет на себе и следа классовых воззрений. — *П. В.*), но (тут же спохватывается он, ибо и без этого видно всякому, что именно «вытекает» из его постановки вопроса.—*П. В.*) в настоящий момент нас интересуют чисто аналитические проб-

лемы»... (99). Базаров выражает надежду, что рост зарплаты в дальнейшем будет идти по «затухающей кривой» вопреки неуклонному росту, «который обычно принимается в перспективных хозяйственных планах» (156). Для Базарова не секрет, что одним из сильнейших рычагов под'ема производительности труда является рост зарплаты. И обратно — систематическое снижение материального уровня рабочих не может не вести и к понижению производительности. Базаров о производительности труда умалчивает. Он предлагает «затухающую кривую» «только» для зарплаты, справедливо полагая, что, будь она принята, это приведет к «затухающей кривой» и по производству.

Таким образом перед нами законченная философия буржуазного апологета и реставратора, философия вредительства и заговоров против советской власти во имя «золотой поры» капиталистического «просперити». Эта «философия» не нова. В базаровской концепции исторического процесса можно узнать учение реакционера и буржуазного апологета Томаса Роберта Мальтуса. Мальтус, как и ныне повторяющий его Базаров, об'яснял события общественной жизни соотношением потребностей и возможностей их удовлетворения. Нищета и вырождение при капитализме об'яснялись Мальтусом чрезмерным размножением населения, за которым не поспевает производство средств потребления. Голод, мор, войны (как по Базарову — кризисы) по мнению Мальтуса суть прогрессивные явления, т. к. они восстанавливают нарушенное равновесие, ликвидируют «диспропорцию» путем уничтожения части населения, приводя производство и потребление в новое соответствие или равновесие.

От Мальтуса пошла вся вульгарная буржуазная политэкономия. Цинично-откровенная защита гнусностей эксплоататорского строя в лице Мальтуса в 1798 г. [1]), в эпоху молодости класса буржуазии, воскрешается Базаровым сто тридцать лет спустя, в эпоху упадка, загнивания и краха капитализма. Но мертвое хватается за живое. «Новаторство» Базарова в сравнении с Мальтусом в том, что он свою «теорию» распространил не на капитализм, но и на докапиталистические формации и на советскую социалистическую экономику.

Припомним, в чем заключается концепция Базарова.

История общественного развития, по Базарову, определяется соотношением спроса и предложения, народонаселения и производительности труда (или производства и населения, или, наконец, соотношением об'ема производительных сил и их уровня или напряжения). Всю историю человечества Базаров, соответственно этому, подразделяет на три периода.

В докапиталистическую эпоху рост населения обгоняет производство, производительные силы не развиваются, в обществе господствуют законы животного сообщества, происходит физическое вымирание масс людей и т. д.

«В капиталистическом обществе рост производительности труда явно обгоняет рост народонаселения» (44), производство обгоняет потребление, производительные силы бесконечно прогрессируют, человечество благоденствует.

В «сверхкапиталистическом» обществе (т. е. в СССР) рост населения и потребления масс обгоняет производство. Систематическое недопроизводство, хронический товарный голод и проедание рабочей силой («высокая зарплата») основного капитала промышленности ведет ко все более низкой производительности труда, застою, краху, вымиранию и пр. и пр. Чтобы этого избежать, необходимо стать на путь «капиталистическ...

---

[1]) Год выхода в свет сочинения Мальтуса — «О народонаселении» — этого, по выражению Маркса — «пасквиля на человеческий род».

методов» приведения в соответствие (в равновесие) спроса и предложения, потребления и производства.

Итак, «десятки тысяч лет» докапиталистического равновесия, затем коротенькая «золотая пора» капитализма, — всего лишь «на полтора века», и снова—возврат к докапиталистическому варварству. Ибо, по Базарову, в советском хозяйстве, как конгломерате различных общественно-исторических формаций, нет своей собственной, особой закономерности, но есть закономерность смешанная—тут и законы капиталистического рынка и натурального хозяйства и даже законы «естественного отбора»! Базаров кончает свою периодизацию истории капитализмом. Для этого буржуазного реставратора конец капитализма означает то же самое, что «конец света».

Правда, мы и здесь должны отказать Базарову в приоритете, ибо все им высказанное задолго до него сказал международный вредитель К. Каутский.

На всем протяжении своей жизни и во всех своих писаниях Каутский всегда и постоянно сравнивал капитализм с феодализмом и докапиталистическим, натуральным укладом хозяйственной жизни. Можно возразить, что сравнений с социализмом Каутский и не мог привести, т. к. для Каутского социализм—недостижимый идеал, а в СССР он не хочет признать социалистической страны. Но дело, однако, не в самом сравнении. Дело в том, что Каутский не вскрывал и не критиковал противоречий капиталистического строя, которые найдут свое разрешение в высшей, социалистической форме хозяйствования. В методике сравнений с феодализмом мы имеем определенный прием этого «ученого приказчика» класса буржуазии,—прием, позволявший Каутскому выставлять капитализм в благоприятном свете, прикрашивать его, порождать к нему священное (лакейское) благоговение. Как и у Базарова, у Каутского мы читаем, что подлинный расцвет культуры, демократии и т. п. начался только с капиталистической цивилизацией, что до того процветало варварство, хозяйственная деятельность была в упадке, между народами господствовали непрерывные войны, грабежи, сменявшиеся внутренними революциями — народными бунтами и т. д. «Капитализм,—воспевает Каутский,—представляет собою совершенно особый род способа производства. Он не ведет, как феодализм или рабство, к отмиранию производительных сил, а приводит, наоборот, ко все более и более мощному их расцвету» (Каутский — От демократии к государств. рабству. Берлин. 1922). Не насилием и нищетой масс,—учит Каутский,—держится капитализм, но богатством и дешевизной, и демократией, и своей гибкостью, и приспособляемостью. Но частная собственность? «Собственность,— отвечает Каутский,— на которой покоится капиталистическая эксплоатация, является пока экономической необходимостью не только для эксплоататоров, но и для эксплоатируемых» (Die materialistische Geschichtsauff. Bd. II, S. 430). Никакого ухудшения положения рабочих масс при капитализме не происходит. Во время же кризиса буржуазия,—уверяет Каутский,—даже и не пытается взвалить всю тяжесть кризиса на пролетариат. Бедная буржуазия, она «страдает» от кризиса не меньше пролетариата! «Как ни резка противоположность интересов капитала и труда, все же общее у них то, что и тот и другой наиболее преуспевают при быстром обороте и росте капитала. Во времена расцвета растет и прибыль и заработная плата. В периоды кризисов падают обе» (Каутский — Пролетарская революция, стр. 226).

Одним словом, докапиталистический мир по Каутскому был «безнадежным вращением в безвыходном кругу» и заканчивался тупиком. О восточных и античных государствах Каутский пишет: «В каждом из этих государств цивилизация заходит в тупик (in einer Sackgasse), из которого ее не может вывести никакая революция... Не революция изнутри, а толчок извне выводит их из этого тупика». (Kautsky, — Die material.

Geschichtsauff., B. II, S. 619). Что касается капитализма, то он Каутским изображается, как эпоха расцвета, как строй неисчерпаемых возможностей и бесконечного прогрессивного развития. Но диктатура пролетариата роковым образом заходит *в тупик*, подобно докапиталистическим цивилизациям, и вывести революцию из тупика может, по Каутскому, только империалистическая интервенция (см. «Der Bolschevismus in der Sackgasse»).

Как и по Базарову, по Каутскому кризисы не только не ослабляют капитализма, но наоборот, из каждого нового кризиса капитализм выходит еще более окрепшим и как бы помолодевшим. «Нигде не доказано, что эти кризисы должны принять наконец такой характер, который исключает развитие производственного процесса в капиталистической форме» (Die Mat. Geschichtsauff., Bd. II, S. 544). Кризисы—только временное нарушение устойчивого «равновесия» капитализма, только периодические колебания ритма деловой жизни». Вполне в духе Базарова Каутский пишет — «*проблема производства важнее, чем вопрос о производственных отношениях. Надо поэтому содействовать возрождению капиталистического хозяйства, его рационализации, бороться с перерывами в производстве*» (Наше государство), т. е. против капитализма нельзя и не следует бороться, капитализм надо превратить в «тысячелетнее царство» демократии», и коммунисты, пытающиеся разрушить капиталистическую цивилизацию — сущие варвары!

Но как только заходит речь о советской России, Каутский, сразу меняет тон и из сладкопевца превращаясь в бешеную собаку, теряет дар слова и лишь брызжет слюной.

Как и Базаров, Каутский считает, что капитализм — революционен, а подлинный революционер — это капиталист-предприниматель. Что касается СССР, то, по Каутскому, «вся происходящая там работа должна все более рассматриваться, как чистейшая контрреволюция» (Der Bolschev. in Sackgasse, S. 120). Капитализму, по Каутскому, не грозит никакой тупик, большевизм, наоборот, представляется ему зашедшим в тупик со своим безумным экспериментом, который не кончится иначе, как страшнейшим крахом, и величайшие гении не могли бы этот крах предотвратить» (там же, стр. 120). Советская действительность изображается Каутским в тонах более мрачных, чем средневековое феодальное варварство.

В докапиталистическую эпоху, по Каутскому, происходит *насильственное* образование классов и государств, посредством войн и завоеваний (1).

При капитализме, по Каутскому, расцветает *демократия*, всякие *насильственные* методы отходят в прошлое; свержение капиталистического господства, как и насильственная экспроприация, недопустимы (2).

Но что касается советской власти и диктатуры пролетариата, что касается первого в мире социалистического государства, тут Каутский прямо и открыто требует интервенции и *насильственного* свержения диктатуры пролетариата с помощью штыков империалистических армий (3). Так рассуждает этот верный сторожевой пес мировой буржуазии, международный вредитель социалистического движения и вдохновитель интервенции против страны строящегося социализма, этот пасквилянт, «от природы принадлежащий к племени филистеров» (Маркс).

Мальтузианство Каутского давно известно, как и теория равновесия, которую он развивал в очень многих своих работах. Таким образом в обоих пунктах здесь имеется совпадение между Каутским и Базаровым: два сапога — пара.

Еще в 1910 г. Каутский выпустил книгу—«Размножение и развитие в природе и обществе», насквозь проникнутую мальтузианской методологией.

Подобно Базарову, Каутский считает, что потребности (по Каутскому—«запросы») рабочих масс растут настолько быстро, что при капитализме относительно, а при социализме абсолютно обгоняют производственные возможности их удовлетворения. Каутский считает, что мальтузианские законы господствуют в органическом мире и... при социализме. В своей автобиографии, написанной в 1923 г., Каутский повествует о былых временах. «Против Мальтуса,—вспоминает он,—я нашел много возражений, но вместе с Дарвином я признавал, что в мире органических существ проявляется тенденция размножения, обгоняющая наличные запасы пищи (Nahrungsspilraum). Конечно, я отклонил учение, что существующая нужда проистекает из перенаселенности: здесь я полностью принимаю социалистическую критику общества. Но я расходился со своими товарищами, поскольку допускал опасность, которая грозит социализму, когда он устранит нищету низших классов общества: всеобщее процветание, которое несет с собою социализм, необходимо приведет к перенаселению и вместе с тем после некоторого временного улучшения, к новой нужде» (Volkswirtschaftslehre in Selbstdarstellungen, Leipzig, 1924, Bd. I, S. 121).

Итак, мальтузианские «закономерности» пощадят капитализм, минуют его. Но с наступлением социализма эти «закономерности» воцарятся снова, и вместо капиталистического богатства и процветания настанет царство нужды, от которой социализму суждено погибнуть. «Мы имеем не малый повод бояться,—вещает Каутский,—что социалистическое общество может погибнуть от перенаселения» (там же, стр. 141). В своей последней большой работе «Die materialistische Geschichtsauffassung» Каутский вновь подтверждает когда-то им высказанные мысли.

Любопытно, что известный буржуазный английский экономист Кейнс (по его собственным словам знакомый с Марксом только по наслышке), приезжавший в 1926 г. в СССР «понаблюдать», высказался относительно перспектив нашего экономического развития в духе Каутского. Основное зло для нашего движения вперед Кейнс видел в большой численности населения СССР!.. Но, должно быть, наше развитие идет не по Базарову—Каутскому—Кейнсу! Социалистическое хозяйство привело к полному исчезновению безработицы в стране. Размах социалистического строительства и наши темпы таковы, что могут занимать безгранично большие массы людей. В то же время в Англии, как и в других капиталистических странах, хроническая безработица достигла сейчас небывалых размеров. И это несмотря на то, что в островной Англии в сравнении с СССР немногочисленное население, большая половина которого занята или, точнее, должна быть занята, в производственном процессе!.. И так обстоит дело не только в Англии. Бывший германский министр юстиции Бредт недавно заявил: «Если как-нибудь ночью внезапно погибнут 20 миллионов немцев, то мы окажемся самым богатым народом в мире». А лодзинский орган пилсудчиков с беспримерным цинизмом 30 марта сего года писал:

«В виду быстрого естественного прироста населения и невозможности эмиграции, мы должны будем постоянно содержать все возрастающую армию бездельников (так называет газета безработных!—*П. В.*), которые или ничего не дают государству или дают ему несравненно меньше, чем получают».

Капиталистический мир гниет и разлагается. Бредовые «теории» Базарова—Каутского о гибели социализма вследствие недопроизводства или перенаселения есть сублимированная гниль капиталистической системы.

Каутский ошибся адресом. Эти подлые лакеи капитала настолько преданы эксплоататорской системе, что разложение последней принимают за конец света и в ужасе пытаются чем только можно оклеветать социалистический строй, чтобы обелить капитализм. Но никаким вредителям не остановить революции — этого локомотива истории!

3. Реакционно-идеалистическая философия—„суб'ективная стряпня" или „об'ективная наука".

Теперь нам придется заняться собственно философией и методологией Базарова, для чего надо вспомнить, с чего мы начали статью. Базаров утверждал (см. начало статьи), что математическая статистика и ее методы не имеют никакого отношения к мировоззрению авторов, и наоборот—в руках любого автора эта статистика лишь техническое орудие, не имеющее и следов каких-нибудь социальных, т.-е. политических, воззрений. Посмотрим, так ли это и не есть ли подобные уверения со стороны Базарова лишь хитрая маскировка классового врага.

Из вышеизложенного уже можно составить себе известное представление о мировоззрении Базарова. Он — богдановец (как он сам себя любил называть), махист, идеалист-агностик. Это не новое открытие. Базаров давно (и много) писал о философии, и марксистская критика (Ленин и др.) давно заклеймила его взгляды, как реакционно-идеалистические с уклоном в мистицизм. Сам Базаров с этим не соглашается и в критикуемой книге, например, пишет:

«С повышением «уровня жизни» рабочего, его работа не утратила свой примитивно-физиологический характер и приобрела более гибкую, сложную и тонкую «психологическую» структуру. Эта психологическая или, чтобы не быть заподозренным в идеализме, скажем, «рефлексологическая» связь позволяет...» и т. д. (В. Базаров—Капитал. Циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. 1927, стр. 141).

Вот уж действительно нашел чем доказывать свой «материализм»!

В то же время мы в той же книге встречаем «познавательную ценность», «пучки взаимозависимостей», «корреляционные связи», «функциональные зависимости» и т. п. махистско-богдановский хлам, который наряду со ссылками на Маха, Пирсона, Вундта, Бергсона выдает действительно реакционно-идеалистическую методологию автора. В той же книге можно встретить, например, такие утверждения: «Об'ективный наблюдатель в состоянии только по аналогии с самим собою предположить (разрядка автора) наличность психических переживаний у другого или интуитивно—вчувствоваться в них, но не в состоянии уловить их никакими измерительными приборами» (29). По Базарову, психология людей лишь предположение. Высказав эту идеалистическую чушь, он, однако, идет еще дальше. Не только психическая жизнь — предположение. Как психология, так и социология не существуют, они есть лишь «особые точки зрения».

«Области психологии и социологии не представляют собой каких-либо материально обособленных областей природы; это лишь особые точки зрения на некоторые из тех процессов, которые в их натуралистическом аспекте бесспорно подлежат включению в общее уравнение энергии» (35). В этой архиидеалистической, агностической формулировке читатель сразу узнает махо-богдановское (и прочих позитивистов-идеалистов) учение о тождестве физического и психического и о возможности их замены, перестановки и «подстановки». Как мы увидим дальше, приведенная формулировка понадобилась Базарову для обоснования производимой им замены социального—психическим, экономического—математическим и всей действительности—символической схоластикой.

Так, например, Базаров пишет:

«Одним словом, между предвидением фактических и психических явлений нет принципиальной разницы. И в том и в другом случае мы предвидим новые комбинации известных нам элементов, пользуясь теми, уже установленными «закономерностями», которые связывают эти элементы между собой» (статья Базарова в «Очерках философии коллективизма», выпуск 1-й, 1909 г., стр. 209).

Итак, действительность и психическое состояние чувствительных суб'ектов, это, по Базарову,—одно и то же. Очевидно, что, с этой точки зрения, мы в Госплан кроме математиков и теплотехников должны еще посадить психологов или, точнее, буржуазных истерических интеллигентов с «утонченной» нервной организацией... И тогда они будут вещать и предвидеть, как пифия на жертвеннике дельфийского оракула. Однако, действительность показала, что все «психические предвидения» Базарова, Громана, Юровского, каждый день и каждый месяц «предчувствовавших» «крах», «кризис», «катастрофу», «гибель» и т. д., расходятся с фактическими данными и действительным положением вещей. Значит, не в этом дело, значит идеалистическую чушь мелет г. Базаров. Но для чего он «мелет», что скрывается за его «философией» тождества психического и фактического? Скрывается за ней классовый инстинкт идеолога класса буржуазии, класса, чувствующего, как уходит почва из-под его ног, и это свое «психическое явление» (ибо буржуазия как класс уже давно потеряла способность об'ективного познания) выдающего за «об'ективный факт»!

Меньшевик Соколовский сделал на недавнем процессе очень интересное признание:

— Мы,—говорит он,—были подготовлены идеологически и психологически к тому, чтобы перейти на гнуснейшую, позорнейшую контрреволюционную работу по вредительству, а потом на ставку на интервенцию. Мы увидели, что советская система установилась, что ежегодные достижения имеются, что наши мрачные предсказания и прогнозы не сбываются. Я должен сказать, что всякий меньшевик, в том числе и я, мы все время ходили с готовыми катастрофами в кармане.

Каждый раз то из того, то из другого кармана мы вынимали по той или другой катастрофе, то катастрофа промышленности, то сельского хозяйства, то транспорта. Ни один наш прогноз не оправдался, ни одно хозяйственное затруднение не обратилось во всеобщий кризис. Этого не случилось. Мы увидели тогда, что вопрос об органическом перерождении большевизма—это наша наивная утопия, и необходимо активизировать нашу деятельность в форме борьбы с большевиками, и первой формой этой активизации была дезорганизаторская работа, или вредительство (напечатано в «Правде» 9 марта 1931 г., разрядка моя. — *П. В.*).

Таким неожиданным образом самые «тонкие» вопросы теории познания вдруг оказываются связанными с классовой борьбой. При этом обнаруживается, что решение этих, казалось бы «чисто-философских», вопросов коренится, исходит и зависит от классовых интересов и классового мировоззрения (в свою очередь зависящего от классовой практики).

Теперь перейдем к разбору «беспристрастных» и «бесклассовых» математических манипуляций, к которым прибегает Базаров в своей книге. Связь этих приемов с философией Базарова прозрачно ясна. В своей работе «Материал коллективного опыта и организующие его формы» (сборник «Очерки философии коллективизма» 1909) Базаров пытается обосновать эти приемы.

Каутский ошибся адресом. Эти подлые лакеи капитала настолько преданы эксплоататорской системе, что разложение последней принимают за конец света и в ужасе пытаются чем только можно оклеветать социалистический строй, чтобы обелить капитализм. Но никаким вредителям не остановить революции — этого локомотива истории!

3. Реакционно-идеалистическая философия—„суб'ективная строна" или „об'ективная наука".

Теперь нам придется заняться собственно философией и методологией Базарова, для чего надо вспомнить, с чего мы начали статью. Базаров утверждал (см. начало статьи), что математическая статистика и ее методы не имеют никакого отношения к мировоззрению авторов, и наоборот — в руках любого автора эта статистика лишь техническое орудие, не несущее и следов каких-нибудь социальных, т. е. политических, воззрений. Посмотрим, так ли это и не есть ли подобные уверения со стороны Базарова лишь хитрая маскировка классового врага.

Из вышеизложенного уже можно составить себе известное представление о мировоззрении Базарова. Он — б о г д а н о в е ц (как он сам себя любил называть), м а х и с т, и д е а л и с т - а г н о с т и к. Это не новое открытие. Базаров давно (и много) писал о философии, и марксистская критика (Ленин и др.) давно заклеймила его взгляды, как реакционно-идеалистические с уклоном в мистицизм. Сам Базаров с этим не соглашается и в критикуемой книге, например, пишет:

«С повышением «уровня жизни» рабочего, его работа не утратила свой примитивно-физиологический характер и приобрела более гибкую, сложную и тонкую «психологическую» структуру. Эта психологическая или, чтобы н е б ы т ь з а п о д о з р е н н ы м в и д е а л и з м е, скажем, «рефлексологическая» связь позволяет...» и т. д. (В. Базаров—Капитал. Циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. 1927, стр. 141).

Вот уж действительно нашел чем доказывать свой «материализм»!

В то же время мы в той же книге встречаем «познавательную ценность», «пучки взаимозависимостей», «корреляционные связи», «функциональные зависимости» и т. п. махистско-богдановский хлам, который наряду со ссылками на Маха, Пирсона, Вундта, Бергсона выдает действительно реакционно-идеалистическую методологию автора. В той же книге можно встретить, например, такие утверждения: «Об'ективный наблюдатель в состоянии только по аналогии с самим собою п р е д п о л о ж и т ь (разрядка автора) наличность психических переживаний у другого или интуитивно—вчувствоваться» в них, но не в состоянии уловить их никакими измерительными приборами» (29). По Базарову, психология людей лишь п р е д п о л о ж е н и е. Высказав эту идеалистическую чушь, он, однако, идет еще дальше. Не только психическая жизнь — п р е д п о л о ж е н и е. Как психология, так и социология не существуют, они есть лишь «особые точки зрения».

«Области п с и х о л о г и и и с о ц и о л о г и и не представляют собой каких-либо материально обособленных областей природы; э т о л и ш ь о с о б ы е т о ч к и з р е н и я на некоторые из тех процессов, которые в их натуралистическом аспекте бесспорно подлежат включению в общее уравнение энергии» (35). В этой архиидеалистической, агностической формулировке читатель сразу узнает махо-богдановское (и прочих позитивистов-идеалистов) учение о тождестве физического и психического и о возможности их замены, перестановки и «подстановки». Как мы увидим дальше, приведенная формулировка понадобилась Базарову для обоснования проводимой им замены социального—психическим, экономического—математическим и всей действительности—символической схоластикой.

Так, например, Базаров пишет:

«Одним словом, между предвидением фактических и психических явлений нет принципиальной разницы. И в том и в другом случае мы предвидим новые комбинации известных нам элементов, пользуясь теми, уже установленными «закономерностями», которые связывают эти элементы между собой» (статья Базарова в «Очерках философии коллективизма», выпуск 1-й, 1909 г., стр. 209).

Итак, действительность и психическое состояние чувствительных суб'ектов, это, по Базарову,—одно и то же. Очевидно, что, с этой точки зрения, мы в Госплан кроме математиков и теплотехников должны еще посадить психологов или, точнее, буржуазных истерических интеллигентов с «утонченной» нервной организацией... И тогда они будут вещать и предвидеть, как пифия на жертвеннике дельфийского оракула. Однако, действительность показала, что все «психические предвидения» Базарова, Громана, Юровского, каждый день и каждый месяц «предчувствовавших» «крах», «кризис», «катастрофу», «гибель» и т. д., расходятся с фактическими данными и действительным положением вещей. Значит, не в этом дело, значит идеалистическую чушь мелет г. Базаров. Но для чего он «мелет», что скрывается за его «философией» тождества психического и фактического? Скрывается за ней классовый инстинкт идеолога класса буржуазии, класса, чувствующего, как уходит почва из-под его ног, и это свое «психическое явление» (ибо буржуазия как класс уже давно потеряла способность об'ективного познания) выдающего за «об'ективный факт»!

Меньшевик Соколовский сделал на недавнем процессе очень интересное признание:

— Мы,—говорит он,—были подготовлены идеологически и психологически к тому, чтобы перейти на гнуснейшую, позорнейшую контрреволюционную работу по вредительству, а потом на ставку на интервенцию. Мы увидели, что советская система установилась, что ежегодные достижения имеются, что наши мрачные предсказания и прогнозы не сбываются. Я должен сказать, что всякий меньшевик, в том числе и я, мы все время ходили с готовыми катастрофами в кармане.

Каждый раз то из того, то из другого кармана мы вынимали по той или другой катастрофе, то катастрофа промышленности, то сельского хозяйства, то транспорта. Ни один наш прогноз не оправдался, ни одно хозяйственное затруднение не обратилось во всеобщий кризис. Этого не случилось. Мы увидели тогда, что вопрос об органическом перерождении большевизма—это наша наивная утопия, и необходимо активизировать нашу деятельность в форме борьбы с большевиками, и первой формой этой активизации была дезорганизаторская работа, или вредительство (напечатано в «Правде» 9 марта 1931 г., разрядка моя. — *П. В.*).

Таким неожиданным образом самые «тонкие» вопросы теории познания вдруг оказываются связанными с классовой борьбой. При этом обнаруживается, что решение этих, казалось бы «чисто-философских», вопросов коренится, исходит и зависит от классовых интересов и классового мировоззрения (в свою очередь зависящего от классовой практики).

Теперь перейдем к разбору «беспристрастных» и «бесклассовых» математических манипуляций, к которым прибегает Базаров в своей книге. Связь этих приемов с философией Базарова прозрачно ясна. В своей работе «Материал коллективного опыта и организующие его формы» (сборник «Очерки философии коллективизма» 1909) Базаров пытается обосновать эти приемы.

Определяя познание, как «интеллектуальную обработку «непосредственных данных сознания», опираясь на Маха и Авенариуса, А. Пуанкаре и В. Джемса Базаров развивает такой ход мыслей:

Познание оперирует бесконечным числом «элементов». Математика создала метод сведения любого элемента к его пределу (вот где знаменитое «выглаживание» и «выравнивание» неудобных кривых!—*П. В.*). «Как только достигнуто искусство сводить эти конечные величины к «пределу», к бесконечно малым, промежутки, как таковые, исчезают и математическая картина непрерывности становится вполне точной, адэкватной, соответствующей действительности. И поскольку,—продолжает Базаров,—такие математические формулы являются орудиями нашего предвидения, это последнее отнюдь не ограничивается предвосхищением отдельных стационарных мгновений будущего, а позволяет познавательно предвосхищать процесс в самом его совершении, т.-е. именно так, как он протекает в действительности»... С этим,—добавляет Базаров,—«теснейшим образом связаны всякого рода замещения, подстановки, вообще вся произвольная символика» («Очерки», выпуск I, стр. 198).

Базаров пишет так abstrus, что мы вынуждены перевести эту выдержку с гелертерского языка на понятный. Смысл сказанного Базаровым можно выразить в нескольких положениях:

Наука должна превратиться в «искусство»—без этого она не может адэкватно отобразить действительность. Математика, как наука, может сводить математические величины («элементы») к их пределам. Математика, как искусство, по мнению Базарова, умеет сводить к пределам в с я к и е э л е м е н т ы, или, иначе говоря, Базаров считает, что любое явление, к какой бы области оно ни относилось, можно выразить в математическом уравнении, в графической кривой. Предвидения Базаров собирается высчитывать в математических формулах. И в заключение он указывает на то, что эти математические формулы вовсе не отражают действительности (что для агностика Базарова и не нужно и принципиально невозможно), так как представляют из себя не более, как набор знаков и «подставленных» на их место всякого рода произвольных символов. Тут действительно перед нами уже не наука, а «искусство» (точнее—п р о и з в о л) подстановки и замещения одного символа другим и т. д. Неудивительно, что «исследователь», пользуясь подобными приемами, будет неизменно получать в результате «исследования» такие «выводы», как он хочет, т.-е. какие подсказывает ему его классовый инстинкт. Об об'ективности таких методов или о возможности предвидения с их помощью не может быть и речи, ибо эта «символистика» не более, как «ученый» пасьянс... [1]).

В критикуемой нами книге Базаров применяет свой метод «подстановок». Он стремится к «о т ы с к а н и ю ф о р м а л ь н о г о т о ж д е с т в а к о л и ч е с т в е н н ы х с о о т н о ш е н и й п р и г л у б о ч а й ш и х к а ч е с т в е н н ы х р а з л и ч и я х и п о с т р о е н и ю н а э т о й о с н о в е п р о с т ы х с х е м а т и ч е с к и х «м о д е л е й» с л о ж н ы х п р о ц е с с о в» (66). Проще выражаясь, Базаров «доказывает» здесь возможность складывать аршины с пудами... Практическое следствие базаровской науки следующее: я даю,—заявляет он,—«а н а л и з т е х с п е ц и ф и ч е с к и х д в и ж у щ и х

[1]) Любопытно, что реакционер-идеалист Филипп Франк развивает в общем такие же взгляды, извращая им в угоду новейшие достижения физики. «Однозначность системы знаков,—пишет Франк,—остается внутри группы переживаний, без того, чтобы иметь отношение ко вне лежащей об'ективной действительности». «Разрешать новые проблемы—значит делать шаг вперед в однозначном обозначении переживаний через систему знаков или, иначе говоря, находить новые отношения между конкретными переживаниями» (Die Naturwissenschaften, H. 51, S. 989, 990).

сил хозяйственного развития, которые присущи капитализму, как таковому. Не трудно (!?), однако, убедиться,—продолжает Базаров,—что мы имеем здесь дело с принципом очень широкой значимости, с принципом, применимым ко всякому общественному хозяйству» (76). Или, говоря иначе: под специфически-капиталистические движущие силы хозяйственного развития можно «свободно» «подставить» социалистическое хозяйство... Опять-таки «лишенная всяких следов классовых воззрений» философия Базарова прямо бьет в нос своей классовостью!

Итак, метод Базарова состоит в том, чтобы подменить экономические явления знаками и символами, а затем, как он выражается,—«отдаться логике математических операций» (84). Как говорит поэт:

Матерь точного ученья,
Представь ты нам теперь свои
Великие произведенья! —
В символы углубясь твои,
Как бы в глаголы прорицанья,
Кривые сводит начертанья
Художник с своего пера.

Вдохновляясь все более и более, Базаров уже перестает быть и статистиком и экономистом. Он уже — свободный художник символических кривых. Следствия, то-бишь «прорицанья» выводятся им уже не из действительных причин, а из таблиц и знаков. Но ведь при помощи «символов» можно поставить в связь какие угодно явления, однако эта связь так и останется «связью» символов и не будет отражать действительной закономерности явлений. Но что им за дело до действительной закономерности с их релятивистской точки зрения! Ведь они считают об'ективную действительность непознаваемой! Поэтому вопрос об изучении действительных экономических закономерностей для них и не стоит, а остается лишь вопрос о логике знаков и символов. Как же изучается закономерность этих последних? — Посредством зрительного наблюдения, передвигающихся одна на другой диаграмм, из которых одна просвечивающаяся (82). Вот метод «научного» исследования!

Но было бы полбеды, если бы, как мы уже указали, открытые таким образом законы движения символов не об'являлись законами действительности! Но именно это последнее, т.-е. обратную недопустимую подмену символов действительностью, и производит Базаров. «Весь интерес аналитической кривой, — пишет он, — состоит в том, что она дает закон явления и тем самым позволяет по нескольким данным точкам исчислить все остальные» (81).

Если к этому добавить, что «аналитическая кривая» получается с помощью абсолютного произвола нашего «художника», то получается уже картина полная. Произвол состоит в том, что отправная и конечные точки кривой выбираются произвольно, в зависимости от чего и кривые получаются разные. При чем эти кривые, как признается Базаров, строятся на основе всего лишь нескольких точек, т.-е. нескольких фактов, выраженных в цифрах (начальная точка кривой, конечная, середина), все остальные очертания кривой добавляются («подставляются»), от чего получается произвольная мыслительная конструкция. В своей работе «Статистика и социология» В. И. Ленин критиковал подобные приемы «наших» и не наших статистиков, то-бишь буржуазных апологетов.

«В области явлений общественных, — писал Ленин, — нет прием... распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отде... фактиков, игра в примеры... Чтобы это был действительно (фактичес... фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совоку... ность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без едино... исключения, ибо иначе возникает подозрение в том, что фа... ты выбраны или подобраны произвольно, что вмест... об'ективной взаимозависимости исторических яв... ний в их целом преподносится «суб'ективная» стряп... для оправдания, может быть, грязного дела» (послед... подчеркнуто мною.— *П. В.*).

Именно подобный произвол (выхватывание нескольких точек и до... нение картины собственным воображением) и «суб'ективная» стряпня им... место в построениях Базарова.

Это раз. Во-вторых, кривая, имеющая вид или форму, неугодную Ба... рову, подвергается им соответствующей обработке. Ее старательно «сгла... живают» и «выравнивают». При чем, если кривая идет подозрительно ... то Базаров рекомендует применять метод «арифметической средней». ... же полученная кривая обнаруживает неровные скачки вверх и вниз, то Ба... ров советует «выравнивать» ее помощью «квадратической средней». Та... «не мытьем, так катаньем» получают то, что надо: параболы любого п... рядка, циклы, «кризисы», под'емы, «вековые тенденции» и затухающую ... вую восстановительного процесса в СССР... И всю эту суб'ективную стр... цинично выдают за об'ективные результаты «науки»!

Для марксистов давно известно, что буржуазная статистика или ст... тистика в руках буржуазного экономиста всегда являлась орудием ... шей лжи и сокрытия истины. Когда нужно оправдать «грязное дело» (в ... ном случае — вредительство), тогда классовый враг прячется за «бесстр... ные цифры», таблицы, сводки, вычисления. Книжка Базарова предста... именно такой «научный» окоп нашего классового врага.

Мы берем Базарова за шиворот и на солнышко:

К ответу подлеца!

Против ревизии марксизма-ленинизма в исторической науке.

(К некоторым итогам дискуссии с тов. Дубровским).

И. Фролов.

Борьба за чистоту теоретических основ марксизма-ленинизма приобретает в наше время исключительно важное значение, ибо развернутое наступление социализма по всему фронту, завершение фундамента социалистической экономики, беспощадная борьба пролетариата на всех участках советской стройки влекут за собою резкое обострение классовой борьбы в СССР, активизируют все враждебные нам силы и вызывают их яростное сопротивление в самых различных формах и проявлениях.

Дискуссии, прошедшие за последние годы в ряде областей теоретических дисциплин, были не только показателем того обстоятельства, что марксистские научные ряды начали перестраиваться, что наука также вступает на рельсы реконструкции, что «верхние этажи» идеологической лестницы начали приспосабливаться к задачам нашей эпохи, к требованиям пролетарской борьбы, к запросам социалистического строительства. Эти дискуссии были также ярким свидетельством того факта, насколько теоретический сектор нашей работы превратился в серьезнейший фронт борьбы, в открытую и боевую арену столкновения марксизма-ленинизма с явно враждебными ему мировоззрениями.

«Люди, которых еще вчера мы считали только своими идейными противниками, сегодня оказываются активными участниками антисоветских организаций. Где кончается «несогласие с марксизмом» и начинается прямое вредительство, различить становится все менее и менее возможным. Каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя». (Из резолюции Общества историков-марксистов, журнал «Историк-марксист», т. 15, стр. 165).

Но ортодоксальным историкам-марксистам за последние годы приходилось бороться не только с явно и тайно контрреволюционными «научными» взглядами и теориями в исторической науке (Тарле, Петрушевский, Яворский и т. д.), но и со всякого рода попытками явных и замаскированных извращений и прямой ревизии взглядов Маркса и Ленина в своем собственном, пролетарском научном лагере.

Примером подобных извращений и ревизионистских попыток в исторической науке могут служить выступления т. Теодоровича по поводу юбилея «Народной воли», пытавшегося изобразить народников прямыми и непосредственными предшественниками большевизма, смазывая тем самым их классовую, мелкобуржуазную сущность, а также выступления т. Дубровского, который, исходя из механистической методологии Рожкова, Богданова и Бухарина, исказил учение марксизма об общественно-экономических формациях,—этого фундамента марксистского учения о революции,—и фактически

марксистско-ленинскому пониманию всемирно-исторического процесса ... тивопоставил свою, в корне ошибочную, историческую схему.

Мы должны беспощадно, без всяких компромиссов, продолжать борьбу за марксистско-ленинское истолкование исторического процесса, подкрепляя, развивая и обогащая концепцию Маркса-Ленина свежими фактами, уроками новых общественно-политических событий и разработкой новейших архивных материалов. Коллектив историков-марксистов на основе генеральной линии партии и под общим руководством ленинского ЦК должен и впредь, как он делал и до сих пор, по-большевистски защищать историческую методологию Маркса и Ленина от всяких попыток ее извращения, не допуская ни под каким видом проникновения буржуазных и мелкобуржуазных теорий в нашу среду. Всем антимарксистским попыткам ревизии мы обязаны противопоставить борьбу за проникновение материалистической диалектики в область историческогo исследования, углубить разработку и усилить борьбу за уточнение методологических категорий исторического знания, об'явить решительный бой ... довищным невежеством и грубейшими ошибками в области марксистской методологии истории, добиваясь при этом резкого размежевания на историческом фронте подлинно-марксистских кадров с псевдо-марксистскими элементами.

Продолжая и усиливая борьбу против «левацких», троцкистских и полутроцкистских тенденций в исторической науке (особенно в связи с появлением книг Троцкого «Перманентная революция» и «Моя жизнь»), историки-марксисты должны и попрежнему направлять свой главный удар против механистической, правооппортунистической методологии.

Вся работа на историческом участке идеологического фронта должна быть пронизана борьбой на два фронта, с главным ударом направо, за подлинный ленинизм в исторической науке, разоблачая все антиленинские схемы, теории, учения, концепции. Научно-исследовательская, преподавательская и литературная работа должна быть подчинена и поставлена на службу основным требованиям современного этапа нашей революции, должна быть пронизана суровой большевистской товарищеской самокритикой, «невзирая на лица».

Надо раз навсегда уяснить, что историческая наука является по своей сущности одной из самых политических наук, ибо она, по выражению М. Н. Покровского, есть «политика, обращенная в прошлое». И Ленин относился к истории как к сугубо-политической науке. Анализу прошлого Ленин придавал исключительное значение в своей теоретической и политической деятельности, ибо знание прошлого и глубокое изучение конкретных особенностей этого прошлого помогало ему лучше осознать всю многогранность и противоречивость настоящего и отчетливее предвидеть силуэты будущего. Все мышление Ленина было проникнуто историзмом. «Для того, чтобы победить,—писал Ленин—нужно понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира».

Вот почему Ленин с особой тщательностью изучал конкретные этапы революционной борьбы угнетенных классов вообще и пролетариата в особенности, особо подчеркивал, что «марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы», что всякий, кто ставит тот или иной принципиальный вопрос «вне исторической

кретной обстановки», тот не понимает «азбуки диалектического материализма», тот не марксист. «Марксизм требует от нас, — писал он, — самого точного, об'ективно проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики».

Уроки настоящего Ленин часто выводил из уроков очень отдаленного прошлого. Так, например, тотчас же после июльских дней 1917 г., когда революция вступила в новую, высшую, и в то же время очень трудную, фазу своего развития, когда больше всего вреда можно было ожидать от конституционных иллюзий, вроде той, что меньшинство не может навязывать свою волю большинству, В. И., борясь с этими иллюзиями, апеллирует к урокам очень далекого прошлого. «Начиная с средневековой крестьянской войны в Германии, — писал он, — и эпохами вплоть до 1848 и 1871 гг., вплоть до 1905 г., мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его. Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, об'единяющий до известной степени крестьянское восстание XVI в. и революцию 1848 г. в Германии» [1]). Во времена Бреста Ленин в борьбе с «левыми» коммунистами апеллирует к примеру Тильзитского мира. «Если Россия, — пишет он, — идет теперь, — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному под'ему, к великой отечественной войне, то выходом для этого под'ема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции» [2]). Говоря об ошибочности экономической политики в эпоху так называемого «военного коммунизма» и раз'ясняя, в каком смысле мы должны признавать ошибочность этой политики, Ленин берет в качестве примера и для сравнения один из эпизодов русско-японской войны — «взятие Порт-Артура японским генералом Ноги» — и на этом примере поясняет необходимость перехода «от штурма к осаде», от продразверстки к натуральному налогу от «военного коммунизма» к нэпу. Так Ленин «увязывал» историю «с современностью», или, говоря точнее, выводил стратегию и тактику настоящего момента из учета уроков и опыта исторического прошлого.

* *
*

Одной из попыток осознания некоторых черт современного этапа международной пролетарской борьбы и прежде всего борьбы в колониальных и полуколониальных странах под углом зрения уроков опыта исторического прошлого, а также под углом зрения постановки наиболее важных (с политической и методологической стороны) исторических вопросов, являются брошюра т. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» и его содоклад на дискуссии в ИКП [3]).

Эта брошюра и содоклад т. Дубровского, а также ряд других его выступлений на аналогичные темы, были за последнее время «гвоздем сезона»

[1]) Ленин, Соч., т. XXI, изд. 2-е, стр. 54.
[2]) Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 167.
[3]) См. его содоклад и заключительное слово в сборнике «Против механистических тенденций в исторической науке», изд. 1930 г. Этот сборник является стенограммой дискуссии в Институте красной профессуры, имевшей место в связи с докладом т. Минца, посвященном критическому разбору вышеупомянутой брошюры т. Дубровского. В дальнейшем ссылки на него будут обозначаться так: «Сборник ИКП».

на историческом фронте. Вокруг проблем, поставленных т. Дубровским, развернулись оживленные дискуссии и в Институте красной профессуры, и в Обществе историков-марксистов, и в ленинградских научных учреждениях и т. д. Этот факт свидетельствует о том, что вопросы, выдвинутые, чрезвычайно актуальны как с точки зрения методологических основ исторической науки, так и с точки зрения их политической злободневности.

Такой «успех» печатных и устных выступлений т. Дубровского и такая страстность обсуждения поднятых им вопросов об'ясняется и тем, что автор, поставив своей задачей разоблачение троцкистской установки в вопросах восточных стран вообще и китайской революции в особенности, «мимоходом» развернул целую концепцию по ряду важнейших исторических вопросов методологического характера, уводящих автора от позиций ортодоксального марксизма.

Теоретические положения т. Дубровского подверглись беспощадной критике с самых разных сторон. Одни выступают против его системы взглядов от начала до конца, другие, признавая заслугу автора в постановке и разрешении одной части проблем, резко расходятся с ним по ряду других, и, как теперь выяснилось окончательно, почти никто не поддерживает концепции автора в целом.

На первый взгляд может показаться, что затронутые т. Дубровским вопросы сугубо академичны, слишком абстрактны, почти не имеют непосредственного отношения к современности и что страстное обсуждение их только отвлекает внимание молодых научных кадров от более важных животрепещущих и насущных проблем.

Такой взгляд в корне ошибочен. Вопросы, поставленные т. Дубровским, в высшей степени политически актуальны, и разработка их практически крайне необходима для революционной борьбы.

Мы являемся свидетелями нарастающей волны революционного под'ема в ряде восточных стран (Индия, Китай, Египет и т. д.), в некоторых странах Балканского полуострова и т. д., где остатки докапиталистических способов производства играют еще очень большое значение и где поэтому на очереди дня стоит тщательное изучение и теоретическое осмысливание характера и движущих сил начавшихся и грядущих буржуазно-демократических революций. Не имея представления о законах возникновения, развития и гибели докапиталистических общественно-экономических отношений, нельзя разобраться в сложном переплете классовых сил, невозможно понять революционной роли крестьянства, как союзника пролетариата в колониальных и полуколониальных революциях, не будешь иметь правильной стратегии и тактики борьбы на различных этапах буржуазно-демократической революции.

Все эти вопросы заслуживают самого пристального к себе внимания со стороны всех, кто не безразличен к разыгрывающейся социальной драме на Востоке, кто желает помочь Коминтерну и зарубежным братским компартиям в руководстве борьбой миллионных масс за свое освобождение.

Недаром Общество историков-марксистов в числе первоочередных проблем, подлежащих разработке, наметило изучение истории колониальных революций и массового движения в отсталых и порабощенных странах. Но изучение всех этих проблем непосредственно упирается в изучение взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на общественно-экономические формации вообще, и прежде всего их взглядов на феодализм, крепостничество, роль и историческое значение торгового капитала и т. д. и т. п.

Заслуга т. Дубровского состоит в том, что он поставил все эти во

росы и приковал внимание исторической мысли к их разработке и их изучению.

Но на этом, собственно, его заслуга и кончается, ибо, желая «уточнить», «подправить», «углубить» и «дополнить» учение Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях, о генезисе капиталистического общества, о классах и классовой борьбе на различных этапах человеческой истории, попытавшись сказать свое, новое, в отличие от Маркса и Ленина, т. Дубровский пришел в конечном счете к тому, что противопоставил их системе взглядов свою собственную историческую схему, попытался дать новое истолкование путей и форм всемирной истории человечества, став, таким образом, на путь открытой ревизии методологии истории классиков марксизма.

Взгляды т. Дубровского являются ярким примером проникновения богдановской концепции—этой самой уточненной разновидности буржуазной идеологии—в нашу марксистскую среду. Теоретические взгляды, высказанные и защищаемые им, не только враждебны учению Маркса и Ленина, но и прямо упираются—и не могут не упираться, если науку не отрывать от политики,—в ревизионистскую оценку т. Дубровским всего хода исторического процесса вообще и русского в особенности, и приводят его при анализе переходного периода и современного этапа нашей революции к правооппортунистическим выводам.

Маркс, Ленин и... Дубровский об общественно-экономических формациях.

Буржуазные ученые рассматривали человеческое общество вообще, общество как таковое и смотрели на всемирную историю человечества как на явление, вечно развивающееся по одним и тем же законам.

Буржуазная наука, практиковавшая периодизацию исторического движения человечества по случайным, произвольным признакам, была чужда взгляда на всемирно-общественное развитие, как на «естественно-исторический процесс», который распадается на ряд исторически ограниченных ступеней, представляющих из себя определенный «социальный организм».

Достаточно напомнить сравнительно недавние выступления академика Петрушевского. В завуалированной форме он выступил против «диктатуры методологического натурализма» (читай: марксизма), против марксистского учения об общественно-экономических формациях вообще и о феодализме в частности, и фактически стал на путь утверждения, что вся человеческая история есть не что иное, как история развития капитализма. «Если с понятием капитализм, — пишет Петрушевский, — не соединять определенных социальных признаков, связанных с определенной исторической эпохой социального развития новой Европы, и не думать, что капитализм не немыслим без лишенных средств производства рабочих..., продающих по свободному договору свои руки монопольным владетелям этих средств, выступающим в роли организаторов производства, то становится ясным, что капитализм возможен в самой различной социальной обстановке. Мы наблюдали его в разные эпохи римской истории. И в эпоху царей, и в разные периоды республик, и в империалистическую эпоху. Несомненно капиталистическим является и вотчинное хозяйство средних веков... Мы имеем такое же основание говорить о вотчинном капитализме средних веков, как и об аграрном капитализме последних веков Римской республики и новых веков империи, или о современном капитализме, как ни различна социаль-

ная обстановка в каждом из этих случаев капиталистического развития»[1]).

Итак, по Петрушевскому, капитализм — внеисторическая, внепространственная, вневременная, вечная категория, которая существовала всегда и везде. Если вдуматься в вышеприведенные рассуждения Петрушевского, то следует признать, что для него в истории человеческого общества не было рабовладельческого строя, не существовало феодализма со свойственными им системами господства и подчинения; не было насильственного отделения средств производства от непосредственных производителей, наконец, не было таких процессов, как «разграбление церковных имений, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, превращение феодальной собственности кланов в современную собственность, осуществленное узурпаторами с беспощадным терроризмом» (Маркс).

Конечно, если все это отбросить, если не считаться с периодом «так называемого первоначального накопления капитала», т.-е. с эпохой экспроприации непосредственного производителя, которая «вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня», когда «значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде свободных, как птица, пролетариев»[2]),—тогда можно будет согласиться с академиком Петрушевским, что капитализм возможен в самой различной социальной обстановке.

Но весь вопрос тогда сведется к тому, будет ли это называться наукой, будет ли это об'ективный, т.-е. соответствующий действительности, анализ исторических явлений?! Но Петрушевского интересует не об'ективная научная истина, а желание во что бы то ни стало представить историю общественного развития, как органическое, мирное, бесперебойное развитие, без всяких скачков, потрясений, революций, — словом, по тезису реакционной науки — «история не делает скачков». А раз так, то из рассуждений Петрушевского вытекает вопрос:— есть ли смысл бороться за уничтожение капитализма, существовавшего во все времена и у всех народов, и не лучше ли вместо попыток его уничтожения заняться его подновлением, укреплением и защитой от нападок «методологического натурализма»?

Само собой разумеется, что марксисты иначе подходят к об'яснению и истолкованию общественно-исторического процесса. Краеугольным камнем, центральным звеном материалистического понимания истории является для них учение Маркса—Ленина об общественно-экономических формациях, при помощи которого только и можно правильно понять и научно осознать ход и исход исторического развития.

Что такое общественно-экономическая формация? Это — известный исторически ограниченный отрезок человеческой истории, представляющий из себя определенный комплекс общественных явлений, специфическую систему социально-экономических отношений и соответствующих им идеологических надстроек, связанных одной определяющей закономерностью, проникнутых известным внутренним единством и развивающихся по своим особым, только им присущим законам.

Ленин говорит, что теория Маркса «выработала понятие общественно-экономической формации. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к

[1]) Д. М. Петрушевский, Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 211, 212; подчеркнуто нами—И. Ф.

[2]) Капитал, т. I, изд. 1920 г., стр. 632.

жизни,—она поставила в связи с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений — по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» [1]).

Итак, решающим признаком, исходным пунктом при определении формации является способ производства, данная совокупность производственных отношений. Система производственных отношений, «способ добывания средств к жизни», т.-е. «тот особый характер и способ» (Маркс), каким осуществляется соединение рабочих и средств производства, та форма эксплоатации, при помощи которой господствующий в производстве класс выкачивает прибавочный труд из непосредственного производителя — вот сердце «социального организма», вот ядро, исходный пункт, самый существенный момент, основа данной определенной классовой общественно-экономической формации. «Только та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономическую формацию общества» [2]).

Следовательно, общественно-экономическая формация представляет из себя качественно определенную систему производственных отношений, имеющую свои специфические социальные, об'ективно существующие закономерности. В своем движении каждая формация из себя самой развивает внутренние противоречия, которые в определенный момент приводят к взрыву данной формации — через революцию — и замене ее другой.

Исходя именно из этих основных положений, Маркс установил закон, что: «Ни одна общественная формация никогда не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она представляет достаточно простора, и новые внешние производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах самого старого общества созреют материальные условия их существования... В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества» [3]).

Так смотрят на проблему формаций Маркс и Ленин. Но не так смотрит т. Дубровский. Он насчитал во всемирно-историческом процессе не более и не менее, как целых десять формаций, целых десять «основных способов производства и соответствующих хозяйственных укладов» [4]).

Вот эти формации: 1) хозяйство первобытного общества, 2) патриархальное хозяйство, 3) рабовладельческое хозяйство, 4) феодальное хозяй-

---

[1]) Ленин, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 296.

[2]) Маркс, Капитал, т. I, изд. 1924 г., стр. 188.

[3]) Маркс, К критике политической экономии, предисловие (подчеркнуто нами. — И. Ф.). Я. Резвушкин на дискуссии в ИКП утверждал, будто бы Маркс, Энгельс и Ленин каждую формацию определяли по следующим пяти существеннейшим признакам: «К каждой формации можно подходить, во-первых, с точки зрения уровня производительных сил; во-вторых, с точки зрения способов производства; в-третьих, с точки зрения производственных отношений; в-четвертых, с точки зрения экономических форм эксплоатации и, наконец, в-пятых, с точки зрения классовой структуры» (Сборник ИКП, стр. 135).

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы заявить, что желание Резвушкина выдать свою собственную, в корне ложную, точку зрения за мнение классиков марксизма, с их действительной точкой зрения ничего общего не имеет.

[4]) С. Дубровский, К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М. 1929 г., стр. 17.

Но это еще не все. Не поняв сам способа производства, как исходного и решающего фактора при определении общественно-экономической формации, т. Дубровский делает еще одну попытку фальсификации Маркса, пытаясь противопоставить «прогрессивные эпохи экономического формирования общества» понятию «способа производства», — этого главного отличительного признака каждой данной «прогрессивной эпохи».

Маркс пишет: «В общих чертах можно пометить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства». Кажется, яснее сказать нельзя: такие-то способы производства являются не чем иным, как «прогрессивными эпохами экономического формирования общества», при чем всякому грамотному марксисту ясно, что под «эпохами» Маркс подразумевает здесь классовые общественно-экономические формации.

Но т. Дубровский этим не удовлетворен. Сейчас же после приведенной цитаты из Маркса он пишет: «Уже из этой цитаты видно, что и азиатский, и античный, и феодальный, и современный буржуазный способы производства Маркс рассматривает не в узком смысле слова, как способ производства, а как целые «эпохи формирования общества», при чем такие эпохи, которые реально прошло все человечество в целом... Для каждого ясно, что здесь Маркс пишет только «в общих чертах». Он вовсе не исчерпывает всех способов производства и всех хозяйственных укладов» [1]).

Спрашивается, зачем т. Дубровскому понадобилось противопоставить «способ производства» в марксовом его понимании «прогрессивной эпохе»? Ему это понадобилось затем, чтобы сконструировать свою пресловутую схему о десяти «основных способах производства и соответствующих хозяйственных укладах».

Но если выбросить из «прогрессивной эпохи экономического формирования общества» способ производства, оторвать последний от первой и противопоставить их, то «прогрессивная эпоха», или, по Марксу, общественно-экономическая формация, будет не чем иным, как конгломератом различных способов производства, простой суммой различных видов и вариаций «расстановок людей в процессе производства», уничтожающих всякую закономерность общественно-исторического развития.

Та социально-экономическая категория, которую Маркс назвал «способом производства», станет совершенно излишней и не будет являться самым существенным признаком, по которому определяется «особый социальный организм», или данная «прогрессивная эпоха», или общественно-экономическая формация.

Такое неправильное понимание т. Дубровским взаимозависимости способа производства с «прогрессивной эпохой» легко проиллюстрировать на том, как т. Дубровский рассматривает и определяет сущность капиталистической формации.

Вот как он определяет капиталистическую, седьмую по его счету, формацию: «Капиталистическое хозяйство, которое включает все основные виды капитализма: торговый, ростовщический, производительный, кредитно-банковский, далее последнюю стадию капитализма, империализм и, наконец, его специфическую форму—государственный капитализм в условиях империализма, а также в условиях переходного периода, в условиях диктатуры пролетариата» [2]).

Мы не будем сейчас касаться того, насколько грамотно империализм (монополистический капитализм), как новейший этап капитализма, отры-

[1]) С. Дубровский, цит. брошюра, стр. 16

[2]) С. Дубровский, цит. брошюра, стр. 18, разрядка моя. И. Ф.

вать от производительного капитала вообще, а этот последний — от кредитно-банковского и т. д., с точки зрения общей характеристики капитализма, как определенного «социального организма».

Нас сейчас больше интересует та часть определения Дубровского, где торговый (и ростовщический) капитал, не создающий, по мнению Маркса, своего особого способа производства, а внешним образом приспосабливающийся к уже существующим и паразитирующим при них, оказывается, по т. Дубровскому, одним из основных видов именно капиталистического способа производства, выдается за необходимое и обязательное условие при характеристике буржуазно-капиталистической общественной формации.

Вышеприведенной формулировкой капиталистического хозяйства т. Дубровский показал, что он не понимает ни характерной особенности капиталистического способа производства, ни исторической роли и специфических черт торгового и ростовщического капитала, который, по Марксу, был старинным предшественником капиталистического способа производства и наблюдался в самых различных общественных формациях.

Тов. Дубровский в понимании буржуазно-капиталистического способа производства об'ективно скатывается на позиции Петрушевского, который рассматривает капитализм, как внеисторическую категорию, как такое общественное явление, которое существовало во все времена человеческой истории. И у Дубровского, и у Петрушевского капитализм историческими признаками не отличается. Всякие грани между отдельными стадиями капиталистического развития стерты, ликвидированы, сведены к нулю. Для Петрушевского, как и для т. Дубровского, капиталистическим хозяйством является всякое, где есть обмен, деньги, купля и продажа, ростовщические сделки и кредитные операции, а по Марксу «характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму наемного труда» [1]).

Наш общий вывод пока таков: механистическое понимание т. Дубровским способа производства, сведение совокупности производственных отношений к бесклассовой категории, грубейшая их натурализация привели т. Дубровского не только к богдановско-бухаринской трактовке производственных отношений, к непониманию и извращению учения Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях, но и даже к родству с Петрушевским в интерпретации капитализма.

Дубровский в роли Колумба, открывшего „крепостническую" формацию.

До сих пор марксисты считали, что капитализм вырастает из недр феодализма, что разложение и гибель общества феодального есть в то же время процесс вызревания, оформления и установления общества капиталистического.

Но для т. Дубровского совсем не обязательна точка зрения марксистов, что феодализм сменяется капитализмом, ибо, по его мнению, капитализм может возникать «отовсюду», и из первобытного коммунизма, и из рабовладельческого строя, и из феодализма, и из крепостничества, и даже из... «пустого места». Да, т. Дубровский так и заявил на одной из дискуссий в Коммунистической академии, что капитализм может вырастать и из пустого места, ссылаясь, как на пример, на Северную Америку, в прериях

[1]) Маркс, Капитал, т. I, изд. 1924 г., стр. 140.

которой якобы вырос американский капитализм. Эта смешная и в то же время печальная теория уже в самую минуту ее зарождения настолько высмеяна, разоблачена, разбита вдребезги и отброшена прочь, что нет никакой надобности еще раз заниматься ее опровержением.

Т. Дубровский выдвинул свою собственную, в отличие от Маркса и Ленина, точку зрения, согласно которой между феодализмом и капитализмом лежит особая крепостническая формация, со своим особым способом производства, со специфическими формами эксплоатации, с качественно иными, чем при феодализме, классовыми отношениями.

Но верно ли, что между феодализмом и капитализмом лежит еще одна формация? Иными словами, откуда вырастает капитализм? Обратимся по данному вопросу к непосредственным указаниям Маркса, Энгельса и Ленина. Вот что говорят они:

«Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества» [1]).

«Буржуазия разрушила феодальный порядок и на его развалинах создала буржуазно-общественный строй» (Энгельс, «Анти-Дюринг»).

«Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)» [2]).

«Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам» [3]).

Кажется, ясно, что, по мнению классиков, капитализму предшествовала феодальная формация, что именно из феодального общества вырастает капиталистическое общество.

Но, с другой стороны, например, у Ленина нередко можно встретить утверждение, что капитализм возникает именно из крепостничества, и это дает право Дубровскому крепостничество противопоставлять феодализму. Действительно, Ленин не раз говорил, что капитализм вырастает из крепостничества. «Экономическое развитие России, как и всего мира, идет от крепостничества к капитализму и через крупный машинный капитализм к социализму» [4]). В лекции о государстве Ленин также говорит: «Этот основной факт перехода общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму вы всегда должны иметь в виду... ибо каждый из этих крупных переходов человеческой истории—рабовладельческий, крепостнический и капиталистический—обнимает десятки и сотни столетий» [5]).

Итак, Ленин в ряде случаев говорил то о рабстве, феодализме и капитализме, то о рабстве, крепостничестве и капитализме. Но т. Дубровский упускает из виду, что когда Ленин в числе других формаций называл крепостничество, тогда он не называл феодализма, и наоборот, когда называл феодализм, то не упоминал о крепостничестве, ибо, по его мнению, в основе феодализма и крепостничества лежал в основном один и тот же способ производства.

Классики марксизма не противопоставляли крепостничество феодализму и не возводили его «в сан» новой формации, промежуточной между феодализмом и капитализмом, а рассматривали его (крепостничество), как синоним феодализма и как более суровую форму феодальной зависимости.

Если т. Дубровский с таким об'яснением не согласен, ему остается только один выход: об'явить Ленина путаником, который в этом важнейшем

---

1) Маркс, Капитал, т. I, изд. 1924, «Пролетарий», стр. 708.
2) Ленин, т. XI, ч. 2-я, стр. 513.
3) Ленинск. сборн. III, стр. 328—329.
4) Ленин, т. XVII. стр. 639.
5) «Правда», № 15. 1929 г. Во всех этих цитатах разрядка везде наша.—И. Ф.

методологическом вопросе противоречил сам себе, или ревизионистом, подвергающим пересмотру учение Маркса о формациях.

Теперь перейдём к точке зрения т. Дубровского. В чем, по его мнению, основное различие между феодализмом и крепостничеством, как разными формациями? Это различие он видит в следующем:

«Крепостничество имеет особый, присущий ему, отличный от феодализма способ высасывания прибавочного труда из непосредственного производителя, именно форму отработочной ренты, в отличие от ренты продуктами, которая характерна для феодализма» (цит. брошюра, стр. 95).

«Феодализм в основном характеризуется производством и прибавочного и необходимого продукта в хозяйстве непосредственных производителей (с извлечением феодалами ренты продуктами). При крепостничестве же необходимый продукт создается в хозяйстве непосредственных производителей, прибавочный продукт на барщине. При феодализме крестьянин является относительно самостоятельным производителем, при крепостничестве крестьянин не является не только продуктопроизводителем, не говоря уже о товаропроизводителе, он не только не производит продукта или товара, а он сам является в известной мере товаром» (там же, стр. 93).

«Создание прибавочного продукта при крепостном хозяйстве в рамках общинного земледелия является скорее исключением, а не правилом (там же, стр. 83).

«Землевладельцы феодального и крепостного общества — классы разных общественных формаций» (там же, стр. 93).

«Со стороны политической феодализм отличался децентрализацией власти, сосредоточением у отдельных феодалов функций госвласти. Крепостничество отличается централизацией власти, оно характеризуется абсолютной монархией, осуществляющей диктатуру крепостников» (там же, стр. 94).

Следовательно т. Дубровский усматривает отличие феодализма и крепостничества в следующем:

1) Феодальная формация покоится на ренте продуктами, а крепостническая — на отработочной. Феодализм господствовал примерно до XVI в., ибо, по Дубровскому, в средние века преобладала натуральная рента, а со 2-й половины XVI в. начинается крепостническая формация, так как натуральный оброк сменился барщиной.

2) При феодализме крестьянин свободен, а при крепостничестве закрепощен.

3) Классы феодального и крепостного общества и классовые отношения при них в корне различны.

4) Госуд. власть при феодализме децентрализована, а при крепостничестве господствует абсолютная монархия, как диктатура крепостников.

5) В недрах феодализма возможно накопление в крестьянском хозяйстве, а в недрах крепостничества эта возможность исключается.

Рассмотрим все эти пункты по порядку.

Итак, феодализм зиждется на продуктовой ренте, а крепостничество — на отработочной. Но допустимо ли вообще, оставаясь на позициях марксизма, на различных формах докапиталистической ренты строить качественно различные формации? Сам Маркс много раз подчеркивает в III томе «Капитала», что при наличии различных форм ренты мы имеем в основном один и тот же способ производства, что переход от одной формы ренты к другой, правда, хотя несколько и модифицирует систему производства, но не в такой мере, чтобы можно было говорить о новом общественном строе,

о новой системе производственных отношений, о качественно новых классовых отношениях и методах эксплоатации.

Для Маркса все три вида докапиталистической ренты — отработочная, натуральная и денежная—являются подвидами одной основной, феодальной докапиталистической ренты, которую Маркс противопоставляет ренте капиталистической.

«Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, — пишет Маркс, — рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты... Под денежной рентой разумеем... земельную ренту, возникающую из простого метаморфоза ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой» [1]).

Маркс констатирует возможность совместного существования всех трех форм ренты в пределах одного и того же общества при преобладании из них какой-нибудь одной. Маркс подчеркивает, что «мы не можем разобрать бесконечно различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, затушевываться и сливаться».

Вот почему совершенно неверно выводить из различных форм докапиталистической ренты, часто в причудливой форме переплетающихся между собой в конкретной истории, различные способы производства. С другой стороны, если конкретный исторический процесс отбросить (к чему часто призывает Дубровский), а поставить вопрос абстрактно-теоретически, то Дубровский должен, желая быть последовательным, сделать по крайней мере еще следующие три вещи:

Во-первых изобрести еще одну формацию для денежной ренты. В самом деле, почему отработочная и продуктовая ренты могут быть исходным пунктом двух особых формаций, а денежная рента, которая также является одной из форм докапиталистической ренты, осталась «беспризорной»?

Во-вторых, по т. Дубровскому, продуктовая рента сменяется отработочной, а по Марксу, рента продуктами является превращенной формой отработочной ренты, т. е. отработочная рента логически и исторически предшествует продуктовой ренте. Как понять это явное противоречие и почему т. Дубровский на основании этого не утверждает, что крепостническая формация предшествовала феодализму? В-третьих, т. Дубровский, утверждая, что феодализм (господство продуктовой ренты) сменяется крепостничеством (господство отработочной ренты), должен был бы нам показать и доказать, в чем заключается противоположность, антагонистичность той и другой формации. Но на эти вопросы Дубровский ответа не дает и тем самым подчеркивает порок своей схемы.

Основной грех т. Дубровского состоит в том, что в основу крепостнической и феодальной формации он положил чисто пространственный момент, сделал ударение на том, где производится прибавочный продукт, беря в качестве основного и решающего признака «расстановку людей в процессе производства».

Если бы т. Дубровский в качестве главного и решающего критерия при определении формации взял способ производства, т.-е. наличие особого характера соединения рабочих и средств производства, ту силу, которая приковывает непосредственного производителя к владельцу средств производства, и подошел с этим критерием к феодализму и крепостничеству, то он не нашел бы качественно отличных форм классового принуждения. Он бы убедился в том, что и феодализм, и крепостничество, и господство нату-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 330, 333.

рального оброка, и господство барщины одинаково основаны на внеэкономическом принуждении, на голом, грубом и открытом насилии, в противоположность капиталистическому хозяйству, основанному на принуждении экономическом, на насилии скрытом и замаскированном, при чем основой господства в феодально-крепостническую эпоху является владение землей.

Что для Ленина крепостничество не было отличной от феодализма формацией, можно заключить по тому определению, которое он дал системе крепостного (барщинного) хозяйства.

Вот, по Ленину, основные признаки крепостничества:

1) Господство натурального хозяйства; 2) помещик наделял крестьянина средствами производства вообще и землею в частности; 3) личная зависимость крестьянина от помещика («внеэкономическое принуждение») и 4) крайне низкое состояние техники, «ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой» [1]). Кто знаком с конкретным ходом исторического процесса России, тот согласится, что это определение Ленина в основном подойдет и для русского раннего феодализма XII—XV вв. и для крепостничества в XVI—XIX вв.

Что для Ленина феодализм и крепостничество не были разными формациями, что с точки зрения способа производства, т.-е. с точки зрения метода выкачивания прибавочного труда в XIII и XVII вв. качественно нового почти ничего не было, можно судить еще по следующим замечаниям Ленина: «отработочная система безраздельно господствует в нашем земледелии со времени «Русской Правды» и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем» [2]).

В другом месте Ленин пишет: «И «свободный» русский крестьянин в XX веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI в. шли в «кабалу» смерды (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками» [3]).

И последняя цитата: «Народники приветствуют «освободительную» реформу, не замечая, что... эта «эмансипация» состояла только в замене одной формы другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью» [4]).

О чем говорят первые две цитаты? О том, что, по Ленину, отработочная система господствовала с XI—XII в., т.-е. в эпоху, когда, по мнению т. Дубровского, должен был господствовать феодализм, а не крепостничество.

Последняя же цитата указывает на то, что Ленин определял дореформенный господствующий способ производства как феодальный, в то время как по схеме Дубровского он является «только» крепостническим.

Эти указания Ленина не только окончательно разбивают утверждение Дубровского о том, что феодальная формация покоится на продуктовой ренте, а крепостническая—на ренте отработочной, но и заодно опровергает положение Дубровского, что в эпоху феодализма крестьянин являлся свободным.

Дубровский писал, что «Развитие торгового и ростовщического капитала приводит к распаду власти феодалов, к разложению самостоятельного крестьянства и выделению из класса феодала нового класса крепостников и, с другой стороны, к превращению раньше свободных крестьян в крепостных (цит. брошюра, стр. 117, подчеркнуто нами.—*И. Ф.*).

[1]) Ленин, т. III, изд. 1-е, стр. 143—144.
[2]) Ленин, т. III, изд. 1-е, стр. 272.
[3]) Ленин, т. XI, изд. 2-е, стр. 98.
[4]) Ленин, т I, изд. 2-е, стр. 300.

Ленин говорит, что крестьяне в XII — XV вв. были закабалены, были в подчинении феодалов-помещиков, а Дубровский настаивает на том, что крестьяне этой эпохи были свободными и самостоятельными. Странно слышать от марксиста о свободе крестьянина, который должен феодалу доставлять натуральный и денежный оброк и нести барщину, быть в постоянной зависимости от феодала. Дубровскому, как историку, должно быть известно, что в XII — XIV вв. существовали закупы, челядь и смерды, при чем все эти категории крестьян были несвободны, лично зависимы от господ на основе внеэкономического принуждения.

В крайнем случае, если замечания Ленина т. Дубровского ни к чему не обязывают, пусть он тогда хоть заглянет в книжку добросовестного кадетского историка Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси». Там он прочтет следующее: «Основные черты положения владельческих крестьян на Западе и у нас в средние века (эпоха феодализма.—*И. Ф.*) состоят в том, что они пользовались правом перехода, под условием формального отказа, что они наследственно владели участками господской земли, пользовались ими, как самостоятельным хозяйством, под условием уплаты разнообразных, большею частью очень тяжелых оброков и пошлин, а частью и барщинных работ, наконец, в том, что они, доколе жили на господской земле, должны были подчиняться суду и управе господина»[1]

В ряде других мест Павлов-Сильванский, не в пример марксисту Дубровскому, рисует подробную картину зависимости крестьян от феодалов. Дубровский делает несколько шагов назад по сравнению с добросовестным буржуазным историком при анализе классовых взаимоотношений в феодальную эпоху и приближается, как и в ряде других случаев, к махрово-буржуазному, явно враждебно настроенному к марксизму Петрушевскому, который считает, что крестьяне при феодализме были вполне свободными, отрицая при этом наличие ожесточенной классовой борьбы. «Хозяйственная гармония,—писал Петрушевский,—между барским двором и крестьянской общиной есть гармония между двумя хозяйственно-автономными организмами, из которых каждый сам себе ставит хозяйственные цели» [2]).

Дубровский перепевает буржуазных ученых—Петрушевского, Беляева, Ключевского и др.—и приходит в этом вопросе в резкое противоречие с Марксом и Энгельсом. Энгельс очень часто крестьян эпохи феодализма также называл крепостными (это только лишний раз подтверждает, что для Энгельса крепостничество и феодализм не были разными формациями) и не считал их свободными. Вот одно из многих его высказываний в этом духе: «В средние века не освобождение... народа от земли, а, напротив, прикрепление... его к земле было источником феодальной эксплоатации. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного и был обязан платить землевладельцу трудом или продуктом» [3]).

---

[1]) Феодализм в древней Руси, изд. 2-е, 1926 г., стр. 77. Подчеркнуто нами.—**И. Ф.**

[2]) Петрушевский, Восстание Уотта Тайлера, стр. 133.

[3]) Цит. по Ленину, собр. соч., т. III, стр. 143, разрядка наша.—**И. Ф.** Эту цитату т. Дубровский безобразнейшим образом подделал для оправдания своей теории об особой крепостнической формации. Вот как она у него выглядит на стр. 75 его брошюры: «Итак, отработанная рента и характерное для нее барщинное хозяйство предполагали, как указывал еще Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии», не освобождение... народа от земли, а напротив... прикрепление его к земле». Такое обкарнание цитаты Энгельса дало возможность Дубровскому иметь все элементы «крепостнической» формации: отработочная рента барщинное хозяйство, прикрепление крестьян к земле, и все это... подкреплено цитатой из Энгельса. А Энгельс говорит совсем другое: в средние века (эпоха

Вот еще одно место из Энгельса:

«Мелкие крестьяне бывают разного рода. Одни из них феодальные и отбывают еще барщину. Если буржуазия запоздала выполнением своей обязанности по отношению к ним, если она не освободила их от крепостной зависимости, то будет не трудно убедить их в том, что только в рабочем классе их спасение» [1]). Таких цитат можно было бы привести десятки, но сказанного достаточно, чтобы утверждать, что и в Европе в средние века, в эпоху господства феодалов, были крепостные крестьяне, что крепостничество не является особой формацией, отличной от феодализма, что говорить о свободе крестьян в эпоху феодализма, мягко выражаясь, не верно.

Нам хотелось бы узнать от т. Дубровского, зачем ему потребовалось приукрашивать положение крестьян в феодальную эпоху? Мы понимаем подобного рода приукрашивание со стороны историков помещичье-либерального лагеря накануне реформ 1861 г. и накануне крестьянской революции 1905 г., в эпохи грозных волнений крестьянства против феодального гнета. Но мы не можем понять историка-марксиста т. Дубровского, который вопреки неопровержимым историческим данным, в противовес прямым указаниям своих учителей, твердит о свободном крестьянстве при феодализме, игнорируя тот факт, что вся история образования феодальной собственности основана на грубом, прямом, внеэкономическом принуждении крестьянства, на захвате крестьянской земли феодалами.

Доказывая, что феодализм есть качественно новая, особая формация по сравнению с крепостничеством, т. Дубровский еще должен был показать нам всю глубину внутренних противоречий феодальной формации, приведших ее к взрыву, и замену ее новой «крепостнической» формацией, должен был дать характеристику той революции, которая произошла в результате революционного решения противоречий, накопившихся при феодализме между производительными силами и производственными отношениями. Ради справедливости мы должны отметить, что этот вопрос Дубровский поставил, но дал его разрешение не в духе учения Маркса и Ленина, а в духе Рожкова.

Перед Дубровским стояла дилемма: или об'яснить переход от феодализма к крепостничеству мирным путем, путем эволюционного перерождения феодализма в крепостничество. Но на этот путь он встать не мог, ибо это есть слишком открытый, незамаскированный путь ревизионизма, прямой путь мирного врастания одной классовой формации в другую.

Или он должен отыскать в истории крепостническую революцию. И эту революцию т. Дубровский находит в опричнине Ивана Грозного в России и в крестьянских движениях на Западе. «Переход,—пишет Дубровский, — от феодальной формы государства к абсолютной монархии сопровождается ожесточенной борьбой, именно борьбой создавшихся в рамках еще феодального строя крепостников против господства феодалов. Эта борьба составила основу русской опричнины, которая была не чем иным, как борьбой нарождающегося класса крепостников против старого класса феодалов. В то же время этот переход сопровождался вооруженной борьбой всего крестьянства против и старых фео-

---

феодализма!) факт прикрепления крестьян был источником именно феодальной эксплоатации, при чем подвергавшегося этой феодальной эксплоатации крестьянина Энгельс называл крепостным, который обязан был платить землевладельцу трудом (т.-е. отработочная рента!) или продуктом (т.-е. натуральная рента!). Достаточно привести эту цитату полностью, как вся концепция Дубровского о феодализме и крепостничестве, как особых формациях, рушится.

[1]) Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 14.

далов и новых крепостников-помещиков. Эту грань перехода от феодализма к крепостничеству можно было бы проследить по всей Европе в форме борьбы центральной княжеской власти против феодальной аристократии и, с другой стороны, в виде массовых крестьянских восстаний, крестьянских войн, которыми крестьянство отвечало на переход от феодальной эксплоатации к крепостнической (цит. брошюра, стр. 86, 87, разрядка Дубровского. — *И. Ф.*).

Касаясь России, мы утверждаем, что Дубровский, об'являя опричину Ивана Грозного «крепостнической революцией», полностью скатывается к немарксистской теории Рожкова о дворянской революции. Рожков считал, что в XVI в. класс феодалов был свергнут новым классом, дворянством, что опричина и выражала собою переход революционным путем власти от феодалов к дворянам-крепостникам и купцам.

Эта рожковская точка зрения воспринята была многими историками-марксистами и часто попадается еще и теперь в различных учебниках и исследованиях. Надо раз навсегда похоронить эту точку зрения. Опричина Ивана Грозного была не революцией нового дворянского класса против старого феодального, а выражением острой борьбы различных групп, слоев, фракций внутри одного феодального класса, вызванных теми экономическими и соц.-политическими процессами, которые происходили в XVI в.

Опять, как это ни странно, но некоторые буржуазные историки, эволюционизирующие в своих взглядах к марксизму, иногда лучше понимают смысл и классовую сущность этой борьбы, чем некоторые марксисты. Вот как квалифицирует причины появления дворянства и его борьбу с боярами (феодалами) в XVI в. А. Пресняков:

«Крупная вотчина—удельно-княжеская, церковная и боярская—вскормили в недрах своих своего соперника и исторического преемника в мелких служилых землевладельцах, вольных слугах удельного княжья и боярских послужильцах, получавших от князя или от крупного вотчинника участок земли в поместье под условием службы. В период земледельческого кризиса вотчина среднего и мелкого размера и служилое поместье оказались хозяйственно более гибкой формой владения и социально сильным соперником боярскому магнатству. В руки среднего — между боярством и крестьянством — землевладельческого слоя — мелких вотчинников, получивших название «детей боярских» и дворян-помещиков — переходит руководящая роль в колонизации и развитии сельского хозяйства... В этом общественном слое «детей боярских и дворян» и ищет опору великокняжеская власть, высвобождая его из-под удельно-княжеского и боярского господства и об'единяя его организационно вокруг себя»[1]).

Следовательно, т. н. переворот Ивана Грозного выражал собою не что иное, как борьбу новых мелких и средних землевладельцев, лучше чувствующих пульс новой жизни, против старых землевладельцев, не умевших приспособиться к новым условиям, к изменениям, происходившим в хозяйстве Московской Руси в середине XVI в., т. е. борьбу одних групп землевладельцев против других. Вот что было в основе «переворота» Ив. Грозного, а не борьба двух, качественно отличных, классов. Эта борьба дворянской «фракции» против боярской являлась борьбой за преобразование земельных владений, за захват и передел земельных площадей как разлагающихся боярских вотчин, так и общин, населенных крестьянами, за создание условий для грабежа и выкачивание мерами внеэкономического принуждения прибавочного труда крестьянства. Опричина была борьбой дворянства против боярства, а т. н.

---

[1]) А. Пресняков, Московское государство XVI—XVII вв. «Книга для чтения по истории народов СССР», под общей редакцией М. Н. Покровского, т. I, изд. «Пролетарий», 1930 г., стр. 31—32.

«смута» была борьбой крестьянских масс против землевладельческого класса в целом, т.-е. и против бояр, и против дворян.

Русский феодализм, как формация, обнимает период, примерно, с XI—XII вв. вплоть до середины XIX века и, как каждый из крупных периодов человеческой истории, «представляет массу политических форм, разнообразных политических учреждений, мнений, революций» [1]. Но разобраться во всем этом можно только в том случае, если будем «твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы и изменения форм классового господства» (там же). Дубровский, вслед за Рожковым и Богдановым, доказывает, что дворянство основывает свою эксплоатацию на других основах, чем феодалы, мы же остаемся при мнении, что, несмотря на победу дворянской «фракции» над боярской, способ производства, метод выкачивания прибавочного продукта из крестьян оставался в основном один и тот же как в XII веке, так и в XVIII веке, так и в первой половине XIX века. Больше того, даже в 1913 году, когда в стране был налицо развитой финансовый капитал, когда в экономической области буржуазия держала в своих руках важнейшие командные высоты, в русском же аграрном строе «большей же частью хозяйство ведется крепостническое, т.-е. помещики кабалят крестьян, как было и сто, и триста, и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю» [2].

Но т. Дубровский, не желая быть последователем Рожкова, ищет выхода, как видно из вышеприведенной цитаты, не в дворянской революции, а в крестьянской войне. По Дубровскому, получается, что крестьянские войны в России (начало XVII в.) и на Западе в XIV—XV вв. и есть те «крепостнические революции», которые взорвали феодализм и открыли собой эпоху новой «крепостнической» формации.

Ну что может быть безграмотнее и курьезнее этого положения?

Что может быть абсурднее, чем утверждение, что крестьяне восставали против порядков, когда они были свободными и самостоятельными, во имя утверждения крепостного строя, где они будут находиться на положении рабов?!

И на Западе и в России крестьянские восстания, с какой бы стороны их ни рассматривать, были направлены против феодалов-крепостников, против самых различных форм крепостной зависимости, за свободный путь общественного развития, за антикрепостнический путь развития крестьянского хозяйства.

Если бы т. Дубровский заглянул в документы, относящиеся к крестьянским войнам во Франции, Англии и Германии, то он пришел бы к заключению, что и восстание крестьян во Франции в 1358 г. (т. н. Жакерия), и восстание Уота Тайлера в Англии (1381 г.), и Великая крестьянская война в Германии (1525 г.) были в основном направлены против крепостничества, против всякой крепостной зависимости, против всяческого произвола и насилия феодалов-крепостников над крестьянами. Во время восстания Уота Тайлера, в одной из петиций к королю, восставшие, по мнению одного анонимного историка, просили, чтобы «ни один человек не был больше крепостным, не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньеру, не давал бы по 4 пенса за акр земли, и чтобы никто никому не должен был служить иначе, как по своей доброй воле и по договору» [3]).

---

[1]) Ленин, Лекция о государстве.
[2]) Ленин, т. XVI, изд. 2-е, стр. 459.
[3]) См. «Социальная история средневековья», под ред. Е. Косминского, А. Удальцова, т. II, стр. 209.

Следовательно, в России, как и на Западе, никак нельзя крестьянские войны выдать за «крепостническую революцию», нельзя говорить о них как о необходимом условии для победы крепостного общества над феодальным. Мы уже не говорим о том, что, по мнению т. Дубровского, после крестьянских войн крепостнический строй сменил феодальный, а на самом деле ни в Англии, ни во Франции мы после этих войн не наблюдаем расцвета крепостничества. В Германии, в результате поражения восстания, гнет над крестьянством усилился и произошло «второе издание крепостничества», которое т. Дубровский об'являет новой формацией, а по мнению Маркса и Энгельса—это только подновленное крепостное состояние. Для Дубровского крестьянские восстания — это грань, отделяющая две формации, это резкое выступление крестьян против только возникающего крепостничества, для Энгельса же крепостничество явилось только «подновленным вторым изданием».

Итак, и крестьянские войны на Западе, и опричина Ив. Грозного в России не помогли т. Дубровскому доказать, что крепостничество является особой формацией, в отличие от феодализма. Такую же неудачу терпит т. Дубровский и тогда, когда он хочет доказать, что государственная власть при феодализме децентрализована, а при крепостничестве выступает в виде абсолютной монархии, как диктатура крепостников.

Неверно, что власть при феодализме на всех этапах его развития и во всех странах характеризуется децентрализацией, как неверно и то, что абсолютная монархия свойственна только крепостничеству.

Маркс не один раз подчеркивал, что абсолютная монархия является феодальным образованием.

«Об'единение, — писал он, — более значительных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса—дворянства—имелся монарх» [1]).

Следовательно, из этой цитаты Маркса видно, что абсолютная монархия характерна не только для крепостничества, но и для феодализма. Будет также неверным голое, безапелляционное декретирование т. Дубровским того положения, что при крепостничестве (а следовательно, по-нашему, и при феодализме) везде и всегда государственной властью была только абсолютная монархия. Ленин считал, например, что при крепостничестве может существовать не только монархия, но и республика. В лекции о государстве он говорил: «Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое... И здесь формы государства были разнообразны, и здесь имеем и м о н а р х и ю и р е с п у б л и к у, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими единственно признавались только помещики-крепостники».

И в самом деле, если обратиться к Польше, Восточной Померании, Мекленбургу в XVII и XVIII вв., с одной стороны, и к России в это же время—с другой, то и там, и здесь было господство крепостного способа производства, а в области государственного устройства в Польше мы имели дворянскую республику, а в России—абсолютную монархию.

Дубровскому кажется, что каждая общественная формация имеет лишь одну, только ей присущую форму государственной власти, а на самом деле производительные силы, развивающиеся в данной формации, приводят к изменению производственных отношений, а изменение этих последних приводит к изменению и в области форм государственного устройства, хотя классовая сущность данного политического строя будет оставаться той же.

Но что же все-таки преследовал т. Дубровский, противопоставляя

---

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 256.

крепостничество феодализму? Где та основная, решающая причина, толкнувшая т. Дубровского на ревизию взглядов Маркса, Энгельса и Ленина о феодализме и крепостничестве?

Нам кажется, что некоторые товарищи (например, т. Ванаг) в своих речах на дискуссии в ИКП правильно вскрыли и прекрасно обосновали основной, движущий мотив, каким руководствовался т. Дубровский при конструировании особой крепостнической формации.

Они показали, что взгляды Дубровского на крепостничество неразрывно связаны с его пониманием классовой сущности и исторического значения реформы 1861 г., революции 1905 г., столыпинской реформы и, наконец, Октябрьской революции. Таким образом, т. Дубровский, выставляя свою особую теорию о «крепостнической» формации, попытался найти отправную точку для решения аграрного вопроса в России и найти главный стержень русского исторического процесса, который привел к Октябрю 1917 г.

В том положении т. Дубровского, согласно которому в феодальном обществе крестьянин является свободным и поэтому имеет возможность накоплять, а при крепостничестве всякая возможность крестьянского накопления и роста элементов капиталистического фермерства исчезает, заключается вся сущность теории Дубровского. Отсюда, при крепостничестве, по Дубровскому, крепостной, как таковой, не создает для себя прибавочного продукта, который весь изымается крепостником. Таким образом, элементы фермерства возникнуть при крепостничестве не могут.

Имеет ли это утверждение что либо общее с марксизмом? Посмотрим, как на это отвечает сам Маркс. Он говорит:

«Что касается генезиса фермерства, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это — медленный, много столетий развивавшийся процесс. Имущественные отношения среди самих крепостных, не говоря уже о существовании рядом с ними мелких собственников, были очень различны, а потому эмансипация их совершалась при очень различных экономических условиях» [1]).

У Дубровского при анализе реформ 1861 г. и при анализе аграрных отношений в пореформенный период выпадает ленинская концепция борьбы двух путей капиталистического развития в сельском хозяйстве, выпадает центральная ось крестьянской буржуазной революции. И в самом деле, если при крепостничестве, безраздельно господствовавшем до реформы 1861 г., не могли создаваться условия для формирования элементов капиталистического фермерства, если крестьянин не имел возможности накоплять, т.-е. сам непосредственно эксплоатировать чужой труд, то откуда взяться «американскому» пути капиталистического развития в сельском хозяйстве, который обозначился, наравне с прусским, в эпоху распада и разложения крепостной системы хозяйства и реформ 1861 г. [2]).

Отсюда жестокая борьба крестьян за свое освобождение накануне 1861 г. за попытку революционными методами ликвидировать крепостной строй, вылившаяся в мощные крестьянские волнения и грозившая перерасти в настоящую крестьянскую революцию, подменена у тов. Дубровского рассуждениями, что это происходила только смена форм ренты, что ре-

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, ч. 2-я, стр. 703.

[2]) Напомним т. Дубровскому хотя бы о статьях Кашина в «Звезде» (№№ 1, 2 и 4 за 1926 г.)—«Экономический быт и социальное расслоение деревни в XIX в.» и в сб. «Крепостная Россия» — «Землевладение крепостных крестьян», в которых автор приводит исключительно интересный материал о появлении и росте крепостной сельской буржуазии в недрах крепостной деревни, о дифференциации крестьянства и т. д. Материал этот служит иллюстрацией к зарождению элементов фермерства еще в порах крепостного общества.

форма 1861 г. была только реформой, вызванной капитализацией помещичьего хозяйства, а роль крестьянских восстаний сведена к стремлению к «воле». Ленинская теория о столкновении нарождавшихся тенденций капиталистической аграрной эволюции заменена народническими предрассудками о борьбе крестьян только за «волю», против «нещадной эксплоатации» со стороны помещиков.

Отход от ленинской концепции исторического процесса у Дубровского особенно заметен, когда он причины революции 1905 г. об'ясняет в одной из ранних своих работ экстенсивностью сельского хозяйства. Вот как он об'ясняет предпосылки революции 1905 г.:

«Помещичье хозяйство не развивалось, так как оно жило исключительно за счет преимущественно докапиталистической эксплоатации крестьянского хозяйства, крестьянское же хозяйство не развивалось потому, что оно до последнего предела эксплоатировалось и потому находилось в состоянии хронического упадка.

Дальнейшее развитие производительных сил требовало перехода к высшим формам производства, именно—от экстенсивного к интенсивному хозяйству, между тем оно упиралось в полукрепостническое помещичье хозяйство и в сложившиеся на его основе полукрепостнические производственные отношения [1]).

Эта теория, ничего общего не имеющая с ленинской концепцией борьбы двух путей капитализма в земледелии, безусловно ведет свое начало от теории о крепостничестве, как особой формации, в которой крестьянство не имеет возможности развиваться и накоплять. Эта теория экстенсивного хозяйства является внеклассовой теорией буржуазных ученых, которую у последних заимствовал напрокат т. Дубровский.

Эта буржуазная теория привела т. Дубровского к таким архиправым взглядам на решение аграрного вопроса Октябрьской революцией, что самый от'явленный оппортунист может позавидовать т. Дубровскому. Вот что он писал:

«В предшествовавшем изложении нам приходилось указывать целый ряд препятствий к его (капитализма в деревне.—*И. Ф.*) развитию при царизме, из которых главное—полукрепостническая эксплоатация помещиками и помещичьим государством, низкие хлебные цены, высокие арендные цены и высокие цены на землю. Революция резко изменила все эти условия: произошла грандиознейшая чистка под капитализм: революция до основания снесла всю помещичью эксплоатацию. Теперь прежних препятствий к интенсификации нет. Если ранее со стороны помещичьего государства интенсификация встречала в лучшем случае малокровное содействие, то со стороны советской власти она встречает широчайшую поддержку» [2]).

И в другом месте той же книжки:

«Советская власть показала всей новой экономической политикой, что она идет на реставрацию капитализма там, где это нужно в интересах народного хозяйства»...«Под'ем сельского хозяйства во что бы то ни стало заставляет оказать всяческую поддержку старательным хозяевам, делать им ряд льгот. Так, например, в интересах сохранения и развития более интенсивных хозяйств допускается оставление в пользование земли выше потребительско-трудовой нормы. Несомненно разрешение аренды наемного труда, свободы выхода на хутора и отруба — все это также может быть использовано сельской буржуазией в целях развития своего хозяйства»...«Советская власть должна использовать их капиталистические тенденции в це-

[1]) С. Дубровский. Очерки русской революции, стр. 104.
[2]) С. Дубровский. Очерки русской революции, стр. 353.

лях восстановления сельского хозяйства. Поскольку они являются старательными хозяевами и поскольку у них замечается переход к интенсивному хозяйству, советская власть в этом направлении должна им оказывать содействие».

Вот куда привели т. Дубровского теории о «кризисе экстенсивного хозяйства» и об особой крепостнической формации! Здесь комментарии излишни. Нелишне напомнить только, что эти высказывания вполне увязываются у т. Дубровского с его «комбинированным путем», о котором мы скажем ниже.

Дубровский в качестве борца против преувеличенной роли торгового капитала в историческом процессе.

Тов. Дубровский, повторяя общеизвестные положения Маркса, правильно заострил вопрос на том, что торговый капитал не создает особого способа производства, не участвует в процессе производства и не является общественно-экономической формацией, как об этом думают Богданов, Рожков и вслед за ними многие историки-марксисты. Многие историки в своих работах еще не так давно писали о «торгово-капиталистической формации», о «господстве» торгового капитала, об «эпохе» господства торгового капитала, о «системе торгового капитализма», понимая под последней систему производственных отношений.

Мы могли бы привести большую сводку выдержек из работ многих историков-марксистов, показывающих полное непонимание роли и значения торгового капитала, полное игнорирование действительных взглядов классиков марксизма по этому вопросу.

Некоторые историки доходят в этом отношении до чудовищного, сказали бы мы, прямо болезненного преувеличения этой роли, возводя торговый капитал в единственного творца исторического процесса. Мы приведем в качестве примера только одного историка, который, подчеркиваем, совсем не является исключением и который, кстати сказать, на дискуссии в ИКП выступал против «концепции» т. Дубровского. И если мы берем в качестве образца «перлы» именно т. Пионтковского, то только потому, что они, пожалуй, самые яркие, с точки зрения методологического невежества в литературе новейшего времени. Но мы еще раз подчеркиваем, что подобные взгляды на торговый капитал до самого последнего времени господствовали во всех исследованиях, учебниках, курсах и продолжают еще до сих пор просачиваться в популярную литературу некоторых историков [1]).

Вот что он пишет:

«Фоном, на котором выросла вся новейшая история России, был торговый капитал, который, переливаясь в новые формы (?), создавал (?) ряд (?) промышленно-капиталистических формаций (?) и, социально трансформируясь (?), захватил с собою из эпохи своего первоначального существования и сохранения социальные формы (?) свойственные исключительно торговому капиталу (?), в виде самодержавия (?) и помещичьей монополии на землю». И на следующей странице: «Самодержавие выростало в России на питательных дрожжах торгового капитала. Торговый капитал в процессе обмена оплодотворял одинаково и самодержавие и владельцев товаров (?)—земельных собственников. Количественный рост торгового капитала, качественно менял классовые формации (?)

[1]) См. брошюры Н. Ульянова «Разинщина», изд. 1931 г., Н. Парадизова «Декабристы» (1930 г.), В. Зельцера и А. Гайсинович «Дореформенная экономика» (1930 г.), изд. «Пролетарий», в которых иногда открыто, иногда в завуалированной форме проводится теория «господства системы торгового капитализма».

и формы власти, как их оболочку, сохраняя все время свою сущность торгового капитала» [1]).

Подобных безграмотнейших, вреднейших, архиневежественных формулировок можно найти в этой книжке, и к сожалению не только в этой, и не у одного т. Пионтковского, сколько угодно. Первые 28 страниц книжки кишмя кишат подобными благоглупостями и являются образцом той методологической неграмотности и неряшливости, которая так сильно распространена среди историков [2]).

Что неправильного в вышеприведенных цитатах? Почти все от первой и до последней строчки. Правильнее будет задать другой вопрос: что здесь правильного?

Каковы, по Марксу, основные функции торгового капитала? Не создавая стоимости, не производя прибавочной стоимости, он содействует их реализации, обслуживает обмен товаров, способствует «общественному обмену веществ» (Маркс). Единственно, что требуется для его существования и процветания—это наличие товарного и денежного обращения, независимо от способа производства. Не создавая какой-либо определенной общественно-экономической формации, развивая свою деятельность на почве самых разнообразных производственных отношений, торговый капитал примазывается к существующим отношениям и в интересах наживы прибегает к самым разнообразным методам,—от откровенного грубого разбоя до организации грабежа под видом «справедливого» мирного обмена.

«Самостоятельное и преобладающее развитие... купеческого капитала... равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества» (Маркс). Основная ошибка всех историков, подобных т. Пионтковскому (и Дубровскому в том числе), состоит в том, что они смешивают торговлю и торговый капитал. Каждого торгующего дворянина и крестьянина они готовы причислить «к лику» купца. А это неверно. Надо точно разграничивать товарный и торговый капитал, надо ясно себе представлять, что товарный капитал становится торговым только тогда, когда он является функцией особого подразделения капиталистов,—именно купцов. Не всякий общественный обмен совершается при помощи купцов. Последние считаются носителями торгового капитала до тех пор, пока они выступают только посредниками при «общественном обмене веществ». Как только купец приобретает средства производства, начинает участвовать в процессе производства, он перестает быть представителем купеческого класса.

Поэтому т. Пионтковский должен запомнить раз навсегда, что торговый капитал не только никогда не создавал «ряда промышленно-капиталистических формаций», но по своей природе не способен создавать какую бы то ни было общественно-экономическую формацию.

Русское самодержавие выражало интересы не торгового капитала, а помещиков-крепостников. Тов. Мирошевский в своих тезисах о «Социальной природе западно-европейского абсолютизма» (Бюллетень ЗКО ИКП, № 10 за 1930 г.) правильно, по нашему мнению, ставит вопрос в той плоскости,

---

[1]) С. Пионтковский, Очерки истории России в XIX—XX вв., изд. «Пролетарий», 1930 г., второе дополненное, стр. 6—7. Разрядка наша.—**И. Ф.**

[2]) Во «введении» к этой книжке т. Пионтковский показал себя не только махровым механистом, но и идеалистом. Вот одно из его идеалистических положений: «Под влиянием роста и развертывания капиталистических отношений сама крепостническая система медленно, но верно эволюционизировала по пути усвоения в своеобразных формах капиталистических отношений. Основным в этом процессе является эволюция форм», стр. 6. (Разрядка наша.—**И. Ф.**).

что, если некоторые прослойки купечества приобретали землю, организовывали с.-х. производство, сами непосредственно эксплоатировали крестьянство, то тогда они превращались в фактических владельцев средств производства, в носителей сельскохозяйственного производства и в известной мере можно сказать, что перекочевывали из купеческого класса в класс, который господствовал в хозяйственной жизни на основе данного способа производства[1]). Эти люди завоевывали себе известное влияние на государственную надстройку, но уже не как представители купечества, не как представители сферы обмена, а как землевладельцы, как часть господствующего в экономике класса.

Если принять эту точку зрения, то надо признать, что русское самодержавие никогда не было выразителем интересов купечества, выразителем интересов блока купеческого и землевладельческого классов, как не было и выразителем промышленного капитализма, а всегда, во все периоды русской истории, в основном выражало интересы **класса крупных землевладельцев-крепостников, командовавшего в русском с.-х. производстве**, хотя и учитывавшего в своей политике интересы и купцов и промышленников. Больше того, являясь по происхождению и своей классовой сущности вплоть до 1917 г. аппаратом крепостников-помещиков, русское самодержавие с определенного времени, под влиянием развития товарно-денежных отношений в недрах феодально-крепостного общества, имело постоянную тенденцию эволюции в сторону буржуазной монархии. Ярким выражением этого процесса было появление и рост значительного слоя бюрократии, которая, по выражению Ленина, «является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности **глубоко буржуазной**» и которая в системе государственного управления играла в высшей степени важную и видную роль. Самодержавие и по происхождению и по назначению было исполнительным комитетом зубров-крепостников-феодалов до самой последней минуты своей жизни, но с довольно раннего времени, примерно с XVII—XVIII вв., через свою государственную машину, в виде бюрократии, оказывалось связанным многими нитями с возникающими и развивающимися товарно-денежными, а впоследствии с буржуазно-капиталистическими отношениями. Это тем более будет понятным, если вспомнить ленинское положение, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и бюрократии от Николая II до любого урядника». Один же торговый капитал, который не создавал своего собственного производства, не владел средствами производства, не способен был организовать и свое политическое господство. Торговый капитал играл большое значение в процессе создания русской монархии, он умел, и часто очень искусно, паразитически использовать в своих интересах данный господствующий в производстве и в политике класс, но он не имел и не мог иметь в России своего **постоянного** политического господства, не мог, как правило, и сколько нибудь длительно наравне с помещиками участвовать в управлении государством. Вот почему

---

[1]) «Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадают рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабовладельцев или феодальный сеньер высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он в конце-концов уступает свое место ростовщику, **который сам становится землевладельцем и рабовладельцем**, как всадники древнего Рима. На место старого эксплоататора, эксплоатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, выступает жестокий, жадный до денег выскочка. **Но самый способ производства не изменяется**». (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я стр. 137).

надо с особой настойчивостью и впредь бороться с гипертрофией торгового капитала при исследовании и интерпретации исторического процесса. Вот почему выступление С. Кунисского на дискуссии в ИКП в защиту старой теории «Об эпохе господства «торгового капитализма»» прозвучало как голос вопиющего в пустыне, не поддержанного ни единым человеком. Вот почему печально знаменитая формулировка Н. Розенталя о торговом капитализме, как о «вполне определенной системе производственных отношений»[1] получила на той же дискуссии заслуженный отпор.

Но за последнее время среди историков появилась и другая, не менее вредная точка зрения, что торговый капитал совсем или почти совсем не играл в русском историческом процессе никакой роли. Эта точка зрения также будет бита,—и чем скорее, тем лучше,—как уже добивается и та точка зрения, которую развил т. Пионтковский во введении к своей книжке, вышедшей ..... в 1930 г. Торговый капитал в русском историческом процессе играл значительную, нередко даже огромную роль, большей частью консервируя феодально-крепостнические отношения (отсюда такое длительное существование в России феодализма), выступая союзником помещика-крепостника в деле эксплоатации крепостного крестьянства на основе внеэкономического принуждения со стороны помещика, являясь его (помещика) агентом, приказчиком на рынке, выполняя роль посредника в «общественном обмене веществ». Но наряду с общими вопросами и интересами, у этих двух классов, у каждого из них в отдельности, были особые специфические интересы, защита и отстаивание которых приводили часто к борьбе купцов с помещиками. Играя большую роль в хозяйственно-политической истории России, торговый капитал не играл р е ш а ю щ е й роли, не был демиургом исторического процесса, как хочет изобразить дело т. Пионтковский и многие другие историки.

Тов. Дубровский правильно сделал, что поставил вопрос о торговом капитале перед исторической мыслью. Он правильно заострил вопрос о том, что торговый капитал не создает и не представляет собой общественно-экономической формации, что не существует особого «торгового капиталистического производства», что не было особой «эпохи торгового капитала», которой соответствовала бы в качестве политической надстройки абсолютная монархия.

Но, к сожалению, т. Дубровский эти правильные мысли «снабдил» такой кучей ошибок о роли и значении торгового капитала, что его благие порывы превратились в свою собственную противоположность. Мы навряд ли преувеличим, если скажем, что, пожалуй, никто из русских историков не преувеличивал до такой степени роли торгового капитала, как т. Дубровский.

Выше мы уже говорили о том, что торговый капитал, по Дубровскому, является неот'емлемой частью при определении капиталистической общ.-экономической формации. Но оказывается, что он этим не ограничивается и отводит торговому капиталу решающую роль при переходе феодализма к следующей формации. Так он считает, что «т о л ь к о на основе развития торгового и ростовщического капитала можно понять переход от

[1] «Торговым капитализмом называется т а к о й о б щ е с т в е н н ы й с т р о й, при котором э к о н о м и ч е с к о е и п о л и т и ч е с к о е г о с п о д с т в о в о б щ е с т в е п р и н а д л е ж и т к л а с с у т о р г о в ы х к а п и т а л и с т о в... Эпоха торгового капитализма исторически следует за эпохой феодализма. Общество эпохи торгового капитализма при всей пестроте его форм, сложившихся в отдельных странах (от Голландской федеративной республики до самодержавной Российской империи), — образует в п о л н е о п р е д е л е н н у ю с и с т е м у п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й, отличаясь как от предыдущего феодального общества, так и от более позднего промышленного (Н. Розенталь, «История Европы в эпоху торгового капитализма», «Прибой», Лгр., 1927 г., стр. 3—4).

феодализма к крепостничеству». (Цит. брошюра, стр. 117, разрядка наша.— *И. Ф.*). Оказывается, что и «развитие крепостного хозяйства, по сравнению с феодальным, означает новый этап в развитии торгового капитализма». (Там же, стр. 86, разрядка наша.—*И. Ф.*). Интересно бы знать, сколько в развитии торгового капитализма (?) вообще существует этапов, какие их характерные признаки и вообще кто к кому приспособляется «внешним образом» (Маркс): торговый капитал к феодально-крепостническому производству или наоборот? Ликвидация крепостничества у Дубровского также смывается «волною развивающегося торгового капитализма».

Попытка Дубровского при переходе от одной формации к другой выдвинуть в качестве решающего фактора торговый капитал свидетельствует о неумении его вскрыть и показать всю противоречивость перерастания одной формации к другой. Вместо того, чтобы при анализе перехода от одной формации в другую решающее ударение сделать на анализе противоположных тенденций умирающей формации, на вскрытии противоречий старой формации и выяснении условий, способствующих возникновению новой, Дубровский апеллирует к помощи торгового капитала, который «хоронит» старую и «рождает» новую.

Мы не отрицаем того обстоятельства, что при переходе, например, от феодализма к капитализму роль торгового капитала была важной (но не решающей). В ряде стран торговый капитал создавал необходимые предпосылки для возникновения капиталистического способа производства, разлагая при этом старый — феодально-крепостнический. И наоборот, в ряде других стран торговый капитал консервировал существующие феодальные отношения, препятствовал их разложению и тем самым тормозил возникновение капиталистического способа производства. Автор не сумел подметить этой двойственной, разлагающей и консервирующей роли торгового капитала при смене феодализма капитализмом. Ошибкой автора является и то, что он совершенно не отметил той большой роли, какую играет торговый капитал в мануфактурную стадию капитализма, когда торговый капитал, теряя свою «чистую» форму, теснее связывался с промышленностью и при стечении благоприятных обстоятельств перерастал в промышленный.

Дубровский не понял марксова учения о переходе от феодализма к капитализму, не умеет об'яснить глубоких противоречий, появляющихся в конкретной истории в результате борьбы двух формаций. Для Дубровского переходный период от феодализма к капитализму, представляющий из себя борьбу двух противоположных систем, не является решающим вопросом. Он вслед за Богдановым или заменяет ее особой крепостнической формацией, или все сводит к деятельности только одного торгового капитала, фальсифицируя тем самым марксово учение об эпохе т. н. «первоначального накопления капитала».

Возвеличивание роли и значения торогового капитала у Дубровского доходит до геркулесовых столбов тогда, кагда он говорит о торговом капитале в условиях пролетарской диктатуры, в условиях переходного периода. Вот что он пишет:

«Подлинная борьба против торгового и ростовщического капитала ведется не на первом этапе революции (бурж.-демократическом — *И. Ф.*), а на втором, когда именно охват развивающимся социализмом всего хозяйства позволяет социалистическому сектору все более вытеснить капитал из сферы производства,

но также и из сферы торговли и ростовщичества... Борьба же против торгового и ростовщического капитала составляет основное содержание не первого этапа революции, а лишь только часть второго социалистического этапа революции». (Цит. брошюра, стр. 122, разрядка Дубровского.—*И. Ф.*).

Неужели т. Дубровский будет всерьез доказывать, что в эпоху ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации борьба против торгового капитала является одной из главных задач борьбы пролетарской диктатуры, и неужели т. Дубровский всерьез считает, что «основным содержанием» октябрьской социалистической революции являлась борьба именно против торгового капитала? Говорить на втором десятке существования пролетарской диктатуры, что в СССР «подлинная борьба» с торговым капиталом только еще начинается, может только человек, не имеющий понятия о характере нашей переходной эпохи и о специфических особенностях торгового капитала. А из предыдущего видно, что именно к таким людям и принадлежит т. Дубровский.

Новые „формации" Дубровского, чреватые правооппортунистическими последствиями.

Концепция т. Дубровского об общественно-экономических формациях привела его к путаным и политически-вредным взглядам на нашу эпоху переходного периода.

Мы уже видели, что в схеме т. Дубровского о 10 формациях, последний, наравне с рабовладением, феодализмом и капитализмом, возвел в «сан» общественных формаций эпоху пролетарской диктатуры, во-первых, и социализм — во-вторых (в отличие от коммунизма).

Ленин никогда не считал нашу переходную эпоху от капитализма к коммунизму особой формацией. Этот период потому и называется переходным, что в нем происходит ожесточенная борьба двух формаций, что наша «экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом»[1].

Понимает ли Дубровский, настаивающий на том, что переходная эпоха есть формация, что он тем самым становится на путь признания того, что лозунг Ленина «кто кого?» уже с порядка дня снят и в сельском хозяйстве и на мировой арене, что классы и классовая борьба уже уничтожены, что капитализм уже сломлен окончательно, что мы живем в условиях коммунистического общества, ибо капитализм должен смениться коммунизмом?[2]. Понимает ли Дубровский, что хотя мы и вступили в период социализма, но...

---

[1]) Ленин, т. XVI, изд. 1-е, стр. 348.

[2]) Кстати, эту ошибку—признание нашей переходной эпохи особой общ.-экон. формацией—делает не только один т. Дубровский. Даже некоторые философы, которые должны быть во всеоружии марксистского учения об общ.-экон. формациях, и те делают подобную же ошибку. Мы имеем в виду т. Луппола, который писал: «Крестьянство, являясь одним из двух основных классов феодального общества, переходит... в общество капиталистическое, продолжается в нем в качестве «неосновного». Но движение этого класса таково, что оно переходит и дальше, в общество переходного периода от капитализма к социализму. Причем,—что особенно интересно,—в этой новой общественной формации крестьянство вновь выступает в качестве основного на ряду с пролетариатом класса». («Ленин и философия», 1927 г., стр. 111). Аналогичную же ошибку т. Луппол допускает в статье «К вопросу о теоретических корнях правого уклона», см. сборник «Теория равновесия и материалистическая диалектика», стр. 168.

«до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин)?

Дубровский этой своей теорией идейно разоружает пролетариат, усыпляет его бдительность, об'ективно зовет к ослаблению классовой борьбы.

Если переходный строй есть уже полное господство особого способа производства, то мы спрашиваем т. Дубровского: какого именно, капиталистического или социалистического? Но про господство социалистического способа производства он говорить не может, ибо социализм у него выделен в особую формацию, а о капиталистическом он едва ли сам будет настаивать. Что же делать? Искать третьего пути? Для революционных марксистов существует только два пути: или капиталистический или социалистический, третьего пути в природе нет. Но для Дубровского этот третий путь, оказывается, существует. Он намечен Дубровским еще в одной из его старых работ: «Возможны три пути развития сельского хозяйства: 1) прямолинейно-капиталистический; 2) прямолинейно-социалистический и 3) комбинированный». При чем оказывается, что господствующим путем является этот последний — «комбинированный путь»: «Если неприменим чисто капиталистический путь развития, так как он упирается в интересы мелкого крестьянства и деревенской бедноты, то **оказывается неприменимым и чисто социалистический путь развития крупного хозяйства**... Эта-то неприемлемость ни чисто капиталистического, ни чисто социалистического пути развития сельского хозяйства и выдвигает применение метода комбинированного из этих двух» [1]).

Конференция аграрников-марксистов с полным основанием подчеркнула родство взглядов Дубровского с позицией Суханова и прочих мелкобуржуазных теоретиков, квалифицировав взгляды Дубровского как взгляды, выражающие «трусливый эклектизм», втихомолку ревизующие марксо-ленинские взгляды.

Но правооппортунистическая сущность взглядов Дубровского на нашу эпоху этим еще не исчерпывается.

Если правильно утверждение Дубровского, что наша переходная эпоха есть особая классовая формация, значит мы должны пережить еще одну революцию, ибо переход от классовой формации к бесклассовому социалистическому обществу совершается посредством революции. Такие разговоры мы слышали от Троцкого, рассматривавшего нашу пролетарскую диктатуру, как союз реакционной части пролетариата с кулачеством («керенщина наизнанку»). Но если т. Дубровский скажет, что такой революции больше не потребуется, а наш строй все же является особой формацией, тогда тов. Дубровский вынужден впасть в другую крайность и должен будет утверждать, что классовая формация мирным путем врастает в бесклассовое общество...

Таким образом, тов. Дубровский попадает в плен и «**левого**» и **правого оппортунизма, правда, с большим акцентом направо, ибо его поиски третьего пути благополучно привели его к печальной теории равновесия,—этой методологической основе правого оппортунизма.**

Не менее теоретически невежественно, когда Дубровский социализм противопоставляет коммунистической формации.

Нет особой надобности на страницах теоретического органа доказывать, что классики марксизма никогда не противопоставляли социализм, как первую форму коммунистического общества — коммунизму. Ленин десятки раз подчеркивал, что «Различие между социализмом и коммунизмом только

---

[1]) С. Дубровский, Очерки по истории русской революции. стр. 242, 244, 245.

то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его»[1].

Таков взгляд Дубровского на формации вообще и нашу эпоху переходного периода в частности. Мы видим, что с марксизмом они имеют лишь то общее, что Дубровский, сочиняя свою теорию, прикрывается, как и все ревизионисты всех времен, именами классиков марксизма. Поэтому приходится только разводить руками, когда читаешь речь тов. Шестакова на дискуссии в ИКП: «Я думаю, что теоретическое определение основных общественных формаций со стороны Дубровского в достаточной степени сходится с теми определениями, которые дает Маркс. В этом смысле я считаю, что отступлений и ошибочных формулировок в сторону правого уклона у него нет» (Сб. ИКП, стр. 113).

Нет, тов. Шестаков, мы с вами не согласны! «Теоретическое определение основных общественных формаций со стороны Дубровского в достаточной степени сходится» не с определениями Маркса и Ленина, а с определениями Богданова.

Дубровский не понимает всей сложности марксистского учения о формациях вообще, перехода от одной формации в другую. Он не вскрывает внутренних противоречий данной формации, не анализирует всех факторов, приводящих к взрыву данный «Социальный организм», упускает проблему революционного разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями, скатываясь на точку зрения буржуазного эволюционизма. Тов. Дубровский блестяще все это продемонстрировал на своей «новой» теории о феодализме и крепостничестве, как «противоположных» формациях.

* * *

Мы попытались разобрать некоторые, но далеко не все, ошибочные положения тов. Дубровского и по возможности показать, к каким теоретически ошибочным и политически вредным последствиям ведут эти ошибки. Тов. Дубровский стал на путь ревизии учения Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях, о торговом капитале, о нашем строе переходного периода и т. д.

Несмотря на то, что под давлением критики тов. Дубровский от некоторых, явно ошибочных положений отказался (от «расстановки», от теории «кризиса экстенсивного хозяйства», от особой формации эпохи пролетарской диктатуры и др.), тем не менее на многих своих ошибочных взглядах тов. Дубровский попрежнему продолжает настаивать, несмотря на их осуждение подавляющим большинством коллектива историков-марксистов. Борьба с Дубровским и дубровщиной еще предстоит, тем более, что дело не столько в нем и его тех или иных ошибках, сколько в рецидивах богдановщины, рожковщины, струвизма, в проникновении в среду марксистов взглядов Петрушевского, Допша и т. д. [2]). Тов. Дубровский строил свои

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1-е, стр. 248.

[2]) Ярким образчиком эклектической смеси взглядов классиков марксизма со взглядами Богданова, Рожкова, Струве, Петрушевского, Допша и т. д. являются статьи А. Малышева о крепостном хозяйстве в «Историке-Марксисте», №№ 15 и 16 за 1930 г. и в сб. «Крепостная Россия», изд. ЛОКА, 1930 г. Когда т. Малышев, критикуя Дубровского, исходит из подлинных высказываний Маркса—Энгельса—Ленина на сущность феодально-крепостнической формации, он в основном правильно, удачно и интересно разделывается с «концепцией» т. Дубровского. Когда же т. Малышев в процессе критического разбора теории Дубровского развертывает «мимоходом» свои положительные взгляды на основные проблемы исторического процесса, тогда он фактически ревизует марксо-ленинскую концепцию методологии истории, в той или иной мере скатываясь на позиции вышеупомянутых противников марксизма (о господстве натурального хозяйства в эпоху крепостни-

«теорию», исходя из богдановско-рожковских позиций, на основе их механистической методологии. Вместо того, чтобы на конкретном историческом материале правильно применять диалектический метод Маркса-Ленина к сложным противоречивым общественно-историческим процессам, Дубровский свел эти процессы к логическим категориям, игнорируя при историческом анализе классовую борьбу и проблему революции, что и привело нашего историка к ревизионизму в важнейших проблемах марксистской методологии истории вообще и к правому оппортунизму при оценке нашего переходного строя в особенности.

чества, о переходном периоде от феодализма к капитализму, о двух путях капитализма в земледелии, о классовой сущности русского абсолютизма, о роли торгового капитала, об эпохе так называемого первоначального накопления капитала, о характере и социальной сущности крестьянских движений в XVI—XVIII вв. и т. д. и т. п.). Товарищей, заинтересующихся критикой взглядов т. Малышева, отсылаем к соответствующим статьям в «Историке-марксисте», №№ 20 и 22.

Pro domo sua.

(Против правооппортунистических извращений ленинского учения о пролетарской культуре).

Н. Бобровников.

I.

Тов. Сталин, говоря об «основах ленинизма», указывал, что ленинский метод заключается, между прочим, в самокритике, в обучении и воспитании пролетарских партий, партийных кадров на изучении и критике собственных ошибок.

Если трудно избежать ошибок, если в работе ошибки неизбежны, то существо партийного, ленинского воспитания требует борьбы против меньшевистского затушевывания и замазывания их, требует прямой и мужественной критики их. Таков путь воспитания и обучения партийных кадров.

Философская дискуссия вскрыла антипартийное существо взглядов так называемой «деборинской группы». Совершенно правильно указано в постановлении ЦК ВКП(б) от 25/I 1931 г., что «отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал «Под знаменем марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших догм II интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма». Эта совершенно точная характеристика существа теоретических и политических позиций деборинской группы говорит о том, что эта группа представляет лишь одно из звеньев той цепи меньшевистских, ревизионистских теорий II интернационала, которые являются различными формами выражения буржуазного и мелкобуржуазного влияния на идеологию пролетариата, в частности в эпоху диктатуры пролетариата, в реконструктивный период, в период развернутого по всему фронту социалистического наступления, неизбежно вызывающего бешеное сопротивление кулацких, нэпманских и буржуазно-спецовских элементов, смыкающихся в своей борьбе против диктатуры пролетариата с международной контрреволюцией, готовящей интервенцию против СССР.

Вместо того, чтобы учесть указание, сделанное тов. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, об отставании, а в ряде случаев отрыве теории от практики, и в соответствии с этим указанием перестроить ряды работников философского фронта и, возглавив их, сделать поворот от книжного «марксизма» к революционной материалистической диалектике Маркса, Энгельса, Ленина, деборинская группа, в том числе и пишущий эти строки, повела борьбу против самокритики, отстаивая правильность линии бывшего так называемого «философского руководства» (Деборин, Карев, Стэн и др.). Таким образом деборинская группа вступила на путь борьбы против ленинизма в философии, на путь борьбы против марксистско-ленинской диалектики, на путь антимарксизма.

Задача теперь состоит в том, чтобы критически проверить все работы философского фронта, и прежде всего свои собственные, под углом зрения итогов философской дискуссии. В резолюции ИКП Ф. и Е. (см. «Правду» от 26/I, 1931 г.) моя работа по вопросам культуры («Пролетариат и культура») квалифицируется как правооппортунистическая. Пересмотрев вновь свою книгу «Пролетариат и культура», я прихожу к убеждению, что в ней действительно имеются формулировки и защищаются положения правооппортунистического характера.

II.

Вопросы пролетарской культуры и культурной революции имеют первостепенное теоретическое и политическое значение. Они входят составной частью в учение Ленина о социалистическом строительстве и революционной борьбе пролетариата вообще.

И меньшевизм также имеет свою теорию культурного развития, входящую составной частью в реформистское мировоззрение меньшевизма.

Так Богданов, отстаивая свою теорию пролетарской культуры, прикрывает подмену марксизма махизмом, подмену политической борьбы рабочего класса за диктатуру пошленьким, оппортунистически обрезанным культурничеством в рамках буржуазного общества.

Так Троцкий, доказывая невозможность, неосуществимость пролетарской культуры, всячески настаивая на необходимости выучки у буржуазной культуры, выражает не больше, не меньше как неверие в силы диктатуры рабочего класса, неверие в творческие возможности пролетарской революции, неверие в возможность построения социализма.

Богданов и Троцкий в вопросах культуры идут как будто различными, прямо противоположными путями, но выражают по сути одну и ту же классовую линию — меньшевизм.

Вот почему мы имеем такое, на первый взгляд странное, переплетение богдановских концепций в вопросах культурной революции, с одной стороны, с троцкистскими (как, напр., у Бардина, Лелевича и др.), а с другой стороны — с правооппортунистическими уклонами от генеральной линии партии (как, напр., у т. Бухарина и др.).

Признание пролетарской культуры в богдановском смысле или отрицание ее в духе Троцкого одинаково сочеталось с право или «лево»-оппортунистическим искажением партийной линии.

Занимая правильную партийную линию и активно ее защищая, я тем не менее допустил, в связи с неправильным разрешением вопроса о пролетарской культуре, ряд неправильных политических формулировок, идущих по линии меньшевиствующего идеализма, критику которых дам ниже.

Для меня была неприемлема ни точка зрения Богданова, ни точка зрения Троцкого. В противовес Троцкому я утверждал возможность, необходимость и наличие роста новой культуры в переходный период. В опровержение Богданова я указывал на реформистско-меньшевистский характер его взглядов, на идеалистическую основу их.

В одном пункте, сыгравшем существенную роль в развитии моих ошибочных взглядов, моя критика Богданова била мимо цели. Опасаясь встать на одну позицию с Богдановым, я боролся против понятия пролетарской культуры вообще, вместо того, чтобы бороться против специфически богдановской теории пролетарской культуры.

Таким образом, отвергая пролетарскую культуру, но в то же время ясно сознавая творческие возможности революции в деле построения социалистического общества, я новую культуру наделил общечеловеческим социалистическим содержанием.

Я лишил новую культуру, возникающую и взращиваемую в наш переходный период, классовости; исказил классовый характер культурной революции. Я правильно писал: «каждая революция имеет свои принципы и задачи, насквозь проникнутые классовым содержанием; каждая революция, поскольку она есть кульминационный пункт борьбы классов, наиболее полно способна отражать классовую сущность восходящего класса». Но сейчас же неправильно добавлял: «Пролетарская революция, выражая интересы рабочего класса, создает новую пролетарскую культуру, которая является в основе своей социалистической культурой, ибо сущность интересов пролетариата—в социалистическом строительстве» («Пролетариат и культура», стр. 66).

Я мыслил упрощенно: переходный период есть период переделки капиталистического строя в социалистический; следовательно, и культура, которую создает пролетариат в период своей диктатуры, есть общечеловеческая социалистическая культура.

Формальный антидиалектический характер мышления представлен здесь во всей своей наготе. Переходный период, как период жесточайшей классовой борьбы, отдельные этапы переходного периода, как этапы и различные формы этой классовой борьбы пролетариата за свою гегемонию в хозяйственной, политической и идеологической областях, здесь забыты. Конечно, пролетариат является тем единственным историческим классом, «которому не приходится защищать и проводить против господствующего класса свой особый классовый интерес» (Маркс). Пролетариат является носителем и строителем бесклассового коммунистического общества, бесклассовой коммунистической культуры. Но диалектика конкретного исторического процесса такова, что пролетариат придет к коммунистическому строю с общечеловеческой культурой не иначе, как через более или менее длительный период диктатуры пролетариата, через период подавления и уничтожения враждебных классовых сил, через период переделки хозяйственно и культурно, в духе исторических принципов пролетариата, широчайших масс беднейшего и среднего крестьянства. «Отмирание» пролетарского государства может совершиться лишь на основе развития, укрепления, полного осуществления господства пролетариата в экономических, политических и идеологических отношениях. Общечеловеческая культура имеет в качестве реальных исторических предпосылок классовую борьбу пролетариата за гегемонию не только в хозяйстве и политической области, но и в культурном строительстве. Только последовательное проведение культурной революции в широчайшем классовом масштабе приведет к коммунистической культуре.

Именно об этом учил Ленин, когда в резолюции к с'езду пролеткульта писал: «в советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т.-е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплоатации человека человеком».

Именно по этой линии идут все указания т. Сталина работникам различных теоретических фронтов. Например, в своей приобретшей историческое значение речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин, указывая на отставание теории от практических успехов социалистического строительства, благодаря чему «у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории», ставит работникам на идеологическом фронте в упор вопрос: «разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?»

Только в свете правооппортунистических установок на содержание культурной революции я мог писать: «Такая работа предполагает целую полосу культурной революции, предполагает мирное сотрудничество и соревнование — если будем касаться литературы — различных литературных течений, начиная от «стариков», дооктябрьских писателей, принявших советскую власть, оставшихся в нашей стране и работающих вместе с нами, до попутчиков революционного времени. Только обстановка соревнования, обстановка совершенствования может дать действительный культурный и литературный рост» («Пролетариат и культура», стр. 43).

Здесь повторяется и пропагандируется известная теория т. Бухарина о том, что до захвата власти пролетариат действует по преимуществу революционными методами, а после захвата власти — исключительно реформистскими методами, что классовая борьба в период диктатуры пролетариата представляет затухающую кривую, что содержание культурной революции состоит исключительно в мирно-организаторской работе, в соревновании с буржуазной интеллигенцией, в овладении буржуазной культурой и совершенствовании в меру этого овладения.

История классовой борьбы в реконструктивный период жестоко побила правооппортунистические установки в вопросах культурной революции. Шахтинский процесс, дело вредительской контрреволюционной организации 48-ми, процесс «Промпартии», дело кулацко-эсеровской контрреволюционной организации Кондратьева—Чаянова, дело меньшевистской контрреволюционной организации Громана—Суханова и т. д. с несомненностью обнаружили, что обострение классовой борьбы в реконструктивный период целиком распространяется на область идеологии и культуры.

Социалистическая реконструкция промышленности и сельского хозяйства, в результате которой в 3-м году пятилетки должно быть закончено построение фундамента социалистической экономики и уничтожены каналы, рождающие капитал и классы вообще, социалистическая реконструкция, на основе которой партия и рабочий класс страны предприняли и успешно проводят социалистическое наступление по всему фронту, вызвала отчаянные попытки сопротивления и борьбы против строящегося социализма как капиталистических элементов внутри страны, так и интервенционистски настроенного международного капитала. Обострение классовой борьбы неизбежно захватило всю область культурного строительства, в том числе такие сферы, как искусство, наука, философия. Еще и еще раз полностью подтвердилось старое марксистско-ленинское положение о том, что теория, идеология и культура, наряду с экономикой и политикой, также представляют фронт классовой борьбы. Рамзины, Кондратьевы, Громаны, Сухановы, Рубины и пр. боролись против диктатуры пролетариата не только экономическими и политическими методами, но и средствами культурно-идеологическими. Насколько широко классовая борьба захватила культурную и идеологическую область, насколько глубоко оказалось влияние буржуазной культуры на пролетарские ряды, это обнаружилось в ряде дискуссий — экономической, литературной, философской и т. д. Рубинщина, переверзевщина, деборинщина — все это звенья буржуазного проникновения и влияния на идеологию пролетариата, так же, как троцкизм и правый уклон, представляют своеобразную форму классово-враждебных влияний на пролетариат.

Культурное строительство проходит под знаком напряженной классовой борьбы. Нет ни одного культурного или идеологического участка, где бы пролетариату не приходилось под руководством партии упорно бороться за «осуществление целей своей диктатуры». Эта борьба охватила философию, науку, искусство, школу, производство (борьба за новые формы труда), быт и т. д. Как в политике, так и в сфере культуры пролетариат, под руководством коммунистической партии, совершает перестройку, доби-

вается революционных успехов только в порядке борьбы за свои пролетарские принципы, а не в порядке мирного сотрудничества и соревнования с классово-чуждыми и враждебными направлениями.

Культурное соревнование и сотрудничество возможно и осуществимо в действительности только на основе четкой классово-пролетарской линии, коей является, говоря конкретно, генеральная линия партии.

Таким образом, содержанием культурной революции является упорная, напряженная классовая борьба за осуществление целей диктатуры пролетариата, борьба как против открыто враждебных буржуазных течений и направлений, так и против правых и «левых» уклонов от генеральной линии партии в культурном строительстве и различных форм примиренчества к ним.

III.

Культурную революцию не приходится рассматривать изолированно от процессов, совершающихся в экономической и политической области. Если политика есть концентрированная экономика, то и культурное строительство есть своего рода концентрированная политика в том смысле, что и в области культуры господствующий класс последовательно борется за свои классовые принципы. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой. Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время благодаря этому средствами духовного производства, так что благодаря этому он господствует в то же время над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства» (Маркс).

Отсюда с несомненностью вытекает, что если пролетариат ведет героическую борьбу за построение фундамента социалистической экономики, ликвидирует остатки капиталистических классов, всемерно укрепляет диктатуру пролетариата, привлекая толщу рабочего класса, колхозного, бедняцкого и среднего крестьянства к работе советов, профсоюзов, кооперации и т. д., то и содержание культурной революции развивается под знаком тех же самых классовых процессов. Основным руслом, основным стержнем, определяющим содержание экономического, политического и культурного строительства, является таким образом борьба за осуществление целей диктатуры пролетариата.

В области культурного строительства эти принципы получают свое определение в понятии пролетарской культуры.

Поэтому защита неклассового характера пролетарской культуры вполне логично сочеталась у меня с явно правооппортунистическими, неленинскими, антипартийными установками и в вопросах классовой борьбы и классовых взаимоотношений в переходный период. Не верится теперь, что в начале 1928 года я мог писать следующее: «Действительно, пролетариат, придя к власти, ведет классовую борьбу для упрочения и расширения своей диктатуры. Весь вопрос состоит в методах этой борьбы. Если до захвата власти пролетариат шел на вооруженное восстание, на гражданскую войну, если сейчас пролетариат вооруженной рукой отстаивает свое существование от нападок мирового капитала, то внутри страны в данное время, при диктатуре пролетариата, рабочий класс не может стать на точку зрения разжигания (?) классовой борьбы в стране, не может рекомендовать (?) политики открытой классовой борьбы мелкой буржуазии, крестьянства и класса не-

манов против советской власти, против рабочего государства» («Пролетариат и культура», стр. 42). Нечего и говорить, что вся эта тирада свидетельствует только о том, что автор ее в этих вопросах выражал взгляды т. Бухарина.

Что в этой цитате неправильного, неленинского? Здесь, во-первых, извращено ленинское учение о революционных и реформационных методах борьбы пролетариата. Здесь дело представлено так, как будто пролетариат до захвата власти действует исключительно революционными методами, а после завоевания диктатуры — исключительно реформистскими, тогда как Ленин учил о *сочетании* революционных и реформистских методов. До захвата власти реформа есть побочный продукт в борьбе пролетариата. При господстве пролетариата реформа, кроме того, является передышкой, периодом накопления сил *для нового наступления* (см. ст. Ленина «О значении золота»...).

Во-вторых, все слова о недопустимости разжигания классовой борьбы капиталистических элементов и мелкой буржуазии против диктатуры пролетариата здесь играют роль прикрытия правооппортунистической теории затухания классовой борьбы и врастания кулака в социализм.

В-третьих, направленная против «лево»-оппортунистической позиции определенной группы напостовства (Лелевич—Вардин) в вопросах пролетарской культуры, она бьет мимо цели. Антиленинская сущность позиции напостовства состояла в том, что напостовство сводило все содержание культурной революции по преимуществу к политическо-организационным вопросам, к наделению ВАПП'а диктаторскими полномочиями. Далее специфические задачи в области литературы и искусства напостовство сводило к политическим задачам вообще (смешение политики в области искусства с политикой партии вообще), к богдановскому ограничению классовой борьбы областью искусства, поскольку область литературы и искусства казалась им на этом этапе переходного периода «последней ареной классовой борьбы».

Как нужно было бороться против «левого» оппортунизма напостовства? Нужно было бить напостовство за «левую» фразу, которой прикрывалась подмена — в духе Богданова — политической борьбы рабочего класса обособленной борьбой в литературе и искусстве, надо было бить за «левую» фразу о диктатуре ВАПП'а, так как этим прикрывалось оппортунистическое отношение к политической диктатуре пролетариата, нужно было разоблачать «левую» фразу о борьбе в области литературы и искусства, как «последней арене» классовой борьбы пролетариата, ибо в этом выражалось ликвидаторское отношение к классовой борьбе пролетариата за диктатуру, за социалистическое строительство, ибо в этом выражалось ликвидаторское отношение к развернутому наступлению социализма против кулака, нэпманства и буржуазной интеллигенции.

Вместо всего этого я начал бить напостовство за разжигание классовой борьбы в стране. В своих ответах свердловцам т. *Сталин* в 1925 году указывал, что вопрос о разжигании классовой борьбы неверен уже в самой своей постановке, что речь может итти не о разжигании классовой борьбы, а о том, чтобы дать нужный отпор кулачеству. «*Наша задача*,—говорил он,—*здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества*. Не значит ли это, что мы тем самым беремся разжигать классовую борьбу? Нет, не значит. Разжигание классовой борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы».

Таким образом, обрушиваясь всей тяжестью на «разжигание» классовой борьбы, т.-е. обрушиваясь на «левую» фразу, как таковую, не разобла-

чая по-ленински меньшевиствующий оппортунизм, скрывающийся за фразой, я тем самым своеобразно «спасал» оппортунизм.

Яснее ясного это видно, если продолжить цитату. Дальше я писал: «Не физическое истребление остатков капиталистического класса необходимо пролетариату нашей страны в данное время, а использование этой буржуазии, с одной стороны, и ограничение ее роста — с другой. Того и другого пролетариат может достигнуть только на основе известного, условного допущения этой буржуазии и ее интеллигенции к хозяйственному и культурному восстановлению страны и постепенного вытеснения ее с этих позиций в меру роста и укрепления социалистических элементов в нашем хозяйстве»... (там же).

Соответствует ли этот курс на использование буржуазии всей политике партии и в частности политике ликвидации кулачества как класса? Ответ напрашивается сам собой. Правда, книга писалась в 1928 г., когда партия еще не выдвигала лозунга ликвидации кулачества как класса. Но книга писалась после XV с'езда партии, в решениях которого говорилось, что «достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, пользуясь всей мощью хозяйственных органов и попрежнему опираясь на бедняцко-середняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по пути к социализму».

Решения XV с'езда партии о дальнейшем наступлении на кулачество определили новые успехи в деле организации и руководства бедняцко-середняцкими массами и в деле продвижения деревни по пути к социализму. Эти успехи в свою очередь обусловили возможность сплошной коллективизации в основных зерновых районах, и партия, исходя из этого, выдвинула в начале 1930 г. новый лозунг — ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Решения XV с'езда партии, таким образом, явились предпосылкой нового поворота нашей политики в деревне, получившего свое выражение в лозунге ликвидации кулачества как класса.

Совсем иная картина получается, если исходить из правооппортунистических рассуждений об ограничении буржуазии и использовании ее. Политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации не «вяжется», не вытекает из этих антипартийных установок. Установки на «использование» буржуазии враждебны политике ликвидации кулачества как класса.

Точно так же антипартийны, враждебны политике ликвидации кулачества как класса заявления напостовцев о борьбе в искусстве, как «последней арене» классовой борьбы. Напостовцы трубили, что классовые битвы, начавшись в области экономики и политики, смолкают здесь, но тем ожесточеннее вспыхивают в области культуры. В то время как партия проводила политику дальнейшего наступления на кулачество и затем ликвидации его как класса, напостовцы требовали диктатуры на литературном фронте, доказывали, что классовый враг вытеснен, уничтожен в экономике и политике и укрепился лишь в литературе и искусстве.

IV.

Правооппортунистические установки в вопросах классовой борьбы пролетариата в переходный период определили антиленинскую позицию и в вопросе об отношении пролетариата к буржуазной культуре. Для всякого понятно принципиальное и политическое значение данного вопроса.

Идеология и культура буржуазии выражают и отражают эксплоататорские интересы капитала, служат классовым целям буржуазии, целям порабощения масс. Идеология и культура буржуазии враждебны диктатуре пролетариата, социалистическому строительству, культурной революции пролетариата. Вот, например, как говорил В. И. Ленин о буржуазной культуре, касаясь вопроса о школе: «Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов; старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны ее разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все, что было накоплено человечеством необходимого для людей?» (Ленин, «Задачи союзов молодежи»). Что касается новой школы, Ленин замечает: «и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения». Эти высказывания Ленина рисуют вполне определенно его отношение к буржуазной культуре.

В буржуазной культуре накоплено очень много ценного, что пролетариат должен взять. Но взять все ценное из буржуазной культуры можно только путем решительной переделки буржуазной культуры, разрушения и воссоздания на ее месте новой культуры, тоже классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения. Не механическое заимствование буржуазной культуры, а революционно-критический пересмотр и переделка ее, с другой стороны—не голое отрицание старой культуры, не простое разрушение ее, не бесплодная ненависть к ней, а отрицание ради положительного построения новой культуры, пролетарской, разрушение ради ее реконструкции, ненависть к эксплоататорской культуре для того, чтобы с большим упорством строить пролетарскую культуру. «Отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний» (там же).

Говоря о Марксе и созданном им учении пролетариата, марксизме, Ленин подчеркивает: «Все то, что было создано человеческим обществом, он (Маркс) переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли».

И добавлял: «Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре».

Понимая, как вредно правооппортунистическое, некритическое преклонение перед буржуазной культурой и как столь же опасно «лево»-оппортунистическое пренебрежение и отрицание всей прошлой культуры, Ленин еще и еще раз отечески наставлял: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить» (там же).

Иные и, следовательно, антиленинские позиции излагаются в книге «Пролетариат и культура». Здесь дело представляется так, «что к новой культуре он (пролетариат) придет только тогда, когда овладеет всей суммой буржуазной культуры» (стр. 21).

В другом месте: «если вы хотите создать пролетарскую культуру, приобщайтесь сперва к культуре, выработанной под гнетом капиталисти-

ского общества, помещичьего общества, чиновничьего общества, а уже потом двигайте эту культуру дальше» (32 стр.).

Не нужно особой проницательности, чтобы разгадать, куда ведут такие «формулировочки».

Они ведут к оппортунистическому отношению к буржуазной культуре. Такие «формулировочки» воспитывают неуверенность в силах культурной революции. Пользуясь такими формулировками, легко прикрыть всякое идеологическое вредительство. Такие «теории» пролетарской культуры никак не вяжутся с основными тенденциями реконструктивного периода, враждебны им.

Реконструктивный период выдвигает задачу реконструкции не только хозяйства, но также культуры, переделки не только классов, но и идеологии. А в книге «Пролетариат и культура» доказывается с прилежанием, достойным лучшего применения, необходимость «приобщения» к буржуазной культуре, доказывается, что сперва нужна буржуазная культура, а затем пролетарская (социалистическая).

Ленин с большим уважением относился ко всей прошлой культуре. Но еще с большой ненавистью он относился к ее классовому извращению. Он всюду подчеркивает необходимость переделки старой культуры в духе принципов диктатуры пролетариата. Новая культура будет тоже классовой, но преследующей не интересы кучки эксплоататоров, а «преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения». Так учил Ленин.

Но не эта ленинская точка зрения защищается и развивается мной в книге «Пролетариат и культура». Здесь нет слов о переделке в классовом пролетарском духе всей прежней культуры, зато есть речи о приобщении к этой культуре; здесь рекомендуется «не бояться буржуазной культуры, а корректировать ее революционной практикой» (стр. 103).

Там, где нужно, как говорил Ленин, «коренным образом преобразовать», «перестроить заново» культуру,—а это можно сделать лишь разрушив, уничтожив старую культуру, — там наивно предлагать «корректировать» буржуазную культуру революционной практикой, т.-е. всего лишь вносить поправки и частичные изменения в буржуазную культуру. И упоминание о «революционной практике» делается здесь всуе, ибо революционная практика требует не «коррективов», а революционной борьбы с буржуазной культурой и коренного ее преобразования.

Правый оппортунизм отличается от «левого» оппортунизма только формой и методами своего проявления. Что касается классовой и политической сущности их, то как тот, так и другой являются прежде всего оппортунизмом и отражают и выражают влияние мелкобуржуазной стихии. Этим об'ясняется не только эволюция бывшего «левого» Троцкого на позиции интервенционистов Каутского, Дана, Абрамовича и др. меньшевиков современного II интернационала, но также такие «переплеты», что Троцкий, например, в бытность свою «левым», в вопросах хозяйственных и политических говорил на откровенно правом языке, поскольку дело касалось вопросов культуры. Этим об'ясняется также то, что правый Бухарин легко переходил на «левые» фразы в вопросах пролетарской культуры.

Немудрено, что, поставив одной из задач своей книги дать критику взглядов Троцкого на пролетарскую культуру, я, формулировав ряд правооппортунистических положений, скатился очень близко к позиции Троцкого. Троцкий, как известно, полагает, что культурная революция целиком и полностью совершается под знаком усвоения буржуазной культуры. Для создания пролетарской культуры в эпоху диктатуры у рабочего класса нет соответствующих предпосылок, так как, согласно теории перманентной революции, «мы попрежнему солдаты на походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, постричь и причесать волосы и, первым долгом, прочистить [illegible]

зать винтовку. Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок между двух боев и походов. Главные бои впереди и, может быть, не так уже далеко. Наша эпоха не есть еще эпоха новой культуры, а только преддверие к ней. Нам в первую голову нужно государственно овладеть важнейшими элементами старой культуры». («Литература и революция», стр. 145, изд. 2-е). Здесь, как и всегда, Троцкий красивыми фразами о классовых боях пролетариата прикрывает совсем не пролетарское и совсем не «красивое» неверие в наше социалистическое строительство и в творческие способности культурной революции. Поэтому все содержание культурной революции он видит в простом культурничестве. «Чтобы конкретнее пояснить мысль о культурническом периоде в развитии рабочего класса, возьмем историческое чередование не классов, а поколений. Преемственность их выражается в том, что каждое из них при развитии, а не упадке общества присоединяет свой взгляд к прежним накоплениям культуры. Но прежде чем делать это, новое поколение проходит стаж ученичества. Оно усваивает наличную культуру, претворяя ее по-своему, более или менее отлично от старшего поколения. Это усвоение не есть еще творчество, т.-е. создание новых культурных ценностей. Сказанное может быть—в известных пределах—перенесено на судьбу поднимающихся к историческому творчеству трудящихся масс. Нужно лишь добавить, что прежде чем пролетариат выйдет из стадии культурного ученичества, он перестанет быть пролетариатом» (там же, стр. 148).

Популярнее, чем мистер Троцкий, выразиться нельзя. Дважды два равно четырем. Культурное развитие совершается путем передачи знаний от папы к сыну. Сын вырастает большим, женится, как полагается, устраивает свой семейный очаг и передает свои знания, культуру новому молодому поколению и т. д. Пролетариат, пришедший на смену буржуазии, тоже должен пройти стаж ученичества. Тем более, что он некультурен. Его нужно научить азбуке, арифметике, приучить ходить регулярно в баню и к парикмахеру. Пролетариат должен «государственно овладеть важнейшими элементами старой культуры».

К сожалению, это мало чем отличается от взглядов, выраженных в книге «Пролетариат и культура», если их додумать до конца, если сделать все вытекающие из них выводы. Вот не хотите ли: «Простое ученичество, простое овладение буржуазной культурой в условиях диктатуры пролетариата есть уже формирование социалистической культуры. Освободить буржуазную культуру от классового плена,—значит получить культуру общечеловеческую на первых ступенях ее развития» («Пролетариат и культура», стр. 102).

V.

Круг завершен. Я начал с критики явно меньшевистских теорий Богданова и Троцкого. Но, вступив на путь правооппортунистических утверждений о неклассовом социалистическом характере пролетарской культуры, я дал ряд таких формулировок, высказал ряд таких положений, последовательная расшифровка которых опрокидывает вверх дном все, чем я хотел отгородиться от Богданова и богдановцев, в том числе и от Бухарина, с одной стороны, и от Троцкого и троцкистов—с другой стороны, и сближает меня как с теми, так и с другими. Такова логика вещей и идей.

Мои ошибки, следовательно, в основном состоят в том, что,

1) я неправильно развивал положение о неклассовом, общечеловеческом, социалистическом содержании пролетарской культуры, чем, по суще-

ству, отрицал пролетарскую культуру. Это правооппортунистическое положение обусловило:

2) затушевывание, смазывание вопроса о классовой борьбе в области культуры, что повело к правооппортунистическому реформистскому пониманию содержания культурной революции.

3) Все это не могло не отразиться на правооппортунистической постановке вопроса о классовой борьбе, о формах этой борьбы в переходный период.

4) Отсюда получилось неправильное, антиленинское освещение такой коренной проблемы культурной революции, как вопрос об отношении к буржуазной культуре (сближение со взглядами Троцкого).

VI.

Теперь, чтобы «покончить счеты со своей теоретической совестью», я должен в нескольких словах коснуться еще одного вопроса. Это — вопрос о перерастании пролетарской классовой культуры в бесклассовую социалистическую культуру.

Класс пролетариата утверждает свою диктатуру, борется за осуществление принципов своего класса, ради уничтожения классового общества и классовой культуры. С уничтожением классов, с «отмиранием» пролетарского государства будут «отмирать» и классовые черты пролетарской культуры, и последняя и по содержанию и по форме будет превращаться в культуру общечеловеческую, социалистическую.

Своеобразное историческое положение пролетариата, как класса, состоит в том, что он в своей революционной практике и теории более сознательно, чем всякий иной класс, осуществляет и руководствуется классовыми принципами, но для того только, чтобы уничтожить классовое общество. Это своеобразное историческое положение пролетариата проливает свет и на вопрос о переходе пролетарской культуры в социалистическую.

Пролетарская культура есть необходимая ступень и форма для переработки классовой психологии, идеологии и культуры в социалистическую культуру.

Культура не декорация, которую на другой день революции можно сменить. Социалистическое общество еще долго остается «покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества» (Маркс).

Осуществление коммунистического строя, как и коммунистической культуры, предполагает, следовательно, период революционной переделки экономики и культуры общества. «Революция необходима не только потому, что нельзя иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» (Маркс. Критика немецкой идеологии, «Архив М. и Эн.» кн. I, стр. 227).

Ясно. Прежде чем будут окончательно уничтожены капиталистические классы, прежде чем будут подвергнуты коренной переделке опора и союзники пролетариата—полупролетариат деревни, беднейшее и среднее крестьянство, наконец, прежде чем сможет измениться природа самого пролетариата, требуется более или менее длительный период диктатуры пролетариата, как период ликвидации эксплоататорских и переделки трудящихся классов, период гегемонии пролетариата в экономике, политике и культуре.

Преобразование капиталистического общества и капиталистической культуры в коммунистическое общество с общечеловеческой культурой может совершиться лишь через последовательное осуществление гегемонии пролетариата. Полное осуществление гегемонии пролетариата и означает,

по существу, переделку общества в духе принципов пролетариата. А это означает в свою очередь уничтожение классов, т.-е. социализм.

Таким образом полная и последовательная переделка культуры в духе принципов пролетариата будет означать в то же время переход к социалистической культуре. Но поскольку существуют классы, пролетариат борется всеми имеющимися в его распоряжении средствами за свою классовую культуру, за переделку масс в духе принципов своего класса. Такова диалектика реальной истории.

Отсюда понятно, почему Ленин не противопоставлял пролетарскую культуру социалистической. Моя же ошибка состоит в том, что, исходя из этого непротивопоставления, я отождествил их.

Пролетарская культура не тождественна, но и не противоположна, не антагонистична социалистической культуре. Пролетарская культура есть переходная культура, неизбежная ступень в развитии социалистической культуры. Поскольку пролетарская культура является выражением принципов диктатуры пролетариата, постольку она еще классова, постольку она реально отличается от культуры социалистической, бесклассовой. Но диктатура пролетариата есть лишь средство для построения социализма, и эпоха диктатуры пролетариата есть ведь эпоха построения социализма. Поэтому и пролетарская культура есть необходимая форма и ступень в развитии социалистической культуры. Реальный процесс перерастания пролетарской культуры в социалистическую протекает в неразрывной связи с уничтожением и переделкой классов.

В самом деле, не случайно период социалистической реконструкции всего нашего хозяйства и развернутого наступления социализма по всему фронту сопровождается обострением классовой борьбы и в области культуры. Наряду с выкорчевыванием корней капитализма в экономике происходит выкорчевывание буржуазных и мелкобуржуазных идей, теорий, школ, течений, предрассудков и т. д. Вместе с тем в огне классовых боев рождаются и выковываются элементы подлинно социалистической культуры. Ведется непримиримая борьба за марксистско-ленинскую теорию во всех областях науки, за революционное единство теории и практики, за уничтожение отрыва науки, образования и воспитания от производственного труда, за уничтожение старого разделения труда, за политехнизм. Создаются производственные и бытовые коммуны (особенно среди молодежи, комсомольцев), широкой волной растет соцсоревнование, ударничество.

Пролетарская культура и диалектическое перерастание ее в социалистическую культуру неотрывно связано с революционной борьбой пролетарских масс, с подлинным строительством социализма.

Отсюда понятно, почему Ленин жестоко высмеивал богдановско-пролеткультовскую «пролетарскую» культуру. Понимая под пролетарской культурой перевоспитание трудящихся масс в духе принципов диктатуры пролетариата, понимая под пролетарской культурой критический пересмотр и переделку всей суммы прошлой культуры в связи и на основе революционной практики рабочего класса, иначе говоря, в связи и на основе социалистического строительства, Ленин считал бесплодными, опасными и вредными попытки создать пролетарскую культуру «лабораторным путем» в стороне от масс и живого революционного дела, считал вредным «искусственное культивирование» пролетарской культуры, «эмпирии» и «размашистую болтовню» о пролетарской культуре, ибо «эмпирии» и «болтовня» по сути дела только отвлекали внимание от настоящей массовой культурной революции, прикрывали фразами о пролетарской культуре оппортунистическую практику.

Поэтому, подготовляя в связи со с'ездом пролеткульта в 1920 г. резолюцию, Ленин писал: «Всероссийский с'езд пролеткульта самым решитель-

ным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области Наркомпроса и Пролеткульта и т. п. или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п. Напротив, с'езд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством советской власти (специально Наркомпроса) и российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры».

VII.

Ленинская точка зрения на культурную революцию, как вытекает из всего сказанного выше, характеризуется настойчивым подчеркиванием пролетарско-классового содержания культурной революции. Мы еще раз напоминаем здесь, что, обдумывая характер работ с'езда Пролеткульта, Ленин писал: «в советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры». Игнорирование классового содержания культурной революции есть выражение правого оппортунизма. Этим страдает моя книга «Пролетариат и культура». Это характеризует также позицию целой группы тт. Деборина, Луппола, Ионова, Слепкова и др.

Тов. Деборин специально вопросам культуры посвятил две статьи. Первая из них «Революция и культура» появилась в 1907 г. Вторая—«Марксизм и культура»—сперва была напечатана в журнале «Революция и культура» в 1927 г., а затем вошла в третье издание «Ленин, как мыслитель» в 1929 г. Обе эти статьи, несмотря на то, что их разделяет промежуток времени в 20 лет (промежуток, в течение которого тов. Деборин активно боролся с ленинизмом) ничем не отличаются одна от другой по своему идейному содержанию. Идейное содержание упомянутых статей можно характеризовать как откровенный меньшевиствующий идеализм. Кратко оно сводится к трафаретным рассуждениям о «росте» культуры в связи с революцией (при чем последняя понимается в сущности эволюционистски, реформистски), о замене индивидуалистической культуры коллективистической и, наконец, о том, что культура составляет не больше не меньше, как содержание социально-политических революций.

Идеи пролетарской классовой культуры вы здесь не найдете. Понимание культурной революции, проникнутой духом «классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры», не находит своего отражения не только в первой статье, ничем не отличающейся от типично-меньшевистских трактовок вопросов культуры, но и во второй статье, мало чем разнящейся от первой статьи.

Так в первой статье т. Деборин пишет: «Основным тоном марксистского мировоззрения и марксистского понимания истории является принцип постоянной изменчивости всего существующего... непрерывное творчество» (Сб. «Философия и марксизм», стр. 5).

«Смысл настоящей культуры состоит в восхождении от низшего к высшему, в освобождении человечества от ига природы и господствующих классов» (стр. 4)..

«Если революция является формой перехода от одного качества к другому, от низшей стадии культуры к более высокой, то содержание социально-политических революций составляет рост культуры, под которой

мы разумеем как можно более полное соответствие между общественными учреждениями и потребностями человеческого рода, и при котором устанавливается как можно более гармоническое соответствие между интересами личности и интересами общества» (там же, стр. 8).

Комментарии излишни. Марксизм выхолощен здесь в духе подлинного реформистского меньшевизма. Всеобщим принципом об'является здесь простое изменение, непрерывное творчество. Развитие культуры есть восхождение от низшего к высшему. Этот рост культуры составляет содержание (!) социально-политической революции, так что «революция есть форма создания культурных ценностей» (8 стр.). Ни слова о диктатуре пролетариата, ни намека на классовое содержание революции, ни звука о разрушении капиталистического государства, уничтожении капиталистических классов, уничтожении и переделке буржуазной культуры на основе диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

Напротив, т. Деборин всюду делает ударение на постепенной изменчивости, на прибавлении к старой культуре новых достижений, на культурном и культурническом содержании пролетарской революции, на бесклассовом характере культуры («освобождение человечества от ига природы и господствующих классов»). И все это появляется в ряде повторных изданий в 1926 и следующих годах!

Мало того, все это с небольшими изменениями пишется в новой статье: «Марксизм и культура». Здесь опять речь идет о буржуазном индивидуализме и социалистическом коллективизме, об освобождении от подчинения природе, о новом «уровне культуры», о новом человеке и т. д. Здесь попрежнему нет классовой постановки вопроса, нет анализа переходной эпохи, классового содержания культурной революции и пролетарской культуры. Здесь попрежнему тов. Деборин остается в эмпиреях абстракции, характеризующей отрыв теории от практики.

Само собой разумеется, что верный самому себе тов. Деборин и в этой статье самым тщательным образом обходит молчанием всякие уклоны от генеральной линии партии в вопросах культуры, всякие извращения ленинизма на этом участке теории.

Как будто для т. Деборина не существовало и не существует той страстной борьбы, которую Ленин упорно, на протяжении десятка лет вел против Богданова, Луначарского и др., а затем против Плетнева, Бухарина и т. д. Как будто партия не вела с 1924 г. и по сей день горячих боев против правых и «левых» уклонов в вопросах пролетарской культуры и культурной революции. Поистине, нужно быть «выше» всего современного, «выше» самой действительности, чтобы обладать таким теоретическим и политическим «благодушием», настоящее название которому—меньшевиствующий идеализм.

В действительности же тов. Деборин занимал определенную позицию в дискуссии о пролетарской культуре. Идейно он возглавлял правооппортунистическое направление. И т. Луппол, например, есть плоть от плоти т. Деборина. Луппол избегает говорить о классовых культурах: «логически и социологически, думает он, правильным и отчетливым будет противопоставление культур капиталистической и коммунистической («социалистической»— в более ранних произведениях Ленина). Противопоставление же культур буржуазной и пролетарской способно повести к недоразумениям, затемняющим выдержанную концепцию Ленина». («Ленин и философия», стр. 164, изд. 1927 г.). Так думает тов. Луппол. Он считает более «удобным», «логичным», «научным» говорить не о культурах классов, а о культурах общественных формаций. Еще раньше положение о различении культур по общественным формациям развивалось и защищалось Слепковым и Ионовым. Как

Слепкову с Ионовым, так и Лупполу такое антимарксистское, антиленинское различение культур нужно для того, чтобы обосновать «теорию» неклассовой науки.

Наука может быть прогрессивной или реакционной, но «неприемлемо» (для т. Луппола) говорить о пролетарской или буржуазной математике, естествознании, философии, политической экономии и т. д. «Сравнивая, напр., — рассуждает тов. Луппол, — естествознание XVIII века с естествознанием XIX века, мы можем говорить о ненаучности первого с точки зрения второго... Можно ли сказать, что первые должны быть названы буржуазными или феодальными, а вторые—пролетарскими? Если не играть словами, то нельзя... Следовательно, мы можем говорить о проявлении классовой точки зрения в естественных науках в том смысле, что, напр., буржуазия при капитализме придерживается, и не может не придерживаться, по известным вопросам реакционной, **ненаучной** точки зрения, но не в том смысле, будто существуют две естественные науки, одна—буржуазная естественная наука, а другая—пролетарская. Примерно то же самое мы наблюдаем и в сфере наук общественных» (там же, стр. 180—181).

Иначе говоря, наука и культура бесклассовы. Классы только «придерживаются» прогрессивной или реакционной науки и культуры. Следовательно, пролетариат может без всякой борьбы, разрушения и перестройки овладеть новой культурой, избрав передовую науку, искусство, культуру. Следовательно, содержание культурной революции состоит в усвоении передовой науки и культуры XX в., в прохождении стажа ученичества, как правильно называет это Троцкий.

При этом самое усвоение культуры совершается, начиная с периода, когда: «Политическая борьба, социальная революция, завоевание власти, вооруженная защита пролетарского государства—все эти этапы пройдены» (там же, стр. 194).

Насколько такая перспектива согласуется со всем смыслом реконструктивного периода, когда пролетариат под руководством партии и в союзе с основными массами крестьянства переделывает коренным образом экономику и культуру страны, когда в ответ на решительное наступление социализма по всему фронту капиталистические элементы оказывают отчаянное сопротивление, организуют внутри страны политическую, экономическую и идеологическую контрреволюцию и, смыкаясь с международной буржуазией и ее агентами из II интернационала, готовят интервенцию СССР,—насколько все это согласуется с установкой т. Луппола на мирное усвоение культуры, когда «политическая борьба, социальная революция» и т. д. позади,—пусть судит сам читатель.

Письмо Чарльза Дарвина Карлу Марксу.

Публикуемое впервые письмо Чарльза Дарвина Карлу Марксу представляет громадный исторический интерес. Оно является ответом Дарвина на просьбу Маркса просмотреть в корректурах английского издания «Капитала» те места (главы XII и XIII), где Маркс ссылается на эволюционное учение. Дарвин еще раньше — в письме от 1 октября 1873 г. — выражая Марксу благодарность за экземпляр французского перевода «Капитала», подчеркнул, что считает себя мало достойным этого подарка, так как не знаком с политэкономией. Теперь же он отказывается от чести посвящения ему соответствующих глав, боясь, чтобы не заподозрели его, что он в какой-нибудь степени одобряет это поносимое буржуазией сочинение.

Однако письмо Дарвина имеет не только историческое, но и актуально-политическое значение. Оно дает революционному мировоззрению пролетариата лишний раз документальное подтверждение положения, что прославленная буржуазией «свобода науки» является фикцией. Оно ясно показывает, как идеология господствующего класса давит на научное творчество, как сильна боязнь ученых войти в конфликт с «общественным мнением» буржуазии, что даже такие гиганты мысли, как Дарвин, боятся вскрыть свои истинные атеистические убеждения и предпочитают прикрываться агностицизмом.

ИНСТИТУТ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН — КАРЛУ МАРКСУ.

13 октября 1880 г.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,

Я вам очень благодарен за ваше любезное письмо и приложение к нему. Для опубликования в какой бы то ни было форме ваших замечаний на мои книги вовсе не требуется моего согласия, и было бы смешно с моей стороны давать свое согласие на дело, для которого оно не требуется. Я предпочел бы, чтобы отдел или том вашего сочинения не был посвящен мне (хотя я благодарю вас за честь, которую вы хотели мне оказать), потому что это до известной степени означало бы, что я одобряю все сочинение, о котором я, однако, ничего не знаю. Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда

сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше, чем следует, мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию.

Мне грустно отвечать отказом на вашу просьбу, но я стар и очень слаб, и просмотр корректур (как я убедился в последние дни на опыте) сильно меня утомляет.

Остаюсь преданный вам Ч. ДАРВИН.

О так называемом „агностицизме" Дарвина.

Э. Кольман.

Революционный переворот, который произвела теория Дарвина, ее влияние на все мировоззрение эпохи, тот смертельный удар теологии, который, по словам Маркса (в письме к Лассалю от 16/I 1861 г.), она нанесла в естественных науках, вскоре вызвали не менее бурную реакцию обеспокоенной буржуазии. Борьба вокруг эволюционного учения Дарвина не прекращалась с 1859 г., с момента выхода в свет «Происхождения видов» и по сей день. Церковь, буржуазная наука и философия попеременно то провозглашают дарвинизм ненаучным и безнравственным, устраивают против него кампании, подобные дейтонскому «обезьяньему процессу» (1925 г.), то извращают его, утверждая на подобие Кидда, Геккеля, Плате, Ланге, Аммона и др., что борьба за существование и выживание наиболее приспособленных приводят в обществе к отбору наиболее одаренных людей, составляющих господствующий класс, и к расслоению на «высшие» и «низшие» расы.

Однако борьба идет и вокруг мировоззрения самого Дарвина. Существует богатая литература на тему, был ли Дарвин безбожником или верующим.

Поповская и поповствующая философия из кожи лезет вон, чтобы доказать, будто «Дарвин верил в идею Создателя» (М. Мюллер, «Естественная религия», 1890 г.), будто он «защищал теистическое мировоззрение» (Васман, «Борьба вокруг проблемы развития», 1901 г.), будто «Дарвин поддерживал веру в существование божие» (В. Штерн, «Наброски мировоззрения», 1915 г.), будто «естествоиспытатель такого значения, как Дарвин, вовсе не нуждался в гипотезы о существовании бога вне мира» (extramundan) (Фервейн, «Натурфилософия», 1915 г.), будто «для первичных организмов Дарвин полагал их сверхмеханическое возникновение путем божественной творческой силы» (К. Эстеррейх, «Основы учения Ибервега», 1916 г.), будто «Дарвин решительно защищал телеологическое мировоззрение, а именно, что божественный разум создал мир для определенной цели, что вовсе не противоречит строго-причинному об'яснению природных явлений» (Леман, «Учебник философской пропедевтики», 1917 г.), будто «сам Дарвин был решительным противником тех мировоззренческих выводов, которые делают из его учения радикальные элементы» (О. Гертвиг, «Против этического, социального, политического дарвинизма», 1921 г.), и т. д. и т. п.

Другие, более умные, лакеи буржуазии, понимающие, что легенду о Дарвине—правоверном христианине—поддержать не удастся, рисуют его как агностика (напр., сын Дарвина—Френсис, лексикограф Кирхнер-Михаэлис, философы Эйслер, Форлендер и др.), утверждают, что Дарвин, который в первый период своей жизни (до 1859 г.) был верующим теистом, потом, вследствие увлечения рационалистическими теориями, начал сомневаться и колебаться, пока якобы не созрело у него убеждение, что «весь вопрос о существовании божием не разрешим для человеческого мышления». Весь упор ставится на то, что безбожники не имеют права ссылаться на Дарвина, так как он, мол, не отрицал божественное начало, а лишь сомневался в достаточности доказательств. При этом ссылаются на письмо Дарвина А. Грей (1860 г.), где говорится: «Пусть всякий человек надеется и верит, во что сам

хочет», а также на аналогичное письмо к одному голландскому студенту (1873 г.).

Однако Геккель еще в 1902 г. опубликовал в «Общедоступных лекциях» (т. I, стр. 265, нем. изд.) письмо Дарвина (1879 г.) одному немецкому студенту, где своеобразный «агностицизм» Дарвина выражен в следующих словах: «Наука и Христос не имеют ничего общего, разве только связь между ними в том, что научное исследование приучает человека осторожно обращаться с доказательствами. Что до меня лично, то я не верю, что когда-либо имело место какое-либо откровение. Что же касается будущей жизни, каждый должен сам сделать выбор из противоречивых неопределенных вероятностей». Отсюда очевидно, что Дарвин был неверующим, но... по тактическим соображениям «предоставлял каждому спасаться на свой лад».

Что корни «агностицизма» Дарвина не лежали в возвышенной методологической области, как это пытаются изобразить философы-мракобесы вроде Штельцле («Дарвин и вера в бога», 1922 г.), который утверждает, будто «агностицизм» Дарвина, его колебания между чувством и разумом, между верою и сомнением, не дававшие ему спокойствия, поистине драматичны и являются классической иллюстрацией к слову св. Августина: «Cor meum inquietum, donec resquiescat in Te» («Сердце мое беспокойно, пока не почиет в Тебе»), а что эти корни вырастали из вполне реальной и даже непосредственно и грубо материальной почвы, об этом лучше всего свидетельствует письмо Дарвина Марксу.

Параллель между биологическим учением Дарвина и историческим учением Маркса, высказанная Энгельсом в надгробной речи у Марксовой могилы (17/III 1883 г.),—«Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории»—и повторенная им в предисловии к английскому изданию «Коммунистического Манифеста» (1883 г.): «основная мысль Манифеста... призвана заложить для дальнейшего развития исторической науки такую же основу, какую Дарвин заложил для развития естествознания»,—эта параллель остается попрежнему верна. Тем более ярко выступает разница между самими творцами этих двух составивших эпоху теорий, между Дарвиным и Марксом.

В то время как гений Дарвина, свершившего переворот в биологии, вышел из рамок этой науки, Маркс, создатель научной истории и политической экономии, поставивший с головы на ноги гегелевскую философию, сумел гениально охватить всю человеческую культуру: «в любой области, в которой он работал—а их было очень много, и ни одной из них он не коснулся только мимоходом,—в любой области, даже в математике, он сделал самостоятельное открытие» (речь Энгельса над могилой Маркса). Но Маркс не только создал диалектический материализм—всеобщую научную методологию и научное мировоззрение—не только был величайшим теоретиком философии, истории, экономики. Не в пример респектабельным кабинетным «агностикам», спокойно дожидающимся «постепенных результатов прогресса», Маркс отдал всю свою жизнь, всю свою неутомимую энергию на борьбу за торжество своих идей, на их пропаганду, на организацию пролетариата для их осуществления. Не в пример Дарвину, тщательно оберегавшему свою идиллическую тишь в деревне Даун, Маркс стоял в самом центре революционного вихря, охватившего Европу, был пламенным и неустрашимым вождем революционного рабочего класса, был наиболее ненавидимым, гонимым, оклеветанным господствующими классами человеком своего времени, был живым воплощением того единства революционной теории и революционной практики, которое только и превращает философию из средства объяснения в средство переделки мира.

К вопросу о динамической и статистической закономерности.

Э. Кольман.

Данная статья вовсе не претендует дать полное изложение темы, прежде всего потому, что как причинность не исчерпывает все типы связей, так и динамическая и статистическая закономерность не исчерпывают все проявления диалектической закономерности. Но и частная, затронутая в статье проблема слишком богата содержанием, слишком тесно переплетена с другими вопросами основных философских категорий (необходимость и свобода, причинность и случайность, непрерывность и прерывность и т. д.) и требует привлечения столь значительного естественно-научного и политико-экономического материала, что в сжатой журнальной статье она всесторонне изложена быть не может. Но значение этой именно проблемы так велико, она настолько злободневна, что кажется все же более правильным дать хотя бы конспективно некоторые установки, чем дожидаться времени, которое позволило бы обстоятельно обработать весь материал.

Проблема закономерностей имеет троякое значение: общеметодологическое, для естествознания, для общественных наук. В обеих философских дискуссиях как с механицизмом, так и с меньшевиствующим идеализмом, вопрос о характере закономерностей играл существенную роль. Здесь так много, больше чем в чем-либо другом, напутано, что является прямой необходимостью внести ясность в эти основные понятия.

Без понимания закономерности с точки зрения диалектического материализма естественные науки (физика, биология) не смогут пройти между Сциллой механистического фатализма и Харибдой индетерминизма. Вопрос приобретает, однако, особое значение в связи с тем, что вместе с мировым экономическим кризисом и наступлением буржуазии на пролетариат растет и реакция в мировой буржуазной науке, которую все неудержимее влечет к неприкрытой поповщине. Если двадцать лет назад, вопреки стихийному материализму большинства физиков, буржуазные философы видели в радиоактивном распаде вещества подтверждение «исчезновения материи», если далее находили в теории относительности «доказательства» философскому релятивизму, суб'ективизму, то теперь сами физики, опираясь на теорию квант, провозглашают причинность низверженной и торжественно водворяют causa finalis Аристотеля. Из учащающихся свидетельств последнего времени укажем лишь два новейших случая: Венский натурфилософ—«левый» махист М. Шлик в февральском (седьмом) номере «Die Naturwissenschaften» в статье «Причинность в современной физике» (стр. 145—162) признает свои ошибки. Он кается в своих прежних уступках материализму и становится на позиции неразличимости прошлого и будущего, неопределенности и неопределимости явлений природы, отрицания каузальности и детерминизма. А маститый американский физик Р. А. Милликен свою речь—«Современное состояние теории и экспериментов по разложению и синтезу атомов», напечатанную в январском номере «Nature» (стр. 167—170), заканчивает указанием

на то, что теория космических лучей и возникновения атомов, опровергая гипотезу о мире, созданном единичным актом, о предестинации, экспериментально подкрепляет правдоподобность... «давнишнего умозрительного предположения, что Создатель неустанно за работой» («in order to allow the Creator to be continually on his job»).

В общественных науках установление характера закономерностей, их познавательной силы — об'ема содержания и способности служить научному предвидению—и границ так же важно, как в науках естественных. В особенности у нас, в эпоху завершения строительства фундамента социалистической экономики, а значит, неуклонно суживающейся базы рыночной стихии и прогрессирующего вытеснения ее социалистическим планированием, вопросы о правомерности статистических методов, о надежности прогноза, о методах планирования в целом, стоят чрезвычайно остро и не могут быть решены без надежной методологической базы. Крайне характерно, что научное вредительство, избравшее своим основным плацдармом область планирования как решающую в нашем плановом хозяйстве, отразило в своих методологических высказываниях по интересующему нас вопросу, как в капле воды, весь свойственный буржуазному мировоззрению дуализм: кондратьевщина, широко используя «точную науку»—математику, фетишизировала статистические закономерности, ухитряясь вместе с тем проповедывать отказ от конкретных плановых расчетов. Уже на этом одном примере ясно, что проблема планирования—подчинения стихии плану-директиве является узловой как в теории, так и на практике, в экономике и в политике.

Как ставится и как решается проблема динамической и статистической закономерности современными буржуазными философскими направлениями? Крайние полюсы—это механицизм, признающий в действительности лишь господство закономерностей динамических, которые он понимает узко механически как перемещение бескачественных частей, и индетерминизм, облекающий свое отрицание необходимости в признание исключительного господства закономерностей статистических, являющихся якобы проявлением свободного недетерминированного случая.

Механистический взгляд на закономерности, характерный для метафизического периода естествознания XIX века, наиболее ярко и сжато выражен Г. Гельмгольцем в его речи «О цели и об успехах естествознания» (1869 г.): «Если же движение есть первоначальное изменение, лежащее в основе всех других изменений в мире, то все элементарные силы суть силы движущие, и поэтому конечная цель естественных наук заключается в нахождении и изучении движений, лежащих в основе всех других изменений, а также причин, вызывающих эти движения, т.-е. в сведении к механике». В данной связи мы обращаем внимание не столько на ненаучное отождествление движения с механическим перемещением, сколько на другую, не меньшую по значению методологическую ошибку, допущенную Гельмгольцем: непонимание связи между всеобщим и особенным. Энгельс, не хуже, чем Гельмгольц, понимает, что «всякое движение так или иначе связано с движением механическим», но, будучи диалектиком, он не ставит целью исследования это всеобщее среднее и безразличное, а как раз то специфичное, что один вид движения отличает от другого. Если еще отметим, что неумение распознать особенное тесно связано с механистическим раздроблением материи на равноподобные бескачественные атомы и что возведение динамической закономерности в единственную об'ективность логически влечет за собой признание за статистической закономерностью лишь суб'ективной значимости (в природе, мол, ее нет, она отражает степень нашего незнания), то этим будет сказано главное. Наши механисты группы тов.

Тимирязева целиком отстаивают эти, ничего не имеющие общего с диалектическим материализмом, позиции.

Диаметрально противоположная точка зрения, характеризующая кризисное состояние современного естествознания, пожалуй, наиболее резко выражена в том толковании, которое дается так называемому «соотношению неточности» (Ungenauigkeitsrelation) самим автором его, Гейзенбергом, и его многочисленными последователями. Это «соотношение неточности» переводится с математического языка на человеческий язык так: принципиально невозможно установить с одинаковой точностью как месторасположение, так и скорость электрона; чем точнее измерим одну из этих величин, тем менее точна станет другая, и это не вследствие несовершенства наших приборов, а скорее наоборот: процесс измерения сам влияет на положение и скорость электрона, и тем больше, чем он точнее. Из этого следует, что, зная начальное состояние (положение и скорость) электрона, мы не можем определить его состояние в какое-нибудь определенное время [1]), и отсюда делается вывод: «Так как все опыты подвержены законам квантовой механики, то квантовая механика окончательно устанавливает недействительность закона причинности» (Heisenberg, «Zeitschrift für Physik», № 43, 1927 г., стр. 172). Совершенно очевидно, что и здесь методологический корень ошибки состоит в недиалектическом понимании взаимоотношения между всеобщим и особенным. Гейзенберг и вся квантовая механика правильно подмечают наличие взаимодействия во всяком действительном процессе, однако беспомощны справиться с ним. Маркс («Капитал», т. III, ч. I, гл. 10), рассматривая вопрос о взаимодействии закономерностей в капиталистическом производстве, писал: «...Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (независимо даже от более глубокого анализа этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т.-е. покрывают друг друга. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть приравнен нулю, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию виде, т.-е. рассматривать их независимо от того, чем они кажутся вследствие колебаний спроса и предложения...» (Гиз, 3-е изд., стр. 139). Исключение колебаний спроса и предложения Марксом представляет собой абстракцию, но эта абстракция сохраняет существенные черты капитализма, ему единственно присущие закономерности, в то время как «отвлечение» от закона прибавочной стоимости при сохранении спроса и предложения лишает данное производство его специфичности, растворяет особенное во всеобщем, приводит к той «недостаточности и пустоте голого понятия «взаимодействия», о которой говорит Ленин, комментируя Гегеля и

[1]) Можно вычислить лишь вероятность того, что положение электрона будет в промежутке между s и $s+\Delta s$ и что он будет иметь скорость между v и $v+\Delta v$. В простейшем случае «соотношение неточности» гласит: $m\Delta s \cdot \Delta v = h$, где h есть постоянная Планка, равная $6{,}55 \cdot 10^{-27}$ gr cm^2 sec^{-1} m масс данной частицы в граммах. Для микроскопических частиц, масса и положение которых лежат еще в пределах досягаемости прямых точнейших измерений—одна тысячная миллиграмма для массы и одна десятая доля микрона для положения — неопределенность скорости будет неощутима: $\Delta v = 6{,}55 \cdot 10^{-20}$ cm sec^{-1}. Обнаружится она лишь для частиц атомных размеров. (См. на пр. Eugène Bloch «L'ancienne et la nouvelle théorie des quanta» стр. 363, 1930 г.).

ребуя «посредства (связи) при применении отношения причинности». (Ц.
Лен. сборн., стр. 169).

Так называемый «Математический маятник» есть абстракция, отличающаяся от действительного физического маятника тем, что отвлекаются от

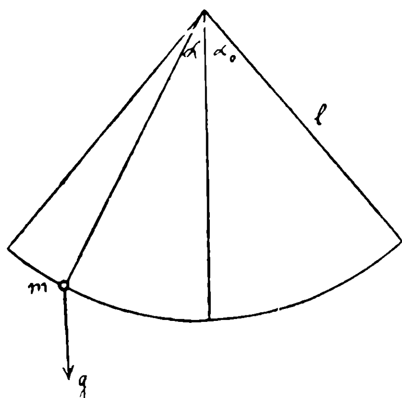

Рис. 1.

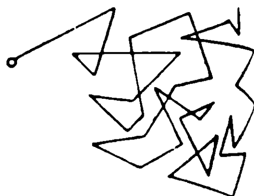

Рис. 2.

материальности нити и что всю массу колеблющегося тела мысленно концентрируют в одной точке (см. рис. 1). Тогда не трудно вывести закон движения этого маятника (в безвоздушном пространстве) в виде

$$t = 2\sqrt{\frac{2l}{g}}\int_0^{\alpha}\frac{d\alpha}{\sqrt{\cos\alpha - \cos\alpha_0}}$$

Это типичная динамическая закономерность: при заданной длине маятника, ускорении тяжести g и начальном отклонении α_0, можно для любого времени t с любой точностью вычислить отклонение α. Квантовая механика противопоставляет всему этому то положение, что чем в меньшем объеме концентрируется масса колеблющегося тела, чем больше мы приближаемся к молекулярным, атомным, электронным размерам, тем отчетливее выступает статистический характер закономерности (см. рис. 2), а поэтому, заключают Шредингер, Гейзенберг, Шлик и другие, мы вообще не правомочны делать те абстракции, которые привели нас к вышенаписанному динамическому закону. Отсутствие понимания всеобщего и особенного здесь очевидно. Те статистические закономерности, к которым в данном случае отсылает нас квантовая механика, — броуновское движение [1]), — настолько общи и

[1]) Закон броуновского движения, т.-е. теплового движения молекул любого тела, таков: $x^2 = k\,\bar{E}\,t$, т.-е. среднее значение квадратов отклонений частицы от начального ее положения прямо пропорционально произведению среднего значения энергии ее поступательного движения E на время t, для которого эти средние определяются. Постоянная пропорциональности $k = \frac{1}{3\pi\mu a}$, где μ обозначает коэффициент трения среды, a радиус—частицы. Средняя энергия $E = \frac{RT}{N}$, где R газовая постоянная, T абсолютная температура, N количество частиц.

движения всякого тела, что они могут так же мало сказать нам о специфическом движении маятника, как закон спроса и предложения не может вскрыть действительные внутренние законы капиталистического производства. Решение вопроса кроется в синтезе обеих закономерностей, из которых каждая является лишь моментом другой: в действительности они существуют во внутренне-противоречивом единстве как внутренние, присущие любому процессу, любому движению материи; их проникновение и борьба и отражают имманентное развитие материи; математическое выражение этих закономерностей неадэкватно действительности. Отсюда следует, что познание, опирающееся лишь на динамическую или же лишь на статистическую закономерность, обязательно будет неполным, односторонним, приблизительным, а если оно вдобавок заявит претензии на всеоб'емлющий охват,—прямо так антинаучным. Вот почему Маркс, открывший действительные внутренние законы капиталистического производства, его саморазвития и допустивший при этом отвлечение от спроса и предложения, вместе с тем раз'ясняет, что они осуществляются «лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая средняя постоянных колебаний, которая никогда не может быть точно установлена» («Капитал», т. III, ч. 1-я, гл. 9, стр. 115), а в «Теориях прибавочной стоимости» (ч. 3-я, стр. 145, немецк. изд.) характеризует попытки построить теорию капиталистического хозяйства непосредственно из теории трудовой стоимости, минуя среднюю прибыль и цены производства, как «попытки насильственного и непосредственного приспособления конкретных отношений к простым отношениям стоимости». Современное естествознание, которое конвульсивно бьется над проблемой «примирения» между корпускулярной и волновой теорией света и материи, между прерывностью и непрерывностью, выберется из тупика только при помощи материалистической диалектики, ее понимания всякой закономерности как единства взаимнопроникновения и борьбы противоположностей.

Затяжные и болезненные родовые схватки, в которых современное естествознание рожает диалектический материализм, свидетельствуют о том, что и тут не обойтись без повивальной бабки истории—революции, что лишь новое поколение освобожденных от идеологического рабства капитализма пролетарских исследователей окончательно сломает старые традиции тяготеющей над наукой метафизической методологии. Хотя основная причина, препятствующая буржуазным естественникам, стихийным материалистам «принять» диалектику и даже толкающая их, в период заката капитализма, в идеализм—это их тесная связь с господствующим классом и его идеологией, все-таки следует отметить, что громадное препятствие на пути материалистически диалектического решения проблемы закономерности ставит естествознанию современная математика. Многочисленные свидетельства самих буржуазных физиков, их поиски новой математики (многомерный неэвклидов тензорный анализ, матричное исчисление, квантовая геометрия) подтверждают, что кризис современной математики далеко не является лишь кризисом ее обоснования, спором между интуиционистами и формалистами, а проявлением того, что она все в большей мере исчерпывает могущество своего аналитического непрерывного метода и без коренной реконструкции становится все более и более неспособной служить дальнейшему развитию естественных наук (не говоря уже о науках общественных).

Между обоими крайними направлениями буржуазной философии в вопросе о характере закономерностей, между механицизмом и индетерминизмом лежит целая гамма дуалистических и эклектических промежуточных направлений. Эти направления пытаются исказить марксистско-ленинскую философию, они гибки и тем более опасны. Наиболее типичным является здесь

махист Мизес, а в особенности то влияние, которое оказало его учение на наших естественников в лице тов. Гессена и др.; особо следует также отметить эклектическую точку зрения тов. Деборина.

Не касаясь здесь Мизесовской теории вероятностей в целом, его учения о коллективах, остановимся лишь вкратце на вопросе о статистической и динамической закономерности в том переложении, которое дал ему тов. Гессен в статье «Статистический метод в физике и обоснование теории вероятностей» («Естествознание и марксизм», № 1, 1929 г.). Тов. Гессен исходит здесь из того положения, что, в то время как динамическая закономерность управляет отдельными элементами, составляющими совокупность, закономерность статистическая приложима лишь к совокупности как к целому. Именно в этом он видит об'ективную трактовку статистической закономерности. В другом случае т. Гессен повторяет это же утверждение в иной формулировке, говоря, что динамическая закономерность есть закономерность микрокосма, статистическая—макрокосма. Не трудно видеть, что рассуждения тов. Гессена несостоятельны. Прежде всего нет такого целого, которое не было бы частью, нет такой части, которая не представляла бы собой совокупность; наша земля—макрокосмос по отношению к молекулам, ее составляющим,—сама представляет собой микрокосмос относительно всей звездной системы Млечного пути. Отсюда теряется вся об'ективность определения характера закономерности, так как все зависит от того, как мы данный об'ект рассматриваем. Потеря об'ективности возмещается «приобретением» метафизичности: динамическая и статистическая закономерности оказываются двумя закономерностями, имеющими раздельное существование. Отсюда неизбежно, что борьба тов. Гессена против механистического взгляда на статистическую закономерность, являющуюся, по утверждению механистов, лишь временным костылем для нашего незнания (так как закон целого до конца будет познан только через познание его как полной суммы индивидуальных законов), ведется тов. Гессеном с формалистических позиций. Соглашаясь с механистами, что «соотношение между статистической и динамической закономерностью есть взаимоотношение между закономерностью целого и части», тов. Гессен возражает против их попыток сведения закономерностей целого к закономерностям частей. Он различает между аддитивными и неаддитивными свойствами и утверждает, что именно «неаддитивные свойства, не заключающиеся в каждом из ее членов, а принадлежащие совокупности как таковой, улавливаются статистической закономерностью», почему и статистические «законы целого» не могут получиться как «количественное суммирование законов единичных явлений». Однако эта аргументация тов. Гессена бьет мимо цели. Ведь механисты безболезненно могут пожертвовать отождествлением «законов целого» с п р о с т о й с у м м о й законов частей, оставаясь все же на прежней позиции сводимости качества к количеству.

На самом деле, каков смысл утверждения, что, скажем, статистические законы поведения газа в целом не могут быть сведены к совокупности динамических законов его молекул? Здесь перед нами неаддитивная совокупность: все молекулы находятся во взаимодействии, такие свойства целого, как температура, давление, об'ем газа, не могут быть выведены как простая сумма свойств отдельных молекул. Но значит ли это, что вообще не может быть указан способ, как на основании динамических законов движения отдельных частиц вывести закономерность целого? Самая постановка вопроса приводит к агностицизму. Ведь в действительности процесс взаимодействия, возникновения связей между частицами имеет место; почему же нашему познанию должно быть заказано проследить этот процесс генезиса? Не потому ли, что мы не умеем справиться с этим математически? Механисты

именно так и рассуждают: если бы мы сумели вырешить дифференциальные уравнения движения частей, мы бы тем самым знали и движение целого, а поэтому законы целого принципиально сводимы к законам частей. Ничего подобного! Прежде всего мы можем представить случай, когда мы для простейшего движения, движения механического сумеем вырешить систему дифференциальных уравнений неаддитивной совокупности. Но что нам это даст? Знание поведения каждой отдельной частицы, но, само по себе, еще ничего о поведении всей механической совокупности, как целого. Далее, пусть даже сможем указать такой путь, посредством которого, зная закономерность движения всех частей, можно будет получить закономерность целого, то все же ни о какой сводимости здесь не будет основания говорить, так как этот путь, во первых, обязательно даст нам новое качество, во-вторых, он будет необратим: из закономерностей частей мы получим полное количественное знание закономерности целого, но не наоборот. Такой путь действительно дает нам переход к пределу. Распределение характеризующих величин (положений, скоростей и т. п.) приближается с возрастающим сверх всякой границы временем к тому распределению, которое дает нам выведенная методами теории вероятностей статистическая закономерность. Так и должно быть. Динамическая закономерность есть закономерность особенного, закономерность данного качества, действующая как всеобщее в оболочке статистической закономерности; на определенной ступени снимается особенное— приобретается новое качество.

Все это рассуждение может быть подкреплено эффективными выкладками. Трудность решения системы уравнений движения тел, взаимодействующих по закону обратных квадратов

$$\ddot{x}_i = \sum_{j=1}^{n} K_j (x_i - x_j)^{-2}$$

$$\ddot{y}_i = \sum_{j=1}^{n} K_j (y_i - y_j)^{-2} \qquad (i=1...n)$$

$$\ddot{z}_i = \sum_{j=1}^{n} K_j (z_i - z_j)^{-2}$$

лежит в самом характере функций $(x_i - x_j)^{-2}$...., а вовсе не в большом количестве взаимодействующих тел: уже при $i=3$ «проблема трех тел» не разрешена. Если же изберем другой закон взаимодействия, то никаких трудностей не будет. Весьма простой пример получим, если рассмотрим случай, когда скорость частиц прямо пропорциональна их взаимному расстоянию, и значит, при наличии n частиц общая скорость каждой частицы векториально складывается из отдельных ее скоростей, получаемых от взаимодействия со всеми другими. Очевидно, что это будет неаддитивная система. Если для еще большей простоты вычислений рассмотрим лишь движение в одном направлении и если постоянную пропорциональности примем общую для всей системы, то уравнения движения будут:

$$\dot{x}_i = K^2 \sum_{j=1}^{n} (x_j - x_i) \qquad = 1... n$$

Решая эти уравнения, получим

$$x_i = A - (A - a_i)\, e^{-K^2 nt} \qquad (i=1... n)$$

где a_i суть начальные значения x_i $A = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{n} a_i$

Эта сводка законов движения каждой отдельной части не дает нам, однако, общую картину движения. Ее мы получим, переходя к пределу:

$$\lim_{t\to\infty} x_i = \lim_{t\to\infty} \left[A - (A - a_i) e^{-K^2 nt} \right] = A$$

Таким образом обнаруживается, что в данном случае все частицы сходятся к положению равновесия, представляющему их общий центр тяжести, значит, здесь налицо Максвеллово распределение, выродившееся вследствие исключительной простоты рассматриваемого нами закона взаимодействия. Однако допущенное нами крайнее упрощение вовсе не обязательно. Можно проделать аналогичные вычисления и для системы уравнений

$$\ddot{x}_i = \sum_{j=1}^{n} (x_i - x_j) \varphi_{ij} (t, x_j), \quad \varphi_{ii} = 0, \quad (i = 1 \dots n)$$

решающихся в случае, что φ_{ij} удовлетворяют некоторым условиям (алгебраически образуются из цилиндрических функций), при чем, конечно, получится значительно более сложный результат предельного (наивероятнейшего) распределения частиц. Созданная здесь математическая модель не является фикцией, так как всегда могут быть построены механизмы, с достаточной точностью воспроизводящие желаемые движения (например, система взаимодействующих пружин и т. п.). Еще раз необходимо подчеркнуть, что то совпадение между целым и всеобщим, с одной стороны, между частью и особенным—с другой, которое мы здесь получили в простейшем случае механического движения, является лишь результатом далеко идущей абстракции; в высших формах движения совпадение сменится лишь некоторым соответствием, которое войдет как момент в изучение явления во всех его опосредствованиях.

« У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, Σ его отдельных частей, от его начала до его конца» (Лен. сборн. XII, стр. 324). Таким образом, по Ленину, диалектический метод изучения не останавливается лишь на динамической закономерности (как тому учат механисты), а равным образом не успокаивается и на одной лишь статистической закономерности (как советуют сторонники формалистически-идеалистического решения проблемы). Материалист-диалектик будет продолжать исследование не для того, чтобы заменить статистическую закономерность динамической, а для того, чтобы познать об'ект во внутренне противоречиво развивающемся единстве его содержания и формы, особенного и всеобщего, случайного и необходимого, прерывного и непрерывного. Наш путь состоит не в том, чтобы «сохранить старое представление о необходимости» и «навязать природе в качестве закона, противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение», не в том, чтобы «вообще об'явить хаотическое царство случая единственным законом живой природы» («Диалектика природы»), не в том, чтобы эклектически об'единять их, а в том, чтобы сказать, что дарвинова теория является практическим доказательством ге-

левской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» (там же), чтобы показать, что «раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики», чтобы «правильность этой стороны содержания диалектики проверить историей науки», рассматривая «тождество противоположностей» не только «как сумму примеров», а «как закон познания (и закон об'ективного мира)» (Лен. сборн. XII).

Еще больше путаницы, чем тов. Гессен, вносит в рассматриваемый вопрос тов. Деборин. В речи, произнесенной на торжественном собрании Академии наук, «Ленин и кризис новейшей физики» (1930 г.), он говорил, что статистическая закономерность применяется там, «где законы, управляющие отдельными, единичными элементами, нам еще недоступны» (стр. 21), т.-е. он скатывается до суб'ективного понимания статистической закономерности. В своей основе это имеет восходящее к Плеханову и еще дальше к Курно и Спинозе, понимание случайности, как пересечения двух причинно-следственных рядов, повторенное тов. Бухариным: «Если при перекрещении действия двух или нескольких причинных цепочек (рядов) мы знаем только одну, тогда явление, которое получается при этом перекрещении представляется нам случайным, хотя на самом деле оно вполне закономерно. Таким образом, строго говоря, никаких случайных, т.-е. беспричинных, явлений нет» («Теория исторического материализма», стр. 41, Гиз, 1925 г., подчеркнуто мною.—*Э. К.*). Тов. Деборин наряду с суб'ективизмом, с пониманием статистической закономерности, как суррогата закономерности динамической, отмежевываясь от утверждения, будто статистическая и динамическая закономерности являются абсолютными противоположностями, вместе с тем утверждает, что «эти закономерности составляют, повидимому, специальные формы, более общего принципа или типа связи» (там же). Это—чистейшая метафизическая эклектика. На деле эти закономерности не представляют собой двух отдельных форм, а каждая из них является моментом другой; они не антагонистичны, не внешни друг другу, а развиваются во внутреннем единстве своих противоположностей. Поэтому тому, кто рассматривает обе закономерности не как взаимно проникающиеся, кто их оторвал друг от друга, мало помогут декларации о необходимости их синтеза; в лучшем случае у него получится лишь внешнее, формальное, эклектическое об'единение. Синтез же, научно отражающий действительность, может исходить лишь из понимания динамической и статистической закономерностей, как единства борющихся противоположностей. Только такое понимание закономерностей вытекает из концепции основных положений материалистической диалектики Маркса, Энгельса, Ленина.

Громадное значение в теории и практике имеет вопрос о переходах, границах применения и значимости самих закономерностей. Подчеркнутое Лениным положение, что «понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса», его указание на то, что в частности в современной физике должна вестись «борьба с абсолютированием понятия закона, с упрощением его, с фетишизированием его», на то, что в явлениях «закон берет спокойное—и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен» (Лен. сборник IX, стр. 146—147), относится как к динамическим, так и к статистическим закономерностям, так как всякое всеобщее в свою очередь является и особенным. Все дело в том, чтобы в данной связи, обстановке, при данных условиях определить границы этой общности, избегнуть окончательного ухода от существенного в явлениях в пустую абстракцию. Эту меру могут дать лишь конкретные условия, их изучение и переделка, только сама практика, о которой Ленин говорит: «Прак-

тика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» (там же, стр. 261). В статистике, изучающей законы всеобщего, забвение вопроса о границах — распространенное явление. Ленин в работах «Что такое друзья народа», «Развитие капитализма в России», «Новое хозяйственное движение в крестьянской жизни» многократно и подробно толкует статистикам о ненаучности «общих средних», «фиктивных средних», о превращении статистики в «игру в цифирки», когда она «пользуется всегда и исключительно средними данными о крестьянском хозяйстве», когда она «складывает хозяйства батраков и помещиков с хозяйствами крестьян, нанимающих рабочих, и делит сумму на число слагаемых» и т. д. и т. п., «подменяет изучение т и п о в крестьянских хозяйств» выведением «закона средних потребностей» и приходит к выводу, что крестьянин царской России кануна революции 1905 года «удовлетворяет не минимальные потребности, а средний уровень их». Эти мысли Ленина развил применительно к нашей новейшей действительности тов. Сталин в речи на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК «О правом уклоне в ВКП(б)». Рассматривая вопрос о посевных площадях, он говорит: «Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Тов. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, не есть научный метод. Может быть, тов. Рыков читал когда-либо «Развитие капитализма» Ленина? Если он читал, он должен помнить, что Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что тов. Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов. И вот если рассмотреть движение посевных площадей, т.-е. если подойти к делу по-научному, то выходит, что в одних районах посевные площади растут с и с т е м а т и ч е с к и, в других—они падают и н о г д а, в зависимости главным образом от метеорологических условий, при чем нет таких данных, которые бы говорили о том, что мы имеем где-либо, хотя бы в одном из серьезных хлебных районов, с и с т е м а т и ч е с к о е сокращение посевных площадей». Статистические закономерности теряют научную ценность при забвении в них существенной стороны явления, при подмене диалектического снятия особенного его метафизическим отрицанием.

Важнейший момент в единстве динамической и статистической закономерности — это н а п р а в л е н и е д в и ж е н и я з а к о н о м е р н о с т и, которая — все равно проявляется ли она динамической или статистической стороной—находится в самодвижении и так нами и должна рассматриваться. Как, в какую сторону развертываются эти внутренне противоречивые тенденции? Чтобы проследить направление развития закономерности, необходимо рассматривать не процесс вообще, в котором направленность всегда выявляется как отрицание отрицания противоположностей, а рассматривать это отрицание отрицания конкретно, как это подчеркивает Энгельс в «Анти-Дюринге». Лишь на основе исследований в отдельных отраслях науки, выполненных материалистами-диалектиками именно под этим углом зрения, можно будет, избегая опасности впасть в «ничтожную игру п у с т ы м и аналогиями», в «гегелевщину», в «абстрактную и abstrus (тяжелую, нелепую) гегелевщину», разработать вопрос о «принципах самодвижения», об «импульсе к «движению» и к «деятельности», об условиях перехода противоположных моментов закономерностей друг в друга. Каждый из тех блестящих конкретных примеров отрицания отрицания, которые набросали нам основоположники марксизма-ленинизма, должен послужить стержнем исследовательской работы с привлечением того нового материала, который дал

нам дальнейшее развитие общества и его идеологии. Общий результат этого исследования—действительный пересмотр идеи закономерности, ее материалистически-диалектическое осмысливание в каждом особом ее проявлении в математике, физике, геологии и т. д. и т. п., даст вместе с тем, в виде «побочного продукта» изменения в статистике, поможет ей вырваться из узких рамок современной статистики стационарных процессов.

«Сознание человека не только отражает об'ективный мир, но и творит его. Т.-е., что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его». (Лен. сб. IX, стр. 257, 259). Это изменение мира сознательной деятельностью человека никогда не происходило в столь грандиозном масштабе, столь полно и глубоко, как именно теперь, когда пролетариат одной шестой земной поверхности разбивает статистическую оболочку динамических закономерностей человеческой истории, в корне меняя всю структуру производительных сил и производственных отношений и вместе с тем и характер закономерностей.

Сам термин «динамическая закономерность» имеет чисто механистическое происхождение, и можно было бы предложить заменить его более подходящим. Однако для тех именно закономерностей, которые устанавливает пролетариат, вытесняя товарную стихию сознательным плановым началом, название «динамическая закономерность» оказывается подходящим. Именно в подлинном смысле слова динамис — сила, сила пролетарской диктатуры, дает нам возможность совершить скачок из царства необходимости в царство свободы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Социология Карла Маннгейма.

В период частичной стабилизации и нарастания новой революционной волны европейско-американская буржуазия усиленно старается предупредить будущую революцию, изобретая всевозможные способы и средства раз'единения и ослабления революционных сил. В идеологической сфере эти вполне реальные импульсы буржуазии находят свое отображение прежде всего в социологии и философии истории, как в двух основных общественных дисциплинах. Стремлению потушить классовую борьбу и образовать «гармоническое единство», под само собой подразумевающейся диктатурой капитала, в сфере абстрактной мысли соответствует замечаемая за последнее время усиленная склонность к построению синтетических систем.

Последнее десятилетие во всех странах Европы и Америки в области социологии и философии истории отмечено появлением целой плеяды синтетических систем, с большим упорством выдвигающих на передний план государственное, национальное, культурное, территориальное и т. д. единства, и, наоборот, всеми возможными способами отодвигающих на задний план классовую борьбу, как симптом «социального распада». На такой платформе стоят все апробированные общественным мнением Запада социологические системы последних лет—Шелера, Визе, Оппенгеймера, Трэльча, Парето, Брейзига, Фиркандта, Дауганла, Шпанна и ряда других, менее популярных социолого-философских систем.

К этой же серии надо отнести и новейший опыт построения системы социологии гейдельбергского профессора Карла Маннгейма [1]), привлекшей к себе внимание не только научно-литературных, но также и широких кругов как в самой Германии, так и за ее пределами. Исключительная популярность маннгеймовской системы в первую очередь об'ясняется актуальностью затрагиваемых автором социолого-философских проблем, в числе которых стоят такие кардинальные проблемы современности, как проблема социологии мышления, проблема класса, отношение политики к науке, проблема интеллигенции и многое другое. При этом Маннгейм обладает редкой способностью парадоксально сближать самые противоположные системы, переплетать отвлеченные вопросы с практическими, с философских высот быстро переноситься на землю, сложнейшие проблемы об'яснять самыми простыми причинами и, наоборот, повседневные явления подымать до философской высоты.

За исходный пункт своей системы Маннгейм берет бесспорный факт глубокого кризиса, переживаемого современной наукой Запада, в том числе и философской социологией, имеющей ближайшее отношение к автору «Идеологии и утопии». В наше время само мышление, — говорит Маннгейм, — переживает глу-

---

[1]) Основные работы Карла Маннгейма: «Die Bedeutung der Konkurrenz im Gebiete des Geistigen»; Historismus»; «Das Problem einer Soziologie des Wissens», 1922; «Strukturanalize der Erkenntnisstheorie», 1929; «Das Porblem der Generationen»; «Ideologie und Utopie», 1929.

бокий кризис (Krisensituation des Denkens), переворачивающий все наши понятия даже в такой, казалось бы, автономной области, как сфера чистой логики со всей ее категориальной аппаратурой. Правда,—тотчас же прибавляет автор,—этот кризис не будет верным, его преодоление возможно, ибо европейское общество еще полно жизненных сил, но для более скорой ликвидации опасного для культуры шатания необходима четкая и смелая постановка основных социолого-философских проблем, и, прежде всего, кардинальной проблемы философской социологии: социологии мышления, связанного со всем строем нашего мыслительного (категориального) аппарата (Kategorialapparatur). Социолого-философская мысль, полагает Маннгейм, будет спасена и снова приобретет глубокое общественное значение лишь при условии отказа от традиционного академического мышления, выродившегося в ученую схоластику всех видов кантианства. Поэтому преодоление кантианства во всех его разновидностях должно составить первую главу современной социологии, претендующей на руководящую роль в общественной и научной жизни. Без этого невозможен переход к другим вопросам социологии.

Замена окостеневшего в своей догматике кантианства более гибкой и жизнеспособной системой поможет определить действительную природу нашего логического аппарата, без чего нельзя понять современного состояния мысли. Критика Маннгейма, в этой части являющегося прямым последователем Трэльча и Шелера, в первую очередь направлена против кантовского априоризма логических форм, противопоставляя ему диаметрально противоположный принцип диалектики и зависимости мышления от бытия или, как он выражается, от жизненно-волевых мотивов (Lebens und Willens Bewustsein). Перед нами теперь,—говорит Маннгейм,—вновь воскресают очень старые, но в новой постановке приобретающие совершенно неожиданную остроту проблемы. Сюда относятся, напр., выдвигавшаяся еще Вегеманом проблема «духовной жизни», с ее своеобразной внутренней логикой в ритмикой и целый ряд других не менее старых, но для нашего времени снова не менее острых и решающих проблем.

В противоположность кантианству, каждая система нашего времени подтверждает, что ожесточенные споры между различными социолого-философскими школами в конечном итоге определяются не логическим, априорным критерием, а коренится в «подфилософской» или «дофилософской» основе (vorphilosophischen Grundsatz). Последние критерии, на основе которых вообще могут быть разрешены эти споры, зависят от исходной точки зрения на реальность (Wirklichkeit), точнее, на ту ее часть, которая оказывает наибольшее влияние на данную систему (Wirklichkeitsverfassung). Сверхтеоретические корни, собственно, и мешают представителям различных систем притти к какому-либо одному решению, хотя они могут при этом прекрасно понимать друг друга и совершенно соглашаться с логической аргументацией своих противников. В частности, в протеоретических корнях следует искать ключ и ко всем особенностям статического рационализма Канта (letzte Positionen der statischen Vernunftphilosophie) как идущей ему на смену диалектической философии жизни (einer dunamisch-historischen Lebensphilosophie).

«Я думаю, что при последовательном проведении социологической проверки (Sichtung) духовной жизни некоторые феномены, представлявшиеся сначала выражением имманентной закономерности духа (Ausdruck der immanenten Gesetsmässigkeit des Geistes) могут быть об'яснены доминирующими в данное время условиями структуры социальной жизни» (Die Konkurrenz, 40).

Социальным бытием определяются не только содержание и форма мышления о современности, но в значительной степени под его влиянием конструируется также и прошлое: история и современность соконститутивны.

«Рассмотрение прошлого становится возможным только с точки зрения заинтересованности действующего в настоящее время суб'екта в формации буду-

щего, направление же исторического отбора, форма об'ектизизации и изложения становятся понятны только с точки зрения современной активности».

Одна из существенных ошибок Канта, совершенно понятная с точки зрения «апротеоретических» корней кантианства, состояла в отождествлении знания вообще с естественно-математическим механическим знанием, в котором субъект мышления, т.-е. человек, находится вне самого процесса развертывания наблюдаемых им феноменов.

Как указывает Дильтей, результаты точных наук в идее мыслит все то «сознание вообще», результаты же мышления, связанного с бытием (т.-е. социально-исторического мышления), мыслит только «весь человек». Поэтому с точки зрения формально-механистического мышления, признающего 2X2=4, совершенно безразличны как время, так и суб'ект мышления. С точки зрения социально-исторического знания совершенно небезразлично, рассматривается ли общественно-исторический мир под углом исторической школы, спенсеровского позитивизма или марксизма, небезразлично не только в отношении содержания, но также и в отношении логической формы и всей вообще категориальной аппаратуры.

Однако,—оговаривается Маннгейм,—отнесение мышления к бытию совсем еще не означает признания уже давно скомпрометированного релятивизма (Relativismus), но означает лишь открытое провозглашение социально-обусловленной относительности мысли, сохраняющей свою общезначимость в пределах определенной эпохи. Связанность логического масштаба и конструктивного принципа с социальным бытием совсем еще не означает релятивизма, потому что истолкования прошлого, несмотря на всю их относительность, никоим образом не могут быть равноправными; в данном случае речь идет не о чем ином, как только об обусловленности и тем самым, следовательно, об исторической относительности знания и об отсутствии какого-либо формального критерия. Полнее всего историческая обусловленность знания передается существительным «относительность» (Relationismus), принимаемым Маннгеймом взамен старого релятивизма. Из многих мест различных работ Маннгейма явствует, что маннгеймовский релятивизм по существу весьма близок к трэльч-шелеровскому историзму,—двух мыслителей, оказывавших решающее влияние на весь ход мыслей Маннгейма.

«Когда говорят о формальных категориях или формальных ценностях и о постоянно наполняющихся новым содержанием, то представляется образ сосуда, в который постоянно вливается новая жидкость, или, что то же самое, содержание мехов, в которые вливается новое вино; при этом предполагается, что как сосуд, так и меха постоянно остаются неизменными формами. Но если исходить не из мертвых об'ектов, а из наблюдений над живыми предметами, например, над живыми, растущими растениями, тогда картина взаимоотношения формы и содержания совершенно меняется. Тогда окажется, что меняются не только конструирующие вещества и флюктуирующие соки, но также форма и образ растения. Форма растения также растет и меняется в процессе роста содержания». (Der Historismus, 10, «Archif für Soziologie und und Sozialpolitik», 52).

Последний вывод из сказанного тот, что в процессе исторической эволюции изменяется не только содержание, но также и форма мышления, а вместе с нею меняется и внешнее оформление, т.-е. социолого-философские концепции. В результате долгого анализа Маннгейм приходит к выводу, что логические системы не представляют исключения из общего строя социальной жизни, из определенной ступени возникающего из жизненного потока и затем, по истечении некоторого времени, вновь поглощаемого той же самой, хотя и более широкой, жизненной волной. Поэтому, — говорит Маннгейм, — с точки зрения историзма было бы неправильно отрицать результаты прежних философий и социологий, вытекающих из самоосмышления (Selbstreflexion) над жизненным субстратом, являющимся частью динамической целостности общего исторического процесса

der dynamischen Ganzheit des Gesamtprozesses) (Der Historismus, 8). Подобно тому как при прежней «общественной констелляции» кантианство вытеснило церковные направления из философии и социологии, так точно и при современной социальной констелляции историзм триумфирует свою неоспоримую победу над априоризмом, положенным в основу «атомизирующего схоластического мышления кантианства».

«Изменившееся состояние мира является основой новой надстраивающейся над ним теории точно так же, как в глазах социолога и философа истории старая философская система, гипостазировавшая в бесконечность исходные пункты разума, оказывается связанной с ее собственной жизненной основой (an dessen Lebensunterlage gebunden)» (Der Historismus, 15).

Этой «жизненной основой» в обоих случаях служат появившиеся на исторической арене новые социальные группы и люди, страстно жаждущие жизни и потому чуждые атомизирующего схоластического мышления, безразлично в какой бы форме оно ни выражалось.

Хотя в конечном итоге решающим фактором в смене одних социолого-философских систем другими является «социальная констелляция», т.-е. сверхиндивидуальная сила, тем не менее было бы неправильно представлять себе процесс замены одной социальной системы другой в виде мирного, эволюционного и наджизненного процесса. Напротив, историческая действительность дает совершенно противоположную картину упорной борьбы различных миросозерцаний за «об'ективную истину». В мыслительной сфере происходит такая же конкурентная борьба между претендующими на первенство социолого-философскими системами, как и в низших сферах жизни. Вопросу конкурентной борьбы в мыслительной сфере посвящена специальная монография Маннгейма «Конкуренция», около которой уже выросла целая литература. В этой монографии, как и вообще во всех своих работах, Маннгейм в результате длинной цепи силлогизмов приходит к выводу, что в последнем итоге решающим моментом в борьбе социально-философских систем (идеологий) является биологический **ф а к т о р** — **с м е н а п о к о л е н и й** (Vorhandensein von Generationen).

«Я полагаю, что я не пойду по ложному пути, если приму, что так называемая диалектика, т.-е. непрямолинейно (unkontinuerliche) ведущая вверх форма развития духовной жизни, в широкой степени может быть сведена на два простые условия общественной структуры: на существование поколений и на существование конкуренции» (Die Konkurrenz, 40).

Каждое поколение и каждая эпоха, охватывающая несколько поколений, имеет свой собственный **м ы с л и т е л ь н ы й и л и л о г и ч е с к и й с т и л ь** (Denkstil), из которых Маннгейм выделяет четыре главных логических стиля, через которые проходила и проходит Западная Европа: 1) коллективистический, 2) монополистический, 3) атомистический или индивидуальный и 4) синтетический. Коллективно-гармоническое мышление свойственно наиболее примитивным обществам, в которых еще отсутствуют конфликты между его частями, так как части еще не отделяются от целого.

«Предпосылкой такого общества служит та духовная демократия, существующая в таких примитивно-простых отношениях, где каждый вместе со всеми мыслит исконной мудростью, применяя ее ко всем отношениям. Здесь каждый является носителем традиционных приемов наблюдения (Beobachtungsintention)» (Die Konkurrenz, 8).

Второй, монополистический, стиль мышления предполагает уже более дифференцированное общество, с более сложным разделением общественных функций. Классическим примером этого стиля может служить клерикальное мышление западноевропейского средневековья и затем ученая мудрость китайских литераторов (chinesische Literaten).

«Этот тип мышления состоит в том, что всякий новый факт вчленяется в уже готовый традиционный логический Ordo, что достигается путем всевозможных толкований и перетолкований новых фактов».

Толкование или интерпретация, составляющая сущность монополистического типа мышления, своего классического совершенства достигла в Summa Theologiae Фомы Аквинского.

Полную противоположность этого мыслительного типа представляет третий логический стиль, в Западной Европе совпадающий с Ренессансом, т. е. с эпохой распада феодального общества на массу мелких групп, вступивших друг с другом в резкую конкурентную борьбу. Атомистический (или индивидуалистический) стиль мышления, являющийся точным отображением социальных отношений, начавших складываться в Европе с эпохи Возрождения, наиболее полную формулировку получил в гносеологии Декарта. Декарт, величайший представитель нового стиля, в основу своей теории познания положил формальный анализ и критику до конца, предлагая подвергать сомнению все, что не выдерживало испытания перед единственным авторитетным судьей — Разумом. Гносеологический идеал Декарта: испытывать все до конца, в том числе и само мышление. При все возраставшем социальном дроблении и «анализе до конца» в конце концов получалось столько видов мышления, сколько было жизненных кругов (Lebenskreise).

Это получалось потому, что «каждая область бытия способствовала развитию одного определенного познавательного направления (Erkenntnisshaltung), определенного образа мысли (Denkweise), адэкватного способу восприятия данным кругом интересовавших его об'ектов. К онтологической ценности (die ontologische Dignität des wirklich Seienden) определенного круга бытия (Seinsbezirkes) присоединялось учение о теоретико-познавательном преимуществе некоторых видов познания»... «В Манчестере, например, думали совершенно иначе, чем в немецких политических кругах, во французских салонах опять-таки иначе, чем в немецких университетах, и т. д. Коротко, «у каждого из «жизненных кругов» существовал свой метод восприятия и свое поле зрения (Geistesfeld)» (Die Konkurrenz, 55).

Каждая группа, как бы численно мала она ни была, стремилась навязать свой логический стиль всему обществу.

«Для демократической структуры духа как нельзя более характерно стремление отдельных разновидностей мышления (Partikularansicht) об'являть себя универсальным способом истолкования мира (zum universalen Auslegungsschema zu werden)... Поэтому социология духа должна понимать, что также и в методологии в конце концов противостоят друг другу социальные силы и импульсы» (Die Konkurrenz, 57).

В последнюю фазу атомического стиля социально-логическая дифференциация достигла своих крайних пределов, начав угрожать даже самому существованию европейского общества.

«В конце концов стало казаться, что все разваливается, люди как будто жили уже не в одном и том же мире. На место логического Ordo становится мультиполярное мировоззрение (die multipolare Weltansicht), пытавшееся истолковать вновь появляющиеся факты со многих (равноправных) точек зрения (von mehreren Standorten)» (Die Konkurrenz, 57).

«Настоящее положение образа мысли (Denkweise) может быть определено как экзистенциальное экспериментирование отдельных групп частными схемами логического порядка (mit lauter partikularen Ordungsschemen), из которых ни одна не представляется достаточной для полного охвата всей действительности in toto» (57).

Теперь мы все более вступаем в ту стадию, когда мысль уже не стремится вчленять новые факты в готовый логический Ordo, но, наоборот, ради новых

неподходящего под традиционную логическую формулу факта пытается поставить под вопрос самый этот Ordo.

Наибольшая опасность при таком разброде мысли состоит в том, что взаимо-конкурирующие «жизненные круги»—атомы в процессе борьбы—теряют об'ективный логический критерий, стремясь не к приспособлению своих идей к сверхиндивидуалистическому Ordo, а, наоборот, стараясь самый Ordo каким-либо путем вывести из мировоззрения одного своего «жизненного круга». Следствием этого является раскол «картины мира». Das Weltbild ist gespalten! — восклицает Маннгейм.

Такова картина состояния теоретико-познавательной мысли Запада на грани между атомистическим и идущим ему навстречу новым синтетическим стилем логики. Но если еще недавно положение в сфере мысли,—говорит Маннгейм,— было в высшей степени опасно, почти что катастрофично, то все же оно не оказалось безвыходным. Дело в том, что, в то время как положение императивного познания казалось совершенно безнадежным, в недрах самого западно-американского общества, вследствие действия внутренних сил, совершался диалектический процесс связывания разрозненных элементов в одно синтетическое целое; центробежным силам не без успеха начинали противоборствовать центростремительные силы. Раньше всего это обнаружилось в экономической сфере, выразившись в образовании всевозможных трестов и синдикатов, под знаменем которых шла вся история последних десятилетий. В политике рождение нового стиля было отмечено появлением так наз, политических платформ, на которых сходились политические партии, представлявшие интересы хотя и близких, но все же неодинаковых «жизненных кругов». Тот же самый диалектический процесс намечался также и в области мысли, как о том свидетельствовало появление трех крупных логических (идеологических) систем — либерализма, консерватизма и социализма, вобравших в себя массу более мелких, некогда самостоятельных мыслительных струй. Становившаяся все более очевидной партикулярность мышления отдельных «жизненных кругов» создавала условия для противоположного процесса концентрации мысли; вновь начинала ощущаться потребность в логическом синтезе, в новом теоретико-познавательном Ordo, генезис которого прежде всего и надлежит вскрыть философской социологии. Движущей же силой, заставлявшей соперничавшие «жизненные круги» итти на компромисс, частично отказываясь от своего партикуляризма и принимая некоторые положения противника, являлась и является конкуренция.

«В социально-дифференцированном процессе мышления противники вынуждены принимать формы и категории мышления, наиболее приспособленные для ориентировки в данном мире. Это особенно ясно в экономике, где более всего приходилось и приходится считаться с достижениями противника (Leistungsvorsprung des Gegners zu übernehmen). Точно так же и в конкуренции на адэкватное толкование бытия (um adequate Seinsauslegung) каждая группа (Partei) неизбежно и незаметно для самой себя вынуждена принимать более плодотворные категории и гипотезы противника (fruchtbare Kategorie, Hypothese des Gegners), обещающие большие шансы на успех познания (Erkenntnisschance, 75).

Синтетически-концентрационный процесс (Konzentrazionsprozess), полагает Маннгейм, более всего соответствует той высоко-культурной стадии, на которой в настоящее время находится европейское общество, расколовшееся на множество слоев, или «жизненных кругов». Новый логический синтез выражает ту общесоциальную динамику (die gesamtsociale Dynamik), которая создается в результате столкновения многих различных компонентов. Взаимовлияние и взаимоконкуренция (Leistungkonkurrenz) противоположных слагаемых обогащает духовное и материальное содержание жизни и повышает ее общий тонус.

«Синтезы создает тот же социальный процесс, который вызывает и полярности, именно принятие норм и результатов мышления своих противников, вызы-

ваемое простым законом творческой конкуренции (Leistungskonkurrenz)»... «Зомбарт, как известно, различает в экономической жизни: конкуренцию творчества (Leistungs), внушения (Suggestions) и власти (Gewaltkonkurrenz). В нашей области также можно было бы показать, насколько эти формы конкуренции содержат всеобщие принципы социальной конкуренции и насколько они могут быть констатируемы и в области мышления» (Die Konkurrenz, 74).

Из сказанного делается вывод, не оставляющий никакого сомнения в оппортунистической и фашистской природе всей маннгеймовской социологии.

При «современной констелляции»,—говорит Маннгейм,—дифференция внутри духовного мира слишком богата содержанием, чтобы было возможно какой-либо одной точке зрения, отображающей интересы одного какого-либо «жизненного круга» или класса, претендовать на всю полноту «логического стиля».

«Прежде всего не может быть и речи (это ведь ясно даже при поверхностном взгляде, брошенном на категории), чтобы было возможно просто уравнять какой-либо образ мысли с каким-либо социальным слоем или классом»... «В самом деле, как будто, например, пролетариат находится в изолированном пространстве и может иметь свою собственную науку, а изолированная буржуазия — свою» (Das Problem einer Soziologie des Wissens, 343).

Задача культурной социологии, по мнению автора, именно в том и состоит, чтобы путем деструкции и «анализа до конца» различных партикуляристических «образов мышления» пожертвовать и тем самым ускорить естественный процесс слияния противоположных мыслительных тенденций, свидетельствующий о наступлении нового логического стиля. Если в современном обществе, распадающемся на множество взаимоконкурирующих групп и слоев, ни одна группа не охватывает специального содержания всего общества в целом, но все они в большей или меньшей степени являются партикуляристическими, то только творческий синтез, беспрерывно производимый самой жизнью, может передать ее истинное содержание. Наш век, заявляет Маннгейм, в отличие от предшествующего, является прежде всего синтетическим и антиинкластическим веком! Мы превосходно чувствуем, как из скрытой глубины переплетающихся и сталкивающихся между собой мыслительных течений на поверхность настойчиво пробивается ищущая адэкватного себе духовного выражения жизнь (das über sich Klarheit suchende Leben). Это новое духовное содержание, адэкватное жизни in toto, и составит стиль нашей эпохи.

«Эти партикулярности отдельных точек зрения можно, кажется, примирить только постоянно, несмотря ни на что, создающимися синтезами, указывающими на то, что жизнь, ищущая ясности (Klarheit) самой себе, желает посредством постоянного расширения платформы мышления удовлетворить все усложняющуюся тотальность исторической жизни» (Die Konkurrenz, 37).

Синтез оказывается абсолютно неизбежным на высшей ступени культуры, когда уже стала очевидной партикулярность, а потому, следовательно, in toto и несостоятельность каждого из конкурирующих идеологических направлений.

В подкрепление своего вывода автор «Проблемы социологии знания» указывает, что необходимость диалектического синтеза, как об'единения духовных полярностей, уже сознавали наиболее глубокие умы прошлых столетий. Всем известным классическим примером в этом отношении является Гегель, сочетавший две полярности: логический абсолютизм «века просвещения» и консервативно-романтический историзм в едином Абсолюте, находящем свое выражение в государстве и философии.

«Отношение Гегеля к рационализму «эпохи просвещения» и иррационализму романтиков является синтезирующим. И потому было бы ошибочно ставить его в ряды как сторонников рациональных, так и иррациональных связей. Он всегда и всегда пытается тезис и антитезис превратить в синтез» (76).

Гегель интересен для Маннгейма, как будет показано ниже, не только как первоклассный синтетик, но и как блестящий представитель того социального слоя, который гейдельбергский социолог считает действительным носителем синтетического мышления — интеллигенции (Intellektuellen).

К выводу о своевременности синтеза и о первенствующей роли в будущем обществе интеллигенции Маннгейм подходит еще и с другого конца.

На своевременность нового стиля,—говорит он,—прежде всего указывает ex contrario, свойственное нашему веку специфически политическое мышление. Наш век, неоднократно по разным поводам повторяет Маннгейм, исключительно политический век. Политика теперь стоит в центре жизни и целиком ее направляет. Политика наложила отпечаток на всю сферу нашей жизни и на всю сферу мысли, поставив на место старых критериев истины новый, политический критерий, до глубины переворачивающий все наши традиционные понятия и воззрения.

«Если проблема ложного сознания раньше искала санкцию истины и реальности в боге или в идеях, постигаемых чистым созерцанием, то теперь к критерию реальности присоединяется оптика, первично познаваемая в политической практике».

Это — главная особенность нашего времени: переживать действительность под углом зрения политика (das spezifische Wirklichkeitserleben des Politikers), проповедующего «практический иррационализм» и потому неспособного постичь действительность in toto. Проблема общественной правды (Problem der Wahrheitsentscheidung) для политика остается неразрешимой и в этом заключается Ахиллесова пята политического мышления вообще. При подобном состоянии рождается совершенно законный вопрос: как вообще на данной ступени бытия возможна какая-либо об'ективная мысль, какое-либо обязательное для всех знание?

«Наконец, можно спросить, как на этой ступени мышления вообще возможно познание, как на этой ступени бытия вообще возможно духовное существование?».

Маннгейм подчеркивает отрицательное, деструктивное влияние политики на социологию. Применяя деструктивный метод при анализе «духовного содержания» (идеологии) своих противников, политики в то же самое время обнажают корни и своей собственной идеологии, доказывая партикуляристичность всех точек зрения вообще, что приводит к безнадежному релятивизму. С другой стороны, в политике, как ни в какой иной области, выступает наибольшее зло современного европейско-американского общества — безыдейность и повседневщина, характерным симптомом которых в сфере политического творчества является почти полное исчезновение из программ политических партий утопического элемента, в былые времена открывавшего перед умственным взором величественные, хотя бы даже и необыточные перспективы. В наши же дни утопии уже отошли в область истории, уступив место государственности, политической деловитости и политическому карьеризму.

«Мы вступаем теперь в стадию, когда утопия (по крайней мере, в политике), благодаря своему многообразию, совершенно деструируется»... «Радикально-утопический элемент, дававший такую силу и остроту старым «хилиастическим учениям», в настоящее время утратил свое влияние, на политику теперь стали смотреть не как на утопию, а как на реальную науку, как на разрешение некоторых проблем текущей жизни, которые предпочитают прежнему универсальному хилиастическому утопизму (der chiliastische Utopismus). На наших глазах с исторической сцены сходят последние представители «хилиастического сознания (chiliastischen Bewustseins) — анархисты и синдикалисты, уступая место всевозможным оппортунистам и эволюционистам, самое большее ускоряющим и подчеркивающим, но не возводящим, как это было раньше, в Абсолют революционное дело. Вместе с ослаблением утопизма исчезает также и необходимо с ним

связанная всякого рода идеальность в науке, искусстве и политике, уступая ... овеществленной деловитости (Sachlichkeit), прозе и техницизму»..

«Здесь направление сознания (Bewustseinshaltung) требует построения ... (Weltgestalltung), во имя которого опозорились все идеи и распались все утопии. Эту нарождающуюся «сухость» следует принять, как единственное средство ... деть современностью (die Gegenwart zu beherrschen) и признать, как трансформацию утопии в науку, как деструкцию ложной и не покрывающейся действительностью нашего бытия идеологии. Для того, чтобы жить в полной гармонии с принявшей такие формы действительностью, безо всякой трансценденции, будь то как в виде утопии, так и в виде идеологии, необходима, может быть, даже ... буется известная суровость, на которую едва ли способно наше поколение, ... бессознательная наивность вновь народившегося поколения (Ideologie, 243).

Столь бросающаяся в глаза деструктивность в политике наблюдается ... и во всех других проявлениях современной жизни: науке, искусстве, религии, спорте и пр. Современное европейско-американское общество представляется ... манскому социологу полнейшей деструкцией всех «духовных элементов», ... ществленной повседневностью (alltägliches), построенной на коммерческом расчете и «деловитости», вытеснившей все «сверхповседневное» (утопическое) из ... тики, науки и искусства.

«Этот процесс полнейшей деструкции (völligen Destruktions aller spirituellen Elemente) всех духовных элементов находит свою параллель в ... ших жизненных формах и в соответствующих направлениях искусства. В самом деле, не следует ли рассматривать исчезновение гуманитарного элемента ... искусства, прорывающуюся вещность (Sachlichkeit) в эротике и архитектуре ... проявление инстинкта (Tribsstrukturen) в спорте, как симптом все более ... вытеснения из поля сознания утопического и идеологического элементов, ... тельствующих о врастании в современность новых слоев?».

К тому же роду явлений, полагает Манигейм, относится и обычное ... сведение политического элемента на экономический (allmähliche Reduktion ... Politischen auf Oekonomie), сознательное отрицание прошлого, отрицание исторического потока (historische Zeit), сознательное отрицание всякого культурного идеала и т. п.

Вместо всякого рода «историко-духовных» причин новые социологи (особенно американцы) предпочитают говорить о движущей силе инстинктов (Triebssubstrat), непосредственно знакомых и понятных каждому человеку из ... повседневной жизни. Наша действительность, разочарованно замечает современный глава неоисторической школы социологии, к сожалению, более реалистична, чем это казалось раньше, в период «утопии»!..

«И в самом деле, если имеющиеся в настоящее время тенденции продлятся до конца, то должно осуществиться мрачное предсказание Готфрида Келлера, что последняя победа свободы будет бесплодна и суха. Это пророчество, ... крайней мере, для нас, получает ужасный смысл. Иррациональный материализм и духовная дряблость (geistige Spannungslosigkeit)—такова подлинная картина современной действительности!»

Но все же, спрашивает в заключение своего деструктивного анализа Манигейм, имеются ли в современном обществе какие-либо группы, социально-философские идеалы которых отклоняются от вышеописанной нормы. И здесь ... оказывается не совсем безнадежным. Такими группами, в которых еще не ... идеальные «утопическо-хилиастические» элементы, являются, во-первых, ... ственные слои, «пока еще не вошедшие в социализм и коммунизм» (die im Sozialismus und Kommunismus noch nicht arrivierten Schichten), и, во-вторых, ... над материальными интересами слой интеллигенции» (eine mehr auf das Spirituelle eingestellte Schicht der Intellektuellen). Что касается первого, близкого к пролетариату, слоя, то ему в вышеназванных работах Манигейма почти что ...

лено [illegible], если не считать отдельных замечаний, не всегда достаточно прозрачных по своему содержанию.

«Современная дряблость все еще атакуется прежде всего с двух сторон. С одной стороны стоят слои, еще не достигшие социализма и коммунизма. Для этих слоев нераздельный союз между утопией, видением (Sicht) и действием поэтому непроблематичен, поскольку они являются чужаками («Outsider») в уже сложившемся мире (in der gewordenen Welt). Их присутствие в социальном пространстве означает наличие по крайней мере одной формы утопии. И эта утопия будет постоянно вызывать, зажигать и раздувать пламя противоположной утопии каждый раз, как этот крайний левый полюс будет проявляться в действии. Но случится ли это, в широкой степени зависит от формы структуры развертывающегося перед нами бытия. Если удастся достичь позднейшей, более совершенной и достаточно эластичной формы индустриализации путем мировой эволюции, а если при этом удастся дать низшим слоям относительное благосостояние, то и они, конечно, подвергнутся той же трансформации, которую испытали уже достигшие его слои (при этом с данной точки зрения безразлично, образуется ли эта более совершенная форма социальной организации индустриализма путем естественного врастания остальных слоев в ставший достаточно эластичным для их относительного благополучия капитализм, или же капитализм превратится сначала в социализм). Ясно одно, что если удастся достичь позднейшей ступени индустриализации только посредством революции, то на всех полюсах снова загорятся утопические и идеологические элементы. Как бы то ни было, в социальном центре [illegible] заключается [illegible] судьбы [illegible] бытия» (Ideologie, 244).

Несравненно отчетливее мысль Маннгейма в отношении интеллигенции. На всем протяжении его работ интеллигенция стоит в центре [illegible] [illegible] как единственно [illegible] социальная сила, долженствующая вывести современное общество из глубокого духовного кризиса, в котором оно очутилось. Интеллигенция составляет тот слой, на долю которого выпадает высокая честь играть в будущем роль всеобъемлющего координирующего центра (alles umfassendes [illegible]), призванного вдохнуть новые силы в одряхлевшее тело европейско-американского общества. О высокой творческой роли интеллигенции, по мнению Маннгейма, свидетельствует вся история мировой культуры.

«Помимо и вне всех этих, помимо обычных представителей их интересов, существовал еще один слой, внимание которого было направлено более на духовное, нежели на материальное. С социологической точки зрения этот слой мог бы быть назван интеллигенцией, но в настоящей связи это понятие должно быть несколько сужено. В нашей концепции речь идет не о носителях [illegible] образования, но о немногих духовных представителях (die Geistigen) в их рядах, для которых сознательное или бессознательное стремление к чему-то другому (auf etwas anderes) значительно важнее, чем восхождение на высшую ступень социального бытия. Как бы трезво ни смотреть на вещи, все-таки нельзя отрицать, что до сих пор существовал тонкий слой такого рода интеллигенции. Ее существование было непроблематично до тех пор, пока ее духовность (Spiritualität) совпадала с духовностью какого-либо поднимающегося слоя. Они жили, воспринимая мир с точки зрения той же самой утопии (aus derselben Utopie heraus), [illegible] их willensmässig [illegible] с определенными группами и социальными слоями. Это относится, например, как к Томасу Мору, Мюнцеру, так и к буржуазным бойцам Французской революции, как к Гегелю, так и к Марксу» (Ideologie und Utopie, 245).

Именно в «духовности» Маннгейм и усматривает творческую силу интеллигенции, указывающую ей на особого рода мессианскую роль, — на оплодотворение современного, теряющего свое духовное лицо общества.

связанная всякого рода идеальность в науке, искусстве и политике, уступая место овеществленной деловитости (Sachlichkeit), прозе и технницизму»..

«Здесь направление сознания (Bewustseinshaltung) требует построения (Weltgestalltung), во имя которого опозорились все идеи и распались все утопии. Эту нарождающуюся «сухость» следует принять, как единственное средство овладеть современностью (die Gegenwart zu beherrschen) и признать, как трансформацию утопии в науку, как деструкцию ложной и не покрывающейся действительностью нашего бытия идеологии. Для того, чтобы жить в полной гармонии с принявшей такие формы действительностью, безо всякой трансценденции как в виде утопии, так и в виде идеологии, необходима, может быть, ... буется известная суровость, на которую едва ли способно наше поколение, ... бессознательная наивность вновь народившегося поколения (Ideologie, 243).

Столь бросающаяся в глаза деструктивность в политике наблюдается ... и во всех других проявлениях современной жизни: науке, искусстве, ... спорте и пр. Современное европейско-американское общество представляется ... манскому социологу полнейшей деструкцией всех «духовных элементов», ... щественной повседневностью (alltägliches), построенной на коммерческом ... и «деловитости», вытеснившей все «сверхповседневное» (утопическое) ... тики, науки и искусства.

«Этот процесс полнейшей деструкции (völligen Destruktions aller spirituellen Elemente) всех духовных элементов находит свою параллель в ... ших жизненных формах и в соответствующих направлениях искусства. В ... деле, не следует ли рассматривать исчезновение гуманитарного элемента ... искусства, прорывающуюся вещность (Sachlichkeit) в эротике и ... проявление инстинкта (Tribsstrukturen) в спорте, как симптом все ... вытеснения из поля сознания утопического и идеологического элементов, ... тельствующих о врастании в современность новых слоев?».

К тому же роду явлений, полагает Маннгейм, относится и обычное ... сведение политического элемента на экономический (allmähliche Reduktion des Politischen auf Oekonomie), сознательное отрицание прошлого, отрицание исторического потока (historische Zeit), сознательное отрицание всякого культурного идеала и т. п.

Вместо всякого рода «историко-духовных» причин новые социологи (особенно американцы) предпочитают говорить о движущей силе инстинкта (Triebssubstrat), непосредственно знакомых и понятных каждому человеку ... повседневной жизни. Наша действительность, разочарованно замечает современный глава неоисторической школы социологии, к сожалению, более «реалистична», чем это казалось раньше, в период «утопии»!..

«И в самом деле, если имеющиеся в настоящее время тенденции продолжатся до конца, то должно осуществиться мрачное предсказание Готфрида Келлера, что последняя победа свободы будет бесплодна и суха. Это пророчество, ... крайней мере, для нас, получает ужасный смысл. Иррациональный материализм и духовная дряблость (geistige Spannungslosigkeit)—такова подлинная картина современной действительности!»

Но все же, спрашивает в заключение своего деструктивного анализа Маннгейм, имеются ли в современном обществе какие-либо группы, социально-философские идеалы которых отклоняются от вышеописанной нормы. И здесь ... оказывается не совсем безнадежным. Такими группами, в которых еще не ... идеальные «утопическо-хилиастические» элементы, являются, во-первых, ... ственные слои, «пока еще не вошедшие в социализм и коммунизм» (die im Sozialismus und Kommunismus noch nicht arrivierten Schichten), и, во-вторых, ... над материальными интересами слой интеллигенции» (eine mehr auf das Spirituelle eingestellte Schicht der Intellektuellen). Что касается первого, близкого к ... тариату, слоя, то ему в вышеназванных работах Маннгейма почти что ...

лено внимания, если не считать отдельных замечаний, не всегда достаточно прозрачных по своему содержанию.

«Современная дряблость все еще атакуется прежде всего с двух сторон. С одной стороны стоят слои, еще не достигшие социализма и коммунизма. Для этих слоев нераздельный союз между утопией, видением (Sicht) и действием постольку непроблематичен, поскольку они являются чужаками (Outseider) в уже сложившемся мире (in der gewordenen Welt). Их присутствие в социальном пространстве означает наличие , по крайней мере одной формы утопии. И эта утопия будет постоянно вызывать, зажигать и раздувать пламя противоположной утопии каждый раз, как этот крайний левый полюс будет проявляться в действии. Но случится ли это, в широкой степени зависит от формы структуры развертывающегося перед нами бытия. Если удастся достичь позднейшей, более совершенной и достаточно эластичной формы индустриализации путем мирной эволюции, и если при этом удастся дать низшим слоям относительное благосостояние, то и они, конечно подвергнутся той же трансформации, которую испытали уже достигшие его слои. (При этом с данной точки зрения безразлично, образуется ли эта более совершенная форма социальной организации индустриализма путем естественного врастания остальных слоев в ставший достаточно эластичным для их относительного благополучия капитализм, или же капитализм превратится сначала в коммунизм). Ясно одно, что если удастся достичь позднейшей ступени индустриализации только посредством революции, то на всех полюсах снова загорятся утопические и идеологические элементы. Как бы то ни было, в социальном центре оппозиции заключается компонент судьбы трансценденции бытия». (Ideologie, 244).

Несравненно отчетливее мысль Маннгейма в отношении интеллигенции. На всем протяжении его работ интеллигенция стоит в центре внимания немецкого социолога, как единственно надежная социальная сила, долженствующая вывести современное общество из глубокого духовного кризиса, в котором оно очутилось. Интеллигенция составляет тот слой, на долю которого выпадает высокая честь играть в будущем роль всеохватывающего конструкционного центра (alles umfassendes Konstruktionszentrum), призванного вдохнуть новые силы в одряхлевшие члены европейско-американского общества. О высокой творческой роли интеллигенции, по мнению Маннгейма, свидетельствует вся история мировой культуры.

«Искони во всех слоях, помимо обычных представителей их интересов, существовал еще один слой, внимание которого было направлено более на духовное, нежели на материальное. С социологической точки зрения этот слой мог бы быть назван интеллигенцией, но в настоящей связи это понятие должно быть несколько сужено. В нашей концепции речь идет не о носителях патентованного образования, но о немногих духовных интеллигентах (die Geistigen) в их рядах, для которых сознательно или бессознательно стремление к чему-то другому (auf etwas anderes) значительно важнее, чем восхождение на высшую ступень социального бытия. Как бы трезво ни смотреть на вещи, все-таки нельзя отрицать, что до сих пор существовал тонкий слой такого рода интеллигенции. Ее существование было апроблематично до тех пор, пока ее духовность (Spiritualität) совпадала с духовностью какого-либо подымавшегося слоя. Они жили, познавали мир с точки зрения той же самой утопии (aus derselben Utopie heraus), которая их willensmässig связывала с определенными группами и социальными слоями. Это относится, например, как к Томасу Мору, Мюнцеру, так и к буржуазным бойцам Французской революции, как к Гегелю, так и к Марксу» (Ideologie und Utopie, 245).

Именно в «духовности» Маннгейм и усматривает творческую силу интеллигенции, толкающую ее на своего рода мессианскую роль, — на оздоровление современного, теряющего свое духовное лицо общества.

«Под духовным слоем (интеллигенцией) мы будем подразумевать те группы людей, которые связаны друг с другом в своем мировом желании (Weltwollen), частью которого является хозяйственное желание (Wirtschaftswollen), мыслительное желание (Denkwollen) и желание в искусстве (Kunstwollen), которые «превращены на службу» в определенном хозяйстве и в определенном мыслительном стиле в данном периоде времени и внутри определенной общественной группы».

«Это перебрасывающее мост понятие духовного слоя служит для того, чтобы духовные тотальности поставить в связь с социальными группами таким образом, чтобы при этом не была упущена внутренняя дифференцированность духа, а также и дифференцированность самих социальных слоев» (Das Problem einer Soziologie, 647, 648).

Но если роль интеллигенции была велика в прошлом, то она несравненно еще более в настоящем, когда деструкция всех духовных элементов достигла своей вершины и когда общество разбилось на множество враждующих друг с другом слоев, с одинаковым правом претендующих на участие в управлении. Именно в силу этой многоклассовости интеллигенция, в отличие от прежних времен, все более теряет свою связь с каким-либо одним классом, превращаясь в «сверхклассовую» и «сверхпартийную» силу, парящую над обществом эпохи синтетического стиля

«Это освобождение духовности от стоящего за ее спиной слоя (der Geistigen hinter ihnen stehenden Schicht) начинается с того момента, когда угнетенные слои начинают врастать в управление их социальным бытием. Так осуществляется уже и прежде ясная тенденция, что свободно парящая духовность более чем когда-либо рекрутируется из всех общественных слоев, а не только из одних привилегированных. Эта все более отбрасываемая к самой себе духовность застает только что охарактеризованную, склонную к дряблости общую ситуацию», стремясь ее разрушить тем, что она в широкой степени не живет в апроблематическом содружестве с уже установившимися порядками».

Итак, в современном европейско-американском обществе, разбитом на множество слоев и групп и духовно опустившемся, единственно живой, движущей обществс силой является бесклассовая, крепко не врастающая ни в один социальный порядок интеллигенция (eine relativ klassenlose nicht allzufest gelagerte Schicht im sozialen Raum sozialfreischwebende Intelligenz), действительная носительница нового синтетического стиля, эта в полном смысле «соль земли», предохраняющая современное духовно обанкротившееся общество от разложения и гибели.

«Настоящий синтез никак не означает количественную середину между требованиями, имеющимися в социальном пространстве. Такое решение могло бы служить только одному — стабилизации социального статуса в пользу только что всплывших на общественную поверхность слоев, не хотящих знать об опасности, грозящей их социальной добыче слева и справа. Напротив, дело должно идти о том политическом поведении, которое способствует прогрессивному развитию истории, таким образом, что в ней сохраняется возможно большее число культурных благ и социальных энергий. Но в то же самое время новый статус должен получить возможность развернуться в полной широте и органичности и привести в действие его преобразующие силы. Это поведение требует своеобразной бдительности по отношению к историческому «теперь». Пространственное hic и временное nunc в историческом и социальном смысле должны быть всегда налицо и всегда надо знать, что уже более не нужно и что еще невозможно».

«Такого рода постоянно экспериментирующее, в самом себе развивающее социальную чувствительность на динамику и целостность, направленное поведение не может проявить класс, находящийся в средине, это может сделать только относительно бесклассовый и не слишком связанный с социальным пространством слой интеллигенции... И если под этим углом посмотреть на историю

рию, то и здесь также получается недопускающий одного определения, относительно бесклассовый слой (по терминологии Альфреда Вебера) — социально свободно парящая интеллигенция (Ideologie, 123).

На этом, собственно, и заканчивается социология Карла Маннгейма, пока еще находящаяся в состоянии предварительной, лабораторной работы, что, кстати сказать, чрезвычайно затрудняет как ее изложение, так и в особенности ее критику. И тем не менее основные линии маннгеймовской социологии наметились уже достаточно ясно. С исторической точки зрения она не представляется ни в каком отношении оригинальной; все высказываемые Маннгеймом идеи в том или ином сочетании имеются в сочинениях Бергсона, Сореля, Шелера, Трэльча, Парето, Бордеро и ряда других буржуазных философов, социологов и историков. И, однако, несмотря на неоригинальность идей, работы Маннгейма представляют явление большой социально-политической важности и потому никак не могут быть обойдены молчанием. Секрет необыкновенной и, казалось бы, странной популярности этой системы заключается не в ее теоретико-познавательной ценности, а в ее политическом значении. Все дело в том, что разбираемая социологическая концепция, как это нетрудно было заключить из предшествующего изложения, представляет теоретическую платформу, на которой с успехом могут об'единиться и об'единяются самые разнообразные элементы буржуазного общества, выведенные из равновесия революционной волной и успехами коммунизма. Перед другими аналогичными системами социология Маннгейма имеет то преимущество, что она не проповедует прямого и открытого возвращения к старому, абсолютно не считаясь с современностью, как это делает, например, Макс Шелер, напротив, сила этой концепции заключается в ее якобы современном и прогрессивном характере. Все рассчитано на то, чтобы у читателя получилось впечатление, что автор не только преодолел старую кантианскую схоластику, тормозившую общественное развитие, но, самое важное, что ему удалось преодолеть также и марксистскую социологию. Марксизм в глазах Маннгейма очень хорошая, но только уже преодолеваемая, т. е. иначе — уже стареющая, социологическая концепция. В страстном стремлении преодолеть, вернее скомпрометировать марксизм и состоит злободневность и популярность названной социологии, при чем, в отличие от других систем, преодоление ведется не трансцендентным, а имманентным путем, по внешности методом самого же марксизма. В этом отношении Маннгейм близок к Оппенгеймеру («Система Социологии»[1]). Как тот, так и другой стремятся дать целостную картину диалектического движения мировой истории: Оппенгеймер в виде постоянного конфликта экономической базы с политической надстройкой, Маннгейм в виде смены логических стилей. При всем различии обеих систем общим для них остается стремление найти выход из современного идеологического кризиса, переживаемого буржуазным обществом, что с логической необходимостью, в конце концов, приводит их в лагерь фашистов — последней опоры капитализма. Подобно официальным идеологам фашизма (Парето, Зигфрид Федер и др.), оба автора в результате длинной цепи силлогизмов приходят к выводу, что период классовой борьбы постепенно уходит в область истории, классовое общество сходит с исторической сцены, а вместе с ним и классовая борьба сменяется борьбой профессиональных групп. При таком понимании структуры современного общества, распыленного на множество профессиональных групп, становится понятной и нейтрализирующая роль «сверхклассовой интеллигенции» — элитов — конечный вывод как маннгеймовской, так и вообще фашистской идеологии. Отрицание классов, собственно, и означает преодоление марксизма внутренним путем, из которого затем делается ряд социально-политических выводов первостепенной важности.

---

[1]) О системе социологии Фр. Оппенгеймера см. мой очерк, «Под знаменем марксизма» за 1929 г.

Стремление преодолеть марксизм внутренним путем, а вместе с ним низвести все современное революционное движение на степень невинного столкновения профессий, по весьма понятной причине ставится в особую заслугу разбираемой социологической системе всеми критиками из социал-фашистского лагеря. Литературный радикализм, «деструкция до конца», внешне почтительное отношение к Марксу, с одной стороны, длинные отступления, парадоксальные параллели (дуализм и коммунизм!), мобилизация огромного материала, иногда небезынтересная постановка отдельных проблем и т. д.—с другой, должны придать маннгеймовской концепции особую импозантность и внешнюю убедительность. Но вся эта импозантность, конечно, не имела бы никакой цены, если бы разбираемая система не имела определенного социально-политического хребта, приемлемого для оппортунистов всех оттенков. Оппортунизм и в этом случае играет роль понтонного моста, перекидываемого от одного класса к другому. Правда, для некоторых категорий буржуазии социология Маннгейма в целом так же мало приемлема, как и социология Оппенгеймера, но при настоящем положении вещей она в глазах всех защитников капиталистической системы является необходимым злом, служащим противоядием против марксизма, со всеми вытекающими из него социально-политическими следствиями. Однако не может быть никакого сомнения, что в случае хотя бы временной стабилизации капитализма социал-оппортунистическая философия, как показывает практика Италии и Испании, тотчас же будет ликвидирована и заменена открытой фашистской социологией, реабилитирующей всех богов старого мира: капитализм, национализм, идеализм и даже мифотворчество.

«Действительная история капитализма,—заявлял, например, недавно на одном торжественном собрании глава итальянского фашизма, — начинается только теперь, так как капитализм является не только системой угнетения, но также и главным образом представляет отбор наиболее ценных элементов, управление наиболее деятельных, более сильно развитое сознание индивидуальной ответственности!»

«Мы создали великий миф,—говорил тот же самый оратор по другому поводу,—этот миф есть вера, благородный энтузиазм, не нуждающийся в реализации, это импульс, надежда, вера, мужество и т. д.... Наш миф называется н а ц и я — великая нация, которую мы желаем воплотить в конкретную реальность!»

Выдвижение на передний план «сверхклассовой интеллигенции», красной нитью проходящее через весь строй мысли Маннгейма и с логической необходимостью приводящее к принижению социального значения масс, также составляет одну из кардинальных идей фашистской социологии.

«Вы знаете,—говорил в одной из своих речей Муссолини,—что я не являюсь почитателем нового божества — масс»... «Во всяком случае мы имеем исторические доказательства того, что все глубокие изменения, имевшие когда-либо место в человеческом обществе, прежде всего были делом меньшинства, одной части людей».

Таков последний вывод философской социологии в условиях открытой фашистской диктатуры. При других же менее благоприятных условиях партизаны фашизма вынуждены выражать свои мысли и идеалы в более сложной и отвлеченной форме, наглядным примером чего служат философско-социологические системы последних десятилетий Германии, Франции, Америки и других буржуазных стран.

Настоящий очерк ставил себе целью передачу, возможно словами самого же подлинника, содержания социологической системы К. Маннгейма и ее классовый анализ, как новое подтверждение того, что на настоящей стадии европейско-американского капитализма всякая оппортунистическая система неизбежно приводит к фашизму. Расстановка классов в настоящий момент такова, что

могут быть только два фронта: коммунизм или фашизм, tertium non datur. В этом убеждают, помимо маннгеймовской системы, все более или менее значительные историко-социологические концепции, выходящие из оппортунистического лагеря. Таковы, например, вышедшие в конце прошлого года «Социологические исследования», посвященные Альфреду Веберу (Sociologische Studien zur Politik, Wirtschaft und Kultur, der Gegenwart), как и все работы, в особенности же основная из них «Кризис современной государственной мысли в Европе», самого А. Вебера. Исходя из критики правого и левого фронта и желая найти золотую середину, почти все авторы этих работ в конечном итоге оказываются в фашистском лагере. Такова, видимо, историческая логика вещей.

В заключение еще несколько слов о самом центральном пункте маннгеймовской системы — надклассовой «свободно парящей интеллигенции», долженствующей в качестве «образованного меньшинства» (Minoritaet der Gebildeten) руководить будущим обществом. Как и следовало ожидать, при ближайшем анализе сверхклассовая интелигенция оказалась пустым звуком, лишенным конкретного содержания. При деструкции до конца «социально свободно парящая духовность» оказалась или состоящей из партийных элементов, что уже не подходит под понятие интеллигенции в маннгеймовском смысле, или же из элементов, далеких от интересов дня, всецело погрузившихся в созерцательную деятельность, со всей головой ушедших в науку или искусство и в силу этого абсолютно неспособных к какому-либо посредничеству и тем более, значит, неспособных к руководству в период всеобщего распада и анархии. К сожалению, неожиданно для своего читателя, заявляет автор «Идеологии и утопии», наша интеллигенция, разбившись на много групп, или вступила в союз с радикальным крылом социалистически-коммунистического пролетариата (sozialistisch-kommunistischen Proletariats), или с головой погрузилась в изучение прошлых веков, совсем отвернувшись от современности, уйдя вслед за Киркергардом в мистику, или же, наконец, по примеру Макса Вебера и Парето, чрезвычайно осложнив свое мировоззрение, впала в безвыходный пессимизм. Коротко, по тем или иным причинам, но интеллигенция в системе Маннгейма не оказалась способной дать ту новую tensio «социальной тотальности» и тем самым спасти современную цивилизацию от надвигающегося ужасного кризиса. Но тогда, спрашивается, что же произойдет в будущем? куда идет европейско-американское общество? каковы его перспективы и, главное, кто является действительно гегемоном и вождем будущего общества? Заключительный аккорд совершенно разрушил все здание гейдельбергского социолога, вырвав из-под его ног какую бы то ни было почву и погрузив его самого в беспросветный пессимизм. После генеральной деструкции Карл Маннгейм, подобно многим своим коллегам, останавливается на распутьи, совершенно теряя надежду на возможность пройти между кипящими в огне классовой борьбы «общественными слоями», не зацепив ни одного из них.

«После такого анализа современной констелляции,—заключает Маннгейм,—невольно спрашиваешь себя: что же случится в будущем? В невозможности ответить на этот вопрос как раз и вскрывается структура исторической точки зрения (die Struktur der historischen Sicht). Что-либо предсказывать, значит пророчествовать. Всякое же пророчество неизбежно превращает историю в чистую детерминацию и лишает нас тем самым возможности свободного выбора решения, отчего в свою очередь умирает взвешивающий и ищущий инстинкт в отношении постоянно вновь образующейся возможности» (Ideologie, 247).

«Будущее,—читаем на других страницах того же самого произведения,—зависит не от чего другого, как от воли людей (von unserem Wollen), именно потому, что мы люди, а не вещи».

Итак, следовательно, все зависит от человеческой воли! Но допустим, что, действительно, все (даже противоразумное) зависит от воли людей, но от чего тогда зависит сама эта воля, т.-е. в каком отношении эта воля стоит к об'ектив-

ному миру, к «логическому стилю» эпохи; ответа на этот вопрос, по крайней мере в уже опубликованных работах Маннгейма, не дано. Точно так же не имеется ответа и на другой, не менее существенный и щекотливый вопрос: к какому же классу или слою должна перейти руководящая роль в будущем обществе, раз исчезает «социально парящий слой» интеллигенции, о чем шла речь на предшествующих страницах.

Ни на один из этих вполне законных вопросов разбираемая система социологии не дает удовлетворительного ответа. И это вполне понятно: оппортунизм Маннгейма мешает ему остановиться на каком-либо одном направлении, постоянно перебрасывая его из одной стороны в другую и в конечном итоге приводя его к архиоппортунистическому выводу о полной неизвестности будущего, о полной случайности исторического процесса. После этого невольно задаешь себе вопрос: для чего же надо было возводить такие обширные леса, если все равно человеческий разум бессилен постичь смысл истории, и когда все находится в руках непостижимой человеческим разумом ананкэ, судьбы? Вышеназванный сборник в честь А. Вебера в этом отношении ставит вопрос уже значительно определеннее и проще, выдвигая в полной гармонии с фашизмом на передний план уже не слой «свободно парящей интеллигенции», а диктатуру вождей (Führerschaft), долженствующих возглавить современное общество для того, чтобы спасти его от кризиса. Проблеме вождей и тесно с ней связанному вопросу государства и нации, собственно, и посвящен весь сборник, занимающий более 300 печатных страниц и составляющий логическое продолжение маннгеймовской системы.

Что же касается самой маннгеймовской социологии, то она, как уже было отмечено, несмотря на всю свою внутреннюю противоречивость и внешнюю неслаженность, сыграла свою историческую роль идеологического знамени всех оппортунистически настроенных элементов, выбитых из социального равновесия, страстно жаждующих покоя, не желающих никаких крайностей и более всего боящихся «большевистской анархии». В этом и надо искать социальный корень необыкновенной популярности маннгеймовской системы, стремящейся выбить из рук революции такое острое оружие, как марксистская социология, хотя бы даже на первое время не противопоставляя ей какой-либо другой определенной системы. В этом отношении значение маннгеймовской социологии совершенно аналогично значению всех вообще мелкобуржуазных оппортунистических групп, в период революции играющих роль буферов, задерживающих движение революционной волны и тем самым расчищающих путь фашизму. После этого, конечно, уже не может оставаться никакого сомнения, что социологию К. Маннгейма надо рассматривать не столько под философским, сколько под политическим углом зрения, как идеологическую платформу, сотканную из волокон самых разнообразных, часто внутренне противоречивых систем, на которой временно могут сойтись самые разнородные элементы социал-фашистской и фашистской реакции.

В этом состоит ее историческое значение и этим же определяется и наше отношение к ней, как к яркому реакционному литературно-политическому памятнику последнего периода мирового капитализма.

В. СЕРГЕЕВ

Г. АБЕЗГАУЗ и Г. ДУКОР. Очерки методологии политической экономии. С предисловием С. Л. Ронина. «Молодая гвардия», 1931 г., стр. 206, Ц. 1 р. 60 к. Тираж 7 000.

Несмотря на многочисленные разговоры об особенностях марксова метода в политической экономии в отличие от методологии современной буржуазной экономии и методологии классиков, мы до сих пор не имеем сколько-нибудь серьезной попытки систематического изложения этого метода. Кроме в высшей степени нудных и бессодержательных фраз экономистов-механистов и экономистов-«диалектиков», рассеянных в их многочисленных статьях, и кроме итоговой сумы

В. Милютина и Б. Борилина, мы не можем указать ни одной работы. Разговоров о методологии политической экономии много, сверх меры много, но конкретного показа специфичности этой методологии нет. Более того, у очень большой части экономистов нет понимания основных категорий материалистической диалектики, нет умения вскрыть диалектику экономических категорий. Там, где нехватает материала, там, где автор не может познать истинного смысла наблюдаемых им экономических явлений, появляется магическое слово «диалектика». Диалектикой пытаются прикрыть буквально всякую бессмыслицу. Возьмем, к примеру, «Политическую экономию в связи с теорией советского хозяйства» И. Лапидуса и К. Островитянова, «Курс политической экономии» А. Кона, «Очерки по теории земельной ренты» проф. Любимова или «труд» Н. Смолина под названием «Стоимость сельскохозяйственных продуктов и закон ренты». Авторы всех этих трудов ухитряются протаскивать под флагом диалектики самые противоположные утверждения по одному и тому же поводу. Когда же им самим становятся заметны вопиющие противоречия их «теоретических» построений, то они глубокомысленно пишут: «Здесь мы имеем переход количества в качество» или «это блестящий пример диалектики».

Ничего общего с такими «трудами» «Очерки» тт. Абезгауза и Дукора не имеют. Написанные простым, ясным и всем понятным языком они дают сжатое систематическое изложение основных проблем методологии марксовой политической экономии.

Авторы совершенно правильно исходным пунктом своих «Очерков» сделали тезис о том, что «нельзя разрабатывать метод какой-либо науки, вне связи с ее предметом, ее материалом», что «предмет определяет метод, при помощи которого он может быть научно познан».

«В этой связи,—пишут они,—становится понятна основная ошибка недавней дискуссии среди экономистов. Вместо того, чтобы, владея материалом марксовой политической экономии, усвоить его метод и направить свои усилия на разработку научных проблем современности, оплодотворяя и разрабатывая этот метод дальше, спорящие стороны—и механисты и сторонники И. И. Рубина,—сойдя с правильных позиций диалектического материализма, застряли на отвлеченном вопросе о методе вообще. Поэтому дискуссия о предмете и методе политической экономии должна была вылиться в отвлеченный схоластический спор» (стр. 10).

Чтобы избежать ошибок подобного рода, тт. Абезгауз и Дукор, в полном соответствии со своим исходным пунктом, выявляют, основные черты метода марксистской политической экономии, на анализе ее основных категорий, товара прежде всего. Они показывают, как Маркс от товара переходит к деньгам, от денег к капиталу, и таким образом получают возможность констатировать, что экономические категории есть лишь теоретическое выражение определенных производственных отношений, что Маркс «рассматривает более простые экономические отношения (товар и деньги), как общую форму и зародыш более сложных, более развитых отношений» (стр. 15).

В результате краткого обзора содержания трех томов «Капитала» Маркса они приходят к выводу, что политическая экономия имеет своей задачей «установление законов возникновения, развития и гибели данных производственных отношений», и совершенно правильно отмечают, что ошибка обеих сторон, участвовавших в дискуссии 1925 г., заключается в увековечении категорий товарного хозяйства (Богданов, Степанов), с одной стороны, и в отрыве формы от содержания, в сведении задач политической экономии к разоблачению вещной формы производственных отношений буржуазного общества, с другой стороны.

«В основе бухаринских взглядов лежит ложное представление, тесно связанное с механистическим пониманием производственных отношений,—пишут авторы по этому поводу,—будто законы капиталистического общества отличаются от законов других общественных формаций только вещной оболочкой. Тов. Бухарин фактически полагает, что задача установления законов капитализма сводится к

устранению вещной видимости производственных отношений, что только для этого и нужна политическая экономия». Именно в этом заключается основная ошибка тов. Бухарина, а отнюдь не в том, как полагают некоторые, что предметом политической экономии он называл, в отличие от А. Богданова и И. И. Степанова, только товарно-капиталистический способ производства. И именно отсюда вытекало и его отрицательное отношение к тезису, утверждавшему необходимость изучения законов развития производственных отношений в других общественно-экономических формациях. «Бесспорно, что проблемы ценности, цены, капитала, прибыли, рент и т. д., которыми занималась и занимается политическая экономия, отсутствуют в других общественно-экономических формациях, кроме товарно-капиталистической, ибо они тесно связаны с производственными отношениями этой формации. Но отсюда вовсе не следует, что другие общественно-экономические формации не имеют своих проблем, которые подлежат теоретическому изучению» (стр. 39).

Таким образом авторы приходят к тому взгляду на предмет политической экономии, который был изложен Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и который не совпадает ни с точкой зрения А. Богданова, ни с точкой зрения Н. И. Бухарина и И. И. Рубина, т.-е. необходимости различения политической экономии в узком смысле слова от политической экономии в широком смысле слова. Они совершенно правильно отмечают, что бухаринская позиция в этом вопросе по существу отрицает возможность изучения экономики переходного периода.

Разрешив эти вопросы, тт. Абезгауз и Дукор ставят вопрос о том, что такое производственные отношения, и констатируют, что они не могут быть изучены иначе, как форма развития производительных сил. Попутно с этим они критикуют рубинскую и бессоновско-бухаринскую трактовки этой категории, вскрывая их антимарксистское существо.

Тов. Н. И. Бухарин, а вслед за ним и тов. Бессонов, смешивают производственные отношения с техническими отношениями, забывая о том, что «организация труда в современной механической мастерской определяется нынешним состоянием техники и характеризует собой состояние производительных сил, а вовсе не хозяйственный порядок нынешнего (капиталистического) общества, который характеризуется, прежде всего и главным образом, свойственными ему имущественными отношениями, т.-е., следовательно, принадлежностью механической мастерской не об'единенным в ней рабочим, а капиталисту, эксплоатирующему этих рабочих» [1]).

И. И. Рубин, усиленно ратовавший за производственные отношения как предмет политической экономии, совершает другую ошибку. Смешивая производственные отношения с правовыми отношениями, он дает им идеалистическое истолкование. «Рубин следует в этом отношении за Петри, Аммоном и другими представителями социального направления в политической экономии» (стр. 57). «Смешение юридических и производственных отношений покоится у И. И. Рубина на отождествлении производственных отношений с отношениями обмена, и этих последних—с договором купли-продажи» (стр. 62).

Далее авторы, разбирая проблему соотношения производительных сил и производственных отношений, показывают, что И. И. Рубин и Н. И. Бухарин и здесь не стоят на позициях Маркса. Они смешивают производительные силы с техникой и довольствуются констатированием наличия взаимодействия между ними. Этой точке зрения тт. Абезгауз и Дукор противопоставляют точку зрения Маркса, согласно которой отношение производственных отношений к производительным силам есть отношение формы к содержанию. Поэтому «политическая экономия изучает производственные отношения, как форму (специфически исторический закон)

---

[1]) Г. Плеханов, сочинения, т. XI, стр. 160 (1925 г.).

развития производительных сил данной общественно-экономической формации» (стр. 78).

Затем рассматривается проблема логического и исторического, отмечается что ход развития в «Капитале» определяется развитием реальных отношений товарно-капиталистического общества», что «совпадение между развитием научной системы Маркса и внутренним закономерным развитием капитализма отнюдь не поверхностное, а покоится на глубокой связи между развитием законов капитализма в действительности и в теории», хотя «это вовсе не значит, что развитие категорий «Капитала» есть непосредственное и точное отражение исторического развития со всеми случайностями и зигзагами этого последнего» (стр. 136).

Вся книга в целом, несмотря на наличие отдельных спорных мест и некоторых неудачных формулировок, является хорошим популярным изложением основных проблем методологии марксовой политической экономии.

В отличие от книг типа «Лапидус и Островитянов» или просто «Лапидус» [1]) она дает картину подлинных взглядов Маркса, а не Маркса сквозь рубинские очки.

Авторы хорошо изложили мысли Маркса, Энгельса и Ленина о методологии политической экономии. В этом их заслута. Однако и они не преодолели полностью духа предыдущего периода. Надо прямо отметить, что они не осуществили в должной мере выставленный ими в начале книги тезис о том, что «нельзя разрабатывать метод какой-либо науки, вне связи с ее предметом, ее материалом».

Авторы ограничиваются логическим разбором критикуемых теорий и логическим обоснованием своих собственных позиций, подкрепляя изложение значительным количеством цитат. Но авторы почти совершенно не показывают диалектический метод Маркса в действии. Они не развертывают перед читателем применение этого метода на конкретном материале современности—будь то в области развития капиталистической экономики, будь то в области экономики переходного периода. Именно на конкретном материале надо было бы развернуть и показать, к чему приводит извращенное понимание марксовых категорий политэкономии, извращение марксова метода, и вскрыть классовые, политические корни этих извращений. Такая актуальная проблема, как взаимоотношения производственных отношений и производительных сил, трактуется «вообще», абстрактно, в плоскости чисто логической аргументации, подкрепляясь гегелевским учением о форме и содержании и совершенно не подкрепляясь разбором роли формы и соотношения ее с содержанием на конкретном материале современного этапа переходной экономики или на примере всеобщего кризиса капитализма. Тем самым авторы, успешно преодолевая рубинские и механистические извращения марксизма, задерживаются на уже пройденном этапе и не делают еще в этой работе дальнейших шагов для действительного поворота теории к действительному обслуживанию актуальных проблем современности. Это обстоятельство лишает эту интересную и нужную работу в борьбе на два фронта против извращения марксизма, боевого, политически действенного характера, политической заостренности. В следующих изданиях, которые, очевидно, потребуются, этот недостаток должен быть устранен. Очерки должны быть переработаны и дополнены конкретным современным материалом.

Надо обратить также большее внимание на проблему логического и исторического и проблему «политическая экономия в широком смысле слова».

А. КАЗАРИН.

---

[1]) См. его «Предмет политической экономии».

„Scientia", № 11 ноябрь 1930 г.

Журнал «Scientia», именующий себя «интернациональным журналом научного синтеза», издается, начиная с 1907 г., в Италии и имеет своей задачей давать общего характера научные статьи по самым различным научным отраслям, а также краткие рецензии о новейших научных книгах и краткие обзоры различных научных журналов. В «Scientia» помещают свои статьи ученые различных национальностей, при чем все статьи печатаются на языке их авторов (если это язык итальянский, французский, английский, немецкий или испанский), но все нефранцузские статьи даются также (в конце каждой книжки журнала) во французском переводе, проредактированном самими авторами. На французском же языке пишутся рецензии и обзоры. Таким образом, хотя редакторами и издателями журнала являются итальянцы (проф. Ботацци, проф. Бруни, проф. Энриквес, П. Бонетти и др.), но основным языком для международного научного журнала признается у них язык французский.

«Scientia» выходит один раз в месяц книжками в 6—7 печатных листов каждая. Перед нами ноябрьский номер за 1930 год.

Номер этот открывается небольшой статьей итальянского математика и философа, профессора Федерико Энриквеса, озаглавленной: «Принцип достаточного основания в греческой мысли».

Энриквес рассматривает принцип достаточного основания как основной регулятивный принцип всякой «научной конструкции» и как то, что составляет самую суть философского рационализма. Он считает, что уже у Анаксимандра Милетского (VI век до нашей эры) мы имеем применение принципа достаточного основания для об'яснения того обстоятельства, почему земля (представляемая древними неподвижной и находящейся в «центре мира») покоится в пространстве, не падая. По свидетельству Аристотеля, Анаксимандр рассуждал примерно так образом: нет никаких оснований для того, чтобы земля двигалась вниз, а не вверх, направо, а не налево; а так как она не может двигаться сразу по всем этим направлениям, то она необходимо должна покоиться в пространстве.

У Парменида Элейского (конец IV и начало V века до нашей эры) принцип достаточного основания приобретает более широкое философское значение и становится верховным критерием строжайшего рационализма. Считая подлинной реальностью единую бескачественную протяженную материю, абсолютно однородную и не допускающую никакой пустоты, Парменид, руководствуясь принципом достаточного основания, должен был притти и к отрицанию всякой множественности вещей, всяких реальных различий, всякого движения и всякого изменения. Ибо, если существует только абсолютная, бескачественная субстанция, то нет никаких рациональных оснований для того, чтобы в ней возникли различия, изменения движения.

Принцип достаточного основания приобретает новое применение у Демокрита (вторая половина V века до нашей эры), который рассуждал примерно так: нет никаких разумных оснований для того, чтобы в природе не осуществлялись все логически возможные виды комбинаций первичных элементов (атомов), при чем атомы эти, в свою очередь, могут быть самой различной геометрической формы и самых различных размеров.

Дальнейшая эволюция «принципа достаточного основания» состояла в отыскании рациональных оснований, способных об'яснить тот факт, что из всех бесчисленных логических возможностей в действительности осуществляются только некоторые. Для пифагорейцев и для Платона (в диалоге «Тимей») такими основаниями являлись соображения о геометрической простоте соответствующих фигур, математической гармонии их частей и т. п.

Все эти исторические заметки делаются Энриквесом в форме кратких и беглых экскурсов, при чем он указывает, что более подробное развитие они получили в его новой, находящейся еще в печати, книге «Истории научной мысли

Если судить по данной статье Энриквеса, историю научной мысли он понимает как ряд эпизодов в развитии некоей «чистой мысли», «мысли в себе», совершенно оторванной от всякого общественного бытия и его истории. В этом—основной методологический порок всей его концепции и вообще всех современных буржуазных работ по истории науки и философии.

Следующая статья принадлежит перу американского астронома Митчеля (Mitchell) и трактует о «Новейших достижениях в измерении звездных расстояний». В первой части этой статьи (помещенной в предыдущем номере «Scientia») Митчель вкратце излагает историю астрономических исследований по вопросу об определении расстояний, отделяющих нашу землю от различных так называемых «неподвижных звезд», основным методом является здесь измерение «годового параллакса» звезд. Годовым параллаксом звезды называется угол, под которым виден со звезды диаметр земной орбиты около солнца. Угол этот чрезвычайно мал вследствие огромности расстояний, отделяющих нас даже от самых близких к земле звезд. Чтобы измерить звездный параллакс, нужно с максимальной точностью сравнить положение интересующей нас звезды относительно других, более отдаленных звезд с тем положением этой же звезды относительно тех же более отдаленных звезд, которое наша звезда занимает спустя 6 месяцев после первого положения (или за 6 месяцев до него). Успехи в смысле точности измерения параллакса, которые достигнуты за последние годы, обязаны применению фотографических снимков, запечатлевающих с большой точностью те картины звездного неба, которые раскрываются перед нами новейшими усовершенствованными телескопами.

В настоящее время, сообщает Митчель, вычислено около 3.000 звездных параллаксов большой точности, при чем подавляющее большинство их вычислено в американских обсерваториях. Работа эта в высшей степени кропотливая, требующая чрезвычайно большого напряжения. Каждое новое измерение, используя новые технические достижения и применяя новые методы проверки, приносит все большее и большее уточнение.

Вторая часть статьи озаглавлена: «Что дает нам знание звездных расстояний». Изложив вкратце сущность важнейшего из непрямых методов определения звездных расстояний (именно спектроскопического метода, основанного на сравнении между собой определенных линий звездных спектров), Митчель приводит некоторые результаты последних астрономических исследований, полученных благодаря новейшим успехам в деле измерения звездных расстояний.

Возьмем, например, звезду Бетельгейзе. Новейшие измерения определили с большой точностью ее параллакс и ее угловой диаметр. Отсюда нетрудно было вычислить, что звезда эта удалена от нас на расстояние 190 световых лет (т.-е. свет ее доходит до земли в 190 лет) и имеет огромные размеры (ее об'ем превышает об'ем солнца в 27 000.000 раз). Плотность этой звезды чрезвычайно мала (в 1.000.000 раз меньше плотности воды).

Другой пример — это новейшие данные относительно «двойника» Сириуса (Сириус представляет собой двойную звезду, т.-е. систему из двух звезд, обращающихся друг около друга). Новейшие исследования убедили астрономов в том, что этот «двойник» Сириуса обладает колоссальной плотностью (его удельный вес в 2 тысячи раз больше, чем удельный вес самого тяжелого из земных элементов — платины). Такую плотность можно об'яснить только тем, что внутренность этой звезды имеет колоссальную температуру (не менее 50.000.000°С), вследствие чего атомы, из которых состоит эта звезда, претерпевают такие изменения, которые совершенно недопустимы в наших земных лабораториях (приходится допустить, что электроны в условиях такой колоссальной температуры находятся в столь бурном движении, что они отрываются от своих ядер, вследствие чего эти

последние ближе подходят друг к другу). Интересно отметить, что, несмотря на свою колоссальную плотность, звезда эта находится в газообразном состоянии.

Митчель указывает, что все эти новейшие данные имеют громадное значение для теории эволюции небесных тел. Они приводят к мысли о существовании двух различных «ветвей» в развитии небесных тел: ветви гигантских звезд (сюда относится, напр., Бетельгейзе) и ветви карликовых звезд (сюда относится, например, наше солнце), при чем до сих пор не найдено промежуточных типов между этими двумя «ветвями».

В заключение Митчель касается еще одного новейшего метода определения звездных расстояний — метода, основанного на изучении периодических изменений в яркости некоторых весьма отдаленных звезд. Этот метод (правда, еще недостаточно проверенный) позволяет определять приблизительные расстояния тех звезд, звездных куч и туманностей, которые вследствие своей крайней отдаленности недоступны методам тригонометрическому и спектроскопическому.

Применение этого новейшего метода убедило астрономов в том, что размеры наблюдаемого в наши телескопы звездного мира несравненно более грандиозны, чем это думали еще в начале XX века. Теперь говорят уже о звездных кучах, отдаленных от нас на расстояние 850 тыс. световых лет, при чем сами эти звездные кучи занимают такие огромные пространства, которые значительно превышают размеры всей звездной вселенной, как они оценивались 20—25 лет тому назад.

Если эта статья американского ученого представляет собой простую информацию о некоторых новейших достижениях астрономии и астрофизики, не претендующую ни на какие философские выводы и обобщения, то следующая статья и сопровождающая ее заметка бывшего редактора журнала «Scientia» сразу же переносят нас в дебри упадочной и реакционнейшей философии современного буржуазного мира. Речь идет о «Финалистическом рассуждении в биологии»[1]. Автор статьи — лозаннский геолог и палеонтолог Ганьбэн (Gagnebin) — задается целью разобраться в том споре, который ведут между собой «механисты» и «финалисты» (финалисты-геологи). Ганьбэн указывает на то, что никому не приходит в голову оперировать телеологическими рассуждениями в таких науках, как геология, хотя изучаемые ею явления отличаются не меньшей сложностью, чем элементарные биологические процессы, и заключают в себе множество фактов, нам еще совершенно неизвестных. В отличие от геологов, биологи, по мнению Ганьбэна, совершенно не могут обойтись без соображений относительно целесообразности, целеустроенности и т. п. Ганьбэн утверждает, что даже самые решительные механисты, об'ясняющие все биологические явления физико-химическими процессами, кроме того, не сознавая, на каждом шагу пользуются технологической аргументацией.

Для уяснения этого обстоятельства Ганьбэн пытается дать анализ понятия цели. При этом он ссылается на Аристотеля, Поля Жанэ и Эмилия Бутру и вслед за ними определяет цель, как «то, ради чего что-нибудь делается». Отсюда он выводит, что цель (в качестве определенного представления или определенной идеи) должна существовать раньше действия. «Целесообразное действие есть приспособление к будущему». Понятие цели,—продолжает свой анализ Ганьбэн,—необходимо предполагает идею ценности и т. п. Произведя такой анализ понятия цели, Ганьбэн приходит к тому заключению, что понятие это имеет антропоморфический[2]) характер и применяется к другим живым существам лишь и

---

[1]) Термин «финализм» происходит от латинского слова «финис», что значит «конец, конечный результат, цель». В русской философской литературе вместо термина «финализм» обычно употребляется термин «телеология» или «телеологизм»,—от греческого слова «телос», имеющего то же значение, что и латинское «финис»).

[2]) От греческого слова «антропос»—человек; антропоморфизм—это перенесение характерных особенностей людей на существа и явления, от них отличные.

аналогии с тем, что мы наблюдаем в самих себе. Однако в глазах Ганьбэна это не означает, что понятие цели применяется в биологии неправомерно. Он считает, что и понятие причины тоже имеет антропоморфический характер. Вообще по отношению ко всем понятиям, которыми пользуется человеческая наука, по отношению ко всем нашим категориям Ганьбэн занимает позицию самого безнадежного агностицизма: мы, мол, не знаем и никогда не узнаем, соответствуют ли эти категории об'ективной реальности.

«Финализм» и «механизм» это только рабочие гипотезы, только «точки зрения». И та, и другая «точка зрения» может быть плодотворна, «смотря по природе исследования». И если их рассматривать только как рабочие гипотезы, то они вполне совместимы и даже дополняют друг друга. При этом, однако, «финализм» правомерен только там, где правомерна аналогия между человеком и исследуемым явлением. До каких пределов простирается эта аналогия, сказать очень трудно, но что она имеет место при изучении биологических процессов,— это для Ганьбэна несомненно, хотя и не поддается точной проверке и «измерению».

Статью Ганьбэна сопровождает небольшая ответная статья итальянского биолога, социолога и психолога профессора Eугенио Риньяно, до своей смерти (в феврале 1930 г.) бывшего руководителем журнала «Scientia». Риньяно не согласен с тем пониманием категории цели, которое выставляет Ганьбэн, исходя из определения Аристотеля. Риньяно считает это понимание слишком узким и выдвигает такого рода определение: «Цель есть конечный результат данных рядов биологических процессов, который всегда остается одним и тем же,—даже и тогда, когда изменение внешних обстоятельств вызывает изменение состоящей в этих процессах реакции организма». В пояснение своего определения Риньяно приводит несколько примеров. Так, если взять развитие какого-нибудь более или менее элементарного эмбриона (зародыша), то, несмотря на то, что мы можем (в лаборатории) поставить этот эмбрион в такие внешние условия, которые очень и очень отличаются от нормальных условий его развития,—несмотря на это существенное изменение «внешних факторов»,—конечный результат развития эмбриона будет тот же, что и в нормальных условиях. Или возьмем такой факт: какое-нибудь растение, растущее на влажных почвах, мы перенесем на сухую почву, и здесь, в этих новых условиях, у него развиваются более длинные и более глубокие корни, которые дают ему возможность поглощать такое же количество воды, необходимой для его нормального существования, какое оно поглощало при помощи менее развитых корней на более влажных почвах: так что конечный результат—нормальное функционирование, нормальное снабжение водой—остается тем же самым.

Исходя из этого определения цели и иллюстрируя его на эмпирических примерах, Риньяно утверждает, что здесь нет ничего суб'ективного и антропоморфического (кроме самого термина «цель»). По Риньяно, понятие цели вовсе не заключает в себе идеи «ценности» и не зависит от аналогии между человеком и другими живыми существами.

Риньяно утверждает, что понимаемая в его смысле «финальность» или «телеологизм» биологических явлений есть просто ф а к т, характеризующий собою всю органическую природу. Задача биологии, по Риньяно,—об'яснить этот факт и тем самым раскрыть «тайну жизни». Риньяно ссылается при этом на свои книги по биологии, в которых он защищает гипотезу «специфической аккумуляции». Сущность этой гипотезы состоит в том, что «жизненной субстанции» приписывается некоторая «элементарная способность памяти», которая, по мысли Риньяно, и должна об'яснить «финалистический» характер, отличающий все проявления жизни от «ателеологических» физико-химических процессов.

Итак, вот две «новейшие» спорящие между собой точки зрения по вопросу о «финализме» в биологии: Ганьбэн, проповедующий беспросветный а г н о с т и ц и з м в соединении с аристотелевской м е т а ф и з и к о й ц е л и, и Риньяно,

ищущий разрешения «загадки жизни» на путях психо-витализма («элементарная память», как сущность и основа всех жизненных явлений). Все это очень старо и очень убого. Но это весьма характерно для современной буржуазной философии, являющейся философией умирающего, упадочного класса.

Для характеристики последней статьи в рецензируемом номере, который принадлежит перу шведского историка Мартина Нильсона, достаточно привести ее заглавие: «О степени достоверности народного предания, в особенности по отношению к древней истории».

Таково содержание рецензируемого номера журнала «Scientia». Как видно из нашего изложения, содержание это ни в коей мере не оправдывает претензии этого журнала быть «международным журналом научного синтеза».

Никакого научного синтеза нет ни в одной из реферированных нами статей. Самый подбор их в высшей степени случаен, не говоря уже о том, что их не объединяет никакая единая научная установка в смысле целостного научного мировоззрения и метода. Печать глубокого идеологического упадка и разложения лежит на современной буржуазной науке, которая делает успехи только в отдельных частных областях, но неспособна осмыслить и синтезировать эти успехи.

В. БРУШЛИНСКИЙ.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

О положении и задачах на философском фронте.

(К философской дискуссии на Украине).

(Резолюция партячейки философско-соц. отдел от 20/III 1931 г., утвержденная бюро парталлектива УИМЛ).

Развернутое по всему фронту наступление социализма требует, чтобы и на теоретическом фронте, в каждой его области, на каждом участке было обеспечено развернутое наступление марксо-ленинской теории в неразрывной связи с практикой социалистического строительства и в беспощадной, непримиримой борьбе против буржуазных теорий и против всяких уклонов от марксизма-ленинизма. Так поставил вопрос о теоретической работе тов. Сталин на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Новая практика, порождающая новые подходы к проблемам и выдвигающая новые проблемы, громадные классовые сдвиги в нашей стране, обостренная классовая борьба в ней и все более обостряющаяся классовая борьба во всем мире, — все это ставит особенно высокие требования к теоретической работе в смысле ее марксо-ленинской выдержанности, большевистской партийности, органического включения ее в борьбу за генеральную линию партии. Неуклонно идя ленинским путем, активно претворяя в жизнь марксо-ленинскую теорию, партия всегда вела беспощадную борьбу против всяких антиленинских, антибольшевистских уклонов и течений, партия вскрыла скрытую под «левой» фразой антимарксистскую, антиленинскую суть троцкизма, который в своей эволюции скатился в контрреволюционный лагерь, партия вскрыла антиленинскую, антимарксистскую суть правого уклона и, успешно ведя борьбу на два фронта против правого уклона, как главной опасности на данном этапе, и против «левого» уклона и примиренчества к ним, обеспечила победоносное проведение в жизнь генеральной линии партии, этого живого воплощения революционной марксо-ленинской диалектики. Борьбе за генеральную линию партии должна быть подчинена вся теоретическая работа во всех ее областях.

Именно под таким углом зрения партия поставила под огонь большевистской самокритики разные участки марксо-ленинской теоретической работы с тем, чтобы решительно выкорчевать из среды теоретических работников все небольшевистское, все чуждое и враждебное революционной теории и революционной практике.

Самокритика, проведенная на этой основе в области теоретической работы, вскрыла разные формы проявления буржуазного влияния на идеологию пролетариата, вскрыла меньшевистские теории и традиции II интернационала. Сюда относятся контрреволюционная идеология троцкизма, контрреволюционная меньшевистская теория рубинщины, богдановско-механистические теории Бухарина, механистические теории в политэкономии, меньшевистски-струвианская концепция переверзевщины, механистическая ревизия марксизма-ленинизма со стороны философов-механистов и идеалистическая ревизия его со стороны деборинской группы.

Резолюция ячейки ИКП философии и естествознания («Правда», 26 января 1931 года) совершенно верно оценивает все эти явления как звенья одной исторической цепи. Все это есть более или менее замаскированное выявление влияния на теоретическом фронте классового врага, оказывающего бешеное сопротивление развернутому социалистическому наступлению,—наступлению, которым руководит ленинская партия на основе марксо-ленинской теории, на основе разработки теоретического наследия Ленина и проведения в жизнь его учения, на основе ленинизма, являющегося марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций и представляющего собой высшую ступень развития марксизма.

Рассматривая под этим углом зрения работу философского руководства во главе с тов. Дебориным, следует признать совершенно недостаточной оценку позиции деборинской группы, как формалистического уклона, оценку, которая была дана в резолюции бюро ячейки ИКП от 14/X («Большевик» 1930, № 19—20), и еще менее удовлетворительной оценку, нашедшую свое отражение в резолюции президиума философско-социологического отдела УИМЛ и президиума Укра-

нинского об-ва Воинствующих материалистов - диалектиков» («Большевик», III, № 21). Совершенно правильной является квалификация всей совокупности теоретических и политических взглядов деборинской группы, как меньшевиствующего идеализма.

Вся работа деборинской группы характеризуется разрывом между теорией и практикой, являющимся характерной чертой II интернационала, разрывом между философией и политикой, непониманием партийности в философии, игнорированием ленинского отношения к этому вопросу, не только отсутствием борьбы за генеральную линию партии, но и борьбой против генеральной линии партии со стороны ряда представителей бывшего философского руководства (Карев, Луппол, Гоникман, Стэн). Все это проявилось в пренебрежении со стороны деборинской группы теоретическими проблемами, связанными с практикой социалистического строительства и мировой пролетарской революции, в игнорировании тех вопросов, которые теоретически и практически разрабатывают и проводят в жизнь ВКП(б) и Коммунистический интернационал, в отсутствии борьбы с контрреволюционным троцкизмом и в абстрактно-формалистическом подходе к борьбе с правым уклоном, в игнорировании роли ЦК, как центра, руководящего всей теоретической работой партии.

Наиболее ярко вся антиленинская суть этой группы выявилась в отрицании значения Ленина, как теоретика, и в частности как философа, в отрицании ленинского этапа в философии, как высшей ступени развития философии марксизма, в борьбе против ленинизма в философии, что связано с фейербахианско-плехановскими установками группы. Деборинская группа не только не сумела критически отнестись к философским ошибкам Плеханова, связанным с его политическими взглядами, с его меньшевизмом, но продолжала в своей работе ошибочные установки Плеханова, помножая их на некритическое усвоение и пережевывание идеалистической диалектики Гегеля. Деборинская группа отрицала теоретически-философское значение всех работ Ленина, всего его революционного творчества на разных этапах, как образцов материалистической диалектики. Работа деборинской группы представляла собой механическое соединение созерцательного, абстрактного материализма с идеалистической диалектикой Гегеля и неизбежно скатывалась часто к кантианству, в основном являясь гегельянской ревизией марксизма-ленинизма.

Игнорируя указания Ленина о необходимости систематического изучения и разработки материалистической диалектики на основе того, как Маркс разрабатывал и применял материалистически переработанную диалектику Гегеля, на основе тех образцов диалектики, которых необыкновенно много дает империалистическая война и пролетарская революция; игнорируя теоретические работы Ленина, решения партс'ездов и ЦК, работы т. Сталина, как живое воплощение и дальнейшее развитие материалистической диалектики, оставляя в стороне важнейшие проблемы исторического материализма в реконструктивный период, — деборинская группа фактически подменяла разработку теории материалистической диалектики гегельянщиной.

К этому нужно добавить антиленинский подход деборинской группы к задачам диалектического материализма в области естествоведения. Искажая теоретическое наследие Энгельса, совершенно игнорируя теоретическое наследие Ленина в области естествознания, они не сумели по ленинскому подойти к борьбе за диалектический материализм против всяких проявлений идеализма, связанных с кризисом современного естествознания, который коренится в кризисе капитализма; не сумели и тут понять и осуществить ленинскую партийность в философии.

Потому-то естественники, Агол, Левин, Левит, Гессен, Шмидт, работавшие под непосредственным руководством деборинской философской школы, стояли на ошибочных антиленинских позициях в специальных вопросах естествознания. Деборинская группа подходила к заданиям марксо-ленинской теории формально и совершенно оторванно от практики социалистического строительства и таким образом выхолащивала истинную суть задачи овладения естествознанием и полной перестройки его на основе диалектического материализма, поднятия его на уровень задач социалистического строительства, задачи, имеющей особенное значение на современном этапе социалистической реконструкции нашей страны, когда теоретическое и прикладное естествознание должно стать органической частью, действенным фактором социалистического строительства, — задачи, которые мы должны осуществлять, отбрасывая и искореняя и в этой области классового врага и его вредительство в разных видах.

Таким образом во всей работе деборинской группы резко выражена позиция меньшевиствующего идеализма. Эта группа превратила в своей работе учение Маркса-Энгельса-Ленина из революционной философии диалектического материализма в «науку наук», в абстрактную идею, в чистую логику, оторванную от действительности, что привело к прямым идеалистическим утверждениям

структуре логики, о замкнутой системе диалектики, о саморазвитии понятий, принело к искаженной, характерной для идеалистического рационализма этой группы, разработке законов и категорий диалектики.

Поэтому и критика механистов, которые отрицали роль философии, борясь против диалектики под видом борьбы против гегельянщины, растворяли диалектический материализм в «последних выводах» науки, сводили все к механике, ревизовали закон единства противоположностей и перехода количества в качество и, наоборот, защищали агностицизм и кантианские установки в ряде вопросов — критика деборинской школой этой механистической ревизии марксизма-ленинизма хотя и дала некоторые положительные результаты, поскольку «Гегель бьет всякий материализм кроме диалектического» (Ленин), но эта критика велась по существу с позиций идеалистической диалектики, а не диалектики материалистической, и потому не могла вскрыть до конца антимарксистскую, антиленинскую суть механистической ревизии марксизма-ленинизма, не могла правильно поставить и действительно разрешить те проблемы, которые были выдвинуты в дискуссии с механистами.

Оторванность философской работы деборинской группы от актуальных проблем современности выявилась также и в пренебрежении работой в области атеизма, в отсутствии разработки теоретических проблем атеизма, в игнорировании массового антирелигиозного движения, в пренебрежении теми колоссальными сдвигами, которые происходят в широких трудящихся массах в отношении к религии. В частности журнал «Под знаменем марксизма» не уделял этому важному участку идеологического фронта надлежащего внимания. Таким образом философское руководство не выполнило и этого задания, которое так четко формулировал Ленин в своей статье «О воинствующем материализме».

Из всего изложенного ясно, что квалификация линии деборинской группы, как формалистического уклона, является совершенно недостаточной, страдает академизмом и политической нечеткостью, так как по сути мы имеем в деборинской группе появление классово-враждебной идеологии в форме чрезвычайно тонкой идеалистической ревизии марксизма-ленинизма; под маской марксо-ленинской ортодоксии мы имеем тут меньшевиствующий идеализм—деборинская группа стала на путь антимарксизма, антиленинизма.

Чрезвычайно тонкая замаскированность деборинского меньшевиствующего идеализма, отсутствие самокритики и коллективности в философской работе, схоластический характер ее работы, оторванной от жизни партии, — все это обусловило длительное влияние среди философов деборинской группы, оформившейся в условиях восстановительного периода. Непримиримо ведя борьбу на два фронта — против механистической ревизии марксизма-ленинизма, как главной опасности, и против идеалистической ревизии, мы должны проявить особенную бдительность по отношению к последней, поскольку она еще достаточно теоретически не разбита и, в свою очередь, питает главную опасность.

Эта борьба на два фронта невозможна без борьбы с примиренчеством к механистам и меньшевиствующим идеалистам, без борьбы с попытками создать блоки против диалектического материализма между этими двумя антимарксистскими лагерями, без борьбы с формальным только признанием своих ошибок и фактическим продолжением их.

В свете задач поворота необходимо также внимательно пересмотреть работу в области марксоведения Рязанова, который всегда отрицал роль Ленина как теоретика, а теперь выявил себя как предатель партии. Недооценка философского и вообще теоретического значения работ Ленина находит себе отражение в установках научно-исследовательской работы, которую проводил под руководством Рязанова институт Маркса-Энгельса. В связи с этим необходимо подвергнуть развернутой критике работы Рязанова в области марксоведения. Малейшее игнорирование или недооценка Ленина и в этой области неизбежно приводит на путь антимарксизма.

Философская дискуссия, состоявшаяся в Украинском институте марксизма-ленинизма в январе 1931 г., показала, что философская работа на Украине и философское руководство шли в основном теми же путями, которые характеризуют философскую работу предшествующего периода во всем Союзе. Дискуссия окончательно разбила легенду об исключительности пути философской работы на Украине.

Украинское философское руководство слабо проводило борьбу против буржуазно-идеалистической философии и часто не с марксо-ленинских позиций. Вместо действительной материалистической переработки гегелевской диалектики проводилось фактически пережевывание Гегеля; эта работа шла преимущественно формалистическими путями, путями меньшевиствующего идеализма деборинской группы. Совершенно отсутствовала атеистическая пропаганда; философская работа была оторвана от той антирелигиозной пропаганды, которую проводила партия,

была оторвана от работы Союза «воинствующих безбожников» и соответствующих государственных органов; вовсе не приступлено к переводу на украинский язык «для массового распространения среди народа боевой атеистической литературы XVIII ст.» (Ленин). Недостаточен был, а в некоторых отраслях совсем отсутствовал «союз с теми представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму» (Ленин).

Кроме общих задач, которые стояли перед всем философским фронтом всего Союза, перед украинским философским коллективом стоял целый ряд задач, которые вытекали из специфических условий социалистического строительства и классовой борьбы на Украине. Философская работа не была органически связана со всем процессом борьбы на украинском идеологическом фронте. Некоторые попытки участия отдельных товарищей в философско-методологическом освещении проблем национально-культурного строительства нужно признать неудовлетворительными; эти проблемы разрабатывались не с марксо-ленинских позиций. Философская работа совсем прошла мимо той острой политической и теоретической борьбы, которую партия проводила с уклонами как в сторону великодержавничества, как главной опасности, так и в сторону украинского шовинизма. Хотя члены философского коллектива и принимали участие в этой борьбе, но широкого теоретического и методологического освещения эта борьба в философской работе не нашла. Теоретическая борьба с буржуазными социологами (Грушевский, Ефремов и др.), с антимарксистской, националистической схемой истории Украины Яворского также не нашла своего отражения в философской работе.

Таким образом такое положение философской работы, такое отставание от практических успехов социалистического строительства на Украине требовали решительного поворота на те пути, которые были намечены Лениным, на которые указывала партия. Но этот поворот мог осуществиться только в результате действительного понимания всех задач, которые встали на философском фронте, полного осознания необходимости и сути поворота и вскрытия путем широкой критики и самокритики всех ошибок и отклонений от марксо-ленинской теории, которые были в философской работе, в частности и особенно у философского руководства.

На прошлом этапе развития философской работы на Украине во главе руководства стояли тт. Семковский и Юринец, которые были представителями по сути 2 различных уклонов от диалектического материализма.

В то время как т. Семковский был выразителем своеобразной разновидности механистической ревизии марксизма-ленинизма с непосредственным влиянием меньшевистских традиций прошлого, для тов. Юринца была характерной особенно ярко выраженной идеалистической ревизии марксизма-ленинизма. Борьба, которая в 1928 году развернулась против механистов и в связи с этим и против т. Семковского на Украине, в основном проводилась путями деборинской группы, т. е. с гегельянских позиций. Выпущенный сборник № 1 об-ва «Воинствующих материалистов-диалектиков», подводивший итоги этого этапа борьбы против механистов на Украине, в ряде статей и материалов содержит установки гегельянского характера; такие же ошибки свойственны другим работам и выступлениям философов на Украине (Демчук, Бон, Степовый). Ярким представителем меньшевиствующего идеализма был работавший в то время на Украине Гоникман, который теперь стал на путь открытой борьбы против партии, выявив свое действительное антибольшевистское лицо, и который за двурушничество исключен из партии.

Консолидация сил, которая была проведена на Украине после второй конференции марксо-ленинских научно-исследовательских учреждений, по сути не устранила этих расхождений в руководстве, ибо она была осуществлена не на позициях марксо-ленинской теории, а на взаимных уступках путем компромисса. Поэтому те позиции, на которых стояли тт. Семковский и Юринец и руководящая группа в целом, не были вскрыты. Характерными для философской позиции Семковского являются его механистические взгляды (недооценка гегельянской диалектики и задачи материалистической ее переделки, недооценка диалектического материализма, как общей методологии, ошибочное толкование проблемы случайности и ряда других проблем) и в основном эклектическая методология, что привело к механистическому соединению диалектики и материализма. Свои позиции на прошлом этапе философского развития т. Семковский старался рассматривать как борьбу на два фронта, тогда как на самом деле это был эклектизм в отношении к механическому материализму и меньшевиствующему идеализму. Особо нужно подчеркнуть неправильную постановку и разрешение т. Семковским проблемы «Ленин и Плеханов». Концепция трех поколений теоретиков марксизма, как представителей трех эпох (I, II, III интернационал), из которой исходит т. Семковский, его утверждение, что Плеханов творчески расширил марксизм в области общественных наук, а Ленин — в отрасли естествознания, — все это ведет к теоретическому оправданию оппортунизма Плеханова и II интернационала.

и свидетельствует о непонимании т. Семковским роли Ленина, как теоретика, о непонимании им ленинского этапа в развитии марксизма. В этом сказалось тяготение над т. Семковским его меньшевистского прошлого. Доказательством этого же является отсутствие надлежащей критики со стороны т. Семковского своих прошлых антиленинских позиций в национальном вопросе, сведение их к люксембургианству вместо их критики, как позиций австро-марксизма.

Философские взгляды т. Юринца являются по сути взглядами меньшевиствующего идеализма, с непосредственным влиянием буржуазного идеализма. Особенно ярко эти взгляды т. Юринца сказались в критике им буржуазных философов, критике, которая часто сбивалась на идеалистические позиции. Это выявилось также в литературной критике т. Юринца («Павло Тичина», Інтермедия в Літературному ярмаркові и т. д.). Влияние идеализма на работу т. Юринца выявилось у него, в частности, в своеобразном буржуазном эстетизме. Следует отметить также неправильное отношение т. Юринца к методологическим вопросам украинского исторического фронта, которое выявилось в допущенной им квалификации схемы истории Украины Яворского, как марксистской.

Такие позиции философского руководства на Украине мешали направить философскую работу в русло выполнения тех задач, которые ставила перед философским коллективом партия, рабочий класс, ставило социалистическое строительство. Философская работа не была пропитана партийностью, не была подчинена задачам социалистического строительства, не была связана с разработкой методологических проблем в различных отраслях науки (история, политэкономия, литературоведение и естествознание), была оторвана от задач партии в борьбе на идеологическом фронте Украины.

Внутри коллектива самые методы работы не были построены на принципе коллективности, в научном исследовании господствовали индивидуалистические навыки и кустарничество. Самокритика и критика как в научно-исследовательской работе, так и в учебной, не были развернуты в надлежащей мере.

Недочеты прошлого периода философской работы на Украине также сказались на сборнике «Философия и политика» № 1. Несмотря на то, что работа над сборником проходила под знаком актуализации и тесной увязки философии с политикой, в сборнике методологические проблемы не были даны в связи с теми стержневыми вопросами партийной политики, которые ставила партия в период перед XI с'ездом КП(б)У и XVI с'ездом ВКП(б). Кроме того редколлегия не проявила необходимой бдительности, не обеспечила действительной партийности, пропустивши статью тов. Семковского, в которой неверно, не с ленинских позиций была поставлена проблема «Ленин и Плеханов», и некоторые другие статьи, носящие на себе яркие признаки деборинского влияния. Нужно также отметить влияние деборинщины и в работах некоторых молодых товарищей, как, например, формализм и логизирование в разработке категорий диалектики (о причинности) (т. Степовый); ошибочные толкования Зибера, как основоположника марксизма в России, деборинщина в понимании переработки гегелевской диалектики и в постановке проблемы «Ленин и Плеханов» (т. Демчук); деборинское толкование отдельных проблем из истории философии, в частности некритическое толкование значения Спинозы, как предшественника марксизма (т. Бон).

На деборинских позициях стояла в основном на прошлом этапе и руководящая философская группа киевской кафедры марксизма-ленинизма (т. Розанов, Нирчук, Загорулько). Наиболее характерной для т. Розанова в предыдущий период является ярко выраженная деборинская позиция в подходе к проблеме «Ленин и Плеханов»; т. Нирчук, который в своей работе все время заслонял диалектический материализм атеизмом, в толковании вопроса о значении Гегеля в деле подготовки атеизма замазывал противоположность между идеалистической и материалистической диалектикой. Тов. Загорулько хотя и критиковал иногда Деборина, но его собственное путанное талмудизирование было по сути проявлением той же деборинщины. Для тов. Загорулько еще является характерным отрицание им (в противоположность утверждениям Маркса, Энгельса и Ленина) фейербахианского периода в философском развитии Маркса от Гегеля к диалектическому материализму и троцкистского характера толкование ряда вопросов, связанных с поворотом. Под влиянием деборинской группы в ряде философских вопросов находился на прошлом этапе также тов. Левин.

Влияние деборинского философского руководства сказалось также в работе естественников-марксистов на Украине. Это выявилось в оторванности их работы от практики социалистического строительства и в недостаточной борьбе с классово-враждебными течениями в естествознании, в недооценке ленинского теоретического наследства, в скатывании на идеалистические позиции. Некоторые из естественников подменяли диалектический материализм теми или другими теориями в естествознании; так, руководящие товарищи из Об-ва биологов-марк-

систов (тов. Финкельштейн, Поляков) отождествляли дарвинизм с диалектическим материализмом.

Подготовка новых научных кадров была количественно абсолютно недостаточной, а по своему содержанию и методам была оторвана от актуальных задач современности и не концентрировалась на изучении классиков марксизма, материалистической диалектики, исторического материализма.

Философское руководство, пытаясь стать во главе поворота, благодаря своим ошибочным философским позициям, по сути задерживало поворот, срывало его, замазывало действительное состояние философского фронта на Украине и необходимость развернутой критики философской продукции, этим самым по сути продолжая старые традиции взаимных уступок. В связи с этим нужно отметить, что во время осуществления поворота философский коллектив в целом допустил ряд ошибок. Первая ошибка, которая была допущена весной 1930 года—в формулировке борьбы на два фронта,—заключалась в том, что механистическая ревизия марксизма не была определена как главная опасность. В резолюции президиума Филос.-социол. отдела и об-ва «Воинствующих материалистов-диалектиков», которая была принята в ноябре 1930 года, неверно отождествлялась философская работа всего коллектива с работой деборинской группы, имело место стремление затушевать неправильную формулировку борьбы на два фронта, которая была допущена весной, была дана неверная, по сути примиренческая, оценка позиций тов. Семковского, недостаточно была подчеркнута специфичность задач философской работы на Украине и недочетов работы в этом отношении. Философская дискуссия в январе 1931 года, под руководством ЦК КП(б)У, усилиями философской партячейки с помощью тт. из Москвы (Институт красной профессуры философии и естествознания и ОВМД) под непосредственным руководством бюро партколлектива и дирекции УИМЛ, выявила все указанные ошибки и, вскрыв ошибочные позиции философского руководства, подняла все коренные вопросы поворота на принципиальную высоту, что создало необходимые условия для действительной реализации поворота.

Дискуссия консолидировала философский коллектив УИМЛ на правильных ленинских позициях, хотя во время дискуссии проявилось со стороны некоторых товарищей нечеткое отношение к отдельным вопросам, связанным с поворотом: недостаточно критическое отношение к работе философского руководства на пройденном этапе в борьбе против механистического материализма и попытки оправдать линию философского руководства в этом отношении, утверждение, что партия будто-бы санкционировала эту линию (Демчук); перенесение ответственности на прошлый этап философской работы с философского руководства на партию (Билярчек); упрощенное «левацкое» толкование поворота (Милославин).

В теперешних условиях, когда мы вошли в период социализма, заканчиваем постройку фундамента социалистической экономики, в условиях чрезвычайного обострения классовой борьбы, сопровождающей развернутое наступление социализма на капиталистические элементы и ликвидацию кулачества, философскую работу необходимо активизировать, поднять ее до современных задач партии. Отсюда и вытекают задачи, которые стоят сейчас перед философской работой:

а) перестроить всю философскую работу, поставив ее на уровень задач борьбы за генеральную линию партии, проведя решительную борьбу против правого уклона, как главной опасности, против «левого» уклона, против право-«левацкого» блока и какого бы то ни было примиренческого отношения к ним;

б) разрабатывать ленинское философское наследие и в связи с этим проблему «Ленин и Плеханов», исходя из установок т. Сталина о ленинском этапе в развитии марксовой теории, в частности о ленинском этапе в философии;

в) разрабатывать материалистическую диалектику на основе изучения трудов Маркса-Энгельса-Ленина, на основе образцов диалектики, которые дал Ленин, которые дают партийные с'езды, ЦК и Сталин, на основе изучения закономерностей переходного периода и практики революционной борьбы международного пролетариата против империализма, на основе методологического овладения революцией в естествознании;

г) разрабатывать проблемы исторического материализма в связи с реконструктивным периодом и завершением построения фундамента социалистической экономики, в связи с новой, диктуемой современным этапом, постановкой вопроса о классах и классовой борьбе, о классовой борьбе на идеологическом фронте, о производительных силах и производственных отношениях, о базе и надстройке, о планировании, о темпах. Разработка и в этой области должна проводиться на основе ленинского теоретического наследия в этих вопросах и на основе решений партс'ездов, ЦК и работ т. Сталина;

д) разрабатывать проблемы атеизма и осуществлять систематическое методологическое руководство работой союза «Воинствующих безбожников»;

е) тесно увязать философскую работу с разработкой методологических проблем конкретных наук (история, экономика, литературоведение, естествознание и др.);

ж) максимально усилить работу в области методологии теоретического естествознания и техники и осуществлять таким образом участие в разрешении выдвинутой партией задачи овладения техникой;

з) принимать участие в работе по подготовке кадров, систематически внедрять диалектический материализм во все дисциплины, преподаваемые в вузах, и обеспечить усиление роли и значения диалектического материализма, как предмета преподавания в системе вузовских дисциплин. усилить с этой целью работу методических комиссий по диалектическому материализму в направлении дальнейшего улучшения программ и методов преподавания, увязки курса диалектического материализма с профилем соответствующего вуза. Составить учебник по диамату. Планово обеспечить выращивание пролетарских философских кадров. Обратить внимание на подготовку марксо-ленинских кадров в области естествознания;

и) одним из важнейших и ответственнейших моментов в философской работе является проведение политики партии в развитии украинской культуры, национальной по форме, пролетарской по содержанию. Вести развернутую борьбу против украинского фашизма и социал-фашизма, бороться со всеми реакционными псевдомарксистскими течениями в философии, социологии, политэкономии, истории, литературе и др., возрождающимися в этих науках в связи с обострением классовой борьбы на идеологическом фронте;

к) помогать братским компартиям в их борьбе, в частности развернуть широкую критику теоретических основ международного социал-фашизма и правых и «левых» отщепенцев от коммунизма;

л) развернуть массовую и научно-популярную работу общества «Воинствующих материалистов-диалектиков», организовать издание массового философского журнала; обеспечить укрепление марксистских естественно-научных обществ (биологов, врачей, физиков-математиков-химиков, техников педагогов).

Необходимым условием для осуществления всех задач, стоящих на философском фронте, является правильная организация работы на основах плановости, коллективности (работа бригадами). Как и в прочих отраслях нашего строительства, так и в теоретической работе основным двигателем, обуславливающим работу по-новому, должно стать социалистическое соревнование и ударничество. Неотложной задачей является охват единым планом философской работы филий Украинского института марксизма-ленинизма, организация научно-исследовательских ячеек в городах, организация периферии общества «Воинствующих материалистов-диалектиков» и других обществ. Со всей философской работой на Украине необходимо также увязать работу философской и социологической комиссий ВУАН. С целью наиболее полного включения философской работы на Украине в общесоюзный философский фронт необходимо установить планомерную систематическую связь с Институтом философии при Комакадемии, Институтом красной профессуры, философии и естествознания и Всесоюзным обществом «Воинствующих материалистов-диалектиков». В полном соответствии с указанными выше задачами необходимо немедленно развернуть работу по подготовке всеукраинской философской конференции, а также по подготовке к участию во всесоюзной философской конференции. Как очередные задачи, имеющие чрезвычайное значение, необходимо отметить участие украинского философского коллектива в философской энциклопедии и философско-социологической части УРЕ (Укр. сов. энциклоп.), а также в украинском издании сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова.

Во всей философской работе необходимо обеспечить борьбу на два фронта против механистической ревизии марксизма-ленинизма, как главной опасности, и против идеалистической ревизии. Отсюда вытекает необходимость повести борьбу против механического материализма на высшем уровне не с гегельянских позиций деборинской группы, а с истинных позиций диалектического материализма, необходимость углубленной критики всей продукции деборинской группы, в частности и особенно продукции украинских философов, в которой нашла свое отражение идеалистическая и механистическая ревизия марксо-ленинской философии. Большевистская самокритика, проявившаяся в философской дискуссии, должна и в дальнейшем проводиться неуклонно и стать действительно органическим методом всей философской работы.

Ленинизм в философии, как высшая ступень философии марксизма, единство теории и практики, партийность в философии — вот чем должны определяться характер, содержание и направление философской работы в дальнейшем

Об итогах философской дискуссии.

(Резолюция пленума философской секции Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений и Ср.-аз. ОВМД, принятая 13/III 1931 г.)

I.

Заслушав доклады тт. Маркевича и Быховского об итогах философской дискуссии, пленум философской секции САНИИУ и Ср.-аз. ОВМД, отмечая историческое значение постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» («Правда» от 26/I, № 25), выражающее большевистские традиции, и его решающую роль для дальнейшего победоносного развития марксистской философии, присоединяется целиком и полностью к этой большевистско-ленинской оценке классов и теоретической сущности новой ревизии марксизма в лице группы Деборина, Карева, Стэна, Подволоцкого и др., которые в своей работе, несмотря на известные достижения в борьбе с механистами, не сумели осуществить указаний Ленина о задачах воинствующих материалистов, отрывая философскую работу от задач строительства социализма СССР и международного революционного движения, тем самым отвлекая научные философские кадры от проблем переходного периода, «теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партией». Непонимание и игнорирование партийности философии, отрыв теории и практики, философии от политики, недооценка Ленина как философа, непонимание важнейших проблем ленинизма, игнорирование решений партс'ездов и работ Сталина, извращение материалистической диалектики, реставрация гегелевской идеалистической философии, ошибки в важнейших философских проблемах марксизма, выхолащивание боевого революционного содержания марксизма, превращение его в мертвую сухую догму—привело группу так называемого философского руководства к тому, что она «воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II интернационала—разрыв между теорией и практикой,—скатываясь в ряде важнейших вопросов на позицию меньшевиствующего идеализма».

В связи с этим пленум считает необходимым отметить неправильность характеристики деборинской группы, как формалистического уклона, данной в тезисах от ноября 1930 г., а также политическую ошибочность того, что не была оформлена резолюция, фиксирующая позицию философской секции САНИИУ и ОВМД на данном этапе философской дискуссии.

Пленум отмечает, что наряду с решительной борьбой против идеалистической ревизии материалистической диалектики и меньшевиствующего идеализма деборинской группы должна быть усилена борьба с механистической ревизией диалектического материализма как главной опасностью на данном этапе, а также и со всякого рода примиренчеством как к механистам, так и к деборинской группе.

Пленум считает особо важным подчеркнуть опасность формального признания основных указаний ЦК, поэтому показателем осуществления поворота на философском фронте должно явиться действительное проведение их как в теоретической, так и в практической работе.

II.

1) До последнего времени научная работа в Ташкенте характеризовалась засоренностью вузов и научных учреждений (нучей) представителями реакционной, политическо-враждебной социалистическому строительству профессуры и малочисленностью и слабостью революционно-марксистских научных кадров.

Реакционная профессура в этих условиях не только проводила свои воззрения в студенческой среде, не только культивировала идеологию вредительства, но и повела за собой отдельных, наименее устойчивых и оторванных от революционной практики представителей «марксизма» (Барботкин, Гаврилов).

Теоретическая позиция прежнего философского руководства деборинской группы не только не вооружала марксистов на борьбу с врагом, а напротив, способствовала их засасыванию идеалистическим, антиреволюционным окружением.

2) Наиболее ярким представителем выросшей на этой почве открытой идеалистической ревизии марксизма является т. Барботкин. Он не только довел до предельного развития все ошибки «меньшевиствующего идеализма», но, идя по этому пути, докатился до прямых идеалистических воззрений, столкнулся с буржуазной профессурой и очутился вне рядов партии и воинствующих материалистов. По этому же пути пошел и Гаврилов, приверженец идеалистической меньшевистской концепции Рубина.

3) Крайне выраженным идеалистически-формалистическим искажением марксизма и некритическим пережевыванием гегельянщины характеризуются взгляды т. Соколова Н. П. (философа).

4) Механистический материализм продолжает и в Ташкенте, как во всем Союзе, оставаться главной опасностью. Поскольку критика механицизма пре-

женцами деборинской группы велась с неправильной позиции, она не только не сумела полностью его разоблачить, но и питала механистическую ревизию марксизма. Наибольшие механистические ошибки по целому ряду новейших вопросов характеризуют т. Резцова, до сих пор не осознавшего и не преодолевшего их.

5) Пленум ОВМД:

а) одобряет постановление правления Ср.-аз. ОВМД о выводе т. Соколова Н. П. из состава правления общества, констатируя наличие целой системы ошибок, идущих по линии меньшевиствующего идеализма, у т. Соколова, постановляет предложить ему поработать над преодолением ошибок, в противном же случае поставить вопрос о выводе его из состава ОВМД;

б) постановляет исключить Д. И. Барботкина из числа членов ОВМД;

в) осуждает со всей решительностью защиту идеалистической позиции Барботкина со стороны тт. Батракова и Пальцева.

г) осуждая механистические ошибки т. Резцова, пленум предупреждает, что, если он решительно не преодолеет своих ошибок, он поставит себя в дальнейшем вне рядов воинствующих материалистов-диалектиков.

III.

Пленум, признавая линию философской секции САНИИУ и правления ОВМД в осуществлении поворота на философском фронте в основном правильной и отмечая положительную работу по разоблачению откровенной ревизии марксизма в г. Ташкенте, вместе с тем считает:

а) что отсутствие широко развернутой самокритики являлось одной из причин, тормозящих проведение философского поворота на деле, и мешало консолидации основных марксистски выдержанных кадров для борьбы с открытым ревизионизмом марксизма;

б) практическое осуществление поворота не проводилось с необходимой решительностью, что выразилось: 1) в отсутствии массово-пропагандистской работы по линии ОВМД; 2) ограничение проводившейся работы только пределами г. Ташкента; 3) по линии учебной: несмотря на то, что некоторые программы представляют собой большой шаг вперед по сравнению с ранее существовавшими, тем не менее в них отражены все этапы борьбы.

IV.

Учитывая все недостатки предыдущего этапа философской работы, пленум считает важнейшими задачами на ближайший период следующие:

1) борьба с реакционной буржуазной профессурой на основе пропаганды диалектического материализма;

2) разоблачение механистической ревизии марксизма как главной опасности на данном этапе;

3) конкретное разоблачение меньшевиствующего идеализма. Учитывая наличие целой группы товарищей, находящихся под влиянием т. Барботкина, поставить как актуальную задачу борьбу против барботкинщины как целого течения, школы;

4) разработка и пропаганда проблем, выражающих ленинский этап в развитии марксистской философии;

5) перестройка учебных программ в соответствии с задачами, указанными в постановлении ЦК. Необходимо особенно развернуть работу по внедрению диалектического материализма в преподавание всех специальных дисциплин вузов, втузов и нучей;

6) организация коллективной работы на основе широко развернутой критики и самокритики как основного метода работы и на этой основе сплочение всех марксистских сил на борьбу за ленинскую философию, за генеральную линию партии. Разоблачение методологических корней правого уклона, троцкизма и уклона в области национальной политики;

7) подготовка марксистско-ленинских философских кадров из рабочих, батраков и колхозников, в первую очередь из коренных национальностей;

8) широкое развертывание антирелигиозной борьбы;

9) разработка актуальных проблем социалистического строительства в специфических условиях Ср. Азии;

10) руководство и помощь в борьбе против антимарксистских течений в естествознании и технике.

V.

Учитывая важность настоящего постановления, пленум считает необходимым опубликовать его в «Правде Востока».

Письма в редакцию.

Уважаемые товарищи!

Редакция «Под знаменем марксизма» сочла нужным сопроводить мою статью «Ленин и исторический материализм», напечатанную в № 10—12 журнала примечанием, в котором отмечает отсутствие в статье упоминания мною о своих собственных ошибках.

Мне казалось, что в статье, говорящей о роли Ленина в развитии исторического материализма, выдвигающей основные линии теоретической борьбы на два фронта в данной области и, в связи с этим, дающей критику основных направлений и их возглавителей,—что в данной связи едва ли будет целесообразным упоминание о гораздо менее практически-политически важных ошибках meiner Wenigkeit. Выявить свое критическое отношение к своим собственным ошибкам я мог бы в лучшем случае в примечании, что бы, конечно, и сделал, если бы был предупрежден о желательности этого редакцией. Что и в этом вопросе, как и во всех прочих, я занимаю единственно правильную и четкую партийную позицию, позицию последовательной большевистской самокритики, я сумел показать в период последней дискуссии и в целом ряде своих публичных выступлений, в которых давал оценку своим ошибкам. Нет никакого сомнения, что моя книга «Курс теории исторического материализма», писавшаяся в ее основном втором издании в период 1925 г и начала 1926 г. (она вышла из печати в начале 1927 г., третье издание представляет простую допечатку, сделанную Гизом в порядке осуществления издательского права), ни в какой мере не удовлетворяет сейчас строгим требованиям, справедливо пред'являемым к учебнику марксистско-ленинской критикой. На современном, гораздо более высоком этапе развития нашей марксистско-ленинской теоретической мысли, позволившем нам низвергнуть ряд лжекумиров и вскрыть серьезнейшие извращения марксизма виднейшими теоретическими работниками, разумеется, можно без труда найти в моей книге и малое количество и механистических, и формалистических, и просто эклектических ошибок. Критику наиболее важных из этих ошибок я собирался дать в предисловии к новому, полностью переработанному изданию моей книги, которое уже подготовлено и находится в процессе сдачи в печать. Чтобы предотвратить, однако, всякого рода недоразумения по поводу моей позиции в данном вопросе, я, не дожидаясь выхода в свет нового издания, посвящу моей книге авторецензию в одном из ближайших номеров «Под знаменем марксизма».

С ком. приветом **И. РАЗУМОВСКИЙ.**

□ □ □

Уважемые товарищи, прошу поместить следующее мое заявление.

С начала дискуссии с механистами (1924 г.) до 1928 г. я был активным механистом. В статьях во 2-м и 3-м номерах органа механистов «Диалектика в природе» и в устных выступлениях я пропагандировал вульгарный материализм, трактовал А. К. Тимирязева как ортодоксального марксистского лидера, а материалистическую диалектику как схоластику. Моя книжка «Проблема материи» (помеченная 1928 годом, но набранная еще в 1927 году) также была методологически неудовлетворительна, ибо в ней физический идеализм критиковался в основном с точки зрения материализма механического, а не диалектического; кроме того в ней содержались недопустимые выпады против антимеханистов.

Еще в 1927 году для меня началась переоценка ценностей, а в 1928 году я окончательно убедился в антинаучном и политически реакционном характере механистического блока. Я, не медля, заявил об этом бывшим соратникам, отошел от них и на кафедре (на электротехническом и химическом ф-тах ин-та им. Плеханова) проводил ортодоксальную точку зрения. В 1929 году я окончил ИКП и был командирован в Баку, где, заведуя кафедрой диамата-ленинизма, рассчитывал загладить свои прежние ошибки.

Но в этом заключалась новая серьезная ошибка. Долг большевика требовал от меня, чтоб я подверг печатной и резкой критике свои собственные ошибки и ошибки моих бывших лидеров. Педагогическая работа была совершенно не достаточна, чтоб загладить вреднейший общественный эффект моих механистических выступлений. В результате получилось так, что о моем переходе на правильную ортодоксальную точку зрения знал лишь узкий круг моих слушателей

Эту мою новую ошибку, т. е. непонимание недостаточности борьбы с механистами на одной только педагогической работе, необходимости широких устных и печатных выступлений против них (и против моих старых ошибок), я ясно вижу и намерен исправить в своей дальнейшей работе. Первым шагом в этом направлении будет статья о принципе Карно, подготовленная мною к печати.

С ком. приветом **Л. РУБАНОВСКИЙ.**

P. S. Быть может не лишне отметить, что я с самого начала приветствовал борьбу против бывшего так называемого философского руководства, ясно в то же время отдавая себе отчет, что эта борьба ни на йоту не амнистирует механистов, что в основном все высказанное и написанное против них остается правильным и что на данном этапе они остаются главной опасностью, питая правый уклон в нашей партии, ликвидаторство в философии и упрощенство в естествознании.

Л. Р.

От редакции. Письмо тов. Рубановского с признанием ошибочности своей позиции является в основном удовлетворительным. Теперь всей дальнейшей теоретической и практической работой тов. Рубановский должен доказать свой отход от механистов и умение последовательно бороться на два фронта. Редакция считает необходимым отметить ошибочность следующей формулировки: «в основном все сказанное и написанное против них (т. е. механистов) остается правильным» — поскольку здесь не об'ясняется, какие писания имеются в виду. Сказанное и написанное деборинцами против механистов требует критического пересмотра, поскольку они критиковали механистов с позиций меньш. идеализма.

В виду того, что моя книга «Введение в теорию познания диалектического материализма» не подверглась в печати необходимой строгой критике с точки зрения генеральной линии партии, в философии и в ряде вузов используется как учебное пособие, считаю нужным отметить, что книга эта, написанная в основном в 1928 г., отражает по ряду **основных** вопросов теории материалистической диалектики неверные и вредные установки меньшевиствующего идеализма, в особенности: совершенная неразработанность принципа партийности философии, непонимание историзма как основы марксистско-ленинской теории познания, плехановско-фейербахианская трактовка проблемы суб'екта—об'екта, роли практики в познании, совершенно неудовлетворительное понимание ленинского положения о тождестве материалистической диалектики, теории познания марксизма и диалектической логики (это обстоятельство сказалось в самом названии книги), некритическая защита ошибок Деборина в споре его с Л. Аксельрод по вопросу о конкретном понятии, принятие неверной схемы трех этапов развития философии, заимствованной Дебориным у Гегеля, некритическое отношение к Леви-Брюлю и т. д. То обстоятельство, что книга написана до появления Ленинских сборников (к сожалению, это не указано мною своевременно читателю), облегчило коренной порок всей книги—отсутствие в ней отражения ленинского этапа в развитии философии марксизма как нового, высшего этапа в этом развитии. По всему этому считаю недопустимым использование книги в качестве учебного пособия.

Признав с осени 1930 г. правильность с точки зрения генеральной линии партии критики рядом товарищей из ИКП Ф. и Е. позиций деборинской группы (это признание нашло отражение в программе по ист. материализму, составленной мною в октябре 1930 г. в Зак. ком. унив.), я осуществляю в своей педагогической и литературной работе постановление ЦК партии о журнале «Под знаменем марксизма», считая это наиболее правильным методом доказательства разрыва с деборинщиной и активности в борьбе за генеральную линию партии в области философии на два фронта—против механистов как главной опасности и против меньшевиствующего идеализма.

Г. ТАТУЛОВ.

Москва, 25 апреля 1931 г.

Уважаемые товарищи!

Не откажите поместить на страницах «Под знаменем марксизма» следующее.

В последней резолюции ячейки ИКП Ф и Е о положении на философском фронте («Правда» от 26/I 1931 г., «ПЗМ» № 10—12 за 1930 г.) я назван полумеханистом, пытавшимся во время последней дискуссии создать блок между механистами и деборинцами. Фракция Аз. ОВМД, имевшая суждение по этому вопросу, в своей общей резолюции о философских делах от 10/III 1931 г. приняла в связи с этим специальный пункт, относящийся ко мне. Текст его гласит:

«Присоединяясь к резолюции ИКП Ф и Е и кладя ее в основу своей собственной работы, Фракция Аз. ОВМД находит, однако, что характеристика тов. Васильева как полумеханиста, данная в ней, не соответствует истине, ибо в процессе своей работы в Баку т. Васильев активно боролся с механистами и на деле доказал, что он стоит в настоящее время на правильной точке зрения. Не соответствующим истине Фракция считает также указание резолюции ГИКП на то, что тов. Васильев повинен в попытках сколачивания блока между механистами и деборинцами. Хотя т. Васильев и допустил в начале дискуссии ошибки, отмеченные в резолюции Фракции Аз. ОВМД от 29/XII 1930 г. изменений «об'ективного» доклада, недостаточная заостренность центрального пункта разногласий (вопрос о недооценке бывшим философским руководством теоретического значения Ленина и проблемы Ленин—Плеханов)—это не дает все же основания для вывода, фигурирующего в резолюции ячейки ИКП Ф и Е».

Приводя целиком этот пункт резолюции, я считаю необходимым добавить к нему следующее. Неправильность моей первоначальной позиции в дискуссии стала для меня очевидной уже в конце ноября и я сразу же попытался исправить допущенные мною ошибки. Это было констатировано всеми товарищами, входящими в состав Аз. ОВМД. С этого времени (т.-е. с конца ноября) никаких расхождений с линией, усвоенной новым философским руководством, у меня не было. Наоборот, я активно боролся за поворот на философском фронте.

Что же касается позиции т. Гарбера, то она охарактеризована в резолюции ячейки ИКП Ф и Е правильно. Тов. Гарбер решительно боролся в защиту позиций б. философского руководства.

С коммунистическим приветом С. Васильев.

2/IV 1931 года.

От редакции. Редакция считает необходимым отметить следующее: 1) решение фракции Аз. ОВМД по вопросу о тов. Васильеве, которое цитируется в данном письме, принято при следующем голосовании : 8 за, 4 против.

2) В правление Аз. ОВМД поступило заявление от 5 членов ОВМД о своем несогласии с данным пунктом решения.

3) Во время всесоюзного совещания ОВМД—президиум ОВМД создал комиссию в составе тт. Путинцева, Ральцевича, Широкова для окончательного выяснения этого вопроса. Эта комиссия вынесла следующее решение, которое было затем подтверждено президиумом ОВМД:

Комиссия в составе тт. Путинцева, Ральцевича и Широкова, рассмотрев заявление т. Васильева и ознакомившись по прилагаемым документам и на основании личной беседы с т. Васильевым и с т. Чичкаловым с позицией т. Васильева в ходе последней дискуссии, считает характеристику этой позиции, данную в резолюции бюро ячейки ИКП Ф и Е и относящуюся к периоду по ноябрь 1930 г., правильной.

Комиссия, далее, считает возможным квалифицировать философскую позицию т. Васильева со 2-й половины декабря 1930 г. в основном правильной. Вместе с тем, комиссия подчеркивает необходимость выступления т. Васильева с критикой своих отдельных механистических и абстрактно-схоластических ошибок, особенно с критикой отрыва своего теоретического разбора методологии т. Бухарина от практически-политических его установок, каковые ошибки допущены т. Васильевым в его книге «Теория ист. мат. в освещении т. Бухарина» (1930 г.) и механистических ошибок в своем предисловии к «Космогонии» Декарта и др. работах.

■ ■ ■

Литература для поступления в Институт красной профессуры философии и естествознания на 1931—1932 учебный год*).

I. Литература по философии и историческому материализму.

Энгельс — а) Л. Фейербах, б) Анти-Дюринг, в) Происхождение семьи, частной собственности и государства, г) Диалектика природы.

Маркс и Энгельс — а) Немецкая идеология (Архив Маркса и Энгельса, т. I), б) Письма, перевод Адоратского, в) «Святое семейство» (для философов).

Маркс — Критика готской программы.

Ленин — а) Материализм и эмпириокритицизм, б) К вопросу о диалектике, в) Что такое друзья народа, г) Экономическое содержание народничества, д) Маркс-Энгельс — марксизм, е) Государство и революция, ж) Пролетарская революция и ренегат Каутский, з) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, и) Удержат ли большевики государственную власть, к) Ленинские сборники — IX и XII, л) О значении воинствующего материализма.

Плеханов — а) Основные вопросы марксизма, б) К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, в) Очерки по истории материализма, г) Критика наших критиков, д) Сочинения, т. XVII. Обратить внимание на механистические ошибки, географический уклон и т. д.

Вундт — Введение в философию.

Гомперц — Греческие мыслители.

Деборин — Книга для чтения по истории философии (оба тома).

Деборин — а) Введение в философию диалектического материализма, б) Очерки по истории материализма, в) Диалектика и естествознание, г) Ленин как мыслитель (работать над указанной литературой критически).

Столяров — Диалектический материализм и механисты.

Бухарин — Теория исторического материализма (для критики).

Доклады тт. Сталина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева на XVI с'езде ВКП(б).

Материалы философской дискуссии:

1) Сборник «За поворот на философском фронте». Сб. статей, вып. первый.

2) Журнал «ПЗМ» № 10—12 за 1930 г.

3) ВКА № 40—41. Дискуссия на президиуме Комакадемии, № 42.

Для поступающих на философское и естественное отделения кроме того требуется знакомство с периодической марксистско-ленинской литературой по основным проблемам философии и естествознания.

II. Литература по теоретической экономии.

Маркс — Нищета философии.

Маркс — К критике политической экономии (введение и предисловие).

Маркс — Капитал тт. I и III (гл. с 28 по 35 и 41 по 43 из III т. не обязательны).

Ленин — Империализм как новейший этап капитализма.

Ленин — Заметки на экономику переходного периода тов. Бухарина.

Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

Бухарин — Политическая экономия рантье (введение и I гл.).

Сталин — Речь на конференции аграрников-марксистов.

Милютин и Борилин — Статья в «Большевике» № 2 за 1930 г.

III. Литература по истории Запада.

Маркс — Капитал, т. I, гл. 24.

Маркс — 18 брюмера Луи-Бонапарта.

Маркс — Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.

Энгельс — Революция и контрреволюция в Германии.

Ленин — Собрание сочинений, т. XIII и XVI (целиком).

Ленин — Из какого классового источника приходят и придут Кавеньяки, т. IX. Луиблановщина, т. XX.

Ленин — Русская революция и задачи пролетариата, т. IX.

Ленин — т. XVIII.

Лукин — Новая история.

Лукин — Очерки по истории Германии.

Степанов — Парижская коммуна.

Ротштейн — Очерки по истории английского рабочего движения (см. рецензию в «Бюллетене» № 4. 1931 г.).

Стеклов — I Интернационал.

*) Условия приема см. в «Сборнике положений и программ» на 1930/31 г.

IV. Литература по истории ВКП(б) и ленинизму.

1. Проблема партии и Коминтерна.

Маркс и Энгельс — Коммунистический манифест.

Маркс и Энгельс — Обращение ЦК к союзу коммунистов в марте 1850 г.

Маркс — Критика готской программы.

Маркс — Устав и манифест I Интернационала.

Ленин — Собрание сочинений, т. V. Что делать. Шаг вперед — два назад.

Ленин — Собрание сочинений, тт. XI и XII. Ликвидация ликвидаторства. Цель борьбы пролетариата в нашей революции. Заметки публициста о положении дел в партии. О фракции впередовцев. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. О новой фракции примиренцев или добродетельных. На дороге. Ликвидаторы против партии. Об'единители. Распад августовского блока. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве, т. XVII, изд. 3-е. Доклад ЦК РСДРП на Брюссельском совещании.

Ленин — Собрание сочинений, т. XV. III Интернационал и его место в истории.

Ленин — Собрание сочинений. Речь на II, VII, X и XI с'ездах партии и статьи по организационным вопросам, вопросам о профсоюзах, о единстве партии, о троцкизме и анархосиндикалистском уклоне. Речь о задачах профсоюзов. Кризис партии. Еще об ошибках Троцкого.

Ленин — Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

Ленин — Об основных задачах II конгресса Коминтерна. Тезисы о роли коммунистической партии в пролетарской революции.

Бела-Кун — Сборник «Коминтерн в резолюциях».

Программы Коминтерна.

Сталин — Вопросы ленинизма. Об оппозиции.

2. Пролетарская революция и диктатура пролетариата.

Маркс и Энгельс — Коммунистический манифест.

Маркс — 18 брюмера Луи-Бонапарта.

Маркс — Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.

Энгельс — Крестьянская война в Германии.

Энгельс — Введение к «гражданской войне во Франции».

Ленин — Собрание сочинений, т. XI. Марксизм и ревизионизм.

Ленин. Собрание сочинений, т. XIII (целиком).

Ленин — Собрание сочинений, т. XIV (целиком).

Ленин — Собрание сочинений, т. XV. Ст. Пролетарская революция и ренегат Каутский. О демократии и диктатуре.

Ленин — Собрание сочинений, т. XVI. Выборы в Учред. собр. и диктатура пролетариата. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

Ленин — Собрание сочинений, т. XVIII. Ст. О значении золота теперь и после полной победы социализма. К 4-летней годовщине Октябрьской революции.

Ленинский сборник, т. III. План брошюры о диктатуре пролетариата, о нашей революции.

Сталин — Вопросы ленинизма.

3. Аграрно-крестьянский вопрос.

Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

Ленин — Развитие капитализма в России.

Ленин — Собрание сочинений, т. IX.

Ленин — Пролетарская революция и ренегат Каутский.

Ленин — Тезисы, статьи и речи. Речь на IV с'езде партии по аграрному вопросу. Речь на VIII с'езде партии о работе в деревне. Речь на X с'езде о продналоге. Тезисы по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтерна.

Ленин — Доклад на собрании секретарей московских ячеек о продналоге. Лучше меньше — да лучше. О кооперации.

Ленинские сборники. Дискуссия об аграрной программе перед II с'ездом. Конспект брошюры о продналоге.

Ленин — Собрание сочинений, т. XXIII, изд. 3-е. Союз рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами.

Сталин — Вопросы ленинизма. Статьи и речи по крестьянскому вопросу. О трех лозунгах по отношению к крестьянству (ответ Янскому). О правой опасности в ВКП(б) — речь на пленуме МК.

Сталин — Речь на конференции аграрников-марксистов.

Молотов — Доклад к XV с'езду ВКП(б).

Бухарин — Политическое завещание Ленина (для критики).

4. Две концепции буржуазно-демократической революции.

Ленин — Две тактики.

Ленин — Аграрная программа русской социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.

Ленин — Собрание сочинений, т. XI. О природе русской революции. К оценке русской революции. Цель борьбы пролетариата в нашей революции. Крестьянская реформа. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.

Ленин — О революции 1905 г. Речь перед швейцарской молодежью.

Ленин — Письмо Степанову-Скворцову, т. XX, изд. 3-е.

Ленинский сборник, т. V, разд. IV.

Протоколы IV с'езда.

Каменев — Между двумя революциями.

Плеханов — Собрание сочинений, т. XV. Дневник № 4 и 5. Письмо о тактике и бестактности.

Мартынов — Две диктатуры. Сборник «Общественное движение в России», т. I.

5. Проблема социалистического строительства.

Ленин — Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2-я. Кризис назрел, т. XXII, изд. 3-е. Речь о национализации банков на заседании ВЦИК. Как организовать соревнования. Очередные задачи советской власти (и «первоначальный набросок»), т. XVI. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Великий почин, т. XVII. Речи на IX с'езде. О концессиях, т. XVIII. О продналоге. О значении золота. О кооперации. Речь на III Всероссийском с'езде профсоюзов.

Сталин — Доклад на XIV с'езде партии. Об индустриализации страны и правом уклоне.

Протоколы XV с'езда партии и XVI партконференции.

Доклады Сталина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева на XVI с'езде партии и резолюции с'езда.

Дополнительно для естественников всех специальностей.

М. Планк — Физические очерки, первые две статьи. Гиз.

Светборг — Материя.

Тимирязев — Исторический метод в биологии.

Для физиков, химиков и других специальностей точного естествознания.

М. Планк — Физические очерки, Гиз.

М. Планк — Физическая закономерность.

Смолуховский — О понятии случайности и происхождении законов вероятности в физике (для химиков необязательно).

Иордан — Статистика и вероятность (ст. 2, 3, 4 в журн. «Успехи физических наук» за 1926, 1927, 1928 гг. (для химиков необязательно).

М. Планк — От относительного к абсолютному (ст. в журн.: «ПЗМ» за 1925 год).

«Философия науки», сборник. Физика. Ч. 1, 2, под ред. А. Тимирязева, Гиз.

Сведборг — Вырождение энергии.

Брагг — О природе вещей.

Для биологов и медиков.

Дриш — Витализм, его история и система.

Леб — Организм как целое. Гиз, «Современные проблемы естествознания».

Павлов — Двадцатилетний опыт. «Философия науки», сборник. Биология, ред. Завадовского.

К. Тимирязев — Ч. Дарвин и его учение.

Б. Фишер — Витализм и патология (для биологов необязательно).

Знакомство с марксистской периодической литературой, в частности с материалом, публикуемым в журнале «Под знаменем марксизма» и «Естествознание и марксизм».

Уполномоченный Главлита № В—786. Тираж 18200 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

Опечатки,

вкравшиеся в № 10—12 «Под знаменем марксизма» за 1930 г.

Напечатано:	Следует читать:
Стр. 12, стр. 1—поправки	практики
Стр. 98, абз. 3, стр. 9—редко противоположные	резко противоположные
Стр. 109, стр. 12—корней социализма	корней капитализма.

Стр. 148, абз. 3 снизу, стр. 2-ю следует читать—«мости складываются в результате борьбы спроса и предложения, то вульгар—...»

Стр. 295, выпал конец примечания—«то же относится и к цитатам из Эйнштейна».

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3 журнала «Под знаменем марксизма».